ISSN 0130-6545

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

[7] 2012

«ЖЕЛАНИЙ СВОЕВОЛЬНЫЙ РОЙ»

ЭРОТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ. XV–XXI ВВ.

Основан в 1955 году

Во французской литературе эротическая тема формируется в эпоху Возрождения, хотя и в XII веке, в литературе куртуазной, у Кретьена де Труа, к примеру, или в "Романе о розе", встречаются описания не только утонченно-духовных, но и вполне плотских любовных утех. Испокон веков Эрос являлся искрой, вдыхающей жизнь в неодушевленную материю и дарящей радость в ненадежном и опасном мире, где свирепствуют национальные, социальные, религиозные распри.

В течение столетий в этой области хозяйничали мужчины, а к редким женщинам, рисковавшим писать о любовной страсти, относились настороженно. Впрочем, когда эротическая тема была признана непотребной, то и мужчины стали подвергаться за нее преследованиям. Поэтов, сочинявших непристойные вирши, сажали в тюрьму и даже приговаривали к смертной казни, как Теофиля де Вио. И то сказать, в выражениях они не стеснялись; так сформировалась литература обсценная, а главную ответственность за ее появление возложили на Лафонтена, сочинителя скандальных "Аморальных историй".

Но времена меняются, и в XX веке эротикой "балуются" многие литераторы, от Аполлинера до Жоржа Батая. Однако классиком жанра единодушно признан Пьер Луис со своей блистательной мистификацией "Песни Билитис" (некоторые из этих стихотворений положил на музыку Дебюсси) и другими весьма смелыми произведениями. Что касается женщин, тут происходит настоящий прорыв (особенно после мая 68-го, принесшего долгожданную свободу нравов). Возникает целый пласт женской эротической литературы, представительницы которой блещут в Париже: Колетт, Рашильд; в 50-е годы умы будоражит Полин Реаж; в наше время — Анни Эрно, Катрин Мийе, Франсуаза Ре, Виржини Депант, Мари Дарьёсек, Мари Нимье... Все сплошь интеллектуалки, ученые дамы, утонченные эстетки. Французские литературоведы с уверенностью предрекают: "За женщинами будущее эротической литературы".

Так что в обществе на эротику по-прежнему спрос. Несмотря на то, что написаны уже тонны, несмотря на расширенные возможности телефона, интернета, кинематографа и, наконец, медицины (не говоря уже о живописи и скульптуре — традиционных областях, где эротика издавна узаконена), даже серьезные авторы нет-нет да сочинят что-нибудь "про это". Вот ведь как велика потребность вербализации эротических переживаний. Тем более интересно проследить это

явление на примере французской литературы, ведь Франция традиционно считается страной изощренной эротики.

Попутно возникает вопрос: как разграничить эротику и порнографию? Об этом рассуждали многие. Для одних "эротика — это то, что со мной, порнография — то, что с другими". А кто-то применяет эстетический принцип: если красиво — то это эротика, грубо и отвратительно — порнография. На самом деле рубеж проходит через культуру и менталитет нации, через языковую традицию и сознание людей. Для французов эта грань очень гибка и подвижна, они гораздо лояльней относятся к выбору лексики и к тому, что именно описывается в тексте. Для более сдержанных и, может быть, зажатых северных (и не только) народов даже десятая доля этих вольностей просто немыслима.

То же и в языке. Ведь русский язык крайне целомудрен, и, если переводить на русский то, что по-французски звучит вполне литературно, получится вопиющая нецензурщина. Именно сложности перевода эротических сцен, изобилующих в наши дни в литературе, и привлекли наше внимание. Переводчику неизбежно приходится лавировать, что называется, "между матом и медициной". Как, к примеру, именовать, не прибегая к перифразу, мужские стати? Можно следовать по пути, проторенному величайшим русским поэтом, а до него узаконенному Барковым, — правда, тогда текст неизбежно превращается в набор отточий. Но есть и другая возможность: тут надо учиться у Набокова — не занижать, а завышать стиль.

Мы постарались представить в этом номере наиболее известных авторов, "хорошо" зарекомендовавших себя в "большой" литературе или оставивших яркий след в истории и потому имеющих право на некоторые отступления от строгой морали. Вошли в номер не только произведения французов, но и бельгийцев, швейцарцев и канадцев, писавших на эротическую тему столь же интересно и "столь же" по-французски.

Мария Аннинская,
составитель номера

Издание осуществлено в рамках Программы содействия издательскому делу при поддержке Французского института.

Cet ouvrage a bénéficié du soutien des Programmes d'aide à la publication de l'Institut français.

Programme Pouchkine

[7]
2012

Ежемесячный литературно-художественный журнал

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

“Желаний своевольный рой” Эротическая литература на французском языке XV—XXI вв.

“В ласках неги сокровенной...” (Пьер де Ронсар)

5 Жан Молине *Два стихотворения.* Перевод Владимира Елистратова

8 Клеман Маро *Упрямка-грудь.* Перевод Натальи Шаховской

10 Пьер де Ронсар *Два стихотворения.* Перевод Натальи Шаховской, Михаила Яснова

“Страсть — единственный оратор, чьи доводы всегда убедительны” (Франсуа де Ларошфуко)

12 Жан де Лафонтен *Два стихотворения.* Перевод Татьяны Чугуновой

20 Жак-Антуан де Реверони Сен-Сир *Паулиска, или Новейшая развращенность.* Отрывки из романа. Перевод Елены Морозовой

42 Жан-Франсуа де Бастид *Маленький домик.* Рассказ. Перевод Екатерины Дмитриевой

62 Граф Мирабо *Рассказы.* Перевод Натальи Мавлевич

71 Андреа де Нерсиа *Мимолетное любопытство.* Пьеса. Перевод Елены Морозовой

84 Ретиф де Ла Бретонн *Порнограф, или Мнения порядочного человека о составлении нового устава для публичных женщин.* Роман в письмах. Перевод Веры Мильчиной

“Все прелести обещанного рая...” (Поль Верлен)

129 Маркиза Анриэтта де Маннури д’Экто *Кузины полковницы.* Фрагменты романа. Перевод Аси Петровой

149 Поль Верлен *Стихи из сборника “Параллельно”.* Перевод Михаила Яснова

155 Теофиль Готье *Сокровенный музей.* Перевод Михаила Яснова

162 Пьер-Жан Беранже *Три стихотворения.* Перевод Марины Бородицкой

“Лишь извращенные умы видят в наготе извращение” (Жан-Клод Болонь)

166 Пьер Луис *Учебник хороших манер для маленьких девочек.* Перевод Марии Аннинской

172 Колетт *Три эссе.* Перевод Татьяны Чугуновой, Марии Аннинской

“Лишь если волю я даю желанью...” (Луиза Лабэ)

190 Борис Виан *Свобода.* Перевод Марии Аннинской

192 Жорж Брассенс *Моя душечка.* Песня. Перевод Марка Фрейдкина

© “Иностранная литература”, 2012

“Но черт сидит в тебе с изнанки” (Поль Верлен)

194 Паскаль Лене *А ничего и не было.* Рассказ. Перевод Елены Головиной

208 Кристиан Либенс *Вкус Маризы.* Новелла. Перевод Марии Аннинской

212 Каролина Ламарш *Ночью и днем.* Отрывки из романа. Перевод Нины Хотинской

223 Алина Рейес *Мясник.* Отрывки из романа. Перевод Марии Аннинской

235 Пьеретта Мишлу *Стихи из сборника “Она, одетая в ничто”.* Перевод Ирины Волевич

“Совершенно свободно говорить о самых непристойных явлениях...” (Жан-Клод Болонь)

238 Жанина Массар *Хильдерик и Кати в одной лодке.* Рассказ. Перевод Ирины Волевич

246 Дороте Жанен *Моя мама.* Рассказ. Перевод Александры Васильковой

“Пошли мне, ночь, спасительную ложь” (Луиза Лабэ)

250 Вильфрид Н’Зонде *Сердце сынов леопарда.* Отрывки из романа. Перевод Сергея Райского

255 Элиза Брюн *Неровное дыхание.* Рассказ. Перевод Александры Васильковой

“...Воображенье в минуту дорисует остальное” (А. С. Пушкин)

257 Ася Петрова *Французский эротический роман. Некоторые особенности жанра*

267 Борис Виан *О пользе эротической литературы.* Перевод Марии Аннинской

273 Кристиан Либенс *Поэтика секса, или Вот что я об этом знаю, дорогой Борис.* Перевод Марии Аннинской

276 Надин Бисмют *Секс в жизни писателя.* Перевод Людмилы Пружанской

Переводчики номера

284

© “Иностранная литература”, 2012

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

До 1943 г. журнал выходил под названиями "Вестник иностранной литературы", "Литература мировой революции", "Интернациональная литература". С 1955 года — "Иностранная литература".

Главный редактор

А. Я. Ливергант

Редакционная коллегия:

Л. Н. Васильева

Т. А. Ильинская
ответственный секретарь

Т. Я. Казавчинская

К. Я. Старосельская

Общественный редакционный совет:

Л. Г. Беспалова
А. Г. Битов
Н. А. Богомолова
Е. А. Бунимович
Т. Д. Венедиктова
Е. Ю. Гениева
А. А. Генис
В. П. Голышев
Ю. П. Гусев
Г. М. Дашевский
Б. В. Дубин
С. Н. Зенкин
Вяч. Вс. Иванов
А. В. Михеев
М. Л. Рудницкий
М. Л. Салганик
И. С. Смирнов
Е. М. Солонович
Б. Н. Хлебников
Г. Ш. Чхартишвили

Международный совет:

Ван Мэн
Криста Вольф
Януш Гловацкий
Гюнтер Грасс
Милан Кундера
Зигфрид Ленц
Ананта Мурти
Кэндзабуро Оэ
Роберт Чандлер
Умберто Эко

Редакция :

Т. А. Баскакова
С. М. Гандлевский
Е. Д. Кузнецова
Е. М. Мамардашвили
Ю. Д. Романова
М. С. Соколова
Л. Г. Харлап

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Жан Молине
Два стихотворения

Перевод Владимира Елистратова

Жан Молине [Jean Molinet; 1435–1507] – музыкант, композитор, поэт и хроникер герцогского бургундского двора. Считался одним из величайших поэтов своего времени, создателем бургундской школы поэзии; прославился еще и тем, что переложил на прозу "Роман о Розе". На его могиле начертано "Овидий XV века". Прежде чем овдоветь, получить религиозное образование и принять священнический сан, Молине написал большое число "фривольных" стихов и поэм.

Письмо к Бонне Эрсен

Ах, Боннет, цветок, милашка,
Здесь на днях услышал я,
Что решили стать монашкой
Вы, голубушка моя.

Монастырь найти нетрудно:
Есть Денен или Макур,
Но все ждет вас славный, чудный
Муж из рода Рашенкур.

Обо всем вам муж расскажет
И, обняв за нежный стан,
Обязательно покажет
Заповедный свой фонтан.

© Владимир Елистратов. Перевод, 2012

Тот фонтан волшебный, Бонна,
Наподобие гриба
По ночам он, как колонна,
Вырастает... до пупа.

А для будущих монашек
Ничего полезней нет.
Дай вам Бог детей-милашек
И удачи вам, Боннет!

Фигурная баллада

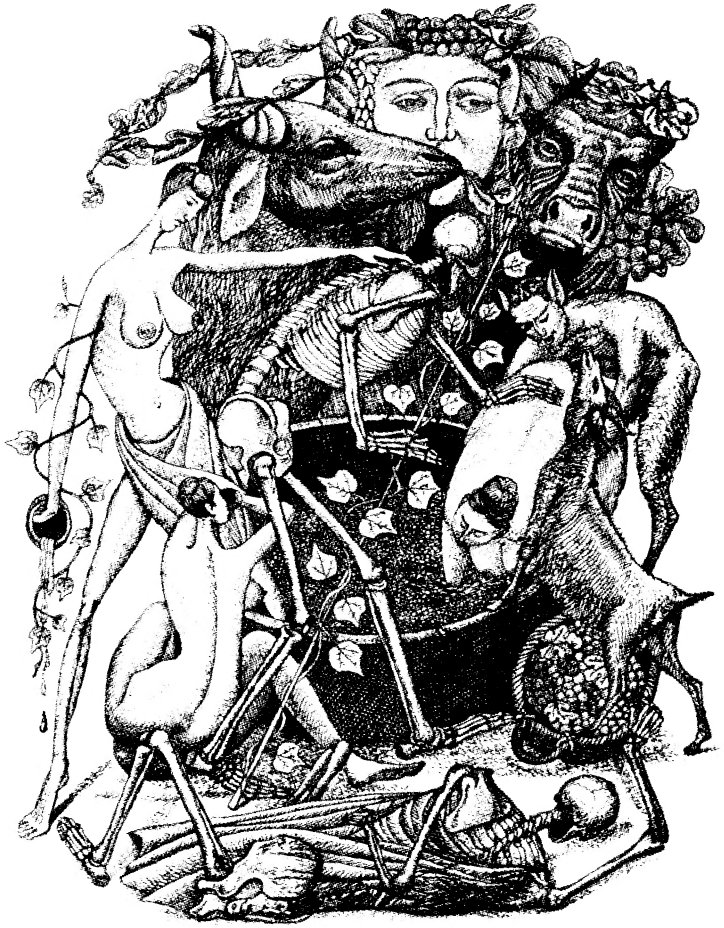
Ригу раз Марго открыла,
Чтобы Робина впустить.
Тут же Робин что есть силы
Стал овес ей молотить.
Бил до ночи — чок да чок! —
Толстым цепом мужичок.
Говорит ему хозяйка:
"А теперь, дружок, давай-ка
Мы над тазиком с соломой
Погрызем орешки дома".

Мужичка Марго не жалко:
У него большая палка.
Взяв за горло мужичка —
Тресь несчастному тычка!

"Гран мерси, — сказал ей Робин. —
Если надо, я способен
В благодарность за тычок
Вбить вам в задницу сучок". —
"Ну так что ж, — Марго сказала, —
Я вам тазик показала.
Будьте, Робин, молодцом:
Было б нам совсем неплохо,
Коль поели б мы гороха
Прям над тазиком с сенцом".
Ветеран Великих Оргий,
Робин, как святой Георгий,
Устремился смело в бой.
И, начистив упряжь даме
Тем, что прятал меж ногами,
Горд остался сам собой.
Чуя вражеское рвенье,

Отдала на разоренье
Маргарита все места,
Говоря: “Паши, вояка,
От Кале да Салиньяка,
От Николы до поста.

Если чаще ты над тазом
Будешь лить в соломку пот —
Победишь в турнирах разом
Всех сеньоров и господ!”



Клеман Маро

У прямка-грудь

Перевод Натальи Шаховской

Клеман Маро [Clément Marot; 1496–1544] – поэт эпохи Ренессанса, состоял на службе у Маргариты Наваррской, носил титул придворного поэта при Франциске I. В период гонения на протестантов был заточен в тюрьму, потом отправлен в изгнание. Автор боевых песен гугенотов. Противник религиозного фанатизма, он боролся за свободу и достоинство личности, был литературным новатором, оказал большое влияние на поэзию XVI–XVIII веков. Поэтическое наследие его разнообразно – от посланий в духе античности до сатиры и любовной лирики.

Перевод публикуемых стихов выполнен по изданию "Les classiques de la littérature amoureuse" [Paris: Omnibus, 1996].

У прямка-грудь

Грудь беленькая, как яичко,
Грудь, врозь торчащая с сестричкой,
Грудь левая, милашка-грудь,
Бывало ль краше что-нибудь?
Грудь шелковистая, белее
И белой розы, и лилеи,
Тверда, как тверд и крутобок
Слоновой кости кругляшок.

© Наталья Шаховская. Перевод, 2012

Венчает вишенка тот купол:
Ее не видел и не щупал
Никто, но вот порукой честь —
Я знаю, что она там есть.
Итак, у грудки кончик алый;
Ту грудь не вынудит, пожалуй,
Ходить вверх-вниз, туда-сюда
Ни бег, ни тряская езда.
Грудь, предстающая персоной
Едва ли не одушевленной!
Тебя увидеть стоит раз —
И руки чешутся тотчас
Коснуться, взять тебя в ладонь...
Но разум говорит: не тронь!
Откроешь путь одним касаньем
И не таким еще желаньям.
О грудь в соку, кругла, бела,
Не велика и не мала,
Грудь, что взывает день и ночь:
Скорее замуж, мне невмочь!
Грудь, что, вздымаясь, как прилив,
Едва не разрывает лиф!
Счастливым будет человеком
Тот, чрез кого, налившись млеком,
Девичья грудь, обрящешь ты
Всю цельность женской красоты.

Пьер де Ронсар

Два стихотворения

Перевод Натальи Шаховской, Михаила Яснова

Пьер де Ронсар [*Pierre de Ronsard; 1524–1585*] – *"принц среди поэтов и поэт на службе у принцев", основатель и глава Плеяды, преобразователь французской поэзии, определивший ее путь на два последующих столетия, в юности был пажом сыновей Франциска I. Он готовился к дипломатической карьере, но тяжелая болезнь, приведшая к глухоте, помешала его замыслам. В 1543 году Ронсар принял духовный сан, не позволивший ему в дальнейшем жениться. В 1556 году стал придворным каноником, а в 1560-м – придворным поэтом Карла IX. Эпикуреец по мировосприятию, бóльшую часть своей лирики Ронсар посвятил воспеванию любви и любимой (которая воплотилась в трех женщинах: Кассандре, Марии и Елене). Помимо невинных радостей любви он восторженно воспевал и плотские утехи.*

Перевод публикуемых стихов выполнен по изданию "Les classiques de la littérature amoureuse" [*Paris: Omnibus, 1996*].

Миф о пещере

Хвала тебе, о аленькая прорезь,
Мерцающая в гнездышке своем!
Хвала тебе, о в счастие проем,
Мою отныне утоливший горесть!

© Наталья Шаховская. Перевод, 2012
© Михаил Яснов. Перевод, 2012

Теперь с крылатым лучником не ссорюсь,
Что был моим жестоким палачом:
Мне власть его почти что нипочем,
Раз ночью я опять к тебе пристроюсь.

О прелесть-дырочка, опушена
Кудряшками нежнейшего руна,
Ты и строптивца превратишь в овечку;

И все любовники перед тобой
Должны б колени преклонять с мольбой,
Зажав в кулак пылающую свечку.

Перевод Натальи Шаховской

Сонет

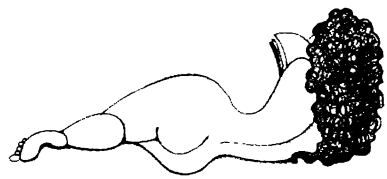
О мой ланцет — порою нежно-алый,
Порой вовсю таранящий копьем;
Чуть тронь — и опалишь таким огнем,
Что лишь во сне готов пылать, пожалуй;

Ты сладостный ликер — до капли малой —
Смакуешь в исступлении своем
С той, что готова ночью пить и днем
Забвенье этой страсти небывалой;

Воспрянь и не жалей своих щедрот,
Я только полпути прошел, и вот
Усталый, кротко жду теперь, покуда

Смогу войти в сокрытый прежде рай,
Где мы вдвойне познаем, так и знай,
Не только чудо — предвкушенье чуда!

Перевод Михаила Яснова



Жан де Лафонтен

Два стихотворения

Перевод Татьяны Чугуновой

Жан де Лафонтен [Jean de La Fontaine; 1621–1695] – выходец из провинциальной буржуазной среды, состоял на государственной службе в должности хранителя вод и лесов, благодаря чему был принят при дворе. Под свое крыло его взял Никола Фуке, суперинтендант короля, а после падения Фуке герцогиня Орлеанская. В Париже Лафонтен сблизился с кружком молодых литераторов – "рыцарей круглого стола", сочинял пьесы и басни. Однако его эстетические воззрения самостоятельны, в частности, взгляд на традиции Возрождения и на проблемы языка. Появившиеся в 1665 году эротические "Истории и новеллы в стихах" ["Contes et nouvelles en vers"] имели оглушительный успех, но отсрочили его прием во Французскую академию. В предисловиях, предпосланных первым выпускам "Историй и новелл в стихах", Лафонтен постулирует верность примеру писателей Возрождения, приверженность естественности и "прелести старого языка". Он считает, что красота исполнена неуловимой, не поддающейся измерению сущности, а следовательно, в стихосложении допустимы вольности. Источники сюжетов "Историй и новелл" – рассказчики всех времен и народов, причем автор и не думает скрывать этого и даже указывает, у кого позаимствован тот или иной сюжет. По поводу размера, которым они написаны, Лафонтен говорит: "Автор счел, что неправильный, нерегуляр-

© Татьяна Чугунова. Перевод, 2012

ный стих, весьма схожий с прозой, наилучшим образом подходит для задуманного им". А вот что говорит он по поводу языка: "Старинный язык обладает бóльшим изяществом, нежели современный, когда речь идет о создании вещей такого рода". Секрет, как понравиться читателю, не всегда состоит в том, чтобы все было складно да ладно, нужно подпустить пикантного, приятного. Сколько уж видели мы этих правильных красот, которые никого не трогают и в которые никто не влюбляется!"

Перевод публикуемых стихов выполнен по изданию "J. de La Fontaine. Contes et nouvelles en vers". En 2 vol. [Paris: Jean de Bonnot, 1982].

Очки

К чему испытывать читателей терпенье
И все монашек поминать в стихах?
Давно уж дал зарок направить вдохновенье
В иное русло: сей сюжет навяз в зубах.
Ну что заладил, будто на амвоне:
Апостольник, обет да пост!
Уж Муза ропщет, рвется прочь, на волю.
И верно, меру перешел. Ответ мой прост:
Хочу, чтоб и затворницы-монашки
Сполна вкусили радости любви.
Готов для вас я осветить, мои бедняжки,
Предмет со всех сторон. Однако ж вы
Поймите и меня: он столь неистощим,
Что — случай редкий в опыте словесном —
Кто из собратьев по перу ни занялся бы им,
Ему не преуспеть. Притом, известно,
Возьмись за дело я, пожалуй, все решат:
То неспроста, мол, к юности привычкам
До старости все тянется душа.
Ну, словом, точкам и кавычкам
Вручаю я себя. Вступлению конец.

Однажды к молодым монашенкам пришлец,
Как волк в овчарню, под шумок пробрался.
Еще брады не стриг — пятнадцать-то годков.
Колеттою назвался.
Похоже, времени он даром не терял.
Сестру Агнессу так уестествлял,
Что вскорости ей ряса сделалась мала,
Раздалась талия, а там уж к лету
И разрешилася от бремени она.
Лицом дитя — в сестру Колетту.

Аббатство словно подожгли,
такой переполох поднялся!
И перетолкам счету нет,
им лишь ленивый не предался.
“Занéсть нам споры ветер мог во время оно,
А нынче, вишь, и столбик шампиньона
Возрос, каких здесь прежде не бывало,
Дождем ведь почву напитало”, —
Судить-рядить промеж себя взялись девицы.
Отбилися от рук подвижницы-сестрицы:
Ни дать ни взять батальная картина,
Хоть страшным гневом пышет приорина:
“Так осквернили Божий дом! Что скажут выше!?
И кто отец? Как он проник? Как вышел?
Решетки, башенки, запоры.
Несет привратница недремные дозоры”.
Агнессу тотчас под замок: грозит ей наказанье.
“Призвать к ответу!” Но кого? Назначено дознанье.
А может, кто-то из девиц и вовсе не девица
И волк сумел к овцам обманом подселиться?
“А ну раздеться всем!” Сейчас узнают!
И лже-овца уж в западне — вот-вот поймают.
“Загонщиков на ловле не избегнуть сети.
Сидеть тебе, мой дорогой, в тюремной клети”, —
Так будоражит ум мать хитрости — опасность.
И юноша перевязал *его*. Внести бы ясность...

Тьфу пропасть! Где найти словцо, чтоб кратко, емко,
Назвать нам то, что между ног носил отец ребенка?
Древнейши люди, между тем, окно имели,
Чтоб лекарям верней читать болезни в теле.
Но в сердце форточку носить — прошу уволить!
И мог ли женский пол себе сие позволить?
Природа-матушка умна, обоих пожалела
И два равной длины шнура для них предусмотрела.
Чтоб женщины зияние прикрыть,
Пришлось концы связать потуже
И гладко их заделать. Видно, прыть
Ее тому виной, да и неверность мужу.
А вот мужчину в том не обвинишь,
И с ним природа просчиталась:
Ему б поменее шнура, глядишь...
Конца б и не осталось.
Так каждому из двух полов свое досталось.
Надеюсь, разъясненье дать сумел,
И каждый из читателей уразумел,
Что именно перевязал с испугу наш юнец.
Ну да, вот этот именно конец,
Оставленный, как видно, про запас
Природой щедрою. Не утаю от вас:
Смекнув немного, он *его* приладил ловко,
Как у другого пола, лишь осталась щелка.
Однако что ты ни возьми — пеньки иль шелка,
В узде уймешь едва ли долго,
Коль рвется что-то с силою пружины.
Подать велю для опыта дружины
Хоть ангелов, а хоть святых отцов,
И выстроить всех этих молодцов
Напротив двух на десяти девиц,
Во всеоружье прелестей юниц,
Которыми природа наделила,
А ко всему еще в чем мать роди́ла.
А я же погляжу и в самом деле
Сочту то поведенье ненормальным,
При коем не увижу измененье в теле,
Позыв навстречу прелестям повальный.
Те прелести доступны глазу в Новом свете,
А в Старом наготы не прячут разве дети.
Подслеповатая, но ушлая старушка
Серьезно к делу подошла и водрузила
Очки на нос. Колетта-дружка
В шеренгу встала, и такая сила
В шеренге дев внезапно объявилась,
Что грациям трем легендарным и не снилась.

Все в них: и перси наливные,
И маковки, венчающие их,
И очеса, и беломраморные выи,
И жар местечек потайных
Взывало: и сработал механизм!
Покуда матушка рассматривала низ
Колетты, с силой тетивы рожок
На волю вырвался: не усидел дружок.
(Скакун срывается так с недоуздка,
Там рвется, где излишне узко.)
И по оправе бац! Она и отлетела,
Еще спасибо, приорина уцелела.
Не сладко ей. Юнца меж тем связали
И в руки пожилых святош предали.
Они его схватили — и во двор.
Да все то время, что свой приговор
Почтеннейший капитул выносил,
Виновный рвался. Выбившись из сил,
Застыл он, повернувшись к древу носом,
Спиной к толпе. Самой уж этой позой
Предрешено, казалось, наказанье,
Но тут судьба — наперсница повесы —
Вдруг приложила все свои старанья,
Мучительниц убрав, сняв роковы завесы:
Одну отправила по кельям загонять
На жалость падку молодежь,
Другую — в арсенал, дабы набрать
Плетей, бичей. — "Знай, нас не проведешь,
Поставлены дела на ять!"
А третью — ту засовы проверять.

Об эту пору в монастырь въезжает мельник
На муле. Местных вдов и молодиц
Гроза, но добрый малый, не бездельник,
Игрок в шары и кегли сносный.
Увидев пару голых ягодиц,
От изумления детина рослый
Перекрестился и воскликнул: "Вишь ты!
Святой живьем! А хоть и так! (Нелишне
Спросить, что бедный парень натворил?
Неужто же с монашкой согрешил?)
Чем дольше на тебя гляжу,
Тем больше по себе сужу:
Доподлинно, что ты сестриц угодник,
Хоть молод, а уж точно греховодник". —
"Увы, напротив, — пострелёнок отвечал. —
Напрасно о любви меня молили.

Всему внимал я и молчал,
Покуда розог мне не присудили.
Я что кремень, такое оскорбленье
Нанесть не в силах я невестам во Христе,
Хоть сам король проси, хоть на кресте
Распни — противу совести я не пойду".
"Что ж, дуй и дальше ты в свою дуду.
Ты, видно, не в себе иль дурачина.
Вот наш кюре, тот был бы молодчина...
Ей-бо, пригоден, как ничей другой,
Мой организм к повинности такой.
Меняемся, мне не нужна пощада.
Пусть сотнями идут, — клянусь, награда
Ждет всех. Не подвела б мошонка", —
Смеется мельник, убежден, что тонко
Вкруг пальца обведен зеленый сей юнец.
И что ж — прикручен к древу удалец.
А юноша, свободен от оков,
С ним распрощался, да и был таков.
И вот, могуч, в плечах косая сажень,
Мужские стати распустив, детина ражий
Монашек ждет-пождет, усладу предвкушая.
Тут эскадрон нагрянул, с флангов окружая,
Пошел в атаку без предупрежденья,
И ну плетьми вбивать свое внушенье.
А мельник им: "Сударыни мои!
Ошиблись вы, постой же, не лупи.
Я не заклятый ненавистник жен,
Что от трудов отлынивал. Не он!
Опробуйте меня, и я, кудесник,
Вам докажу: отличный я наместник
Под небом вашего-то жениха.
Как и кюре, не вижу в том греха.
Коль лгу — пусть поразит падучая.
А вот к кнуту, увы, я не приучен".
"Что там бормочет деревенский обалдуй? —
Вскричала вдруг беззубая невеста. —
Преступник где? Ату его! Ату!
Пришли снаряженными до зубов,
А он не тот? Явился на чужое место?
Так получай сполна за грешную любовь".
И ну давай его чем попадя тузить.
Живот спасая, мельник взялся разъяснить:
"Извольте моего вы естества отведать,
Чтобы о рае вам поведать,
Сударыни, все сделаю я в лучшем виде,
Не будете, ручаюсь вам, в обиде".

Но в ярость впал старушек легион
И не на жизнь, а на́ смерть бьется он...

Тем временем мул беззаботности предался,
На зелени лужка и прыгал, и катался.
Однако, долго ли резвилася скотинка
И крепко ли прошлась по мельнику дубинка,
Вам не скажу. Меня то не заботит,
Лишь дальше все от темы нас уводит.
Бьюсь об заклад: затворницей прелестной
Не соблазнить читателей моих,
Коль участь мукомола им известна.

Колечко Ганса Карвеля

Ганс Карвель на склоне лет
В жены взял девицу,
А впридачу столько бед,
Что впору удавиться.
Вот ведь правило какое:
Где одно, там и другое.

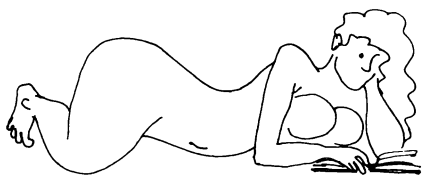
Гансу нет Бабо́ милей,
Имя славное у ней!
И приданое богато —
Дочь байи[1] ведь Конкордата.
Только очень егозлива,
Чем супруга разозлила.
Испугался, что с рогами:
То-то людям будет смех!
Да еще вперед ногами
Вынесут. Решил он грех
В собственной жене пресечь:
На Евангелья налечь,
Кавалеров гнать взашей,
Кокетству дать отпор,
Помолиться у мощей
И двери на запор.
Трудно справиться с плутовкой —
Чердачок у той хоть пуст,
Но охоча до рассказов,

1. Байи — лицо, исполняющее судейские обязанности по поручению феодального владельца. (*Прим. перев.*)

Был бы молод златоуст.
Приуныл наш бедный Ганс,
Дан ему последний шанс.
Как-то закусил он плотно,
В ход пошло винцо,
Захрапел и видит черта,
Тот сует кольцо:
“Угодил ты, брат, в беду,
Я ж тебя не подведу.
Жаль тебя, на вот, надень,
Да носи и ночь и день.
Но смотри же, не снимай,
Слушай черта да смекай:
Ты с кольцом покуда будешь,
Блуду не бывать,
Что страшит тебя, забудешь,
Мирно станешь спать
Да жену вперед стеречь”.

Я веду правдиву речь:
Так черт мужа догадал.
Ганса тут черед настал:
“Господин мой Сатана,
Милость ваша враз видна.
Пусть же щедрою десницей
Вам воздаст Господь сторицей”.
От такого сновиденья
Ганс очнулся в изумленье.
И, едва продрал глаза,
Глядь: под боком егоза,
Ну а палец — тот пострел
Кое-что заткнуть успел.

О, прошу вас, не смущайтесь,
Что́ заткнул он — догадайтесь.



Жак-Антуан де Реверони Сен-Сир

Паулиска, или Новейшая развращенность

Отрывки из романа

Перевод Елены Морозовой

Жак-Антуан де Реверони Сен-Сир [Jacques-Antoine de Révéroni Saint-Cyr; 1767–1829] вошел в историю литературы как "автор одного романа". "Паулиска" – единственное в своем роде синкретическое произведение, где можно отыскать ростки едва ли не всех основных жанров массовой литературы: и триллера, и детектива, и фантастики, и криминального романа. Сочинение, неоднократно переиздававшееся в период Директории, впоследствии было надолго и незаслуженно забыто, равно как и его автор, скончавшийся в лечебнице для умалишенных. Несколько десятилетий назад французские литературоведы реабилитировали "Паулиску", определив роман как важный этап в становлении развлекательных литературных жанров, долгое время традиционно считавшихся "низкими". Читая "Паулиску", нельзя не вспомнить о "Жюстине" маркиза де Сада, о "Консуэло" Жорж Санд, о ранних произведениях Гюго, Бальзака или А. де Виньи.

Перевод публикуемого текста выполнен по изданию "J.-A. de Révéroni Saint-Cyr. Pauliska ou la Perversité moderne" [Paris: Editions Payot&Rivages, 2001].

Спасаясь от наступления казаков, молодая вдова графиня Паулиска вместе с малолетним сыном Эдвински и своим возлюбленным Эрнестом бежит из Польши; судьба разлучает ее с сыном, затем с возлюбленным; после множества невероятных приключений герои воссоединяются, и Паулиска сочетается браком с Эрнестом. Странствия графини Паулиски, выстроенные по канонам просветительского романа, представлены как серия эпизодов, объединенных общими героями, действующими в основном в декорациях готического романа. Пародийная линия произведения связана с Эрнестом, чьи приключения изложены в виде вставного рассказа.

...Бежав из Варшавы от наступающих отрядов русских казаков, графиня Паулиска, волею судьбы разлученная с сыном, прибывает в замок химика-маньяка барона Ольница.

© Елена Морозова. Перевод, 2012

ДОРОГА до Уста превратилась в сплошную череду страданий; бóльшую часть времени я провела без сознания, а потому даже не заметила, как очутилась в карете барона. Слезы застили мне глаза, сердце томилось от горя. Изнуренная, я наконец заснула, но вскоре ощутила острую боль в руке. Вздрогнув, я моментально проснулась. Из ранки на запястье сочилась кровь. "У вас случился сильнейший нервный припадок, и как я ни старался удержать вас, вы впились зубами в собственную руку", — холодно произнес господин Ольниц, и глаза его сверкнули странным блеском; но тогда я не придала этому значения. Мысль о том, что я больше никогда не увижу Эрнеста, удручала меня безмерно; так мы добрались до замка Ольниц.

Я чувствовала себя настолько слабой, что меня под руки отвели в приготовленные для меня апартаменты. Вечером явился барон; он был совершенно спокоен и в изысканных выражениях заверил меня в своей искренней дружбе.

Я окончательно пала духом, мне ничего не хотелось, и никакие развлечения меня не прельщали. Всю неделю я пребывала в глубокой апатии, и, хотя барон ежевечерне наносил мне визиты, мое состояние очевидно раздражало его; удалялся он всегда внезапно, но я, предаваясь исключительно размышлениям своим, никогда не интересовалась причинами его стремительного исчезновения. Однажды вечером мадам Жербоски, перевязывая мне рану, все еще дававшую о себе знать, ласково посмотрела на меня и, закрепляя повязку, взволнованно прошептала, глядя на мою руку: "Какая жалость!" Удивившись, я тотчас попросила объяснить, что она хотела сказать; вместо ответа она принялась тревожно озираться; загадочное выражение лица ее напугало меня; заметив, с каким ужасом смотрит она на голову Медузы, нарисованную над зеркалом, я испугалась еще больше, особенно когда Жербоски еле слышно произнесла: "Тихо! Нас подслушивают... в полночь! Я вернусь". По ее встревоженному лицу я поняла,

что она сдержит обещание; уходя, она показала мне свою руку, сплошь покрытую шрамами; я содрогнулась. Она ушла, а я, охваченная ужасом, рухнула в кресло.

Едва пробило полночь, я увидела, как зеркало над камином поднялось, и в темном углублении появилась закутанная в вуаль женщина с потайным фонарем в руках; ступив сначала на каминную полку, она спустилась на стул, а со стула на пол. Я затрепетала, но, узнав мадам Жербоски, успокоилась; зеркало опустилось, а гостья, казавшаяся не менее взволнованной, чем я, села, чтобы перевести дух; я хотела задать вопрос, но она тотчас зажала мне рот рукой и знаком велела хранить молчание.

Достав листок бумаги, она со всяческими предосторожностями протянула его мне, и я прочла:

Ни слова, молчите. Прежде в этой комнате жила покойная баронесса, здесь за вами наблюдают со всех сторон. Через отдушины все звуки отсюда долетают до ушей барона. Молчание!

Дрожа от страха, я затаила дыхание...

Знайте, барон — отвратительный маньяк, атеист, непревзойденный знаток химии, безумный естествоиспытатель, он производит опыты над несчастными женщинами, неосмотрительно ему доверившимися. Не верьте его заманчивым речам, опасайтесь воздействия его магнетических сил, но пуще всего остерегайтесь приготовленных им химических составов. Самые невероятные тайны ведомы ему... Трепещите!..

Содрогаясь всем телом, я бросилась к ногам доброй мадам Жербоски, умоляя ее поведать мне больше, но она с ужасом оттолкнула меня и, прижав к губам моим платок, подхватила фонарь и удалилась тем же путем, подняв с помощью известного ей тайного устройства зеркало. Когда, наконец, страх покинул меня, на смену ему явилось отчаяние, и, вцепившись в шнур звонка, я изо всех сил дернула его... Каково же было мое изумление, когда вместо колокольчика, на звуки которого должны сбегаться слуги, я услышала за деревянной обшивкой глухой рокот, напоминавший громовые раскаты, и увидела, как под воздействием потайных механизмов на окна опустились решетки, зеркало поднялось, и, весь в черном, появился барон... Тут я поняла, что, согласившись поехать к Ольницу, я сама позволила себя пленить. "Пора покончить с притворством, — произнес сей странный человек, спускаясь на пол и садясь рядом со мной. — Если бы вы доверились мне и, внимая голосу разума, восприняли взгляды мои, если бы вместе со мной пожелали проникнуть в святая святых природы, я бы предоставил вам свободу. Однако воспылав нелепой страстью к школяру, вы насквозь пропитались нелепыми

предрассудками, губительными как для высших знаний, так и для небесных наслаждений, к коим я намерен вас приобщить. Поэтому вам суждено страдать до тех пор, пока я не удостоверюсь, что у вас нет иных желаний, кроме как принять посвящение и участвовать в наших сакральных таинствах".

Состояние мое оставляло желать лучшего, но мой загадочный мучитель по-прежнему сохранял присущее ему хладнокровие, и ни жалобы мои, ни слезы нисколько его не трогали. Отчаяние придало мне сил, я закричала, и только тогда он сделал вид, что готов помочь мне: "Вы можете потерять сознание, — невозмутимо произнес он, — *скорей понюхайте эту соль*". Вспомнив слова мадам Жербоски, я с ужасом оттолкнула флакон; однако стоило мне ощутить дурноту, как я, опасаясь лишиться чувств, забыла о предупреждении и вдохнула незнакомый мне аромат. Результат не замедлил сказаться: горло мне обожгло словно огнем, и я не могла издать ни звука; барон же, видимо, намеренно причинив мне страдания, довольно усмехался. "Какой образчик! Какой прекрасный материал для моих опытов! — воскликнул он, глядя на меня... — Какая кровь! Какая тонкая кожа! Какое удовольствие привить этой женщине любовь и страсти! — Я вздрогнула от такого кощунства. — А в остальном, не тревожьтесь, о вас станут заботиться, у вас будет все — кроме свободы; впрочем, вскоре вы сами от нее откажетесь. Магнетизм лишит вас сил, жизнь ваша превратится в игру воображения, и материальное существование перестанет вас интересовать. Сегодня вечером я пришлю вам рукописи, дабы вы смогли подготовить ум свой к постижению высоких научных истин, о которых нам с вами предстоит беседовать".

<..>

Перед тем как удалиться, барон к великому моему изумлению взял меня за руку, легонько укусил в предплечье, срезал прядь волос и, почтительно заверив меня в своей любви, унес добытые им трофеи, оставив меня в совершеннейшей растерянности.

Часа два я сидела в полнейшем оцепенении; неожиданно раздалось легкое поскрипывание: я встрепенулась и увидела, как обрамлявшие камин пилястры, отъехали в сторону, а из глубины выдвинулись две черные полочки, на одной из которых была сервирована изысканная с виду легкая трапеза, а на другой лежали две рукописи. Схватив устрашающие фолианты, я увидела, что буквы в них начертаны красным... Я содрогнулась. Но любопытство оказалось сильнее страха, и я углубилась в чтение. Среди множества отвратительных сентенций внимание мое привлек один абзац:

Любовь — это бешенство, ее можно привить, как прививают бешенство — посредством укуса. На полях же было написано: (Диета)

Обугленные косточки горлиц, камфара и змеиная кожа. (Манипуляции) Многократные укусы.

"Итак, мне предлагается уверовать, что мир материален, — с негодованием воскликнула я, — а добродетели, дарования, все, что возбуждает душу, — всего лишь иллюзия..." Продолжая возмущенно перелистывать страницы, я наткнулась на странный рецепт:

Так как любовь является физическим слиянием двух индивидов, для единения тел необходимо дать соответствующий импульс атомам. Произведите раздражение фибров посредством воздействия на них пепла от волос и ресниц производящего опыт. Процесс всасывания пепла порами кожи дополнить втиранием оного пепла в кожу. Производящий опыт изготовляет напиток из собственного дыхания, превращенного в жидкость.

Теперь в доставленных мне блюдах я видела исключительно вредоносные зелья и разрушительные яды и ничего не рискнула попробовать. Несчастная! Моя гибель от истощения, видимо, входила в планы барона. Тогда, назло ему, я решилась проглотить несколько ложечек риса; рис показался мне вкусным, и я опустошила всю плошку, оставив на дне лишь какую-то кислую субстанцию, поразившую меня своим запахом. Пока я размышляла, стоит ли мне ее пробовать, из мрака вылетела записочка, извещавшая меня, что на дне лежат "яйца муравьев с острова Ява, страшный яд послушания. Не ешьте!" Стоило мне положить записку на прежнее место, как она моментально исчезла; однако в промелькнувшей во мраке фигуре я успела узнать добрую мадам Жербоски, а потому немедленно отодвинула гадкий соус. Неожиданно вошел барон, и меня словно громом поразило. Бросив взгляд на пустую плошку, он удовлетворенно улыбнулся, сел подле меня и сказал: "Вы ознакомились с моей теорией, и я тешу себя надеждой, что, когда вы глубже ее изучите, вы поймете, что она пребывает в гармонии с природой и свободна от той чепухи и иллюзий, коими прельщают вас с самого детства. Да, сударыня, все имеет физическое начало. Прибегнув в урочное время к моему искусству, самый безобразный мужчина сможет одержать победу даже над Лукрецией. Достаточно лишь дополнить природу и научиться производить впечатление, кое она производит на противоположный пол. Не следует забывать, что понятие красоты условно: в каждой стране оно свое, но и негритянка, и англичанка равно воспламеняются при виде представителей иного пола. В сущности, задача моей методы — искусственным образом возбудить вожделение; пробудите вожделение — и вы пробудите любовь. Именно это я и сделал: эликсир Венеры уже струится в ваших венах".

С ужасом я отпрянула от него, но он удержал меня и, прижав к моей груди ладонь, густо посыпанную белым порошком, принялся его втирать, иначе говоря магнетизировать меня. Внезапно я утратила способность двигаться. Тогда он взял меня за руки и повторил свою речь. Когда яд подействовал, я ощутила, как в сердце мое закрадывается волнение, а по всему телу распространяется несказанный жар... Ах, как низко я пала! Кажется, я позволила себе бросить нежный взор в сторону этого негодяя; он же, нисколько не удивленный успехом своим, улыбнулся и еще ближе придвинулся ко мне. "Возбуждение нарастает, ваше чело пылает, — шептал он. — Флюиды, исходящие от порошка, возбуждают ваше воображение, и я уверен, что вы грезите только о любви. Но сам я пока намерен сохранять спокойствие".

Столь неожиданная дерзость помогла мне взять себя в руки; издав исступленный крик, я попыталась вырваться из его объятий. Тогда барон бесстыдно положил руку мне на грудь, и вновь неизъяснимое волнение повергло меня в истому, описать которую я не в силах. О, какой позор! Какое унижение рода человеческого! Увы, приходится признать, объятия барона показались мне необычайно приятными, прошлое мгновенно забылось, и я погрузилась в сладострастные мечты, в которых престарелый уродливый барон предстал передо мной в волшебном ореоле красоты и очарования юности! Казалось, Ольниц наслаждался, ловя мои взгляды, столь отличные от тех, кои я бросала в его сторону накануне; затем, похотливо обозрев мою грудь, он отвел глаза и произнес: "Я не хочу быть обязанным исключительно исступлению вашему; завтра мы снова увидимся. Сейчас мне надо успокоиться. Поэтому я лишь высосу холод из ваших прелестных ножек". Не дав мне опомниться, он сдернул с меня чулок, прижался губами к ноге моей и, осыпая сверху донизу поцелуями, неожиданно алчно впился в нее зубами, скусив, однако, всего лишь небольшой кусочек кожи. С непередаваемым восторгом он поместил свою добычу в маленький золотой кубок с тонкими стенками, поднес кубок к огню спиртовки и, дождавшись когда кусочек обуглится, проглотил его. "Долой предрассудок! — хладнокровно изрек он, обращаясь ко мне. — Артемисия[1] выпила пепел своего супруга, и у вас ее поступок вызывает восхищение. Следуя ее примеру, я отождествляю себя с вами и таким образом усиливаю ваше влечение. Ваши же страхи

1. Артемисия III Карийская (умерла в 350 г. до н. э.) — греческая царица, сестра и жена Мавсола; скорбя по умершему супругу, подмешивала себе в питье его прах, чем довела себя до смерти. (*Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, – прим. перев.*)

порождены смехотворными софизмами, принятыми на веру простонародьем и забавляющими философов".

Когда умопомрачение мое прошло, я ощутила такую сильную боль, что она заглушила все иные чувства. Заметив мои страдания, барон перевязал мне ранку и, предупредив о новом приливе страсти, которая, как подсказывало мне чувство, нисколько не утихла, удалился.

Оставшись наконец одна, я тщательно осмотрела всю комнату и даже попыталась расшатать решетки на окнах; тотчас отдушина в обшивке стены открылась, из нее дохнуло жаром, и раздался голос: "Напрасные усилия! За тобой наблюдают!" Неудача сломила меня; я без сил рухнула в кресло.

<...>

В полдень явился барон и как всегда осыпал меня заверениями в своем почтении и уважении. Затем он сел рядом со мной и сказал: "Вчера вы получили возможность удостовериться, что единственным возбудителем любви является физическое влечение..." Эти слова напомнили мне о злоключениях моих и о жестокости барона. Я постаралась отодвинуться от него, но он удержал меня и, вытащив из кармана коробочку с магнетическим порошком, натер мне лоб. Внезапно возмущение мое прошло, и я ощутила готовность подчиниться чужой воле. "Я мог бы злоупотребить вашей вчерашней расположенностью ко мне, — продолжал барон, — но не в моих привычках торопить наслаждение. Я не хочу, чтобы любовь ваша свелась к обострению приступов вожделения. Я жажду видеть радость при своем появлении, хочу быть уверенным, что вы ждете встречи со мной; но такого рода чувства, безусловно, зависят от диеты. Мне надобно передать вам всю свою любовь, и взять от вас частичку вашей обходительности и холодности. Между нами должно установиться равновесие. Я не стану прибегать к переливанию крови, такая операция испугает ваш пока еще слабый ум; к тому же я создал несколько более изобретательных и менее устрашающих способов, с помощью которых можно привить не только вожделение, но и качества, именуемые вами нравственными, ибо, подобно вожделению, они также являются не чем иным, как прихотливым сочетанием физических свойств, кои можно изменять по своему усмотрению. Приступим же к прививке".

Завершив свою речь, он достал из секретера золотую тарелочку, ланцет и на глазах моих отсек кусочек собственной кожи; затем отрезал у себя прядь волос и вместе с клочком кожи положил на золотое блюдце и стал нагревать его на спиртовке. Когда содержимое блюдечка обратилось в порошок, он сбрызнул его несколькими каплями собственного дыхания; по его словам, он изобрел способ, как превратить дыхание в жидкость; результат эксперимента хранился во флаконе с притер-

той пробкой. Сделав из полученной смеси примочку, он подошел ко мне, наклонился и стал снимать с меня туфли. Уверенная, что если я выдам свой ужас, то барон прибегнет к насилию, я изо всех сил старалась сохранять хладнокровие. Закрыв руками глаза, дабы не видеть сего оскорбительного зрелища, я позволила снять с себя чулок и повязку. Наложив примочку на место укуса, барон старательно собрал вытекшую из ранки лимфу и, тщательно пропитав ею ленту, тотчас перевязал этой лентой нанесенную себе рану. Таковы были прививка и варварский способ обмена флюидами, изобретенные фантазией барона для достижения своих гнусных целей. Впрочем, пока непосредственным результатом его манипуляций явились лишь негодование мое и возмущение. "Теперь можете без страха есть любую пищу, которую вам доставят, — промолвил барон. — Прививки вполне достаточно; но не смейте снимать повязку! Малейшее непослушание, и мне придется использовать более сильнодействующие лекарства".

"Негодяй! — воскликнула я, изнуренная его экспериментами. — Есть сотни преступников, которые не сочли бы твои опыты злодеяниями. Почему именно я, несчастная мать, единственная опора невинного дитяти, вызвала ярость твою? Как могу я воспринять порочные взгляды твои, если в душе питаю к тебе лишь отвращение?" — "Она злится! Значит, диета оказалась излишне щадящей", — холодно заметил барон и, повернувшись ко мне, произнес: "Благоразумие, коим вы пытаетесь от меня защититься, равно как и отвращение ваше, напротив, побуждают меня совершенствоваться в своем искусстве и наполняют сердце неизъяснимой радостью. Преодоление сильнейшего морального сопротивления единственно средствами физики, а главное, посредством дыхания, превращенного в жидкость, капли которой вы получаете каждый день, свидетельствуют о торжестве моего метода". От этих слов мне сделалось дурно... "Прочтите отрывок, где изложена моя метода, и вы поймете, как действует изобретенная мною жидкость". Я отшвырнула рукопись; барон молча удалился.

Проплакав целый час, я к стыду своему решила полюбопытствовать, на чем основан чудовищный метод барона[1], и изумилась, обнаружив в нем немало верных наблюдений.

Цепочка флюидов обладает огромной протяженностью, в конце ее находится материя, именуемая *небесным воздухом*, этот воздух составляет главную прелесть жизни и основу наслаждений. Присутствие сего воздуха доказано способностью наслаждаться, равно

1. Это абсурдное и варварское учение придумано сообществом, недавно обосновавшимся в Турине. Поэтому мы настоятельно просим дам пропустить следующий абзац. (*Прим. автора.*)

как наличие *жизненного воздуха* подтверждается его необходимостью для жизни живых существ. Как можно без небесного воздуха объяснить впечатление, производимое на нас дыханием любимого существа, чудеса любви и ощущение наслаждения?.. Если любовь содержится только в мыслях, предмет любви не может о ней догадываться, следовательно, она не произведет на него никакого впечатления. Но когда я адресую предмету сему слова нежности, в нем тотчас рождается чувство наслаждения, ибо небесный воздух, выдыхаемый мною вместе со звуками пропорционален нежности высказанных мною слов, и он в изобилии наполняет слушающего и опьяняет его своей божественной сущностью. Когда же мы целуем предмет нашей любви, сердце наше полнится вожделением, божественный воздух выходит оттуда во всей своей чистоте, сладострастно блуждает по обожаемым устам и наполняет тела обоих любовников. От отсутствия небесного воздуха проистекает упадок духа, длящийся до тех пор, пока не восстановится равновесие между всеми флюидами. Небесный воздух неподвластен химическим процессам и не может быть собран; газ же, выдыхаемый человеком, является не чем иным, как смесью небесного воздуха с дыханием каждого индивида, его можно собрать, сгустить и превратить в жидкость, употребление которой произведет обмен флюидов, а следовательно, породит вожделение в предмете нашей любви...

Я прекратила чтение. Передо мной со всей ясностью предстал кошмарный замысел барона. Я вспомнила флакон с жидким дыханием сего развратника, и мне немедленно почудилось, что он дышит где-то рядом; волна отчаяния захлестнула меня. Когда настал час обеда, пилястры снова уступили место полочкам, уставленным всевозможными блюдами; но гнев заглушил во мне чувство голода. Видимо, барон пожелал успокоить меня, ибо из отдушины донесся шепот: "Эти блюда сулят перемены". Тогда, сама не зная почему, я решила тоже произвести эксперимент и с жадностью съела все. Тем более что физические и моральные страдания последних дней, ввергнувшие меня в неизбывное отчаяние, пробудили во мне зверский голод. После обеда я почувствовала себя лучше: мысли утратили присущую им мрачность. Я предалась воспоминаниям об Эрнесте; картины, проплывавшие тогда перед моим взором, заставляют меня краснеть до сих пор. Позабыв, что Эрнест сейчас далеко, я полностью отдалась на волю воображения, рисовавшего мне божественное лицо его, его обворожительную фигуру. Мой сладострастный взор блуждал по равнинам Польши; мои руки нетерпеливо искали юного героя, кумира всех смертных женщин. Перед глазами представал то сын Улисса, то сам Адонис, но все они ускользали от меня, и я, околдованная, изнывая от томительного желания, устремляла свою волнующуюся грудь навстречу предмету моего вожделения.

Два дня я провела в любовной истоме; без сомнения, это были самые долгие дни в моей жизни! Исступление нарастало столь неуловимо, что я не только стала доверять блюдам, которые мне присылали, но даже забыла о своем дорогом сыне. На третий день явился барон. Я едва узнала его. Он выглядел молодо и источал очарование; белокурый пудреный парик с искусно уложенными буклями скрывал его морщинистые щеки, костюм являл саму элегантность. Легкой быстрой походкой он приблизился ко мне и, грациозно склонившись к ногам моим, с нежностью взял мою руку и прижал ее к сердцу. Затем, сняв с моей ноги повязку и увидев затянувшийся шрам, он радостно вскрикнул и принялся покрывать обнаженную ногу поцелуями вплоть до самого колена... Я пребывала в таком упоительном восторге, что воспоминание о нем до сих пор заставляет меня краснеть. Взор мой мысленно блуждал по телу Эрнеста, кровь закипала; результат был налицо: охваченная вожделением, не слыша самое себя, я шептала слова любви... Но предназначались они не барону... Нет, ему не удалось победить меня; несмотря на все свои яды, это чудовище по-прежнему вызывало у меня отвращение!.. Ты, Эрнест, и только ты приворожил меня, постигнув тайное искусство, знанием коего хвастался негодяй-барон.

Не в состоянии пошевелить ни рукой, ни ногой, я долго не могла прийти в себя, хотя слышала все, что говорил Ольниц. Когда же я наконец приоткрыла глаза, то увидела, как он, сидя за столом, пишет, размышляя вслух:

Первый шаг. Обмен осуществился; два поцелуя, по контрасту с укусами.

Второй шаг. На четвертый день сделана прививка, вызвавшая любовную лихорадку; успешное воздействие дыхания, превращенного в жидкость. Полное исступление. Я мог восторжествовать, но по собственной воле прервал эксперимент.

При этих словах я задрожала от радости. Значит, он не успел унизить меня, воскликнула я про себя. Тут меня одолели мрачные мысли, и я, бросившись к его ногам, принялась осыпать упреками моего мучителя. Тот же, схватив перо, быстро записал:

Третий шаг. Устранить затянувшееся раскаяние. Ослабить воображение. Заглушить воспоминания, дабы преобладало вожделение.

"Так значит, ты хочешь уничтожить меня, негодяй!" — гневно воскликнула я, набрасываясь на него с кулаками. Но он хладнокровно оттолкнул меня, и я упала в кресло, подлокотники которого по велению невидимых рычагов немедленно повернулись, превратившись в преграду, не позволявшую мне встать.

Хотя барон исчез стремительней, чем обычно, я заметила, как во взоре его промелькнуло недовольство: то ли он ожидал более быстрых результатов своих дьявольских экспериментов, то ли был поглощен новым, неведомым мне адским замыслом.

Шесть долгих часов провела я в коварном кресле. Ближе к полуночи зеркало над камином тихо приподнялось, и во мраке я увидала потайной фонарь и женскую фигуру: это была добрая мадам Жербоски. Безмолвно спустившись на пол, она нажала невидимый мне рычаг кресла, подлокотники выпустили меня, и ночная гостья знаками объяснила, что пришла меня спасти, и мне надобно следовать за ней. Дрожа от страха, я колебалась, не зная, как поступить; наконец, я решилась. Едва я ступила в темный проход, как из отдушины в стене раздался зловещий голос: "Я вижу вас, коварная!" Ноги у меня подкосились, я чуть не упала. "Ничего не бойтесь, он видит сон", — схватив меня за руку, быстро успокоила меня мадам Жербоски. — Этот человек никогда не спит, но вчера, намереваясь осуществить очередные дьявольские манипуляции, жертвой которых предстояло стать вам, он принял какое-то зелье и заснул — быть может, навсегда. Приехал врач, момент нам благоприятствует, бежим..."

<...>

Когда мы подошли к входным дверям, нас окликнул швейцар: "Кто идет?" Добрая Жербоски назвала имя врача; двери приоткрылись, я выскользнула из дома и очутилась на улице.

* * *

...Эрнест, возлюбленный графини Паулиски, попадает в плен к феминисткам, поклонницам аббата Спаланцани.

ТАК как в госпитале, куда меня поместили, находились в основном выздоравливающие, нам разрешалось самостоятельно гулять по окрестностям. И там со мной произошла невероятная история, кою я и намерен вам рассказать, если вы удостоите меня своим вниманием.

Совершая прогулки по саду, я несколько раз замечал высокую женщину с закрытым вуалью лицом: казалось, она внимательно наблюдала за мной. Я не понимал, чем моя бледная физиономия и отощавший вид могли вызвать столь неослабный интерес. Как-то раз, снедаемый любопытством, я проследил за этой женщиной и увидел, как она направилась в прекрасный с виду парк, посреди которого высился внушительных размеров готический замок. Побуждаемый все тем же любопытством, я, следуя за моей ускользающей незнакомкой, каждый день подходил к парку все ближе и ближе: незнакомка весьма искусно увлекала меня за собой. Когда же я осмелился войти в ворота, она сделала вид, что не заметила этого. Но стоило мне очутиться в парке и немного пройти по дорожке, как ворота за мной за-

хлопнулись, словно от порыва ветра. Я хотел повернуть назад, но тут зашелестела листва, и десятка два женщин, самой старшей из которых еще не исполнилось и двадцати пяти, окружили меня, схватили и связали.

Полагаю, я еще не полностью оправился от контузии, ибо даже предположить не мог, насколько эти немки сильны; заблуждения мои рассеялись, когда они опутали меня веревками с макушки до пяток. Заткнув мне рот платком, они на руках понесли меня в замок. Наверное, из-за того что сразу после поимки мне завязали глаза, мне показалось, что путь занял никак не меньше часа. Когда наконец с глаз моих удосужились снять повязку, я огляделся и с изумлением обнаружил, что сижу в железной клетке, на розовых шелковых подушечках, устилавших пол. Рядом, по обе стороны, стояли точно такие же клетки с разными животными, коих, впрочем, подушечек не удостоили. На моей клетке висела табличка с единственным словом: *мужчина.* Слева компанию мне составляла очаровательная зеленая мартышка, а справа сидел попугай, который при виде меня распустил веером хвост, видимо, желая похвастаться перед новым товарищем.

Решив, что у меня помутился рассудок, я на всякий случай ощупал себя; окинув взором обширное помещение, я увидел похитительниц своих: они сидели вокруг большого стола, покрытого зеленым сукном. В центре зала располагалась кафедра; за ней стояла моя коварная незнакомка и, видимо, собираясь держать речь, разворачивала свиток; речь она действительно произнесла, однако весьма странную:

Сестры мои, с тех пор как вы примкнули к сообществу *мужененавистниц,* вы занимались теоретическим изучением моральных и физических пороков, присущих животному, именуемому *мужчиной.* Настала пора соединить мудрые наставления по защите себя от означенного животного с практическими занятиями, дабы вы составили о нем собственное впечатление и, закалив душу, встречались с ним в обществе, уже не опасаясь попасть под его влияние. Зная, сколь посредственными способностями обладает сей вид, вы не сможете не признать, что мужская порода совершенно выродилась и особи ее недостойны соединять судьбу свою с нашей. Особи мужского пола должны утратить свое господство, ибо оно захвачено неправедным путем. Они лживы в политике, непостоянны в любви, неверны в дружбе. Они не заслужили даже того обхождения, коего некогда удостоили их амазонки, а потому обязаны ценить ту честь, кою мы иногда оказываем им, с презрением используя их ради единственной цели — не дать угаснуть самой умной расе; однако даже способность к воспроизводству они сумели обратить в порок. Из наших отделений в Берлине, Петербурге, Неаполе и Мадриде сообщают, что тамошние неофитки постановили не

поддерживать никаких связей с этими особями, до тех пор пока сообщество окончательно не решит, какого рода плотское сношение можно себе позволить, не роняя собственного достоинства.

Однако с грустью скажу вам, что в нашем отделении в Париже не только допускают предосудительное промедление и не разрывают связей с мужчинами, но еще и направляют нам доклад о разнообразии этих связей. Ах, сестры мои! Послушать их — так лучше оставить все как есть, сохранить status quo. Но что, скажите мне, так привлекает француженок в этом жалком порождении природы? За исключением нежного цвета кожи, обладающей, по-моему, изрядной привлекательностью, формы мужчины значительно менее соблазнительны, нежели формы многих животных, почитаемых стоящими ниже его. Воспользовавшись благоприятными обстоятельствами, я раздобыла нам образец мужчины, отличающийся, на мой взгляд, необычайной для этого вида красотой.

Услышав эти слова, я счел должным поклониться, поблагодарив таким образом собрание за лестную оценку; в ту же минуту секретарь, схватив объемный сосуд, плеснула мне в лицо розовой водой; от изумления я проглотил половину жидкости. Едва не захлебнувшись от неожиданного наказания, я запротестовал, но в лицо мне снова плеснули водой. Мартышка радостно оскалила зубы, а попугай расхохотался; в этом зверинце я, похоже, оказался самым глупым животным.

Обессилев, я сел на пол; наставница же, храня важный вид и глядя на ни разу не улыбнувшихся слушательниц, продолжила нить своих рассуждений:

Сестры мои, вы должны относиться к мужчине не просто равнодушно, но с отвращением, должны презирать его нелепую анатомию. Чтобы пробудить в себе отвращение к мужчине, необходимо также изучить его моральные качества. Среди его недостатков на первом месте стоит себялюбие, и вы только что смогли в этом убедиться на примере имеющегося здесь животного, которому мы заведомо польстили.

"Себялюбие! — воскликнул я. — Ах, сударыни, что вы такое говорите!" Очередной стакан воды вынудил меня умолкнуть; лица слушательниц оставались серьезны и сосредоточены.

К наиболее распространенным порокам мужчин принадлежат также хитрость и коварство. Вы видите, как субъект сей, уступив силе, юлит, разыгрывает кротость и покорность, однако в сердце его клокочет ярость; но, если сбить с него спесь, основанную на так называемом превосходстве мужского гения, останутся слабость, вожделение и грубые животные инстинкты. Самой старшей из наших сестер двадцать пять лет; полагаю — и вы в этом поклялись — вы все являетесь девственницами...

Подскочив от радости, я едва не воскликнул: *неужели?*

До сих пор вы наблюдали за мужчиной, так сказать, издалека, не пытаясь исследовать его; пришла пора заключительных испытаний, коим подвергают всех членов нашего сообщества; для личностей заурядных они непосильны, но вы доказали свое хладнокровие и чистоту, а потому с честью преодолеете все искусы.

Засим заседание завершилось, а участницы его разбрелись по залу; мне показалось, что многие издалека бросали в мою сторону презрительные взоры. Оправившись от пережитого потрясения, я стал ломать голову, пытаясь понять причины возникновения столь странного сообщества. Пока я предавался горьким размышлениям, две ученицы с корзиной подошли к моей клетке и молча поставили в лоток предназначенный мне обед. "Сударыни, — воскликнул я, — во имя совершенства вашего, окажите мне любезность и скажите... — Nichts, nichts, — ответили они, с силой захлопывая дверцу; иных слов от моих хорошеньких, но безжалостных немок я не добился. Голод терзал меня, я устремился к корзинке, но открыв ее, испустил разочарованный стон, ибо нашел там только овощи и молоко. На фарфоровом кувшине начертанные золотыми буквами сверкали стихи:

Мужчины считают себя идеалом,
Сжирая ягненка, что руки лизал им.
Отторгнем злодея от пищи животной,
Вернем *человека* природе вольготной[1].

Вот загадка и разъяснилась, печально подумал я, опустошив чашу с молоком и со вздохом принимаясь за огурцы со сметаной. По крайней мере, утешусь добрым винцом, решил я, потянувшись к приятных размеров бутылке, оплетенной соломой; увы, в ней оказался чуть-чуть подкисленный сладкий напиток. Развернув прицепленную к бутылке бумажку, я прочел очередную дамскую сентенцию:

Сколь многим мужланам от Мекки до Чили
лишь брага и опий подспорием были.
Но Музам претит пафос хмеля и мака,
лишь лавром венчают они забияку.

Оскорбленный подобной дерзостью я решил, что, несмотря на пост, который мне придется держать, в урочный час я

1. Здесь и далее перевод стихов выполнен И. Белавиным.

докажу, что настоящий мужчина никогда не теряет ни силы, ни мужества; однако до наступления благоприятного момента придется скрывать свои намерения.

На рассвете дверь в зал отворилась, и вошли члены сообщества, облаченные в белые балахоны, напоминавшие одеяния кающихся братьев. Сквозь вуаль, не позволявшую разглядеть черты лица, блестели глаза, и только рост и ножки свидетельствовали об изяществе их владелиц. Чуть поодаль шла юная мизогинка, божественную фигуру которой не могла скрыть даже свободная одежда. Голову ее украшали венки из роз и жасмина, шею — гирлянды, сплетенные из этих же цветов; следом за неофиткой шествовала, нагруженная фолиантами, вчерашняя сестра-наставница. Все заняли свои места, юная неофитка устроилась рядом, и председательница начала речь:

Сестры мои, сегодня у нас радостный день: мы принимаем в наши ряды новую сторонницу нашего учения, а также начинаем исследовать субъекта из отвратительной породы мужчин. (Она указала на меня, но на этот раз я не стал кланяться.) Нирсе (так звали кандидатку на вступление в сообщество мизогинок), — продолжала она, — убедившись в испорченности мужских особей, пришла к нам, чтобы мы просветили ее, как надобно держать себя с субъектами сей породы. Ей довелось успешно пройти с нами самые суровые испытания, и теперь, вступив в ряды наши, она навсегда избавит разум от влияния чувств.

До сих пор при изучении мужских особей мы использовали только манекены, но даже с помощью таких несовершенных пособий мы сумели привить вам презрение к мужчинам. Сегодня представленный здесь образец послужит нам не только для наблюдений за нравственностью, но и для демонстрации физических свойств. Получив таким образом более полное представление об умственных и физических способностях мужчины, мы сможем проследить, как зарождается вожделение, и вы убедитесь, что у мужчины оно возникает исключительно при виде противоположного пола, а отнюдь не в результате чувств, берущих начало в душе его, как пытаются внушить нам авторы нелепых любовных романов. Имея возможность наблюдать за пробуждением мужских страстей, разумеется, тех, что не представляют опасности, вы удостоверитесь, что в основе их всегда лежит себялюбие. Подойдите, прекрасная Нирсе, и пусть цепь, связующая вас с развращенной породой мужчин, разорвется навсегда — как я разрываю ее символ...

С этими словами она сорвала с новообращенной венок и гирлянды, отбросила в сторону ветви жасмина, и, пока мизогинки яростно попирали их ногами, вернула девице розы, и та прижала их к сердцу. "Общество, — произнесла председательница, — присоединяет к этому дару еще три рукописи: одна называется 'Моральное и физическое несовершенство

мужчин', вторая — 'Злодеяния любовников', третья — 'Свод наслаждений мужененавистницы'. Бережно храните эти сочинения, плоды деятельности сообщества и опытов, произведенных во всех отделениях наших. Последний труд является наиглавнейшим, ибо, когда вы осмыслите все, что в нем изложено, душа ваша в порыве безграничного восторга вознесется в Элизиум, коего мы сумели достичь. Сейчас мы приступим к исследованиям физических свойств объекта, а затем, убедившись, что они теснейшим образом связаны с его моральными качествами, мы опытным путем придем к тем же выводам, к которым я пришла умозрительно".

И вот, поигрывая указкой, председательница подошла ко мне и, ткнув меня в бок, заставила встать: так обычно пробуждают животное, именуемое *ленивцем*, когда к клетке его подходят посетители зверинца, дабы поглазеть на него. Я громко возмутился, но председательница, уколов меня золотой иглой, скрытой в кончике ее указки, изрекла: "Сестры мои, обратите внимание, каким гневом пылает этот взгляд, как он далек от совершенства наших взоров! В этих глазах нет ни капли присущей нам кротости! Разве могут женщины так яриться, разве бывает у нас столь кровожадный взор? Никогда! Вот она, последняя степень вырождения!"

Персона моя со всех сторон подверглась безжалостной критике. Когда дошли до груди, председательница сказала: "Смотрите, сестры мои, этому животному не свойственны ни красота форм, ни изящество движений. Возьмем, к примеру, грудную клетку. Сама природа смеется над ним, даруя ему сие жалкое подобие груди! Бессмысленная и бесформенная, эта часть тела мужчины заслуживает лишь иронической усмешки. Давайте сравним наглядно..." При этих словах все мужененавистницы с непередаваемым хладнокровием обнажили свои округлые сокровища, совершенство которых не поддавалось описанию. При виде таких красот зрение у меня помутилось, а восхищение мое не имело предела.

"Вот видите, — сурово продолжала председательница, указывая на меня, — вожделение вытесняет у мужчин все прочие чувства. Он не видит наших лиц, ибо они сокрыты вуалями, он никогда не питал привязанности ни к одной из нас, однако его жадный взор отражает вожделение, охватившее все его естество, и лучше любых слов свидетельствует о бесстыдстве сей особи. Сестры, постигшие эти великие истины, хранят спокойствие и безмолвие, ибо они с полным основанием презирают всех животных из породы мужчин. Так убедитесь же обоюдно в спокойствии своем".

После этих слов мужененавистницы прижали руки к груди друг друга и засвидетельствовали, что в их сердцах царит величайшее умиротворение. "Я уверена, — промолвила предсе-

дательница, — что прекрасная Нирсе также не ощущает пробуждения чувств". И, пощупав у неофитки пульс, она приложила руку к ее груди. "Сердце бьется быстро, — сообщила председательница, — а значит, ей еще надо учиться сохранять хладнокровие; но, полагаю, после нескольких уроков она станет столь же бесстрастной, как и все мы. Пока же поручим ей зарисовать все части тела образца, какие мы успели рассмотреть на сегодняшнем собрании: так она скорее привыкнет к грубому зрелищу". Вуали снова опустились, скрыв от меня множество восхитительных лиц. Нирсе приставили к мольберту, и, зачитав депеши, присланные из заграничных отделений, члены сообщества удалились, оставив прекрасную неофитку делать зарисовки с натуры.

И вот, полуобнаженный, я остался один на один с черноокой красавицей, которой, по моим подсчетам, было не более шестнадцати лет. Не в силах побороть любопытства, вызванного необычайно взволнованным видом юной художницы, я вполголоса спросил ее, почему она прониклась неприязнью к той части человечества, коя, судя по внешности ее, должна была ее обожать. "Из-за вашего безразличия, сударь. Узнаете ли вы Юлию Мольсхайм? — отвечала она мне, приподнимая вуаль, чтобы я мог увидеть ее обворожительное личико. — Душа моя кристально чиста и чужда всяческому притворству, а потому чистосердечно вам признаюсь, что, когда я увидела вас в замке Мольсхайм, вы произвели на меня неизгладимое впечатление. Два дня, что пробыли вы в замке после ранения, лишили меня покоя. Вы же выказывали мне лишь недоверие, безразличие или презрение; а потом вы уехали, даже не взглянув на меня. Сраженная навеки в самое... (она прижала руку к сердцу) я подумала, что раз я не могу заинтересовать избранника своего сердца, лучше мне избегать любых отношений с мужчинами. Я узнала, что мою неприязнь к мужчинам разделяет фройляйн Фишер. Но она не сразу посвятила меня в таинства сообщества. Тщательно изучив причины, побудившие меня примкнуть к ним, меня подвергли всевозможным испытаниям, о коих умолчу. Когда же, наконец, меня приняли, приняли, для того чтобы возненавидеть вас, чтобы при встрече я бежала от вас как можно дальше, я снова встретила вас, и я по-прежнему люблю вас".

И на моих глазах она залилась слезами, карандаш выпал из пальцев ее, а грудь затрепетала от волнения. Напрасно Нирсе пыталась делать наброски, чтобы ее не застали врасплох; раз двадцать она начинала работу и столько же ее бросала. Успокоив девушку и напомнив, что нас могут услышать, мне удалось убедить ее в необходимости исполнить приказание: ведь если она сохранит доверие своих товарок, мы сможем вырваться на свободу.

При слове свобода кожа ее порозовела, и она быстро завершила набросок, показавшийся мне весьма лестным и безупречно исполненным. Явившаяся вскоре фройляйн Фишер с удовольствием отметила, что новенькая времени не теряла. Талант Нирсе, равно как и хладнокровие ее, снискали похвалы, и фройляйн увела ее, осыпая ласками.

Оставшись один, я задумался: а не была ли представшая передо мной картина хорошо разыгранным спектаклем? Вполне возможно, что, желая продемонстрировать ничтожность мужского самолюбия, мне подсунули очаровательную куклу, обучив ее нужным словам, а я доверчиво поддался на ее лесть. Тревога моя еще больше возросла, когда, увидев во вращающемся лотке своеобычные огурцы, я прочел надпись на блюде:

> Ему и жизнь не в жизнь, и все его неволит;
> и рад бы умереть, да гордость не позволит.

Зная, что меня предназначают для проведения экспериментов, я решил держаться настороже, и не верить ничему, пока не получу убедительных доказательств правдивости моей собеседницы. На следующий день рано утром мне вручили одеяние, напоминавшее римскую тогу, и, приказав снять с себя всю прочую одежду, надеть ее, уподобившись *Антиною* или *Камиллу*. Я почувствовал, что мне предстоит нелегкий день.

Лица входивших в зал мужененавистниц по-прежнему были скрыты вуалями; видимо, эта деталь костюма предназначалась как для церемонии посвящения, так и для проведения экспериментов, во время которых членам сообщества требовалось сохранять инкогнито. Я узнал прекрасную Нирсе по походке; она шла столь неуверенно и печально, что я немедленно догадался, что терпеливость моя будет подвергнута испытанию.

Заседание началось; фройляйн Фишер велела мне снять и отбросить в сторону тунику. Признаюсь, если бы не присутствие Нирсе, я бы с радостью исполнил ее приказ, суливший приятные развлечения, но сейчас мне было не до шуток. Как же высоко ценим мы невинность, какое сердечное волнение вызывает она у нас! Однако пришлось подчиниться: золотая игла напомнила мне о моем подчиненном положении. Отбросив античные одежды и сделав все, что требовала от меня стыдливость, я принял позу, наиболее выгодно подчеркивавшую мои достоинства.

Никакие вуали наших педанток не помешали мне увидеть, как зарделись их хорошенькие личики. Нирсе же и вовсе зажмурилась и не открывала свои прекрасные глаза на протяжении всего урока; ее высоко вздымавшаяся грудь, казалось, с возмущением отталкивала образ, тревоживший ум девушки. “Приятно видеть спокойствие, царящее в нашем сообществе при виде наготы, — удовлетворенно воскликнула фройляйн Фишер. — Ни-

кто нисколько не удивился и ни капли не смутился. Но это не невозмутимость художника, взирающего на обнаженного натурщика; это обдуманная философская сдержанность, присущая собранию мудрецов. Вот так, воспарив над материей, мы приближаемся к постижению высших знаний". Затем председательница возобновила глумление над анатомическими особенностями мужского тела. Ничего не обходя вниманием, она пускалась в нелепые рассуждения, желая доказать нашу посредственность. Наконец, добравшись до моих ног, она оказала мне честь, признав их необычайно красивыми для представителя моей породы; немедленно посыпались замечания, побудившие председательницу начать сравнительное исследование. Должен признаться, я был не готов к такому неожиданному повороту событий. Не открывая глаз, Нирсе дрожащей рукой приподняла полы своего хитона; сей прозрачный покров стыдливости скрывал поистине божественную ножку, совершенство коей вызвало всеобщее восхищение. "Насколько плавные контуры безупречных женских ног прекраснее сухопарых и мускулистых ног мужчины!" — воскликнула фройляйн Фишер, внезапно вздернув хитон Нирсе до самых колен; закрыв лицо руками, несчастная испустила крик и едва не лишилась чувств. "Как она еще слаба! — вздохнула председательница. — Придется ей продолжить рисовать обнаженное тело мужчины, а чтобы придать ей стойкости и внушить уверенность в победе, две самые закаленные сестры будут присутствовать на ее уроках рисования". Я заметил, что все немедленно захотели помочь неофитке и поддержать ее на пути следования избранными ею принципами. Похвалив всех за проявленное рвение, председательница выбрала двух членов организации, отличавшихся особым усердием, и заседание окончилось.

Толком отдохнуть мне не удалось; через четверть часа одна из надзирательниц, уколов меня своей иглой, велела мне принять позу *Антиноя*; думая только о Нирсе, я послушно исполнил приказание. Нирсе же, прежде чем начать рисовать, обратилась к одной из своих товарок: "Откиньте занавеску, мне плохо видно, в здешнем полумраке фигура расплывается". Отвлекая таким образом внимание надзирательницы, Нирсе быстро написала карандашом записку, и, подойдя ко мне якобы для определения размера моей стопы, ловко подсунула бумажку мне под ногу и вернулась на место. Продолжив рисовать, она сделала пару штрихов, но не в силах более справиться с волнением, оставила работу и удалилась вместе с надзирательницами. Оставшись один, я извлек записку и прочел: "Ради всего святого, вырвите меня отсюда!"

Видя, в сколь затруднительное положение попала эта очаровательная и простодушная девушка, я проникся к ней искренней нежностью; но это была не любовь, а лишь сострада-

ние, тревога за ее чистую душу. О, насколько природа даже в ошибках своих превосходит наши самолюбивые замыслы! Я долго размышлял над запиской; но как бежать отсюда? Как мне сбросить эти цепи? Решетка клетки необычайно прочна, а надзирательницы часто совершают обход. И я решил ждать, когда новый случай дарует нам возможность объединить наш разум в поисках выхода.

На следующий день заседание началось очень поздно; я изнывал от нетерпения. Мужененавистницы явились без вуалей. Сначала зачитали доклад Флорентийской академии, посвященный новому хитроумному способу невидимого сношения с мужчинами. Эта идея не пришлась по вкусу мужененавистницам из Берлина, и они с возмущением обрушились на трусливых отступниц из Флоренции, высказавшихся за сношения — хотя и невидимые — с реальными мужчинами. "Какое малодушие! Интересно, от каких внушенных им софизмов наши сестры впали в слабоумие? — возмущенно восклицала прусская председательница. — Читайте, читайте, сестры мои, аббата Спаланцани, нашего великого пророка, грозу неверных!"

После этих слов мужененавистницы, выражая величайшее одобрение, восторженно забили в ладоши.

"О, сколь отрадно видеть мне, — воскликнула фройляйн Фишер, — что Берлинское общество восприняло мои идеи, содержащиеся в записке, которую я недавно ему отправила. Да, сестры мои, читайте Спаланцани, и вы увидите, что его эксперименты блестяще подтверждают нашу теорию"[1]. — "Никаких сношений! Никаких сношений с мужчиной!" — закричали все наши амазонки. Тотчас им раздали экземпляры физического трактата целомудренного аббата, а затем все единодушно решили установить бюст аббата. Я был знаком с физическими трудами Спаланцани, а потому сразу почувствовал, что новая теория не сулит мне ничего хорошего. Любовь и природа уведомили об опасности и Нирсе; содрогнувшись, мы обменялись взглядами и в душе поклялись, что непременно найдем способ выбраться отсюда. Председательница решила завтра же приступить к осуществлению первого эксперимента.

Еще из Берлинского отделения прислали несколько ящиков с куклами любовников à la Spalanzani. Каково же было мое удивление, когда я увидел множество фигур, сделанных по образу и подобию древних статуй Аполлона, ангелов Рафаэля и прочих прекрасных мужей прошлого. Искусственных любовников можно было нагревать, создавая иллюзию живого тела, а если добавить небольшую современную штучку, то и воспро-

1. Известно, что аббат Спаланцани доказал возможность зачатия без участия мужского пола. (*Прим. автора.*)

изводить не только сам процесс любви, но и конечную ее стадию. Совершенство исполнения привело дам в восторг. Я понял, что вся метода их заключалась в том, что реальной любви с современными мужчинами они предпочитали иллюзорную любовь с античными статуями; мне же отводилась роль ожившей статуи. Чтобы распределить всех этих Антиноев, Камиллов, Энеев и Фавнов бросили жребий; каждой досталась своя кукла. Нирсе, которой жребий даровал божество из Пинда, невольно выдала свое возмущение, и тотчас была наказана: весь оставшийся день ей велели рисовать обнаженную натуру. Услышав о таком наказании, я задрожал от радости, ибо видел в этом путь к своему спасению. Отложив первый эксперимент на завтра, заседание закрыли.

Судите сами, как уповал я на этот урок рисования! Ведь мне грозила опасность оказаться в руках вакханок, готовых растерзать меня подобно Орфею; слушать меня, разумеется, никто не стал бы.

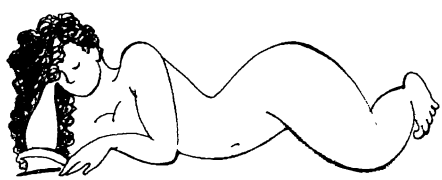
Время летело; я напряженно следил за юной художницей. Ужасные надзирательницы, словно безжалостные Аргусы, пожирали взорами рисунок, который дрожащей рукой набрасывала Нирсе. Наконец сеанс окончен, и она, проскользнув между обеими мужененавистницами, ловко подсунула небольшой бумажный сверток под ниспадавшие на пол складки моей тоги, в кою я успел задрапироваться. Я ответил Нирсе признательным взглядом, и она удалилась. Быстро подобрав сверток и раскрыв его, я нашел два закаленных напильника и тут же прочитал: "Когда вы обретете свободу, верните семье несчастную, которая никогда не научится ненавидеть вас. Жду вас в полночь, у двери".

Немедленно принявшись за дело, я ловко разрезал часть подушек, дабы с их помощью скрыть работу моего напильника. Начав с наступлением сумерек, я трудился изо всех сил и проработал до одиннадцати. Перепилив два прута, я, пользуясь темнотой, выставил их и в образовавшийся проем выбрался в зал.

Одно трудноодолимое препятствие осталось позади; теперь предстояло найти выход из зала заседаний. Я долго бродил возле роковой двери, не осмеливаясь пустить в ход напильник, ибо опасался, что скрежет, им произведенный, будет услышан. Впрочем, справиться с железными запорами, поражавшими своей толщиной и замысловатым исполнением, можно было только чудом. Время шло к полуночи... я уже отчаивался вырваться на свободу, как вдруг за дверью послышались голоса: разговаривали двое. Я тотчас узнал Нирсе, и сердце мое забилось... Второй голос принадлежал фройляйн Фишер. "Ступай, дитя мое, — говорила председательница ученице своей, — ступай отыщи и приведи в мои объятия своего

несравненного Аполлона, коего ты осмелилась презреть, в то время как я умираю от любви к нему. Только не разбуди его жалкую копию: завтра ей предстоят утомительные испытания. Иди, невинная неофитка Венеры! Я жажду наслаждений, полученных из рук самой невинности! Холодный Эней чужд мне, равно как и подаренный мне жребием бесстыдный Фавн. Бывший любовник Дафны, бог из Пинда, разжигает мою страсть. Когда темнота, эта подруга иллюзий и любовных игр, сгустится, ты принесешь его в наш храм".

Большая дверь отворилась, и я метнулся в укрытие; вошла Нирсе; в поисках оставленной в зале статуи Парнасского божества она приблизилась к укрытию моему; но я не выдал себя, ибо сгоравшая от страсти Фишер осталась стоять в прихожей. Укрыться от взора ее невозможно! И тут в голову мне пришла идея: завладев луком Аполлона, я упал в объятия Нирсе; сначала она решила, что к ней на руки свалилась кукла, но быстро поняла, что в объятиях ее пребывает самый настоящий мужчина! Выбравшись из зала, мы решили, что свободны; увы! — нас поджидала пылкая Фишер! Вцепившись в божество, коим было одержимо воображение ее, она стала рвать его из рук Нирсе, но та, охваченная ревностью, с воплем дернула его на себя. Казалось, все пропало; нас спасло исступленное состояние жрицы. Ее восхищение античным мужем было столь велико, что она, к несказанному моему счастью, лишилась чувств ранее, чем распознала мои современные несовершенства. Схватил в охапку Нирсе, я выбежал в сад, и там мы помчались со всех ног, огибая деревья. Я напоминал себе полевую птицу, которая, вырвавшись из клетки, пробует крылья. Помогая бежать испуганной Нирсе, я постепенно прибавлял шаг, и вскоре мы вместе устремились вперед, подальше от пристанища философского разврата.



Жан-Франсуа де Бастид
Маленький домик

Рассказ

Перевод Екатерины Дмитриевой

Жан-Франсуа де Бастид [Jean-François de Bastide; 1724–1798] – сын марсельского офицера и внучатый племянник знаменитого аббата Пелегрена, который променял служение Церкви на карьеру оперного певца. В юные годы Ж.-Ф. де Бастид отправляется в Париж, попадает в круг модных тогда авторов – Дора, Вуазенона, Кребийона-сына – и полностью отдает себя занятиям литературой, став одним из наиболее ярких полиграфов своего времени.

Новелла "Маленький домик", посвященная истории обольщения маркизом де Тремикуром молодой маркизы по имени Мелита, представляет собой своего рода описательную поэму в прозе, в которой подробнейшим образом изображается убранство "маленького домика" маркиза (так в XVIII веке именовались аристократические гарсоньерки во Франции). Все это вписывается в одну из центральных тем века Просвещения, по поводу которой не смолкали дебаты. Речь идет о роскоши, о материальном прогрессе, позволявшем сделать образ жизни элиты утонченным. То, что философы изучали на материале истории жизни народов, либертинажная литература пыталась познать в мгновении страсти, удовлетворенного (или не удовлетворенного) желания. Как движения тела и разума могут моделироваться посредством декора, атмосферы, места обитания? В этом смысле эстетская обитель либертена скрывает в себе и философское задание: воздействовать на волю и желание внешним декором. Но именно материальная составляющая процесса обольщения, так как он описан у Бастида (убранства, произведения искусства и проч.), показывает, что либертинаж есть не только (и не столько) физическое завоевание, но, в первую очередь, гедонизм и эстетика, способ жить по ту сторону реальности, наслаждаться красотой во всех ее формах.

Перевод публикуемой новеллы выполнен по изданию "D. V. Denon, J.-F. de Bastide. Point de lendemain suivi de La petite maison" [Paris: Gallimard, 1995].

МЕЛИТА обращалась с мужчинами запросто, и только люди добродушные, а также близкие друзья, не подозревали в ней склонности к галантному образу жизни. Ее вид, легкомысленные речи, свободные манеры в достаточной мере укрепляли это предубеждение. Маркизу де Тремикуру

© Flammarion, 1998
© Екатерина Дмитриева. Перевод, 2012
Новелла "Маленький домик" планируется к выпуску в составе антологии романов французского либертинажа московским издательством "НЛО".

хотелось склонить ее к любовной связи, и он льстил себя надеждой легко осуществить данное намерение. Это был мужчина, которому удавалось легче, чем другим, побеждать женские капризы. Он был хорош собой, благороден, имел острый ум и отменный вкус, и мало мужчин могли сравниться с ним всеми этими приятными качествами. Однако, несмотря на все его достоинства, Мелита ему не поддавалась. Эта странность казалась ему непонятной. Она утверждала, что добродетельна, а он отвечал, что никогда ей не поверит. По этому поводу между ними шла беспрестанная война. Наконец маркиз бросил вызов, уговорив Мелиту посетить его маленький домик. Она ответила согласием, сказав, что ни там, ни в каком другом месте Тремикур не представляет для нее опасности. Они заключили пари, и она отправилась туда (Мелита не знала, что представлял собой этот маленький домик; да и о существовании ему подобных она знала лишь понаслышке). Нет другого места в Париже и в целой Европе, которое было бы столь галантным и столь замысловатым. Последуем же туда за маркизом и посмотрим, как Мелита выйдет из затруднительного положения.

Этот удивительный домик расположен на берегах Сены. Широкий прошпект, ведущий к пересечению аллей, доводит далее к воротам увитого зеленью прелестного внешнего дворика, сообщающегося с симметрично расположенными по левую и правую стороны внутренними дворами, в которых размещены зверинец, населенный редкими ручными животными, живописная молочная ферма, отделанная мрамором и морскими раковинами, где обильные чистые воды умеряют полуденный зной; там находится также все, что необходимо для содержания экипажей, равно как и поддержания их в чистоте, а также для обеспечения жизни деликатной и чувственной. В другом хозяйственном дворе расположена двойная конюшня[1], изящный манеж и псарня, в которой разводят собак всевозможных пород.

Стены всех этих построек имеют незатейливую архитектуру, производную более от природы, нежели от искусства, имеющую характер сельский и пасторальный. Искусно проложенные просеки открывают вид на постоянно сменяющие друг друга огороды и сады, и все эти причудливые объекты так привлекают взгляд, что не устаешь ими восхищаться.

Мелите не терпелось все осмотреть, но сначала она решила ознакомиться с красотами, которые поразили ее вблизи. Тремикур горел желанием провести ее в покои: именно там

1. Двойная конюшня позволяла содержать раздельно лошадей верховых и упряжных. (*Здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, – прим. перев.*)

он мог выказать ей пламенное чувство, его сжигавшее. Ее любопытство уже казалось ему досадным; даже похвалы, которые она расточала его вкусу, не трогали его более; он отвечал на них весьма рассеянно. Впервые маленький домик казался ему менее дорог, чем та, которую он сюда привел. Мелита заметила его растерянность и внутренне торжествовала; одно только любопытство могло заставить ее задержаться в саду, но к этому добавился еще и коварный умысел, и этого второго мотива, не уступающего первому, ей было достаточно, чтобы заупрямиться. Она то задавала вопросы, то расточала комплименты, и все это сопровождалось бесчисленными восклицаниями.

— И в самом деле, — говорила она, — что может быть искуснее этого! Это очаровательно! Я не видела ничего более...

— О! Аппартаменты гораздо более оригинальны! — отвечал он. — Вы сейчас увидите... Не желаете ли пройти?..

— Чуть позже, — говорила она, — здесь тоже все заслуживает внимания: надо пройти везде; есть еще кое-что, чего мы не видели. Ну же, Тремикур, терпение.

— У меня его предостаточно, мадам, — сказал он несколько уязвленно, — я исхожу лишь из ваших интересов. Эта прогулка вас утомит, и вы не сможете...

— Ах! Думаю, что вы меня простите, — сказала она насмешливо. — Я приехала сюда исключительно ради прогулки, и я достаточно оцениваю свои силы.

Тремикуру пришлось вынести это упрямство до конца. Оно продолжалось еще почти четверть часа. К счастью, он сумел угадать в нем каприз, без чего, я думаю, он так бы и оставил ее в саду. Он вел ее за руку, постоянно увлекая к дому. Три или четыре раза кряду у нее хватило коварства позволить довести себя до определенного места; она делала несколько шагов и затем возвращалась и рассматривала то, что уже видела. Он продолжал вести ее, казалось, почва уходила у него из-под ног, а она оттого смеялась про себя, бросая на него взгляды, изощреннейшим образом говорившие: "Мне нравится лишать вас всякой надежды", в то самое время, когда, казалось, они всего лишь просили его об очередной услуге. Наконец, Тремикур позволил себе вольность. Она сделала вид, что нашла ее неудачной, и сказала, что он невыносим.

— Вы сами невыносимы! — отвечал он. — Вы мне обещали, что посмотрите все, а между тем мы остаемся здесь. Мне нравятся мои покои, и мне хочется, чтобы вы их увидели.

— Ну хорошо, сударь! Тогда мне ничего не остается, как взглянуть на них; не будем же мы из-за этого ссориться. Боже правый, какой же вы нетерпеливый!..

Звук ее голоса и взгляд, которым она сопроводила свои слова, были столь нежными, что он почувствовал, как недос-

таток, в котором его только что упрекнули, проявился в нем с новой силой.

— Да, — сказал он, — я нетерпелив, я считаю мгновения. Заключенное нами условие служит мне извинением... Вы его забыли, сударыня?

— О забывчивости не может быть и речи, — отвечала она, продолжая двигаться вперед. — Напротив, я более соответствую своей роли, чем вы. Вы мне сказали, что ваш дом меня обольстит; я побилась об заклад, что этого не произойдет. Считаете ли вы, что любование всеми этими красотами заслуживает упреков в забывчивости?..

Тремикур собирался было ответить, но в тот момент они оказались в центре внутреннего дворика, и восклицание, которое вырвалось у Мелиты при одном взгляде, брошенном на маркиза, не позволило ему этого сделать. Не будучи очень просторным, дворик свидетельствовал о вкусе архитектора. Он был окружен стенами, увитыми пахучим шпалерником, довольно высоким, вследствие чего центральная часть замка выглядела более уединенной, но при этом листва была подстрижена таким образом, чтобы не мешать проникновению целебного воздуха, навеваемого здесь любовью. Тремикуру пришлось проглотить еще несколько назойливых комплиментов, расточаемых Мелитой. Наконец они приблизились к парадному крыльцу, которое вело в довольно большой вестибюль; маркиз знаком велел удалиться прислуге. Он тут же провел ее в залу, окна которой выходили в сад, не имеющий себе равных в мире. Он заметил, как изумилась Мелита, и дал ей время предаться восхищению. Действительно, убранство этой залы было настолько чувственным, что невольная нежность охватывала вошедшего в нее, переносясь при том и на хозяина, ее обладателя. Зала имела овальную форму, полукруглые своды ее были расписаны Галле[1]; обивка лилового цвета обрамляла прекрасные зеркала; на нижних дверных панелях, расписанных все тем же художником, были изображены галантные сцены. Скульптуры в зале были размещены с большим вкусом, красота их оттенялась сиянием золота. Ткани были подобраны под цвет обивки. Одним словом, сам Карпантье[2] не смог бы создать ничего более приятного и совершенного.

День близился к закату: арап зажег тридцать свечей на люстре и канделябрах севрского фарфора, артистически расставленных на подставках из позолоченной бронзы. Этот новый всплеск света, умноженный зеркалами, оптически увели-

1. Один из наших французских художников, который, вслед за Буше, изображал преимущественно мифологические сюжеты. (*Прим. автора.*)
2. Один из архитекторов короля, которому лучше всего удается убранство внутренних помещений. Маленький замок господина де Ла Буассьера и дом господина Буре доказывают его гений и вкус. (*Прим. автора.*)

чил пространство залы и многократно отразил Тремикуру предмет его нетерпеливых желаний.

Мелита, пораженная увиденным, начала восхищаться совершенно искренне и потеряла всякое желание строить козни Тремикуру. Поскольку она привыкла жить, не ведая ни кокетства, ни любовников, то время, что другие женщины тратят на любовь и обман, она потратила на образование и действительно обладала вкусом и знаниями; она с первого взгляда сумела оценить талант известных художников, они сами были обязаны своим бессмертием ее уважению к своим шедеврам, которыми иные женщины подчас не позволяют себе наслаждаться в силу пристрастия к пустякам. Она похвалила легкость резца изобретательного Пино[1], руководившего скульптурными работами; восхитилась талантами Дандрийона[2], который употребил всю свою ловкость, чтобы подчеркнуть неуловимое изящество столярной работы и скульптуры; но более всего — забыв о том, каким необоримым искушениям она подвергается и давая Тремикуру повод для тщеславия, — она расточала ему похвалы, которые, впрочем, его вкус и выбор вполне заслуживали.

— Вот это мне нравится, — сказала она ему, — вот как надо пользоваться преимуществами большого состояния. Это уже не маленький домик, это храм гения и вкуса...

— Таким должно быть прибежище любви, — сказал он ей нежно. — Не зная того бога, который мог бы совершить для вас и другие чудеса, вы тем не менее чувствуете, что, для того чтобы его вдохновить, необходимо, по меньшей мере, быть вдохновленной им...

— Я думаю так же, как и вы, — продолжила она, — но почему же тогда другие маленькие домики, как я слышала, обнаруживают столь дурной вкус?

— Это потому, что их владельцы испытывают желание не любя, — отвечал он. — И еще потому, что амур не способствовал тому, чтобы вы явились вместе с ними в их домик.

Мелита слушала и могла бы слушать еще, если бы прикосновение губ к ее руке не дало ей понять, что Тремикур приехал сюда, чтобы получить компенсацию за все те любезности, которые он намерен расточать. Она встала, чтобы посмотреть другие комнаты. Маркиз, видевший, насколько она была тронута красотами одной лишь залы, и имевший возможность показать кое-что получше, надеялся, что более трогательные предметы взволнуют ее еще сильнее, и потому не по-

1. Скульптор, прославившийся как декоратор; большинство скульптур во внутренних апартаментах наших особняков его работа. (*Прим. автора.*)
2. Художник, который нашел секрет не имеющей запаха раскраски лепнины и особого способа наложения на скульптуру позолоты, не используя при том грунтовки из белил. (*Прим. автора.*)

мешал ей отправиться навстречу своей судьбе. Он подал ей руку, и они вошли в спальню, расположенную справа.

Это была комната квадратной формы со срезанными углами; кровать из светло-желтого набивного пекина[1], пестрящего различными цветами, словно сокрылась в нише, расположенной напротив одного из оконных проемов, выходивших в сад. В четырех углах комнаты не забыли поместить и зеркала. Завершенность спальне придавал арочный свод, на котором в круглой рамке размещалась картина, где Пьер[2] с присущим ему искусством изобразил Геркулеса в объятиях Морфея, разбуженного Амуром. Обивка комнаты была нежно-желтого цвета; паркет был выполнен в технике маркетри из дерева амаранта и кедра, в отделке использован темно-синий мрамор с белыми прожилками. На мраморных столах, имевших форму консолей и размещенных под четырьмя зеркалами, располагались изящные бронзовые и фарфоровые статуэтки, тщательно и безошибочно подобранные; наконец, красивая мебель различных форм, в наивысшей степени отвечавшая тем идеям, которые в этом доме находили выражение повсюду, заставляла и самые холодные умы хоть немного почувствовать то сладострастие, которое она предвещала.

Мелита не осмеливалась больше ничего хвалить; она даже начала бояться что-либо чувствовать. Она произнесла всего лишь несколько слов, и Тремикуру это могло бы показаться досадным; но он наблюдал за ней, и взгляд его был проницательным; он даже поблагодарил бы ее за молчание, если бы не знал, что выражение признательности может стать оплошностью, поскольку женщина легко отрекается от идей, за которые ее благодарят. Она вошла в следующую комнату, где ее ожидала новая ловушка. Это был будуар, о назначении которого излишне говорить той, которая в него вошла, поскольку ум и сердце догадываются о том сообща. Все стены в нем были покрыты зеркалами, а их стыки замаскированы стволами искусственных деревьев, впрочем, вырезанных из натурального дерева, сгруппированных между собой и покрытых листьями с удивительным искусством. Деревья эти были расположены в шахматном порядке и усыпаны цветами, от них отходили жирандоли, отбрасывающие на зеркала свет, интенсивность которого постоянно менялась благодаря газовой ткани большей или меньшей плотности, натянутой в глубине комнаты на их прозрачные поверхности. Магия здесь так хорошо сочеталась с оптическим воздействием, что казалось, будто находишься в естественной

1. Пекин — вид шелковой ткани.
2. Один из наших знаменитых художников, занявший выдающееся место во французской школе благодаря достоинствам своего колорита. (*Прим. автора.*)

роще, освещенной при помощи искусства. Ниша, в которой находилась оттоманка, род ложа для отдыха, опирающаяся на паркет из розового дерева с фигурными вставками, была дополнительно украшена золотисто-зеленой бахромой и убрана подушками разного размера. Все обрамление этой ниши и потолок также были покрыты зеркалами; наконец, цвет дерева и скульптуры сочетается с тем, что они изображали; и опять здесь краски наносил Дандрийон[1], сделав так, чтобы она источала запах фиалки, жасмина и розы. Все это убранство помещалось за тонкой перегородкой; вдоль нее шел довольно обширный коридор, в котором маркиз разместил музыкантов.

Мелита пришла в экстаз. Вот уже четверть часа она обозревала этот будуар, уста ее были немы, но сердце не молчало; оно втайне роптало на тех мужчин, что используют всевозможные таланты, дабы высказать чувство, на которое они столь мало способны. Она сделала на этот счет мудрейшие умозаключения, но то были, так сказать, тайны, которые разум прячет в самой глубине сердца и которые должны вскоре там затеряться. Тремикур искал их там своими пронзительными глазами и разрушал своими вздохами. Он больше не походил на человека, которого она могла упрекать в этом чудовищном противоречии; Мелита изменила его, и она сделала больше, чем сам Амур. Он молчал, но взгляды его походили на клятвы. Мелита сомневалась в его искренности, но она, по крайней мере, видела, что он умеет хорошо притворяться, и чувствовала, что это опасное искусство может подтолкнуть ее на многое в столь очаровательном месте. Чтобы отвлечься от этой мысли, она несколько отдалилась от него и подошла к одному из зеркал, делая вид, что поправляет шпильку в прическе. Тремикур стал перед зеркалом напротив и благодаря этому ухищрению мог смотреть на нее с еще большей нежностью, не заставляя притом отводить взгляд — получалось, что это была ловушка, которую она расставила самой себе. Мелита сделала еще и это умозаключение и, желая устранить его причину и пребывая по-прежнему в плену иллюзии своего превосходства, начала отпускать насмешки в адрес Тремикура, думая, что в том преуспела.

— Ну, хорошо! — сказала она ему. — Когда же вы наконец перестанете на меня смотреть? В конце концов, это выводит меня из терпения.

1. Опять-таки этому художнику мы обязаны не только открытием средства избавления от дурного запаха краски, которую до этого наносили на лепнину, но также и открытием секрета такого смешивания ее компонентов, что тем самым достигается нужный запах, который затем сохраняется в течение многих лет; действие его испытало на себе уже множество людей. (*Прим. автора.*)

Он устремился к ней.

— Итак, вы испытываете ко мне ненависть, — отвечал он. — Ах, маркиза, зачем быть столь несправедливой в отношении человека, которому даже не нужно вам не нравиться, чтобы быть уверенным в своем несчастии...

— Посмотрите, как он скромен! — воскликнула она.

— Да, скромен и несчастен, — продолжал он. — То, что я ощущаю, заставляет меня опасаться, а то, чего я опасаюсь, заставляет меня опасаться вдвойне. Я обожаю вас, но это чувство отнюдь не придает мне уверенности в себе.

Мелита продолжала шутить, но как же неловко скрывала она причину, ее на то подталкивающую! Тремикур взял ее за руку, и она даже не подумала вырвать ее. Он решил, что может позволить себе ее слегка пожать; она выразила свое неудовольствие и поинтересовалась, не хочет ли он ее покалечить.

— Ах! Сударыня! — сказал он, делая вид, что пришел в отчаяние. — Я прошу у вас тысячу раз прощения, я вовсе не думал, что кого-нибудь можно таким образом покалечить.

Вид, который он на себя напустил, обезоружил ее; он понял, что решающий момент настал; он подал знак, и в то же мгновение музыканты, находившиеся в это время в коридоре, начали исполнять чарующий концерт. Этот концерт привел ее в полное замешательство; она позволила себе послушать его лишь несколько мгновений и, желая удалиться от места, которое становилось опасным, сделала несколько шагов и сама вошла в еще одну комнату, еще более восхитительную, чем те, что она видела до сих пор. Тремикур мог бы воспользоваться охватившим ее восторгом и незаметно закрыть дверь, дабы заставить выслушать его, но он желал, чтобы поступательное движение его победы шло вослед поступательному увеличению ее удовольствия.

Эта новая комната представляла собой купальню. Мрамор, фарфор, муслин — ничто не было забыто; настенные панно, расписанные арабесками Перо[1] по эскизам Жило[2], были развешены между пилонами с большим вкусом. Морские растения, отлитые в бронзе Кафьери[3], фарфоровые фигурки с кивающими головками, хитроумно чередующиеся кристаллы и раковины украшали эту залу, в которой находились две ниши, одна из них была занята ванной, другая — ложем, обитым вышитым индийским мусли-

1. Художник, прославившийся в этом жанре и создавший в том же стиле самые красивые росписи в Шуази. (*Прим. автора.*)
2. Величайший рисовальщик своего времени, славившийся своими росписями в виде арабесок, изображениями цветов, фруктов и животных, который превзошел в этих жанрах Перена, Одрана и др. (*Прим. автора.*)
3. Литейщик и резчик, чьи изделия из бронзы, которыми украшены покои наших славнейших домов Парижа и его предместий, особенно ценились. (*Прим. автора.*)

ном и украшенным кистями. Рядом находилась туалетная комната, панели которой были расписаны Уэ[1], изобразившим на них фрукты, цветы и редких экзотических птиц, перемешав их с гирляндами и медальонами, в которых Буше[2] разместил картинки на галантные темы, написанные в технике гризайль и подобные тем, что можно увидеть на верхних панелях дверей. Не забыли здесь поставить и серебряный туалетный столик работы Жермена[3]; живые цветы заполняли широкие фарфоровые вазы темно-синего цвета, подчеркнутого золотым орнаментом. Мебель, обитая тканью того же цвета, изготовленная Мартеном[4] в технике авантюрина[5], вносила последний штрих в эти покои, способные очаровать даже фею. Вверху комната завершалась карнизом элегантного профиля, над которым возвышалась позолоченная капитель в форме колокола, служившая бордюром пониженного свода, украшенного мозаикой из золота, перемежавшейся с цветочной росписью работы Башелье[6].

Мелита уже не могла вместить в себя столько роскошеств, она почувствовала, как у нее перехватило дыхание, и вынуждена была присесть.

— Я больше не могу, — сказала она. — Это слишком красиво. Ничто на земле не может сравниться...

В ее голосе звучало тайное смятение. Тремикур почувствовал, что она растрогана, но, будучи человеком ловким, он решил избегать серьезного тона и довольствовался тем, что продолжал вести шутливую беседу с сердцем, которое вполне еще могло отступиться.

— Вы не верите в это, — сказал он ей, — но именно так можно ощутить, что ни от чего нельзя зарекаться. Я прекрасно знал, что все это вас очарует, но женщины всегда предпочитают сомневаться.

— О, я больше не сомневаюсь, я честно признаюсь, что все это божественно и меня чарует.

Он приблизился к ней без притворства.

— Признайтесь, — заговорил он снова, — что это и есть маленький домик, достойный своего названия. Если вы упрекали меня в том, что я не способен испытывать любовь, при-

1. Другой художник, прославивший себя в жанре арабесок, и в особенности, изображением животных. (*Прим. автора.*)
2. Художник граций и самый изобретательный живописец нашего века. (*Прим. автора.*)
3. Знаменитый золотых и серебряных дел мастер и сын величайшего художника Европы в этом жанре. (*Прим. автора.*)
4. Лакировщик, известный на весь мир. (*Прим. автора.*)
5. Авантюрином называлась композиция из стекла желтоватого и рыжеватого цветов, инкрустированная золотыми блестками.
6. Один из лучших художников наших дней в этом жанре, который он с недавних пор оставил, чтобы стать соперником Депорта и д'Удри и, возможно, даже их превзойти. (*Прим. автора.*)

знайтесь тем не менее, что присутствие стольких вещей, способных ее вызвать, должно делать честь моему воображению; я убежден даже, что вы не понимаете более, как можно иметь одновременно столь нежные замыслы и столь нечувствительное сердце. Не правда ли, вы об этом подумали?

— Может быть, здесь и есть доля истины, — отвечала она с улыбкой.

— Ну хорошо! — продолжал он. — Заверяю вас, что вы имеете обо мне превратное мнение. Говорю вам сейчас об этом совершенно бескорыстно, потому что хорошо вижу, что, имей я сердце в сотню раз более нежное, чем то, которое вы считаете бесчувственным, я не растрогал бы вас; и все же, вне всякого сомнения, я способен на любовь и постоянство как никто другой. Наша светская манера выражаться, наши друзья, наши особняки и весь наш образ жизни делают нас в глазах других коварными и легкомысленными; женщина благоразумная судит о нас по этим внешним признакам. Мы сами охотно способствуем созданию этой репутации. Коль скоро всеобщий предрассудок связывает с нами этот образ непостоянства и кокетства, необходимо, чтобы мы сами его на себя напускали, но, поверьте, фривольность и даже удовольствие не всегда способны нас увлечь. Есть предметы, созданные, чтобы нас остановить и вернуть к истине, и, стоит нам с ними столкнуться, как мы выказываем и более любви, и более постоянства, чем иные... Но у вас рассеянный вид? О чем вы думаете?

— Об этой музыке, — сказала она. — Я думала от нее бежать, но издалека она кажется еще более трогательной. (Какое признание!)

— Это любовь преследует вас, — отвечал Тремикур, — но она не знает, с кем имеет дело... Вскоре эта музыка покажется вам не более чем шумовым фоном.

— Наверняка, — подтвердила она. — Но в конце концов в настоящий момент она мне мешает... Давайте выйдем, я хочу посмотреть на сад...

Тремикур повиновался вновь. Его податливость не была жертвой. Какое признание, какой знак благосклонности может сравниться для любовника с тем замешательством, которым он наслаждается! Он удовольствовался тем, что показал ей мимоходом другое помещение, смежное с купальней и жилыми покоями. Это была туалетная комната, оснащенная мраморным умывальником с затвором, инкрустированным пахучим деревом. Умывальник был заключен в нишу, имитировавшую живую беседку, чьи ветви соединялись в виде арки в потолочном изгибе; мотив этот был повторен и в росписи стен, центральная часть плафона представляла собой небо, населенное птицами. Урны, фарфоровая посуда, наполненная пахучими веществами, были искусно размещены на подставках. В шкафах, замаскированных роспи-

сью, размещались хрусталь, вазы и утварь, используемая в этой комнате. Они пересекли гардеробную, где находилась потайная лестница, ведущая в антресоли, предназначенные для таинств. Эта гардеробная выходила в вестибюль. Мелита и маркиз вновь прошли через салон. Он открыл дверь, ведущую в сад, но каково же было удивление Мелиты, когда она увидела сад, разбитый в виде амфитеатра и освещенный двумя тысячами фонариков. Зелень все еще была яркой, и свет делал ее более насыщенной. Множество водометов и водоемов, искусно соединенных между собой, отражали иллюминацию. Трамблен[1], которому было поручено это дело, распределил свет таким образом, что переднюю часть сада освещали террины, в то время как более отдаленные части подсвечивались фонариками разной величины. В конце главных аллей он разместил транспаранты[2], манившие своими причудливыми формами. Мелита была очарована, и в течение четверти часа она издавала одни лишь возгласы восхищения. Не видимые взору пастушеские свирели выводили оживленную мелодию, чуть дальше голос исполнял арию из "Иссе"[3]; где-то из очаровательного грота извергалась с неудержимым натиском вода; в другом месте с нежным рокотом струился водяной каскад. В разнообразных боскетах тысячи разных развлечений были приготовлены для удовольствия и любви; красивые зеленые залы вели в амфитеатр, бальную и концертную залы; партеры, усыпанные цветами, буленгрены[4], дерновые скамьи, чугунные вазы и фигуры из мрамора обозначали границы и углы пересечений аллей в саду, где яркое, затем более приглушенное, а потом и вовсе тусклое освещение варьировалось до бесконечности. Тремикур, не обнаруживая никакого умысла и даже, как уже говорилось, делая вид, что он менее пылок, чем это было на самом деле, повел Мелиту в извилистую аллею, которая заставила ее внутренне опасаться новой неожиданности. И действительно эта резко изгибающаяся аллея была полностью погружена в сумерки. Она не боялась бы туда войти, будучи равнодушной, но тайное волнение, которое она испытывала, заставляло ее всего опасаться. Она казалась испуганной, и испуг ее удвоился, когда внезапно раздались артиллерийские залпы. Тремикур, умевший ценить преимущество, которое дает мужчине испытываемый женщиной страх, при-

1. Бывший декоратор Оперы и малых покоев Версаля. (*Прим. автора.*)
2. Термин из области декорирования. Обычно транспаранты делались из газа или других легких тканей, за ними размещался источник света, создававший иллюзию потонувшего в огненном сиянии предмета.
3. "Иссе" — героическая пастораль Детуша на слова Удара де ля Мота, представленная впервые в Трианоне в 1697 г. по случаю бракосочетания герцога Бургундского.
4. Буленгрен — садовый термин, означающий разделенный на множество частей партер с откосными бордюрами и зелеными деревьями, рассаженными по его углам.

влек ее к себе и с горячностью заключил в объятия, отвечая на ее порыв. Она попыталась освободиться с такой же горячностью, когда неожиданно зарево фейерверка позволило ей увидеть в глазах дерзкого смельчака любовь самую нежную и покорную. Мгновение она оставалась неподвижной, то есть растроганной. Мгновение это было не настолько короткое, чтобы позволить ей вырваться из его объятий, если бы она действительно его ненавидела, а потому Тремикур имел все основания подумать, что она не колебалась, а просто забыла вырваться. Этот красивый фейерверк был устроен Карлом Руггьери[1]; он смешался с транспарантами различных цветов, которые, смешиваясь в свою очередь с водой бьющих фонтанов в роще, где происходил весь этот праздник, представляли собой зрелище восхитительное.

Весь этот спектакль, все эти расточительства придавали немалое очарование мужчине, который и без того им обладал; влюбленные взгляды, пламенные вздохи так хорошо сочетались с чудесами природы и искусства, что Мелита, уже растроганная, была вынуждена прислушаться к прорицанию оракула, которого они заставили заговорить в глубине ее сердца; она внимала этому могущественному голосу и услышала приговор, обрекавший ее на поражение. Ее охватила растерянность. Растерянность поначалу имеет бóльшую власть, чем любовь: ей захотелось бежать...

— Ну что ж, — сказала она, — все это очаровательно, но надо идти, меня ждут...

Тремикур видел, что сражаться с ней бессмысленно, но не сомневался в том, что ее можно будет обмануть. Уступая ей, он уже двадцать раз преуспел. Он попытался мягко настоять на том, чтобы она осталась. Мелита совершенно этого не хотела, она шла теперь быстрым шагом, но голос ее звучал растроганно, речи казались бессвязными, а преобладание односложных слов доказывало, что, пытаясь бежать, она все еще была занята предметами, от которых хотела бежать.

— Я надеюсь по крайней мере, — сказал он ей, — что вы удостоите бросить взгляд на залу, что находится слева от салона...

— Уверена, что она не более прекрасна, чем то, что я уже видела, — сказала она. — Мне надо спешить.

— Это совсем иной стиль, — продолжал он, — и поскольку вы больше сюда не вернетесь, мне будет приятно...

— Нет, — сказала она, — увольте меня. Вы мне расскажете, как она выглядит, и этого будет достаточно.

— Я бы согласился с вами, — продолжил он, — но мы уже пришли. Это не займет много времени: не можете же вы так спешить?.. К тому же вы мне пообещали, что посмотрите все,

1. Поистине гениальный итальянский пиротехник, услугами которого часто пользовался Двор и принцы крови. (*Прим. автора.*)

и, если я не ошибаюсь, вы не сможете себе простить, что выиграли пари незаконным путем.

— Значит, так тому и быть! — сказала она. — Пойдемте, сударь, вы и в самом деле можете гордиться тем, что проиграли лишь наполовину...

Они уже находились в салоне; Тремикур отворил одну из дверей, и Мелита незаметно для себя оказалась в игорном кабинете. Окна кабинета выходили в парк. Они были распахнуты; Мелита подошла к окну и, бегло осмотрев комнату, вновь увидела, возможно, не без удовольствия, место, откуда она только что бежала.

— Признайтесь, — сказал он ей не без коварства, — что этот вид очень приятен: вот место, где мы только что были...

Эти слова заставили ее задуматься.

— Я не понимаю, — продолжал он, — как вы могли не задержаться там подольше... Все женщины, которые оказывались в этом месте, не могли уже его покинуть...

— Наверное, чтобы там остаться, у них были иные причины... — отвечала Мелита.

— Вы уже мне это доказали, — ответил он ей. — Окажите же, по крайней мере, этой комнате бóльшую честь, чем вы оказали боскету, соблаговолите ее осмотреть.

Она оторвалась от окна, повернула голову, и тут изумление пробудило в ней внимание. Стены этого кабинета были покрыты красной камедью, одним из самых красивых китайских лаков; мебель была выдержана в том же стиле и обита индийской тканью с вышивкой; жирандоли выполнены из горного хрусталя, особенно хорошо смотревшегося на фоне самых изысканных изделий из саксонского и японского фарфора, искусно расставленных на консолях с красной позолотой.

Мелита начала осматривать фарфоровые фигурки. Маркиз умолял ее принять их в дар; она отказалась, но с той тактичностью, что мужчина получил удовольствие от одного желания подарить. Он понял, что не нужно настаивать, и тем самым показал ей, что знает: не надо надеяться на согласие, когда хочешь его добиться.

Комната имела две или три двери. Одна вела в маленький симпатичный кабинет, примыкающий к будуару, другая — в столовую, через буфет, примыкавший к вестибюлю. Кабинет, в котором обычно подавали кофе, казалось, был не меньшим предметом забот и усилий, чем остальные комнаты в доме: стенные панно водянисто-зеленого цвета, были украшены живописными медальонами в золотой обводке, на которых были изображены сюжеты на восточные темы; там можно было также увидеть большое количество корзин, наполненных цветами, привезенными из Италии, и мебель, обитую муаром, вышитым тамбурным швом.

Мелита, постепенно забываясь, сидела и задавала вопросы; она возвращалась к увиденному, спрашивала о стоимости предметов, узнавала имена художников и исполнителей. Тремикур отвечал на все ее вопросы и, казалось, был вовсе на нее за то не в обиде; она делала ему комплименты, расхваливала его вкус, интерьеры, и он благодарил ее как мужчина, отдавать должное которому не представляет никакой опасности. Хитрость была столь хорошо замаскирована, что Мелита, принимая все ближе к сердцу увиденное и начав ценить то, что ее поражало, лишь с точки зрения гения и вкуса, действительно забыла, что она находится в маленьком домике, причем с мужчиной, который на спор обещал соблазнить ее теми самыми вещами, которые она теперь созерцала без всякой предосторожности и которые хвалила с такой откровенностью. Тремикур воспользовался моментом ее экстаза, чтобы вывести из кабинета.

— Все это действительно очень красиво, — сказал он ей, — я с этим согласен; но есть еще кое-что, что мне хотелось бы вам показать и что, возможно, удивит вас еще более.

— Мне трудно в это поверить, — ответила она, — но после всех красот, которые я видела, ничто не кажется мне невозможным, и надо увидеть все. (Подобная иллюзия безопасности вполне естественна и сможет удивить лишь тех, кто во всем сомневается, по незнанию или по бесчувственности.)

Мелита встала и последовала за Тремикуром. Он ввел ее в столовую. Она была удивлена, увидев стол накрытым для ужина, и остановилась у дверей.

— Что это такое? — воскликнула она. — Я же вам сказала, что мне пора ехать...

— Вы не приказывали мне помнить об этом, — отвечал он, — к тому же сейчас очень поздно; вы, должно быть, устали, и, поскольку вам так или иначе необходимо поужинать, вы сделаете мне честь, оказав мне предпочтение, теперь, убедившись, что вы не подвергнитесь ни малейшему риску.

— Но где же слуги? — продолжала она. — Для чего эта таинственность?

— Никто из них никогда не входит сюда, — отвечал он. — И я подумал, что сегодня будет тем более благоразумно избавиться от них, ведь они болтливы и могут запятнать вашу репутацию, а я слишком уважаю вас...

— Странное уважение! — продолжала она. — Я не знала, что мне следует более опасаться их взглядов, чем их мыслей.

Тремикур почувствовал, что обмануть ее не так-то просто.

— Вы рассуждаете лучше, чем я, — сказал он ей, — и вы даете мне понять, что лучшее враг хорошего. К сожалению, я их отослал, и помочь этому уже невозможно.

За парадоксом последовал обман, и это было очевидно; но, когда разум помрачен, наиболее странные вещи поражают ме-

нее всего. Мелита уже ни на чем не настаивала; она рассеянно заняла место за столом, разглядывая башню, расположенную в одной из частей залы; через нее, по знаку Тремикура, подавали на стол.

Ела она мало и пила только воду, была смущена, задумчива, печальна. Ее растроганность теперь выражалась не в очаровании, не в восклицаниях; она была занята своим состоянием более, чем теми предметами, что его вызвали. Тремикур, воодушевленный ее молчанием, говорил вещи самые остроумные (рядом с женщинами мы обладаем умом в той же мере, в какой заставляем их его терять); она улыбалась и не отвечала. Он возлагал свои надежды на десерт. Когда наступило его время, стол стремительно опустился в кухонные помещения, располагавшиеся в подвале, и она увидела, как с верхнего этажа спустился другой стол, который мгновенно заполнил пространство, временно образовавшееся в перекрытии, защищенном на всякий случай балюстрадой из позолоченного железа. Это чудо невольно заставило ее обратить внимание на декор места, где оно было явлено ее восхищенным взорам; она увидела стены работы знаменитого Клериччи[1], отделанные под мрамор бесконечно разных оттенков. Между пилонами располагались барельефы из того же материала, выполненные великим Фальконе[2], который представил на них празднества Комуса и Вакха. Вассе[3] вырезал трофеи, служащие для декора пилястры. На этих трофеях изображены были сцены охоты, рыболовства, радости трапезы и радости любви и так далее. (К каждому из них, общим числом двенадцать, прикреплены были торшеры, несущие жирандоли-шестисвечники, которые делали эту комнату ослепительной, когда она была освещена.)

Мелита, хотя и была поражена, бросила лишь несколько взглядов вокруг и быстро опустила глаза в тарелку. Она и двух раз не взглянула на Тремикура, не произнесла и десятка фраз, но Тремикур не переставал глядеть на нее и читал в ее сердце яснее, чем в глазах. Ее прелестные думы рождали в нем чувства, которые выдавал взволнованный тон его голоса. Мелита слушала его тем внимательнее, чем меньше на него глядела. Впечатление, которое производил на ее органы чувств этот взволнованный голос, побуждало ее перевести взгляд на того, чей голос выражал столько любви. Впервые открывалась ей любовь, имеющая свой характер; не то чтобы она никогда не бывала предметом любовных

1. Миланский декоратор и лепщик, известность которого резко возросла после отделки им салона в Нейи для графа д`Аржансона и, не в последнюю очередь, салона в Сент-Юбере для Его Величества. (*Прим. автора.*)
2. Королевский скульптор, навечно прославивший себя великолепными произведениями, многие из которых недавно были выставлены в Салоне. (*Прим. автора.*)
3. Другой королевский скульптор, легкость резца и чарующее изящество его работ принесли ему успех. (*Прим. автора.*)

преследований (это случалось с ней сотни раз), но забота, услужливость не есть любовь, когда проявляющий их не нравится, к тому же эта заботливость и услужливость выдают намерения, а рассудительная женщина привыкла заранее их остерегаться. Ее очаровывала бездеятельность Тремикура в то время, когда он выказывал ей столько нежности. Ничто не возвещало, что ей должно защищаться; ее вовсе не атаковали — ее обожали молча. Она думала обо всем этом и, наконец, бросила взгляд на Тремикура. Этот взгляд был столь простодушен, что послужил знаком. Он воспользовался им, чтобы попросить ее спеть. У нее был очаровательный голос, но петь она отказалась. Он понял, что обольщение было пока еще кратким, и сожаление об этом выразилось в одном лишь вздохе. Он спел сам, ему хотелось ей доказать, что строгость ее была законом, добровольно повиноваться которому он мог в силу великой любви. Он перефразировал известные слова Кино из "Армиды"[1]:

Ужель я мог, безумец, думать, право,
Что тщетный лавр, дарованный мне славой,
Из всех даров был ценен, как алмаз.
Весь блеск, которым светит слава,
Не стоит он и взгляда ваших глаз.

У меня нет слов оригинала, которые он заменил своим куплетом, но они заключали идею отречения от непостоянства и клятву в вечной любви, выраженную со всем изяществом. Мелита казалась растроганной и все же состроила гримаску.

— Вы в этом сомневаетесь, — сказал он ей. — И в самом деле, я не заслужил иного. Я завлек вас в этот дом лишь по своему легкомыслию; вы приехали сюда, убежденная в своем обоснованном презрении в мой адрес. Моя репутация способна опровергнуть все доказательства, и потому с вами я начинаю с клятв! И все же очевидно, что я вас обожаю. Для меня это несчастие, и длиться оно будет вечно.

Мелита не хотела отвечать, но чувствуя, что он был искренен, она посчитала себя обязанной что-то для него сделать, если его не отблагодарить, он будет несчастен, и она еще раз нежно на него взглянула.

— Я вижу, что вы не хотите мне верить, — продолжал он. — Но в то же время я вижу, что вы не можете полностью сомневаться. Ваши глаза честнее, чем вы сами, по крайней мере, они выражают жалость...

— Если я и захочу вам поверить, — сказала она ему, — смогу ли я? Разве вы забыли, где мы находимся? Подумайте, этот дом

1. Опера Жана Батиста Люлли. Либретто Филиппа Кино по поэме "Освобожденный Иерусалим" Торквато Тассо. Премьера состоялась 15 февраля 1686 г. в Париже.

с давних пор служит подмостками ваших обманчивых страстей, а те клятвы, которые вы мне расточаете, уже сотни раз служили торжеству обмана!

— Да, — отвечал он, — я думаю об этом и помню, то, что говорил вам, я говорил уже другим и говорил это всегда с пользой для дела, но, употребляя те же выражения, говорил на ином языке. Язык любви заключен в тоне, мой тон всегда свидетельствовал против клятв. Он заменил бы мне их и сегодня, если бы вы пожелали быть справедливой ко мне.

Мелита поднялась из-за стола (у людей не лицемерных — безошибочное доказательство того, что убеждение подействовало). Тремикур бросился к ней.

— Куда вы? — спросил он ее дрожа. — Мелита, я заслужил, чтобы вы меня выслушали. Подумайте, насколько почтительно я относился к вам... Сядьте, ничего не бойтесь, моя любовь лучшая за меня порука...

— Я не хочу вас слушать!.. — сказала ему она, сделав несколько шагов. — К чему приведет мое снисхождение? Вы знаете, что я совершенно не хочу любить, я сумела противостоять всему, я сделаю вас несчастным...

Он больше не останавливал ее; он видел, что она ошиблась дверью и, более не владея собой, входит во второй будуар. Он позволил ей туда войти, ограничившись тем, что наступил ей на подол платья в тот самый момент, когда она переступала порог комнаты, дабы, в попытке освободиться, она повернула голову и не увидела комнаты, куда входила.

Эта новая комната, рядом с которой была расположена миленькая гардеробная, была обита темно-зеленым гургураном[1], на который были симметрично нанесены самые красивые эстампы знаменитого Кошена[2], Лебаса[3] и Карса[4]. Она была освещена лишь настолько, чтобы можно было рассмотреть шедевры этих искусных мастеров. По комнате были расточительно расставлены оттоманки, дюшесы, султаны. Все это было очаровательно, но не занимало мыслей Мелиты. Она заметила свою ошибку и захотела выйти, однако Тремикур стоял в дверях и не позволял ей пройти.

— Ну что же, сударь! — воскликнула она с ужасом. — Каковы ваши намерения? Что вы собираетесь делать?

1. Гургуран — индийская шелковая ткань.
2. Первоклассный рисовальщик и гравер, который блистательно принял эстафету знаменитых Калло, Лабелла и Ле Клерка. (*Прим. автора.*)
3. Гравер королевского кабинета, которому мы обязаны самой прекрасной коллекцией произведений Теньерса, столь искусно гравированных этим знаменитым художником. (*Прим. автора.*)
4. Другой гравер, который в своих произведениях превосходно передает талант авторов, которых он завещал потомству. (*Прим. автора.*)

— Обожать вас и умереть от горя. Я говорю вам не лукавя, состояние мое для меня внове... Я чувствую, что оно охватило меня... Мелита, соблаговолите меня выслушать...

— Нет, сударь, я хочу выйти; я выслушаю вас в другом месте...

— Я хочу, чтобы вы меня уважали, — продолжал он, — чтобы вы знали, что мое уважение к вам равно испытываемой к вам любви, и вы не выйдете отсюда!

Мелита, дрожа от страха, уже готова была потерять сознание, она почти упала на бержер[1]. Тремикур бросился к ее ногам. В этом положении он начал говорить с ней со всей красноречивой простотой страсти, он вздыхал, проливал слезы. Она слушала его и вздыхала вместе с ним.

— Мелита, я не обману вас, я сумею почитать счастье, которое научило меня думать; вы всегда увидите меня таким же нежным, таким же пылким... Сжальтесь надо мной!.. Вы видите...

— Я все вижу, — сказала она, — это признание говорит само за себя. Я не глупа и вовсе не лицемерна... Но что вы хотите от меня? Тремикур, я благоразумна, а вы непостоянны...

— Да, я был таким: то вина женщин, которых я любил; они сами не ведали любви. Ах! Если бы Мелита меня полюбила, если бы ее сердце могло воспылать ко мне чувством, лишь вспышки моей страсти могли бы напомнить ей о моем непостоянстве. Мелита, вы видите меня, вы слышите меня, мое сердце открыто вам!

Она молчала, и он решил, что должен злоупотребить ее молчанием. Он осмелился... но был остановлен с большей любовью, чем бывает та, что позволяет уступить.

— Нет! — сказала Мелита. — Я смущена, но я все еще отдаю себе отчет в том, что делаю, вы не одержите победу... Довольствуйтесь тем, что я считаю вас ее достойным, будьте же и вы достойным меня... Я вас возненавижу, если вы будете настаивать![2]

— Если я буду настаивать!..[3] Ах? Мелита...

— Ну хорошо! Сударь, что вы делаете?..

— Что я делаю...

— Тремикур, оставьте меня!.. Я вовсе не хочу...

— Жестокая! Я умру у ваших ног или же добьюсь...

Угроза была страшной, а ситуация еще более. Мелита задрожала, смутилась, вздохнула — и проиграла пари.

* * *

Сказано это было весьма твердо. Тремикур увидел, что надо повиноваться. И повиновался.

1. Бержер — кресло в стиле Людовика XV.
2. После этих слов в первой редакции 1758 г. следовало иное окончание; идет после "звездочек".
3. В издании 1784 г. в серии "Всемирная библиотека романов" (La Bibliothèque universelle des romans) повесть имела еще одно окончание.

— Да, я буду достоин вас, — сказал он, подымаясь, — вы увидите страдания, которые я испытываю, и отныне границы моего повиновения будете определять вы сами.

То, что было после сказано между ними, легко угадывается, и передавать это было бы излишне. Тремикур отвез Мелиту домой. Пока они ехали, он не сделал ни одного движения, которое могло бы смутить Мелиту в ее искренних порывах. Она призналась ему в своих чувствах, признание было повторено и сотню раз подкреплено вздохами, вопросами, нежным трепетом. Прощаясь с нею, Тремикур был так очарован, что уже и не думал, что она могла бы одарить его чем-то большим. Он вернулся к себе, сразу же лег в постель и провел самую счастливую ночь из всех возможных. Пробудившись, он получил письмо. Он прочитал его; вот его содержание:

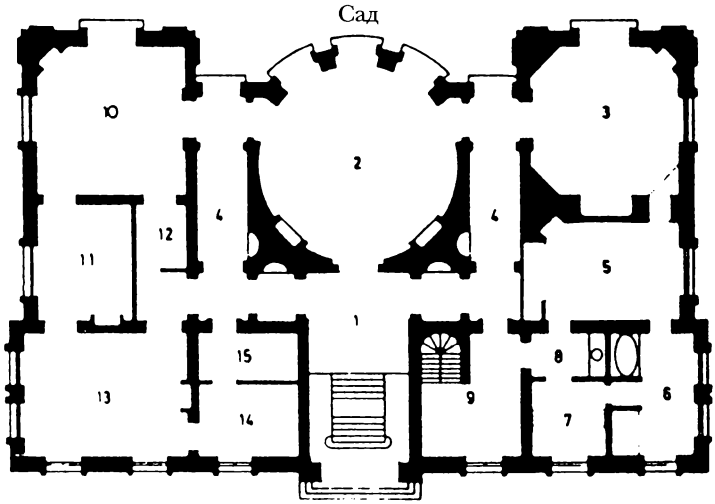
Простите ли Вы мне, сударь, если я похищу у вас дарованное мной прежде? Я чувствую, что у меня нет права забирать свой дар назад. Вы заслужили его, когда получили, и мои размышления не властны скомпрометировать вас. И тем не менее эти же размышления заставляют меня отважиться на поступок, который удручает меня сверх всякой меры. Я не думаю, что сей поступок сможет сделать вас несчастным, но мне не хотелось бы бояться этого, а решение, которое я принимаю, оставляет во мне сожаление, коего вы достойны.

В течение нескольких минут Тремикур был словно громом поражен этим письмом, затем он пришел в себя и велел ехать к ней. Но Мелиты уже не было дома, она уехала в деревню. Эта новость удвоила его жар, он пустился по ее следам, но ни увидеть ее, ни поговорить с ней ему не удалось. Он воспринял свою участь как человек, который не создан для того, чтобы лезть в окно или топтаться перед дверью; к тому же он увидел, что перемена эта была вызвана отнюдь не капризом, и ему захотелось насладиться собственным уважением к добродетели. Он написал письмо, которое мы здесь приводим, и уехал, как только вручил его одному из слуг.

История эта весьма своеобразна, признаюсь, но я осмелился бы тем не менее утверждать, что она может показаться походящей на вымысел только тем, кто склонен думать, будто не существует добродетельных женщин. Среди этих судей, плохо осведомленных и имеющих и того худшие намерения, есть немало таких, кому не подобает делать честь своим ответом, есть среди них и такие, кому можно отвечать, хотя они подчас весьма мало расположены признавать права других судей. И если бы я взял на себя этот труд, я бы им сказал: "Вы проводили долгое время в дурной компании, давайте же посетим вместе с вами и хорошее общество..." — "Мы и так бываем в нем еже-

дневно", — ответят они. — "Да, — продолжил бы я, — вы в нем бываете, но вы принимаете за него лишь ту легкомысленную, порхающую часть, которая избежала дурного общества то ли со скуки, то ли от тщеславия. Надо все изучить, во все глубоко погрузиться, и, когда вы соблаговолите взять на себя этот труд, краска стыда выступит у вас на лице при одном воспоминании о ваших изящных и непристойных эпиграммах".

План маленького домика



1. Вестибюль
2. Салон
3. Спальня
4. Коридор
5. Будуар
6. Купальня
7. Туалетная комната
8. Уборная
9. Гардеробная
10. Игорный кабинет
11. Кабинет
12. Буфет
13. Столовая
14. Будуар
15. Гардеробная

Граф Мирабо

Рассказы

Перевод Натальи Мавлевич

Оноре Габриэль Рикетти, граф де Мирабо [Honoré Gabriel Riquetti; comte de Mirabeau, 1749–1791] – великий революционер и убежденный монархист, дипломат и тайный агент, "чудовище" (как его называла Мария-Антуанетта), "народный трибун" и "светоч Прованса", автор "Эссе о деспотизме" ["Essai sur le despotisme", 1776] и "Декларации прав человека и гражданина" ["Déclaration des Droits de l'Homme et du Citoyen", 1789], а также статей и исследований в области экономики, истории и политики. А также ряда откровенно эротических текстов.

В молодости, насолив немалому количеству высокопоставленных лиц, умыкнув жену у маркиза де Моннье, бунтарь попал в руки правосудия и оказался заточен в Венсеннский замок, где провел более трех лет. С трудом вынося безделье, узник взялся за переводы из Тацита, Гомера, Боккаччо, а кроме того, написал несколько томов страстных писем к своей возлюбленной и ряд произведений, которые впоследствии живо заинтересовали Пьера Луиса и Гийома Аполлинера. Это романы "Мое обращение, или Образцовый либертен" ["Ma conversion, ou Le libertin de qualité", 1783]; "Поднятый занавес, или Воспитание Лауры" ["Le Rideau levé ou l'Education de Laure", 1786] (что-то вроде ответа на "Эмилию" Руссо), а также сборник новелл "EPOTIKA BIBLION" [1783].

Два рассказа Мирабо взяты из "EPOTIKA BIBLION" и свидетельствуют о самобытном стиле автора, далеком от вычурности и манерности XVIII века, о его недюжинном уме и цепкой наблюдательности.

© Gesep, 2007
© Наталья Мавлевич. Перевод, 2012

Перевод публикуемых рассказов выполнен по изданию "EPOTIKA BIBΛION: contes érotiques" [Gecep – Le Cercle Poche, 2007].

Герцогиня

ИТАК, я свободен, вхож в разные круги придворного общества и озираю любопытным и зорким оком состоящих в них дам. Уроки маркизы не раз оказывались мне полезными[1]. Открылся бальный сезон, а я страстный любитель до танцев, однако же не принадлежу к числу избранных, и потому танцевать в домах вельмож мне не дозволено, зато я могу сколь угодно тешить себя наблюдениями. Как-то раз я получил приглашение в дом некой принцессы, в которой ясный ум сочетается с безупречными манерами и весьма чувствительным сердцем. Она, как показалось мне, была создана для того, чтобы внушать к себе прочную привязанность, но чересчур умна, чтобы это обнаруживать. Связывать себя в ее-то лета и с ее привлекательностью!.. Что скажет Амур? Для того ли вручил он ей свои стрелы, чтобы она держала их праздными или вонзила все в одно-единственное сердце, точно булавки в подушечку на туалетном столике? По некоторым признакам я догадался, что она к тому еще и великодушна, остроумна и наделена множеством талантов. Провидческий дар подсказал мне, что не в ее правилах стеснять себя в удовольствиях и что толика строгости в обращении с ней, пожалуй, пошла бы на пользу. "Да кто ж она?" — "Э, нет! Вы слишком многого хотите! Подите в театр, когда там дают 'Гувернантку'[2], и вы увидите, как она исполняет любезную ее сердцу роль под восторженные аплодисменты публики".

Однажды, в компании мужчин, мы обсуждали меж собою танцующих, и я воскликнул: "Бог мой! Кто эта крошка, эта шальная причудница? Прическа растрепалась, фижмы скособочились, весь убор в полном беспорядке... Но, право, это ее только красит: черты оживлены, движения порывисты, и вся она как будто бы искрится". — "Это герцогиня де... — отвечал мне граф де Родон. — Вы ее не знаете? Так я вас представлю.

1. Речь идет о некой маркизе с крайне непристойным вымышленным именем Ви-о-Кона (Vit-au-Conas, что можно перевести как нечто вроде "Буй-Везде", которую Мирабо упоминает в повести "Обращение, или Отменный развратник" (1780). Расставаясь с героем, она описывает ему нравы придворных дам и дает наставления, как с ними обращаться. (*Здесь и далее – прим. перев.*)
2. "Гувернантка" – пьеса французского драматурга Пьер-Клода Нивеля де ла Шоссе (1692–1754).

Она любит музыку, вы ее развлечете". На другой день я напомнил графу его посулы, и мы отправились к герцогине.

Хотя было уже шесть часов вечера, она приняла нас в пеньюаре и надетом набекрень чепце, из-под которого выбивались пышные пряди. Обнять графа, сделать мне реверанс, засыпать меня вопросами и взять в партнеры для исполнения па-де-де из "Роланда" было для нее делом одной минуты. Поначалу я оставался холоден, но сладостный выпад ножкой, который герцогиня проделала на манер Гимар[1], подхлестнул меня, разгорячил мое естество, так что у меня... (О друг мой, для такого дела ничего нет лучше па-де-де!) Граф бурно нам рукоплескал, герцогиня воскликнула, что я танцую, как сам Вестрис и что колено у меня не хуже, чем у Доберваля[2], и заставила меня дать обещание, что я стану репетировать с нею вместе, предоставив самому выбирать время, а затем позвала своих служанок. Граф откланялся, я же остался; озорница соорудила себе препотешную прическу и спросила моего мнения; я, кое-что подправив, придал ей вид лихого гренадера; она нашла сие отменным... Закончив туалет, она направилась к дверям; я подал ей руку и ретировался.

Черт побери, думал я, эта особа не теряет времени, изображая неприступность. И вот всю ночь я не могу заснуть — мне все мерещится лукавая мордашка. Измученный, я вскакиваю утром и уже в десять часов являюсь к герцогине; она только-только из ванны и свежа, как роза. На ней свободное платье до полу; нам несут шоколад — я им изрядно перепачкался; герцогиня порхнула к клавесину; дивные пальчики ее снуют со всей возможной беглостью; что за отменный вкус, изящный голосок, чудесные звуки, но души в них... увольте. Однако, как я вижу, ее легко настроить на чувствительный лад. Мы начинаем дуэт, я подступаю ближе, она невольно размягчается, теряет голову, вздыхает, сердце ее замирает, голос пресекается, пальцы останавливаются, грудь трепещет, и я ловлю воспламененным взором каждое ее движение... Вдруг — раз! — и все летит ко всем чертям. Оставив клавесин, она ударяет меня, просит прощения, одним прыжком бросается на диван, что-то сердито лопочет, и снова вскакивает с громким смехом.

Тут на мое счастье прибыл Гардель: мы начинаем танцевать, я с удовольствием замечаю, что герцогиня увлекается, она меня с жаром хвалит. Гардель предпочитает ей не перечить; я собираюсь уходить, но герцогиня просит извинения, умоляет простить ее и готова нести наказание; притворное смирение: казни меня! — я покрываю ее ручку поцелуями и получаю от другой пощечину, которую в тот же миг искупает дерзкий поцелуй.

1. Мари Мадлен Гимар (1743–1816) — знаменитая французская танцовщица.
2. Гаэтано Вестрис (1729–1808) — итальянский хореограф и танцор. Жан Доберваль (1742–1806) — французский танцор и балетмейстер.

На другой день я лечу к ней на крыльях желания, захватив с собою несколько новейших ариетт, которые она просила подобрать; герцогиня в постели; горничная отдергивает передо мною полог; рядом с альковом услужливо раскинуло объятия кресло... но я предпочитаю опереться на высокий столик — так ловчее.

Где ты, божественный Карраччи? Вручи мне свой карандаш, чтобы нарисовать это дитя!..

С головы наполовину сполз крестьянский чепец; черты лица неправильны и прихотливы: прекрасные темные очи, хорошенький ротик, нос вздернут, лоб хоть и невелик, но мило осенен кудрями; две-три неотразимых угольно-черных родинки; лицо не столь бело, сколь живо, зато чистейший пурпур не сравнится яркостью с румянцем щек и лепестками губ.

Мы поболтали о каких-то пустяках, потом я показал ей ноты, а она мне предложила спеть. Но только я распелся, как из-под простыни выныривает бело-розовая грудь... *и голос мой срывается*... Я продолжаю, а меж тем показываются наружу то округлое, полное неги плечо, то сочное пухленькое бедро, то точеная ножка, повергая в смятение все мои чувства... Я дрожу, сбиваюсь, не помню, что пою... "Ну, ну же, дальше!" — говорит мне герцогиня с хладнокровием, какого я не ожидал найти в ней. Я снова начинаю петь, она же — снова за свое; во мне вскипает кровь, натянуты, напряжены все нервы, я трепещу, я обливаюсь потом; она, жестокая, с улыбкою все это наблюдает, потом вдруг испускает вздох... Последний раз взметнулась простыня и обнажила ее всю... Разрази меня гром! У меня потемнело в глазах, я отшвырнул ноты, рванулся так, что отскочили стеснявшие меня пуговицы, и бросился в ее объятия... я рычу, я кусаю, она отвечает мне тем же; четыре неистовых схватки — и только тогда я ее отпускаю.

Герцогиня лежала точно в забытьи; обеспокоенный, я применил особое средство, которое всегда при мне, свой бойкий язык; приник губами к розовому бутону на вершине прелестного холмика, и то, как она живо встрепенулась, рассеяло мои страхи. "О Боже, Боже! Милый, ты все-таки ее нашел!" — вскричала она, бросаясь мне на шею. "Нашел? Но что же?" — удивился я. "Да то, чего, как мне твердили, у меня нет — мою чувственность!.." И вновь прелюдия из поцелуев, и один за другим полетели на пол предметы моей одежды, пока мы, наконец, не очутились в той самой позиции лицом к лицу, которую упоминала некая смешная жеманница. Но малютка-герцогиня, смею вас уверить, не была похожа на недотрог, что страшатся лечь рядом с неодетым мужчиной. В новом положении мне открылись новые утехи. Герцогиня была сложена безупречно! Пышная, но не толстая, стройная, но не тощая, а

чресла столь призывно изгибаются... И я, ей-богу, отвечал на сей призыв со всем старанием.

Я весьма охоч до любовных трудов, но Господь не дал нам обрести вечное движение, поэтому когда-то надобно остановиться, ибо эта игра скорее утомляет, нежели надоедает.

Герцогиня неизменно бормотала что-то невнятное, в каждую встречу все то же, и по мере того как убывал ее пыл, она превращалась в существо заурядное и бесцветное. До чего я люблю несравненный лепет, срывающийся с уст упоенной сладострастием женщины! Как подкрепляет и усиливает ласку даже одно подходящее к делу словечко! Уберите речи, предваряющие блаженство, и те волшебные слова, которые рождаются, когда спадает первая волна восторга, часто приближая новую, — и вот уж *на груди прелестниц нас настигает скука:* любви как не бывало, рой наслаждений улетел, мы погружаемся в дремоту, и нам уж больше не очнуться.

За две недели с герцогиней я проделал весь означенный путь: начало было слишком бурным, и скоро пришло пресыщение, а за ним — отвращение. В этом состоянии я пребывал, когда однажды вечером мне принесли ларчик и письмецо.

"Минутный порыв сделал меня вашею любовницей, минута все переменила; но я признательна вам, сударь, за ваши заботы и прошу принять этот ларчик. Благодаря ему вы сохраните в памяти образ той, что, кажется, была вам дорога, но не сумела составить ваше счастие надолго".

Я сразу понял, от кого исходило письмо — сама герцогиня была неспособна продиктовать такие строки. И написал ответ: "Сударыня, я, право, тронут вашим добрым сердцем, удостоившим похвалы мою скромную особу. В сношениях с вами я выказал усердие, которое, как мне казалось, пришлось вам по нраву, и мне не след питать ни гнева, ни досады. Довольно с меня наград за победу, и нет нужды награждать отступление. Всю последнюю неделю я лишь ждал ваших приказаний, ни разу, в силу глубокого почтения к вам, их не предвосхитив. Ваш портрет я сохраню как знак того, что вы изволили признать мои *таланты.* Желаю, чтобы счастливый смертный, занявший мое место, сумел превзойти меня! Я же рад оказать вам обоим необременительную услугу — уступить возможность насладиться сполна".

Мой преемник, неглупый человек, продержался, как и я, лишь несколько дней; герцогиня сменила его на некоего вельможу; тот в самом деле оказался под стать ей по духу, а для утех телесных у нее имелись лакеи — таков удел герцогинь.

Дописав свой ответ, я открыл ларчик и нашел в нем превосходные бриллианты и портрет герцогини в пеньюаре, который был так хорош, что я безотчетно поднес его к губам. Признаться ли? Я вновь поддался чарам обворожительной куклы, и мой порыв завершился жертвенным возлиянием в ее честь.

Я наделал долгов, и мои кредиторы, почтенные иудеи, постоянно являли мне свои висельные рожи. Тогда-то я и принял великодушное решение: женюсь! "Но ты же пропадешь!" — "Да, пропаду, и чем скорее, тем лучше".

Я позвал одну знакомую пожилую маркизу, мастерицу плести интриги и брачную сводницу, и посвятил ее в свое дело, прибавив, что оно не терпит отлагательства. "Так-так, — сказала она, — и вам надобна красивая?" — "Бог мой, да все равно, ведь я беру ее в жены, а не затем, чтоб на нее пялили глаза, так зачем мне красота!" — "Богатая?" — "Весьма желательно!" — "Умная?" — "Ну-у... в меру". — "Что ж, я вам помогу. Вы знаете госпожу де Л'Эрмитаж?" — "Нет". — "Я вас представлю. Это моя подруга, у нее есть дочка восемнадцати лет. Очень богатая и, главное, отменного нрава". (Эх, верно, уродина еще та!) И добрая моя дуэнья тотчас же взялась за дело: пошла замолвить первое словечко, похлопотать за меня, расписать в лучшем виде; в тот же вечер она прислала мне записку, а два дня спустя мы вместе отправились к будущей моей теще.

Госпожа де Л'Эрмитаж держит блестящий салон, куда, расплачиваясь за ужин острословием, сходятся все наши полубоги, все современные аполлоны. Уже в прихожей на меня пахнуло ароматом древностей; моя советчица меня предупредила, что я должен всем восхищаться. Зайдя в просторную квадратную гостиную, я увидал хозяйку, ни дать ни взять чаровница: худая, как скелет, и с королевской статью. Она осыпает меня любезностями, я отвечаю бесконечными реверансами и ищу глазами свою суженую... Как бы не так! Сначала вынести суждение обо мне должна матушка, черт бы ее побрал, да и прилично ли выставлять девушку напоказ абы кому?.. Дуэнья с матушкой завели церемонную беседу, пустились в воспоминания. За это время я обошел всю гостиную. Стены ее украшали поблекшие гобелены в зеленых тонах. На них были изображены Кассандра и Поликсена, царь Приам, а также множество троянцев и коварных греков, и около рта у каждого разворачивался свиток — для удобства беседы. С потолка свисал огромный светильник золоченой бронзы о семи ветвях, должно быть, освещавший когда-то пиры Навуходоносора; по углам стояли старинные лаковые треножники, на которых красовались античные вазы и пирамиды с усеченными верхушками, извлеченные из раскопов Ниневии Великолепной. На столах паросского мрамора с гранитными ножками громоздились греческие и римские бюсты и ящички с монетами и медалями. Над камином высотою в добрых восемь футов висело металлическое зеркало в огромной раме с тонкой резьбой — оно, не иначе, принадлежало самой Елене Прекрасной. Кресла были точно такие, как у царицы Савской — накры-

тые ковриками, туго набитые, чтобы не проваливаться, и изукрашенные позолотой. Вот, дорогой мой, предметы, составлявшие диковинную меблировку. Мой искушенный взор угадывал в ней признак богатства, мысль о котором дразнила мою душу, и я уже воображал, как поменяю всю эту дребедень на роскошные образцы новейшего вкуса. Однако же вслух восхищался каждой вещью и даже рукоплескал с видом знатока; похвалы мои были приняты благосклонно; вскоре мы с моей наперсницей ретировались.

Выйдя за порог, она сказала мне, что мое лицо, мой чинный, солидный вид (ведь я, черт побери, ни единого раза не улыбнулся!), особливо же моя чрезвычайная учтивость расположили хозяйку салона в мою пользу и что меня, быть может, пригласят отужинать в четверг, день большого приема, а тогда уж я увижу мадемуазель Эвтерпу... Будь я проклят! Вот это имечко... я даже испугался: ну, как прелестница и сама окажется антиком...

Приглашение я получил, ужин был в том же духе, что и обстановка, и я наконец увидал мою Эвтерпу... Силы небесные... вот красавица так красавица: ее словно топором ваяли, и будь я неладен, коли не обезьяна тому изваянию служила образцом, хотя почтенная матушка уверяла, будто ее дочь — живой портрет господина де Л'Эрмитажа. Плотное приземистое тулово, оливкового цвета кожа, глубоко посаженные, утопающие в жирных щеках глазки, полузаросший волосами лоб, огромный рот с торчащими зубищами, похожими на черешки сухой гвоздики, жилистая шея, а на ней... о боже!.. газовая шаль ревниво прикрывает нечто необъятное. Ох, уж прикрыть бы заодно и две огромные лапы, ужаснейшие из всех, какие только приходилось мыть горничным на всем белом свете. Но вот мадемуазель Эвтерпа жеманно подбирает губы, и оттого становится еще страшнее... Когда ж она заговорила... — свят, свят, свят! Что по сравненью с ней Като![1] "О небо, и вот такое взять в жены! — мысленно воскликнул я, обращаясь к самому себе. — Ужасно!" И сам же себе возразил: "Да погоди, глядишь, еще и не женишься!" — "Эх, милый мой, сорок тысяч ливров ренты при вступлении в брак да еще столько же в придачу не шутка! Вот в чем ее красота, а что есть у меня? Один отменный х.., да и тут навряд ли ей много перепадет. А должники-то преследуют меня по пятам: придется пойти на эту жертву".

После ужина мадемуазель Эвтерпа уселась подле своей матушки, а я принялся любовно икать и квохтать; излияния мои были приняты благосклонно; в общем, спустя две недели мы обвенчались, и я получил первые двадцать тысяч ливров из обещанных по контракту. Итак, я стал супругом Эвтерпы. Матушка

1. Героиня пьесы Мольера "Смешные жеманницы".

напутствовала дочь благословением и поцелуем, и моя чистая голубка легла в постель, стыдливо сжавшись в комочек. Часть гостей, по большей части молодежь, поздравили меня с близким счастьем, пожелали удачи и потехи ради укрылись в соседних со спальней комнатах. Я пристроился рядом с юной девой, а та заливалась слезами. "Мадам, — сказал я ей, — брачная стезя, на которую мы вступили, узка и терниста, но она ведет к счастию; роз без шипов на свете не бывает, мне же, вашему мужу, надлежит обломать их. Создатель пожелал соединить нас как две половины единого целого. А дабы укрепить конструкцию, Он снабдил мужчину, господина своей супруги, этаким стержнем... Вот он, пощупайте (я поднес ее руку *туда*, она отдернула ее в притворном страхе). А в вас есть для него отверстие, позвольте же мне отыскать его и угнездить мой стержень". Я крепко обхватил смиренницу — она стиснула ляжки, я просунул колено, как клин, — она давай сопротивляться, отбиваться кулаками, наконец, притворилась, будто лишилась чувств, и вытянула ноги, вздыбив зад. Я ударяю в дверь... И вот те на! Ах, ты... Будь я неладен! Мерзавка чертова! Какой позор! Украсила меня рогами! Я задыхался от негодования. Дверь-то оказалась распахнутою настежь. Ах, сука, ах ты, тварь! И эта потаскуха еще обороняла свой дырявый зад! Я пнул ее, она — царапаться, орать, я стал лупить ее еще и осыпать проклятьями, и тут к нам ворвалась мамаша, пылая гневом. Я спрыгнул на пол и выбежал вон. Меня окружили друзья, с заботливой издевкой они спрашивали, не дурно ли мне, не принести ли мне стакан воды. А мне бы поскорее, черт возьми, отсюда вон! Минуты не прошло, как появляется моя почтеннейшая теща и говорит величественным тоном: "Любезный зять, я знаю, в чем тут дело!" — "Еще бы, тысяча чертей! Я тоже знаю и даже лучше, чем хотел бы". — "Нет-нет! Со мною в первый после свадьбы день случилось то же самое". — "Ха! Хороша семейка!" — "Не огорчайтесь же, она еще невинное, неискушенное дитя, но она пообвыкнется, ступайте к ней и постарайтесь взять ее лаской". Меня душила злость, и только потому я слушал, не перебивая, однако же в ответ на это предложение взорвался: "Вернуться к ней? Пускай тот негодяй, что первым ее пропахал, ее и забирает!.. В ней все растянуто, как у ослицы или у кобылы!" (Тут госпожа де Л'Эрмитаж нахмурилась). — "Любезный зять, как я поняла, вы просто не смогли..." — "Что-о? Я не смог? Черт побери, сударыня! Тут кто угодно сможет — карета вкатит без труда!" Старая ведьма опять раскричалась, мне страстно захотелось выкинуть ее в окно, но я сдержался и выбежал из этого проклятого дома, чтоб никогда туда не возвращаться.

О горе мне! Позор! Я, гроза мужей, мастак едрить направо и налево, я сам увенчан модным украшеньем! С обновкой, сударь мой! Какие миленькие рожки! Вам так к лицу! И все по милости

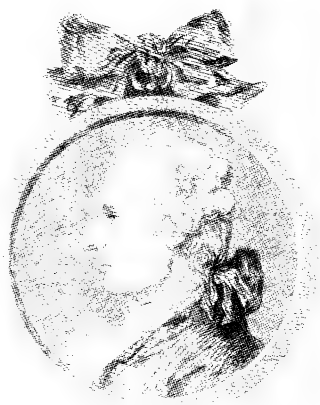
какой-то гнусной образины! Непотребной девки! Куда теперь податься? Меня изведут убийственными эпиграммами!

И это еще не все. На другой день ко мне явился некто в черном, отвесил множество поклонов и протянул письмецо. "Вы ошиблись, сударь", — удивился я. "Нет, сударь", — сказал он с нормандским выговором. "Но от кого же это письмо?" — "От высокочтимой Эвтерпы де Л'Эрмитаж, вашей законной супруги". — "Ах, негодяй, ах, скотина! А ну, пошел вон, не то..." — Но он уже пошел и даже побежал прочь. Так вот, мерзавка требовала, чтобы я обходился с нею как положено мужу обходиться с женой, и грозилась в противном случае подать на развод. Я обратился к своему стряпчему, три месяца мы вели тяжбу, я превратился во всеобщее посмешище и в конце концов меня принудили вернуть десять тысяч ливров из полученных двадцати, меж тем красавица моя оказалась брюхатой — и не в первый раз! — а меня объявили отцом ребенка (то-то, верно, будет уродец!).

И вот в смятении и ярости я отбываю за границу и навек покидаю постылую страну, где на меня обрушилось столько несчастий.

Жестокая, треклятая судьбина! И я должен сносить ее причуды и прихоти! Таков-то плод моих благих намерений! Все, чего я добился, — это Моисеев убор! Так нет же, прочь, черные думы, прочь, вздорные страхи затравленного воображенья... Отныне, любезные жены, я не стану забывать голову меж ваших цепких ножек, и ни один муж отныне не выкует мне рога своим буем. И не в *добродетели* — плевать я на нее хотел! — дело. А просто, испытывая жажду мести, я желаю вы...ть весь мир; орудие моей похоти не пощадит и девственности (ежели таковую еще возможно встретить); стада рогоносцев расплодятся моими трудами по замкам, городам и весям; я дерзну посягнуть даже на привилегии Святой Церкви. Не пропущу без хорошей вздрючки ни епископской курвы, ни подстилки деревенского кюре (для их же пользы), когда же безбрачная душа моя попадет в отцовские объятия самого Сатаны, примусь едрить и мертвых!

Андреа де Нерсиа



Мимолетное любопытство

Пьеса

Перевод Елены Морозовой

Андре-Робер Андреа де Нерсиа [André-Robert Andréa de Nerciat; 1739–1800] – загадочная личность: военный, авантюрист, тайный агент европейских правительств, исполнитель секретных миссий, за не известные никому заслуги в 1788 году был награжден крестом Святого Людовика. В своей "нетайной" жизни он также оставил яркий след как плодовитый писатель-либертен, смело и жизнерадостно, в духе времени, представлявший все мыслимые сексуальные извращения; он утверждал, что таким образом пытается вызывать в читателях отвращение к порокам французской аристократии.

Самые известные его романы: "Фелисия, или Мои проказы" ["Félicia, ou Mes Fredaines", 1772], "Дьявол во плоти" ["Le Diable au corps", 1776, опубликован в 1803], "Доктор поневоле" ["Le Docteur impromptu", 1788], "Мое ученичество, или Утехи Лолотты" ["Mon Noviciat, ou les Joies de Lolotte", 1792], "Почитатели Афродиты" ["Les Aphrodites", 1793].

Перевод публикуемой пьесы выполнен по изданию "Contes immoraux du XVIIIe siècle" [Paris: Editions Robert Laffont, 2009].

© Елена Морозова. Перевод, 2012

Теплым сентябрьским днем в четыре часа пополудни хорошенькая чтица герцогини де*** восемнадцатилетняя мадемуазель де Шармантур со вздохом сказала мадемуазель Нежнуа[1], старшей горничной герцогини:

— Ах, душенька, какой же скучный вечер нас ожидает! И, как на зло, в замке ни одного котика!

Мадемуазель Нежнуа. Вот, истинно, рассуждения озорницы, охочей допускать котов к своей сметане.

Мадемуазель де Шармантур. Послушать вас, Нежнуа, так можно подумать, что в голове у вас мысли... весьма обидные для тех, кто вас по-настоящему любит!

Нежнуа. Ну вот, вы уже нахмурились!

Мадемуазель де Шармантур. Пока нет, но еще немного, и я рассержусь.

Нежнуа. Чтобы снова заслужить вашу милость, не могу ли я предложить вам *маленький услужливый пальчик*?[2] Быть может, за неимением котика, вы пока что удовлетворитесь кошечкой, коя, как вам известно, обладает бархатными и весьма приятными лапками!

Мадемуазель де Шармантур (*жеманно*). О, Боже! Да ты с ума сошла! Только и думаешь, что о непристойных штучках.

Нежнуа. А мне нравятся такие штучки. (*Ее рука уже проникла под юбки чтицы.*)

Мадемуазель де Шармантур (*не противясь действиям товарки*). У меня в голове совсем иное.

Нежнуа. Может, вы заодно посвятите меня в свои секреты? (*Забава продолжается, однако со стороны едва ли что-нибудь заметно.*)

Мадемуазель де Шармантур. Разумеется, ведь это принесет мне двойное облегчение, еще лучше, чем...

Нежнуа. Вы правы, если облегчение наступит дважды, то лучшего и желать нельзя. Долой слащавое лицемерие, давайте рассказывайте о ваших заботах. (*Пока Нежнуа продолжает свое дело, мадемуазель де Шармантур, придвинувшись и приобняв ее за плечи, начинает рассказ.*)

Мадемуазель де Шармантур. На самом деле, Нежнуа, у меня все не так ладно, как хотелось бы.

1. Мадемуазель де Нежнуа — высокая брюнетка двадцати одного года, опытная во всех смыслах; чтица она не образцовая, но обладает многими удивительнейшими способностями.

2. Те, кто имеют представление о *нравах века*, прекрасно знают, что, следуя принятой в свете моде, подруги без стеснения предлагают друг другу подобного рода услуги, кои почти всегда принимаются запросто... Это означает, что такого рода игры являются злом наименьшим.

Нежнуа (*продолжая свою работу*). Чего же вам не хватает?

Мадемуазель де Шармантур. Ублаготворения сердца.

Нежнуа. Такого, как у Буффле?[1] Однако, мы стараемся делать все, чтобы доставить ему удовольствие.

Мадемуазель де Шармантур. О, нет! Я о другом!

Нежнуа. А, так речь идет о чувствительном сердце. Но в чем же дело? Госпожа герцогиня вас обожает.

Мадемуазель де Шармантур. Было бы вполне достаточно, если бы она просто меня любила.

Нежнуа. Она хороша собой; ей всего двадцать восемь. Вдова, весьма щедра и духом возвышенна как ангел. Тысячи воздыхателей сгорают от желания обратить на себя ее взор.

Мадемуазель де Шармантур. Но большинство из них, без сомнения, хотят обвести ее вокруг пальца.

Нежнуа. Думается мне, что вы лукавите и немного отступаете от истины. Но как бы там ни было, случай дозволил вам занять место среди ее многочисленного беззаботного окружения. Госпожа, которая, как говорят, всегда была чрезвычайно благоразумна, внезапно, с первого же взгляда воспылала к вам сердечной страстью...

Мадемуазель де Шармантур. Да, все вы правильно говорите, но...

Нежнуа. Нет, дозвольте мне завершить рассказ о том, сколь высоко взошла ваша звезда. Итак, повторяю, госпожа герцогиня околдована вами и теперь шагу без мадемуазель де Шармантур ступить не может: сие очаровательное создание всегда подле своей покровительницы, днем в гостиной и в саду, а ночью в постели...

Мадемуазель де Шармантур. Конечно, все это весьма лестно... (*взволнованно*) но... еще, еще...

Нежнуа (*воодушевляясь*). Плутовка! Я вижу, как ваши шустренькие глазки затягиваются поволокой. Разрядка приближается... Итак, помолчим немного... (*Ускоряя движения шаловливого пальчика, она в конце концов заставляет хорошенькую птицу достичь пика наслаждения и в качестве платы за труды слизывает с губ млеющей от любовной неги мадемуазель де Шармантур обжигающие слезы сладострастия. Когда обе, наконец, успокаиваются, мадемуазель де Шармантур милостиво предлагает Нежнуа вернуть долг той же монетой, но горничная учтиво отказывается, ибо...*)

Нежнуа. На сегодняшний вечер у меня есть кое-что получше, так что, благодарение небу, через час или два у меня будет занятие поинтереснее, нежели облизывать вам кончики пальцев. Лучше доскажите мне про ваши заботы.

1. Намек на стихотворение "Сердце" шевалье де Буффле.

Мадемуазель де Шармантур. Ты полагаешь, Нежнуа, будто тебе известно все, что здесь происходит, но на самом деле ты не знаешь и половины. Конечно, ты права, утверждая, что герцогиня почтила меня своей привязанностью и осыпает меня дарами; но... прежде чем я заняла место подле нее, я безоглядно влюбилась в юного виконта де Плантеза. Он ответил мне взаимностью, но нас решили разлучить, и меня изгнали из родных мест. А теперь случай привел его в сей край, куда приехала и наша герцогиню.

Нежнуа. Она давно уже приезжает сюда по осени. И где же тут несчастье? Ведь, покинув Париж, вы приблизились к любовнику вашему...

Мадемуазель де Шармантур. В чем несчастье, спрашиваешь ты? Ах, дорогая Нежнуа, горе мое, поистине, велико!

Нежнуа. Я, видимо, никогда не догадаюсь...

Мадемуазель де Шармантур. Виконту предстоит провести два месяца у своей двоюродной бабушки, старухи-маршальши. А госпожа герцогиня, едва прибыв сюда, тотчас нанесла старушенции визит...

Нежнуа. Она каждый год это делает...

Мадемуазель де Шармантур. Старая ханжа настолько надменна, что даже в собственном доме отвратительно обходится с компаньонками, и из уважения ко мне моя покровительница не позволила мне сопровождать ее. В доме маршальши она встретила красавчика-виконта, он ей понравился, она немедленно в него втюрилась и, вернувшись в замок, принялась при мне возносить хвалы этому Адонису... Сначала я ничего не заподозрила... но спустя три дня она снова отправилась с визитом к маршальше. А потом — снова! Она уж в третий раз у нее с визитом.

Нежнуа. Вы правы, раньше она посещала ее не столь часто...

Мадемуазель де Шармантур. Сначала было обещано, что виконт приедет к нам; но, похоже, никаких визитов не предвидится... следовательно, с ним будут встречаться там.

Нежнуа. Да, вывод напрашивается сам собой.

Мадемуазель де Шармантур. Заметь, мне больше не говорят ни слова о его необыкновенных достоинствах.

Нежнуа. Ой-ой-ой!

Мадемуазель де Шармантур. Словом, вот уже три дня и три ночи как мне ничего не перепадает, ничего не предлагается... (*Она заливается слезами.*) Ах, милая Нежнуа, я так несчастна. Честолюбие, любовь, дружба — они все отвернулись от меня. Не знаю, что меня здесь держит... раз десять на дню меня охватывает желание покинуть эту злосчастную де-

ревню и, предавшись отчаянью, броситься... в Оперу и там поступить в статистки.

Нежнуа. Уф! Как же я испугалась! Право слово, я уже подумала, не намереваетесь ли вы прыгнуть в воды Марны. Утрите слезы и поверьте, мадемуазель, не нужно никаких сумасбродств. Вы здесь устроены прекрасно, я бы даже сказала, великолепно, так что держитесь за это место.

Мадемуазель де Шармантур. Но, дорогая Нежнуа! Когда любишь...

Нежнуа. Когда девица вроде вас влюбляется, не жди ничего, кроме глупостей...

Мадемуазель де Шармантур. Виконт такой хорошенький!

Нежнуа. Так и возьмите его себе...

Мадемуазель де Шармантур. Но как?

Нежнуа. Хороший вопрос! Так, как берут понравившегося мужчину.

Мадемуазель де Шармантур. Я тебя не понимаю.

Нежнуа. Как! Неужели ради собственной *прихоти* вы не можете устроить свидание, чтобы... черт побери! Вы и вправду недалекого ума, ежели не догадываетесь, что произойдет дальше.

Мадемуазель де Шармантур. Но, дорогуша! Это мы уже сделали...

Нежнуа. Так он вас уже *имел*?

Мадемуазель де Шармантур. Пристойно ли обсуждать подобные вещи?..

Нежнуа. Ох, уж эти мне пристойницы! Впрочем, раз вы не отрицаете сего факта, остается сообразить, что делать дальше. Подведем итоги. Вы любите, вас любят, вы дали друг другу взаимные доказательства вашей любви: чего вам еще надо?

Мадемуазель де Шармантур. Признаюсь, Нежнуа, мне казалось, я разожгу страсть виконта до такой степени, что сумею убедить его жениться на мне.

Нежнуа. По совести, мадемуазель... вы всего лишь дочь королевского егеря, хотя никто не сомневается, что вашему появлению на свет способствовал вельможа...

Мадемуазель де Шармантур. Да, но мой признанный законом отец тоже дворянин, хотя и не столь знатный...

Нежнуа. Не стану с вами спорить. Однако (не в обиду вам будет сказано) это ничего не меняет: отец ваш, хоть и человек почтенный, но живет на жалованье. А ваш виконт! Внучатый племянник маршальши Франции, сын, брат, кузен, приятель самых знатных придворных, сам представлен ко двору и скоро станет генерал-майором; а еще говорят, что он прекрасно танцует: одним словом, *всем хорош*.

Мадемуазель де Шармантур. К чему ты клонишь?

Нежнуа. Чтобы вы поняли, что с вашей стороны просто безумие смотреть на него как на подходящую для вас партию...

Мадемуазель де Шармантур. Но он мне обещал...

Нежнуа. И подкрепил свое обещание письменным заверением? Если вы не откажетесь от этой химеры, придется вас запереть в одном из маленьких закрытых пансионов...

Мадемуазель де Шармантур. И все же признаюсь тебе, дорогая Нежнуа, я умираю от желания (разумеется, посредством брака) стать знатной дамой. Будь я богата, я бы трубила об этом на всех перекрестках, чтобы меня заметил какой-нибудь граф, маркиз или на худой конец барон, пусть корыстный и по уши в долгах, лишь бы он согласился за мои деньги дать мне свое имя и свой титул.

Нежнуа. Если бы у вас было состояние, я бы посоветовала вам найти ему более достойное применение. Знатный дворянин, которого жаждет заполучить ваше честолюбие, просто так не разоряется; разорению обычно сопутствует опозоренные титул и имя, коих вы так жаждете. Что же до вашего виконта, то, похоже, природа зря наделила вас дивной красотой лица и соблазнительными прелестями, отобрав их у знатных особ (исключая, разумеется, нашу герцогиню); с таким богатством, душенька моя, пора перестать верить в брак, описанный в "Наине"[1]: такие браки остались в далеком прошлом. Поэтому перестаньте грезить о *величии*. Мне не хочется считать вас одной из тех глупых девиц, что не умеют ценить подарки судьбы: у вас все при себе, вы ни в чем не нуждаетесь, вращаетесь в изысканном обществе, пользуетесь полной свободой, а ваша покровительница, точнее, ваша подруга, всячески вас балует. Словом, ежели необузданное воображение ваше требует, чтобы из *госпожи* вы стали *рабыней*, выходите замуж за ровню: за стекольщика, каковым был ваш дед, или за книгопечатника, как ваш дорогой братец. Людей такого сорта всегда в достатке; поищите среди протеже нашей герцогини и выберите себе доброго малого, но простачка, чтобы без труда водить его за нос.

Мадемуазель де Шармантур. Ни за что; все или ничего; или дворянин, или остаюсь свободной.

Нежнуа. После таких заявлений мне уже не хочется посвящать вас в свои маленькие тайны, ведь вы дали мне понять, что с моей стороны было бы неделикатно предлагать вам сегодня вечером разделить мои скромные развлечения.

1. Намек на комедию Вольтера "Наина, или Мужчина без предрассудков" (1749), где маркиз женится на юной крестьянке. Этот же сюжет обыгрывает и Мармонтель в "Лоретте".

Мадемуазель де Шармантур. А ты попробуй предложи.

Нежнуа. Э-э, нет! Там, куда я хотела вас повести, не будет ни маркизов, ни графов, ни баронов, ни даже какого-нибудь завалящего шевалье.

Мадемуазель де Шармантур. Жестокая, ты смеешься надо мной!

Нежнуа. Я всего лишь беседую с вами о занимающем вас предмете. Что до меня, то я, дождавшись, когда за мной пришлют, отправлюсь в одно место, где меня ожидают радость и веселье...

Мадемуазель де Шармантур. Объясни, о чем речь.

Нежнуа. В шесть часов я сажусь в лодку...

Мадемуазель де Шармантур. И что же дальше?

Нежнуа. Два лодочника быстро гребут вниз по течению и привозят меня в уединенный сельский уголок, где среди зелени дерев веет свежий ветерок...

Мадемуазель де Шармантур (*с интересом*). Очаровательная картинка!

Нежнуа. Там меня встречают два простодушных и влюбленных в меня кавалера: я их кумир, они меня обожают...

Мадемуазель де Шармантур. Все лучше и лучше.

Нежнуа. На берегу, близ рыбного садка, что опущен в воды Марны, стоит простая деревянная хижина, и в ней, наслаждаясь великолепным видом, я дарую награду обоим моим пламенным обожателям...

Мадемуазель де Шармантур. Обоим обожателям!

Нежнуа. Совершенно верно: обоим. На природе нет места завистливой ревности. Мои пастушки словно Орест и Пилад, и соперничают лишь в усердии превзойти друг друга в оказании мне наибольшего удовольствия.

Мадемуазель де Шармантур. Не рассказывай мне сказки.

Нежнуа. Во всяком случае, спать не придется; но кажется мне, что вы чертовски возбудились...

Мадемуазель де Шармантур. Не поверю, пока не докажешь, что это не сказка.

Нежнуа. А если докажу, что вы готовы потерять?

Мадемуазель де Шармантур (*в порыве страсти*). Голову, душенька, с одним из твоих пастушков, если, конечно, ты будешь столь великодушна, что одолжишь мне его; во время же сего пасторального *экспромта* я обещаю тебе забыть обо всех виконтах на свете.

Нежнуа (*весело*). О! Именно это я и хотела вам предложить! Великолепно! Но как быть с вашей привычкой заглядываться только на пустозвонов-придворных?

Мадемуазель де Шармантур. Всему, душенька, отведены свои часы: если порой нас обуревает честолюбие, то почему бы иногда не пойти на поводу у своих капризов?

Нежнуа. Наконец-то я слышу здравые речи... (*После этих слов мадемуазель Нежнуа подходит к окну и, бросив взор на реку, замечает лодку.*) О, право же, это та самая лодка, о которой я говорила! Но я ждала ее только в шесть.

Мадемуазель де Шармантур. В том нет ничего дурного.

Нежнуа. Видите, мадемуазель, что значит деревенская учтивость; я избаловала своих мальчиков, и они так страстно жаждут меня видеть, что не послушались и прислали за мной лодку намного раньше, чем было условлено.

Мадемуазель де Шармантур. И очень кстати. Иначе нам пришлось бы поскучать. Так что лучше уж...

Нежнуа. Конечно, лучше отправиться пораньше... Какая же вы умница!

Мадемуазель де Шармантур. Я не буду изображать недотрогу: конечно, мне нравятся знатные господа, но еще больше я люблю удовольствия, и, по правде говоря, главная моя печаль в этой деревне состоит в том, что по ночам мне не с кем поговорить, кроме как с...

Нежнуа (*перебивая ее*). С теми, кто, как гласит пословица, порет чушь[1]. Поехали, там мы найдем кое-кого, кто сумеет привести вам аргументы, которые придутся вам по вкусу...

Вооружившись веерами и зонтиками от солнца, они выходят из дома, проходят через дивный сад, раскинувшийся до самого берега, и по ступенькам спускаются к воде. Возле причала двое юношей, старшему из которых едва исполнилось девятнадцать, ожидают мадемуазель Нежнуа; при виде спутницы ее они теряются и в изумлении переглядываются. Гребцы почтительно помогают обеим девицам забраться в лодку; особенно внимательны они к мадемуазель де Шармантур: известно, что она хоть и не из знати, но из благородных, иначе говоря, не ровня своей хозяйке, но выше простой субретки. Плывут они около часа; молчаливые гребцы старательно исполняют свою работу. Мадемуазель Нежнуа, имеющая собственные причины не заводить разговоров, развлекает спутницу новой книжицей, где почти на каждой странице помещены непристойные гравюры. Мадемуазель де Шармантур слывет большой любительницей такого рода картинок, однако взор ее, небрежно скользнув по странице, все чаще обращается к лодочникам. Чем больше она

1. Тому, кто не обладает красноречием, либертены говорят: "Ты порешь чушь".

на них смотрит, тем вернее полагает их красивыми, бодрыми и хорошо сложенными... "Знаешь, — шепчет она на ухо мадемуазель Нежнуа, — если их одеть получше, они бы ничем не отличались от тех столичных молодых людей, кои, явив себя во всей красе, собираются в местах общественных гуляний и в театрах..." — "Они, действительно, милы", — соглашается мадемуазель Нежнуа. И вот уже мадемуазель де Шармантур, неотрывно лорнируя обоих юношей, с выразительным видом бросает в их сторону дерзкие взгляды; обе девицы замечают, что молодые люди залились краской; мадемуазель де Шармантур становится очень весело. Добравшись до места, лодка пристает к берегу возле крошечного причала со сходнями. Мадемуазель де Шармантур видит перед собой деревенскую хижину, рыбный садок и все, о чем рассказывала ей товарка. Однако напрасно она оглядывается по сторонам: нигде не видно спешащих к ним кавалеров, которые, по утверждению Нежнуа, должны с нетерпением ожидать их прибытия... Неужели...

Мадемуазель де Шармантур. Что это значит, дорогая Нежнуа?

Нежнуа. О чем вы? Что вас беспокоит?

Мадемуазель де Шармантур. Отсутствие воздыхателей, отправивших за тобой лодку за два часа до условленного времени.

Нежнуа. Что вы хотите этим сказать?

Мадемуазель де Шармантур. Что будет весьма досадно прождать здесь долго и напрасно.

Нежнуа. Я больше никого не жду.

Мадемуазель де Шармантур. А твои друзья, твои любовники?

Нежнуа. Они здесь.

Мадемуазель де Шармантур. Где же?

Нежнуа. Вы, верно, совсем ослепли.

Мадемуазель де Шармантур. Да ты смеешься надо мной! Провалиться мне на этом месте, если я кого-нибудь вижу.

Нежнуа. Ну, а я вижу все, что мне нужно, все, что мне нравится и чего нам обеим должно хватить. (*Обращаясь к лодочникам.*) Скоро ли вы управитесь, друзья мои?

Фирмен (*младший*). Жду ваших приказаний, мамзель; мой кузен только сбегает посмотреть, не поймалась ли рыба на поставленные нами удочки. Но я тут и готов начать.

Мадемуазель де Шармантур (*шепотом Нежнуа*). Ах, мошенница! Наконец-то я поняла: вот это? (*Лицо ее принимает надменное выражение.*)

Нежнуа (*строгим голосом*). Да, мадемуазель (*передразнивает ее*), вот это. Какой, однако, у вас спесивый вид! Вы словно

позаимствовали его у придворных кривляк! Но знайте, те, кого вы презрительно называете "*это*", — настоящие мужчины, красивые, здоровые, молодые, нежные и скромные, обладающие массой достоинств, коих нет ни у ваших кукол, что вечно торчат в "Бычьем глазе"[1], ни у ваших угодников и жеманников, что каждый день расползаются по борделям Парижа, притонам предместья Сен-Жермен и мансардам Версаля[2].

Мадемуазель де Шармантур. Ну, полно, не сердись. Давай мириться!

Нежнуа. Подойди, Фирмен. (*Обращаясь к мадемуазель де Шармантур.*) Посмотрите, красавица, на эту пару черных глаз! Разве вы не видите, сколько в них простодушия и нежности? Посмотрите на эти зубы! Разве наши химики-повара и архитекторы-кондитеры позволят вашим сладострастным гурманам надолго сохранить свои зубы белыми? Даже аромат розы не столь свеж, как дыхание этих селян!..

Мадемуазель де Шармантур. Я с вами полностью согласна.

Нежнуа. С тех пор как я потребовала от своих верных поклонников из любви ко мне принимать ванну по нескольку раз в день... с тех пор как они носят указанное мною белье, я уверена, не сыщется ни одного полковника, ни одного провинциального дворянина, который бы столь рьяно заботился о чистоте...

Мадемуазель де Шармантур. Не сомневаюсь.

Нежнуа (*Фирмену*). А сейчас, душа моя, покажи нам, что у тебя есть. (*Он подчиняется.*) Вот, мадемуазель, раз вы в этом разбираетесь, скажите, много ли при дворе имеется форм, способных соперничать с этой отливкой?

Мадемуазель де Шармантур (*поднося к показанной части тела руку и словно по рассеянности касаясь ее*). Сдаюсь: вы обратили меня в свою веру, и теперь у меня есть веские основания не считать виконта идеалом... Надобно срочно...

Нежнуа. А вот и Жерар. Подойди, сын мой. Не бойтесь, госпожа сохранит тайну; более того, если вы меня любите...

Жерар (*прерывая ее*). Да разлюли-малина, как же нам вас не любить-то!

Нежнуа. Чтобы это доказать, вам сейчас придется удовлетворить госпожу так... как удовлетворяете меня...

Жерар. Помилуйте, для нас это большая честь! Ах ты, черт нечистый! (*Фирмену.*) Послушай, кузен, а они, случаем, не надсмехаются над нами?

Фирмен. Ну, если только это не козни Сатаны...

1. Прихожая, где ожидали выхода короля.
2. Почти всем придворным дамам на время двухнедельного дежурства в мансардах выделялись крошечные апартаменты.

Нежнуа. Никаких козней, петушки мои, и мы ни над кем не смеемся; впрочем, сейчас сами увидите. Но вы должны превзойти...

Жерар. Черт побери! Сделаем все, что сможем, а ежели мамзель будет удовлетворить не труднее, чем вас...

Мадемуазель де Шармантур. Смелее, господин Жерар (*взяв лодочника за подбородок, она смачно целует его в губы*).

Нежнуа. Дети, мы слишком много болтаем, давайте использовать имеющееся в нашем распоряжении время с бóльшей пользой. Мадемуазель, так как здесь я распоряжаюсь своим богатством, то хочу вас спросить: кому вы отдаете предпочтение?

Мадемуазель де Шармантур (*целуя Фирмена*). Обоим, дорогая, возьму с закрытыми глазами любого, кого тебе будет угодно мне предоставить. (*Она касается той части тела лодочников, какая чаще всего заставляет усомниться в способностях любовников.*) Они оба прекрасны.

Нежнуа. А скоро вы скажете, что они великолепны; я никогда не бываю щедрой наполовину, так что вам предстоит изловчиться, чтобы попробовать сначала одного, а потом другого, по очереди... Полагаю, я не оскорблю юную высокородную особу, предположив, что она способна раскрыть объятия обоим...

Мадемуазель де Шармантур. Довольно слов. Если столь почтенная девица, как мадемуазель Нежнуа, может позволить себе эту двойную слабость, то уж такой ветренице как я, она простится непременно.

Нежнуа. Мне нравится, когда умеют договариваться с собственной совестью. Что ж, Жерар, начинай с нее... А мы, дорогой Фирмен, займемся нашим делом.

Исполняя приказ субретки, Жерар расстилает коврик и готовится к битве. Нежнуа же устроилась на мягкой траве, и Фирмен с радостью принимается обрабатывать пылкую субретку. Жерар, застеснявшись, поначалу не может удовлетворить капризную чтицу. Но когда та, крепко прижав его к себе, начинает его щекотать, целовать и покусывать, позволяя ему завладеть всеми ее прелестями, он, отбросив робость и позабыв, что перед ним вроде как знатная дама, отвечает на ее призыв и являет все свои таланты и умения.

Даже мадемуазель Нежнуа удивлена, насколько основательно знает дело ее юная товарка. Каждый из четырех то и дело старается бросить украдкой взгляд в сторону соседней парочки. На втором заходе резвые скачки очаровательных полушарий мадемуазель де Шармантур заставляют выскочить наружу резвого скакуна; но мадемуазель своей очаровательной ручкой без промедления возвращает неосторожно вырвавшегося доро-

гого гостя в предназначенную для него пещерку. Как только первый акт сей бурной пантомимы завершен, все тут же вспоминают о первоначальном замысле. Из объятий Фирмена мадемуазель Нежнуа переходит в объятия Жерара, а мадемуазель де Шармантур, как была с задранной юбкой, дабы не терять времени, отдается красавчику Фирмену. Он же с самого начала игры то и дело бросает взоры на самый прекрасный круп, который ему доводилось видеть в жизни, и в конце концов дерзко просит дозволить ему хотя бы коротко обследовать несравненный сей объект... Пребывая в благостном расположении духа, тщеславная девица наслаждается почестями, кои воздает ее прелестям неотесанный селянин Фирмен: оказывается, он знает толк в любовных уловках. Сладострастную женщину соблазнить легко: она любит, когда ею восхищаются. Вот и теперь, приняв самую изысканную позу, мадемуазель де Шармантур предоставляет возможность будущему *партнеру* разглядывать свои круглые, белые и упругие, подобные полушариям глобуса, сокровища. О, сколь почтителен поклон Фирмена, с какой страстью счастливый любовник метет землю шапкой, поклоняясь прельстительному заду...

Схватившись за тоненькие веточки, мадемуазель де Шармантур пытается удержать равновесие; однако удерживает она его недолго, и, упав на землю, находит вознаграждение. "Окажи мне любезность друг мой, — говорит она, вставая, своему обожателю, — посмотри как следует... я ощущаю жжение на левой ягодице... не впилось ли в нее несколько соломинок?"

— Я даже отсюда их вижу, — скандируя в такт движениям своего тела, произносит Нежнуа. — Собственно, соломинки — всего лишь предлог, чтобы побудить прекрасного селянина полностью удовлетворить свое любопытство.

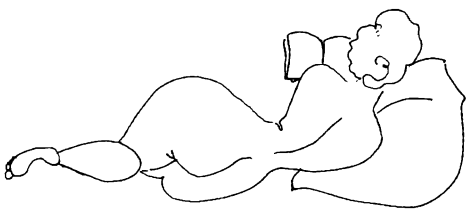
Дабы завершить, наконец, подробный наш рассказ, и без того изрядно затянувшийся, скажем только, что во втором акте нашей пьесы заход был совершен дважды, что (по мнению мадемуазель де Шармантур) не шло ни в какое сравнение со скромными способностями виконта де Плантеза, не знакомого с возможностью *двойного захода.* Затем кавалеры пригласили дам в хижину, где заранее накрыли стол; сельский завтрак состоял из великолепных молочных продуктов и разнообразных фруктов, на которые счастливый край, где происходит действие нашего рассказа, особенно щедр осенью. Затем и дамы, и кавалеры позволили себе начать все сначала, совершив, однако, только по одному заходу; получилось, что каждая девица трижды воспользовалась услугами каждого ухажера, то есть получила по полдюжины излияний всего за два часа, что, согласитесь, нельзя не признать весьма и весьма приятным времяпрепровождением.

Только в десять вечера гребцы пристали к берегу в том месте, где обе девицы сели к ним в лодку; иначе говоря, обратно они плыли гораздо медленнее: во-первых, двигаться пришлось вверх по течению, а во-вторых, кровь счастливых лодочников не бурлила более и сил в их крепких руках поубавилось. Подплывая к берегу, девицы увидели, как слуги высыпали на террасу якобы подышать воздухом, а на самом деле поглазеть на их возвращение; поэтому, состязаясь друг с другом в искусстве лицемерия, они с надменным видом расстались со своими обожателями; впрочем, о дне и часе нового свидания условлено было по дороге.

Герцогиня еще не вернулась; она прибыла лишь спустя четверть часа и от души пожалела свою дорогую компаньонку, которой пришлось *поскучать* в замке в полном одиночестве.

А сколь невинно прозвучало признание обеих молодых женщин в том, что они отправились вдвоем на прогулку! Рассказ о сей прогулке стал ответом на нежное любопытство герцогини, исключительно далекой от мысли, что лодочники *тоже* могут быть *мужчинами*; следовательно, репутация чтицы и придворной субретки осталась незапятнанной и никто не мог их уличить в связи с мужланами. Сама же герцогиня провела время отнюдь не столь замечательно. Она проиграла в брелан и вдобавок заподозрила, что старая гарпия-маршальша вступила в сговор с племянником с целью обобрать ее. Мадемуазель де Шармантур, о которой неблагодарный виконт даже не счел нужным справиться, хотя точно знал, что она, будучи чтицей герцогини, живет у нее в доме, убедилась, что более не ревнует виконта, и перестала о нем тосковать; даже герцогиня разочаровалась в этом ничтожестве. Но — что еще важнее — добротные труды Жерара и Фирмена доказали нашей благоразумной девице, что можно жить *в деревне* и там, как и везде, вкушать любовные утехи, для коих нет никакой необходимости призывать графьев, маркизов, баронов или шевалье.

Надобно заметить, что во Франции дворянские титулы отменили, и все прекрасно без них обходятся.



Ретиф де Ла Бретонн

Порнограф, или Мнения порядочного человека о составлении нового устава для публичных женщин

Роман в письмах

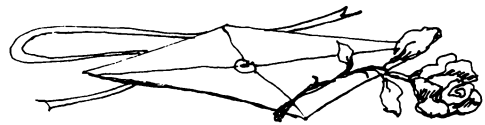
Перевод Веры Мильчиной

Никола-Эдм Ретиф де Ла Бретонн [Nicolas Edme Restif de La Bretonne; 1734–1806] был сыном крестьянина (впрочем, крестьянина богатого; нажитое состояние позволило ему приобрести ферму Ла Бретонн, название которой его сын впоследствии присоединил к своей фамилии). Ретиф прошел путь от деревенского пастушка и типографского рабочего до автора нескольких сотен томов, и стал писателем, чья популярность в дореволюционной Франции могла сравниться с популярностью Жан-Жака Руссо (недаром Ретиф получил от современников прозвище Rousseau du ruisseau, что можно вольно, но более или менее точно по смыслу перевести как "Руссо для бедных"). Ретиф был графоман в самом высоком значении этого слова. Он писал много и во всех жанрах: в списке его сочинений присутствуют романы, пьесы и трактаты, сочинения нравоописательные и фантастические, проза моралистическая и эротическая. Перечислить даже самые основные произведения Ретифа в короткой заметке невозможно, но можно выделить главные свойства этих произведений. Пожалуй, их

© Mille et une nuits, 2003
© Вера Мильчина. Перевод, 2012

два: во-первых, своеобразная документальность. Ретиф описывал в своих произведениях собственную жизнь и жизнь своих родственников и знакомых по свежим следам и с поразительной подробностью. Его многотомная книга "Господин Никола, или Человеческое сердце без покровов" ["Monsieur Nicolas, ou Le Cœur humain dévoilé", 1797] – откровенный рассказ о собственной жизни (опубликованный, в отличие от "Исповеди" Руссо, при жизни автора). Его "Парижские ночи, или Ночной зритель" ["Les Nuits de Paris ou le Spectateur nocturne", 1788–1793] – "моментальные снимки" жизни парижской столицы в предреволюционную и революционную эпоху. Но наряду с пристальным вниманием к реальности для Ретифа была характерна поразительная способность генерировать проекты переустройства мира, ставящая его в ряд величайших утопистов. К этой обширной серии относится и предлагаемый вниманию читателя "Порнограф", написанный раньше остальных утопических проектов. Нетрудно убедиться, что ничего порнографического в нем нет; речь, конечно, идет о публичных домах и о жизни проституток, но их быт Ретиф, знавший его не по чужим рассказам, предлагает упорядочить в лучших традициях моралистов. И эта его просветительская вера в то, что даже такую буйную и сомнительную сферу можно переустроить на разумных основаниях, чрезвычайно трогательна.

"Порнограф" впервые опубликован в 1769 году. Это книга с сюжетом, который состоит в том, что распутник д'Альзан влюбляется в добродетельную Урсулу, свояченицу его друга де Тианжа, и под влиянием этой любви отрекается от прежней вольной жизни. Однако интерес представляют не традиционный сюжет и описание прелестей Урсулы, а те соображения об устройстве публичных домов, которыми д'Альзан делится с другом. Перевод первой части выполнен по изданию "Restif de La Bretonne N. Le Pornographe ou La prostitution réformée" [P., Mille et une nuits, 2003]. Вторая часть, содержащая примечания Ретифа, в переводе, как и во французском издании, опущена. В журнальном варианте в тексте Ретифа сделаны купюры, опускающие избыточные подробности взаимоотношений д'Альзана с Урсулой и ее сестрой; они отмечены знаком [...]; некоторые из опущенных фрагментов резюмированы переводчиком в квадратных скобках.



В том и состоит мудрость, чтобы,
взвесив все возможные неприятности,
наименьшее зло почесть за благо.

Макиавелли *Государь*. Глава 21[1]

Из письма госпожи де Тианж к господину де Тианжу, ее супругу

Париж, 6 апреля 176...

...Да, я очень довольна своим *воспитанником*; он выдерживает испытание как нельзя лучше. Честь в его душе берет верх над привычкой к пороку. Давеча он толковал мне о том, что находит меня очаровательной, но привязанность его к господину де Тианжу велит ему видеть в жене друга столь верного и столь почтенного не более, чем сестру. Будем же надеяться, любезный друг, на помощь сердца, которое не было рождено для разврата. Гибельные следствия первых заблуждений сделались, должно быть, ему гадки; во всяком случае, не подлежит сомнению, что они его испугали. Разговоры его то и дело касаются тех перемен, которые желал бы он внести в эту область нравов. При встрече с одной из этих непотребных женщин он... содрогается; затем лицо его заливается краской. Чтобы утвердить его в приверженности добру, потребно одно — любовь честная и законная. Лишь только я уверюсь, что это безопасно, я отвезу его в монастырь к Урсуле. Моя сестра так же дорога тебе, как и мне; ее счастье умножит наше блаженство; а я уверена, что Альзан сможет составить ее счастье, если захочет...

До последних дней, друг мой, буду я гордиться званием твоей супруги и наслаждаться званием твоей возлюбленной.

Аделаида.

Письмо второе: от д'Альзана к де Тианжу

Знаешь ли, любезный Тианж, что твоя отлучка длится чересчур долго? Как! Едва женившись на любезнейшей, пленительнейшей из женщин, ты не боишься покинуть ее на целых три месяца? Не скрою от тебя, что убежден: какого бы доверия ни заслуживала твоя супруга, ты слишком высокого мнения о своих достоинствах. А между тем в наш век... Только подумай: в наше время Пенелопа не продержалась бы и недели, а Лукреция вела бы себя как заправская кокетка; вечно пьяные любовники, не выходящие из-за пиршественного стола, то-то великий соблазн! Грубый Секст с угрозами на устах, с кинжалом в

1. Перевод Г. Муравьевой. (*Прим. перев.*)

руках... Фу! Сегодня любая оперная певичка сделалась бы Лукрецией при виде такой неотесанности. Наши нравы куда более цивилизованны и оттого грозят мужней чести куда большими опасностями: мы отбросили старинные предрассудки; мы оставили супружескую верность нашим бабушкам; мы женимся по обычаю, примерно так, как поздравляем с Новым годом; по сути же дела женитьба ровным счетом ничего не меняет в наших отношениях. Надобно признать, что общество нынче устроено куда более разумно; через полвека... удивительные вещи узрим мы через полвека!.. Впрочем, у тебя с твоей красавицей Аделаидой все иначе; вы съединились узами брака всерьез; правду сказать, я об этом весьма сожалею. Женщина молодая, изящная, как все Грации, вместе взятые, живая, веселая, созданная для света и любви, живет в уединении только потому, что муж ее в отлучке, и глупейшим образом считает недели, дни и часы до его возвращения, меж тем как она могла бы... Да, могла бы поступить, как все, не в обиду тебе будь сказано. Впрочем, я ее переубеждать не возьмусь, по мне она неисправима. Но когда бы я захотел, я мог бы ей сказать очень многое! Первым делом я привел бы ей в пример древних греков и напомнил вот о чем: спартанцы, народ гордый и храбрый, которым род человеческий гордится и которым всякий почтет за честь подражать, спартанцы держались того же мнения, что и мы, а жены в Спарте были... общими. Я легко докажу это с Плутархом в руках. От спартанцев я перешел бы к просвещенному веку Августа, я изобразил бы прекрасной Аделаиде Ливию, которая брюхатой переходит из супружеских объятий на ложе счастливого тирана Рима; я рассказал бы ей о римлянах, покорителях Рима, которые ни во что ни ставили ни развод, ни измену, и о римлянках, которые спускались на арену с высоты *четырнадцати рядов амфитеатра*, чтобы подобрать понравившегося им плебея. Рассказал бы об Агриппине и Юлии, опорочивших звание матери... Впрочем, это уже слишком; я зашел дальше, чем собирался... Твоя любезная супруга увидела бы в этих прославленных примерах не более чем упадок рода человеческого, подло втаптываемого в грязь беспутными наглецами.

Таким образом, во все времена мужчины подменяли благородную свободу неправедным, необузданным развратом. Впрочем, есть эпохи, когда пороков еще продолжают стыдиться и не выставляют их напоказ, в другие же эпохи порок сбрасывает маску. Отчего же нынешние наши нравы ближе всего к той крайней непристойности, какая отличала Римскую республику накануне ее падения?

Не стану повторять того, что было говорено уже тысячу раз, а именно, что чем большее множество людей собирается в одном месте, тем меньше равенства наблюдается в их состояниях, а следственно, тем более изнеженными делаются

нравы, так что одни предаются пороку, а другие им прислуживают и охотно распутничают за компанию; я вижу куда более частную причину развращенности нашего общества — это *проституция* в той форме, в какой она принята у нас.

[Д'Альзан сообщает де Тианжу, что на следующий день госпожа де Тианж обещала познакомить его со своей сестрой.]

Третье письмо: от д'Альзана к де Тианжу

20 апреля

[Д'Альзан описывает впечатление, которое произвела на него "очаровательная Урсула", затмившая даже свою старшую сестру.]

Покамест постараюсь одолеть природную лень и продолжить, по твоей просьбе, рассуждение о морали, начатое в предыдущем письме.

Я писал тебе, если память мне не изменяет, о том, что нравы наши очень развращены и могут сделаться вконец непристойными. Я утверждал, что причиной тому — образ жизни, какой ведут среди нас, в столицах и больших городах, публичные девки. Раз уж я пишу, чтобы тебя развлечь, не стану сочинять ученый трактат, но постараюсь привести в порядок мою "Порногномонию"[1] ...

Я уже вижу, как ты улыбаешься и с губ твоих готово сорваться полуварварское слово "Порнограф"[2]. Не бойся, любезный друг, оно меня не испугает. Может ли стыдиться разговора о злоупотреблениях тот, кто замыслил их исправить?

Порногномония

Тебе известно, любезный друг, что жестокая болезнь, завезенная в Европу Христофором Колумбом с острова Гаити, поражает тех несчастливиц, что принуждены ублажать чужестранцев, как это неизбежно случается в больших городах. Таким образом природа, наша всеобщая прародительница, пожелала, кажется, отомстить за страдания тех бедняков, которые были варварски ограблены своими собственными братьями. Наказание это, столь же справедливое, сколь и жестокое, заставляет видеть в так называемых героях, которым потребовалось выйти за пределы нашего полушария, истинных палачей рода человеческого. Древние были ничуть не менее честолюбивы, чем

1. Это греческое слово означает "Правила поведения в местах, предназначенных для распутства". (*Здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, – прим. автора.*)
2. Иначе говоря, автор, рассуждающий о проституции.

мы, но они были куда более мудры: буря не раз прибивала их корабли к берегам Америки, они, однако же, этим открытием пренебрегли. Кто знает, что они имели в виду, когда завещали нам страшную премудрость, согласно которой всякого, кто устремится за пределы жаркого пояса, ждет смерть. Должно быть, они прислушались к показаниям опыта, и это их спасло: те, кого в Новом Свете на островах или на континенте поразил *венерический вирус*, вовремя догадались о его роковом действии и предупредили соотечественников; сами они погибли, но другим заразу не передали. Пусть даже эта боязнь южных краев была предрассудком, древним она оказала великую услугу: как жаль, что подобный страх не остановил того безумца, который первым дерзнул пересечь океан!

Но раз уж зло совершилось, надобно подумать о способах уменьшить его последствия. Способов этих существует два: первый, состоящий в том, чтобы *отъединить от общества всех, кто уже заражен*, как некогда отъединяли *прокаженных*, был исполним лишь сразу после того, как *гаитянский вирус* проник в Европу; второй, заключающийся в том, чтобы *собрать публичных девок в одном месте и наблюдать за их здоровьем*, исполнить легче: способ этот самый действенный и самый важный, ибо позволяет пресечь зло в зародыше. Правила поведения для проституток, которые не запрещали бы им заниматься привычным ремеслом и не объявляли бы их вне закона, а всего лишь предписывали бы им жить взаперти и делали бы сношения с ними если и чуть менее приятными, то, по крайней мере, менее опасными и менее оскорбительными для человеческой природы, — такие правила, говорю я, непременно способствовали бы истреблению вируса, а возможно, имели бы и другие благотворные последствия, которые теперь трудно даже предугадать. Обратить крайнюю степень распущенности в благо — этот подвиг уподобил бы человеческую мудрость мудрости божественной.

Порядочный человек, житель большого города, с горечью видит, как там употребляют во зло наслаждения самые священные, те наслаждения, что призваны возмещать потери, какие несет ежедневно род человеческий. Злоупотребление это, хотя и похищает у государства множество граждан, процветает совершенно безнаказанно; его можно назвать рифом, о который разбиваются наши законы. Какие бы меры предосторожности ни предпринимал мудрый отец, ему не уберечь сына, которого ровесники увлекают на стезю порока и который не учится даже на их несчастьях, до тех пор пока сам не падет жертвой недуга. Не знающая удержу юность, как тебе хорошо известно, любезный друг, гоняется за наслаждениями, а находит страдания и даже смерть. Провинциальные юноши, ведомые честолюбием либо долгом, являются в столицу образованности, попадают в большой свет — и подверга-

ются здесь опасностям худшим, нежели среди дикарей и хищных зверей.

В самом деле, как им устоять? Стройная девица завлекает их лживыми улыбками; ее едва наметившаяся грудь манит разом и уста, и руки; у нее точеная фигурка и легкая походка; она мастерски владеет искусством показывать на мгновение маленькую ножку в прелестном башмачке. Однако чары этой молодой красотки ничто в сравнении с теми, какие расписывает юнцам подлая старуха. Она выслеживает их, заговаривает с ними, не дает им проходу; на устах у нее мед, в речах у нее яд, нечистая ее душа источает заразу. Всякий, кто согласится ее выслушать, погиб. Она может предложить вам девиц, чей обольстительный вид кружит все головы и вселяет жгучие желания во все сердца. У вас разбегутся глаза от изобилия: к вашим услугам самые юные создания, которые в нежном возрасте уже переняли от тех несчастных, чью участь они разделяют, все их умения. Подобно тем юным рабыням, которых житель Грузии или Черкесии воспитывает для сералей Персии или Турции, приучая с самого детства ублажать будущего хозяина, эти едва созревшие красавицы с легкостью изъясняются на языке разврата и принимают непристойные позы, сами того не сознавая. Прелести, которыми природа наградила их пол, еще не вполне сформировались, а грубые распутники уже посягают на них: невинным и несчастным существам приходится возбуждать в старцах, не столько уродливых, сколько потасканных, угасшую чувственность и чуть теплящееся сладострастие. И даже юноши, увлеченные, а порой и соблазненные, предпочитают при вступлении на любовное поприще попирать все законы природы.

Если же разум и человеколюбие еще сохраняют власть над сердцем молодого человека и не позволяют ему предаться варварскому наслаждению и осквернить бутоны розы, прежде чем они распустятся под дуновением Зефира, его вниманию предложат все самое совершенное, что только создала природа. [...] О несчастный юноша, остановись!... остановись!.. Под этими цветами прячется змея. [...]

Законы общества, приличия, целомудрие, а главное, прикрасы изостряют желания и тем самым делаются тайной пружиной современной проституции. До тех пор пока гостям будут подносить изысканные блюда и тонкие вина, в обществе не переведутся люди невоздержанные и чувственные без меры. Итак, дело наших законов не столько уничтожить проституцию, ибо сие подлое занятие будет существовать столько же, сколько будут действовать сами эти законы, сколько уменьшить ее опасности, прежде всего физические, а затем, вследствие естественного хода вещей, и нравственные.

По правде говоря, не проституция породила ту постыдную заразу, которая истребляет род человеческий, но она способст-

вует ее распространению, она ее нечистая кладовая и неиссякаемый источник. Когда бы страшные следствия грубого вожделения губили одних лишь виновных, даже в этом случае кара, хотя и справедливая, оставалась бы великим несчастьем для рода человеческого... Но ведь дело обстоит куда хуже. Вы, заботливые матери, в течение долгих лет пестуете нежные цветы, украшение отечества и безупречные творения природы; материнскими наставлениями и собственным примером вы внушаете вашим дочерям любовь к добродетели и целомудренную скромность; сколько же горя причинит вам юный супруг, которого вы им предназначаете! Ослепленные его мнимыми добродетелями, плененные его блестящей наружностью, вы даже не подозреваете, что он несет с собою порок и смерть. Быть может, он и сам того не подозревает. А юная, робкая супруга, терзаемая ядом, природа и источник которого ей неизвестны, испустит дух в мучениях, дав жизнь существу столь же несчастному, которое последует за нею в могилу.

Не стану спорить с приговором всех стран и всех веков: проституция есть необходимое зло для всех стран, где еще осталась хоть толика стыдливости. Спарта, где эта добродетель находилась под запретом, — единственное известное мне место, где отсутствовали эти несчастные, которые под действием всевозможных пороков доходят до последней стадии подлости и низости.

Человек, который пожелал бы взглянуть на те обиталища порока, какими изобилует наша столица, с точки зрения политической и философической, и обошел бы их все до единого (впрочем, предосторожности ради имея подле себя, подобно римским триумфаторам, рассудительного спутника, который бы постоянно напоминал ему, что он слаб и смертен), такой человек увидел бы зрелище возмутительное: прекрасные собою девицы, наделенные всеми преимуществами своего пола, кроме добронравия, потеряны для общества, а ведь они могли подарить ему детей — крепких, статных и миловидных. Итак, сказал бы себе наш герой, разврат похищает все самое прекрасное и пленительное примерно так же, как война уносит людей самых сильных и высоких. Отсюда следует, что число красивых женщин постоянно уменьшается, а те, кто хоть в чем-то способны с ними сравняться, становятся тщеславнее и глупее, а следственно, более падкими на искушения. Быть может, любезный друг, ты сочтешь утверждения мои чересчур смелыми и лишенными доказательств. Брось, однако, взгляд на множество почти безобразных женских лиц и нескладных фигур, которые окружают нас в больших городах; подумай об уродстве, которое передается из поколения в поколение, от отца к сыну и от матери к дочери. Природа действует иначе: вспомни страны, где прекрасный пол не обречен становиться с самого юного воз-

раста добычей порока и где крестьянскую дочь, какой бы раскрасавицей она ни была, отдают в жены крестьянскому сыну; ты согласишься, что там дети наследуют от родителей их пленительные черты. Скажу больше: нравственность умножает красоту. Родители, погрязшие в распутстве, дают жизнь хилым детям, чья нежная, бледная кожа не способна бороться с действием воздуха и возраста. Недаром в Париже, где нарасхват ранние фрукты, ранние таланты и ранние красавицы, где в цене все *преждевременное*, природа уступает людям и награждает их в соответствии с их вкусами: хорошенькие дети обоих полов здесь не редкость, однако вырастая, они дурнеют на глазах: эти блестящие куклы, отрада поверхностного вкуса простонародья, подобны цветам, которые раскрываются на заре и вянут уже к полудню. Напротив, в иных провинциях видел я у детей лица незрелые, умы более чем неглубокие, однако, вырастая, эти же самые существа изумляли либо правильностью черт, либо основательностью талантов. В общем же, друг мой, род человеческий утратил привлекательность: в наших краях по тем особым обстоятельствам, которые я тебе только что изложил, а во всех остальных — по причине смешения народов. Говорят, что персиянин, будучи наполовину татарином, исправляет природную свою некрасоту, вступая в сношения с прекраснейшими из тифлисских рабынь, и все же дети, рожденные от этих союзов, не так хороши, как если бы и отец их, и мать взросли на плодородных берегах Куры и если бы отпрыски их наслаждались благотворным влиянием того климата, что питает Граций. Да и сами грузины разве не вредят красоте своего народа, отдавая на сторону все, что есть у них самого прекрасного? Полагаю, что сомневаться в этом невозможно. Итак, повсюду в мире мы видим одних лишь полукрасавиц, а если где-нибудь и находятся красавицы совершенные, то лишь в отдаленных провинциях, где невинности нравов сопутствует честный достаток. Ибо нищета губительна для тела; хуже того: ее тлетворного влияния не избегает и душа, у которой нищета *похищает половину добродетели*. В этом легко убедиться, стоит только поездить по деревням. Несчастные всегда уродливы. Достаток же и равенство рано или поздно приводят с собой, вместе с играми и смехами, Венеру и Граций. А пока это время не наступило, красавицы будут среди нас столь редки, что придется простить им кокетство и жеманство. Кто, однако, может поручиться, что антильский яд не наносит наружности рода человеческого ущерб непоправимый?.. Нужны ли более веские причины, для того чтобы желать наведения порядка в той области, которая, по правде говоря, очень мало располагает к порядку, но раз порядок царил в ней некогда, значит, ничто не мешает установлению его и ныне. На кону стоят жизнь и здоровье граждан; интересы наших дочерей, которых, как бы

целомудренно они себя ни вели, повсюду подстерегает дурная болезнь; наконец, красота — второе, а по мнению многих, самое первое из преимуществ рода людского!

Но и это еще не все: если навести порядок в обителях разврата, они могут приносить заметную выгоду. Я разъясню эту мысль в следующих письмах, ибо нынче разговорился сверх меры. Ты не любишь напыщенных посланий, не содержащих ничего, кроме пустопорожних рассуждений; я надеюсь потрафить твоему вкусу, представив на твой суд идеи, способные принести пользу роду человеческому. [...]

Твой любезный д'Альзан.

Четвертое письмо: от д'Альзана к де Тианжу

[Д'Альзан виделся с Урсулой наедине и, против обыкновения, держался скромно и сдержанно.]

Возвращаюсь к моему плану.

I. О необходимости иметь особые места, отведенные для публичных женщин

Ты уже понял, что намерение мое состоит не в том, чтобы осудить проституцию как нечто совершенно неприемлемое в правильно устроенном государстве. Напротив, я полагаю, что в больших городах, как это ни печально, проституция есть вещь совершенно необходимая, особенно же необходима она в Париже, Лондоне или Риме — городах, каждый из которых сам по себе составляет целый мир.

Помнится, я уже писал тебе, что в древности без публичных девок обходились только в Спарте. Законы Ликурга отнимали стыдливость даже у самых целомудренных, а это, должно быть, делало вожделение менее жгучим. Но это еще не все: законодатель, которого греки долгое время считали мудрейшим из мужей, слишком хорошо знал сердце человеческое, чтобы не почувствовать, что, до тех пор пока законное право обладать женщиной будет принадлежать только ее супругу, у всех остальных невозможность обладать ею на основаниях столь же законных будет возбуждать желания самые неодолимые. Ликург повелел, чтобы граждане Спарты, у которых все уже было общим, смогли обмениваться также и женами. Он предписал даже тем, кто бесплоден, на время уступать свою жену другому. В республике, где все граждане были равны и вкушали пищу сообща, где, следственно, не было места роскоши ни в кушаньях, ни в платье, ни в жилищах и где, наконец, каждый мужчина мог притязать на всех красавиц, а все женщины — следовать своим влечениям, ибо законы их не осуждали, в такой республике проституция, подлое установление, по вине которого хоро-

шенькая девица делается бесправнее скота, существовать не могло.

В Афинах, Риме и во всех других государствах, где понятия о браке были куда менее четкими, чем у нас, имелись места, предназначенные для распутства. Однако я убежден, что сегодня в одном только Париже или Лондоне найдется больше публичных девок, чем насчитывалось во всей Греции или Италии в пору наибольшей развращенности греков или римлян. Ибо мало того, что у греков и римлян был разрешен развод, хозяин там имел право удовлетворять свои желания с помощью рабынь. В наши дни по этой же самой причине проституция почти полностью отсутствует у мусульман и крайне редка у индийцев и обитателей Нового Света. Испанские варвары, дабы придать хоть каплю законности своим зверствам, своей безжалостной тирании, обвиняли этих последних в гнусных извращениях, однако добродетельный епископ Лас Казас, изъездивший всю Южную Америку, доказал, что обвинения эти не более чем клевета.

Я далек от мысли запрещать целомудрие, оправдывать развод, преуменьшать тот ужас, который должен внушать всякому поборнику справедливости варварский обычай покупать красивую девушку, как если бы это сокровище, куда более драгоценное, чем богатства любого государя, могло быть оценено в деньгах, и отрицать тот несомненный факт, что деспотическая власть, какую покупщик приобретает над купленной красавицей, столь же противна велениям природы, сколь и голосу разума. Наши нравы, как бы беспорядочны они ни были, все равно следует предпочесть нравам древних или мусульман. Осмелюсь сказать больше: ради того чтобы жены наши не были ежедневно окружены целым роем презренных соблазнителей, можно согласиться даже на увеличение числа публичных девок. Цена недешевая, но дело стоит того, если все жены станут так же верны своим мужьям, как Аделаида де Тианж, и перестанут рожать детей, беззаконно наследующих наше имя и наши права! Опыт подсказывает, что супруга, позволившая себе нарушить первую из своих обязанностей, никогда на этом не останавливается; женщина, изменяющая мужу, изменяет и собственному ребенку; зачастую все ее состояние уходит на удовлетворение прихотей подлого *прельстителя*, а простодушный муж порой опоминается, лишь узнав, что он разорен вконец. Однако чтобы соблазнить порядочную женщину или девицу, потребны хлопоты, ухаживания, а порой и огромные расходы, ибо волею прекрасного пола под нашими ногами раскрывается пропасть, поглощающая деньги и тех любовников, которых красавицы одаряют своими милостями, и тех, кого только морочат. Я видел, любезный Тианж, как многие из тех презренных людей, которым ничего не стоит совершить преступле-

ние, страшились затевать интригу с замужней женщиной и отступались, ничего не добившись; они предпочитали иметь дело с женщинами, которые не только любезничают, но и отдаются мужчинам за деньги, ибо, говорили они, такие связи ни к чему не обязывают и можно их прерывать и возобновлять, когда вздумается. А если бы они таковых не нашли? Тогда они наверняка пошли бы на все ради удовлетворения самой настоятельной из потребностей. Отсюда я вывожу, что проституция есть зло, позволяющее избежать зла более страшного.

В самом деле: в наш век, когда число холостяков стремительно возрастает и даже те мужчины, которые согласились связать себя узами брака, вынашивают преступные намерения жить ради себя одних и боятся отягощать себя потомством, когда священнослужители ведут себя совершенно несогласно со своим саном (ибо жить согласно с ним способны лишь очень немногие), какая добродетель устоит против покушений стольких врагов, заинтересованных в ее падении? Разве способны законы, даже самые суровые, уберечь от насилия прекрасный пол, который почитает за честь играть с огнем, но боится обжечься? Толпы иностранцев наводняют большие города; они покинули своих друзей и любовниц, но неразлучны с собственными желаниями и тем легче возбуждаются при виде первого же существа женского пола, что жительницы столичных городов более кокетливы и более соблазнительны. Вдобавок чужестранцы эти, внезапно лишившись привычных развлечений, ощущают в сердце пустоту, которую стремятся заполнить не чем иным, как любовью. Ты сам, любезный друг, угадаешь дальнейшее. О! скольким женщинам грозили бы соблазнения, похищения и насилие, когда бы не проституция! Если же избрать способ трудный, чтобы не сказать неисполнимый, и переменить наши нравы таким образом, чтобы сношения между полами прекратились почти совершенно, к чему это приведет? К торжеству зла еще более страшного: женоподобные негодяи станут бессовестно попирать законы общества и природы; сыновьям нашим будут грозить поползновения грязных сластолюбцев. [...]

Пятое письмо: от д'Альзана к де Тианжу

15 мая

[На свидании с Урсулой д'Альзан открывает ей свое сердце, но она выслушивает его признания холодно; д'Альзан в отчаянии, однако это не мешает ему продолжать рассказывать де Тианжу о своих реформаторских планах.]

II. Нежелательные последствия проституции

Нет-нет, друг мой, я совершенно не заблуждаюсь насчет нежелательных последствий, какими будет сопровождаться

существование *публичных* женщин, даже если реформировать их жизнь согласно моему плану: последствия эти многообразны. Например, я не могу скрыть от себя самого, что:

1) вводить в этих подлых заведениях правила — значит показывать, что правительство уделяет им внимание, которого они, однако, вовсе недостойны;

2) наличие простых, надежных и недорогих способов удовлетворения желания вне брака уменьшит, возможно, число законных брачных союзов;

3) христианин не должен смотреть сквозь пальцы на преступление, которому мой план, что ни говори, призван способствовать;

4) наконец, найдутся люди, которые сочтут, что своего рода одобрение, какого удостаиваются в случае исполнения моего плана публичные женщины, повлияет на нравственность и нечувствительно заставит общество взирать с меньшим презрением на эту крайнюю стадию человеческого падения. Примерно такие же возражения обнаружил я и в твоем письме. Ты, правда, добавляешь еще: *таким образом мы обезоруживаем божественное правосудие, которое еще на этом свете карает распутниц бедами, порождаемыми не чем иным, как их распутным поведением.* Но ты, должно быть, забыл, что это возражение я предвидел заранее.

Рассмотрим теперь, сколь многих опасностей мы избегнем, если пренебрежем теми нежелательными последствиями, которые вытекают из занятий проституции в любом случае, вне зависимости от моего плана:

I. *Ужасная болезнь, которую проституция распространяет безостановочно, беспрерывно.* Недуг поражает несколько поколений: многие его жертвы получают болезнь по наследству. [...]

II. *Отечество теряет множество юных девушек, как правило, самых хорошеньких, самых статных и самых крепких.* Известно, что, избрав это ремесло, столь же опасное, сколь унизительное и тяжкое, девицы редко доживают до середины жизни: разврат сокращает их дни. Они не платят государству ту трудовую дань, какую обязан платить ему каждый из его членов. Они проводят время в некоем забытьи, из которого выходят только под вечер, ради того чтобы раскинуть свои сети, в которые случается угодить не только распутникам, но и людям самым порядочным. Отечество лишается и всех тех новых подданных, каких могли бы произвести на свет эти девицы, ведь они почитают беременность страшнейшим из бедствий — не потому, что, если они все-таки не вытравляют плод, дети у них рождаются болезненными и умирают тотчас, а если остаются жить, то страдают всевозможными недугами, но потому, что беременность наносит непоправимый урон их красоте. Поэтому они идут на все, ради того чтобы не понести или выкинуть как можно скорее.

III. *Притоны разврата, разбросанные по нашим городам, частенько возбуждают в иных женщинах желание предаться там распутству, которое они удовлетворяют без всякого труда и которое они, возможно, подавили бы, представься на их пути больше препятствий.* [...]

IV. *В этих притонах царят, как правило, все возможные пороки.* Беда была бы не так велика, когда бы гости этих заведений повиновались только велению природы, но тех, которые не заходят дальше, можно почитать едва ли не скромниками. Да и то сказать, естественный путь, пожалуй, не самый безопасный, и мужчина очень скоро привыкает давать волю вкусам самым извращенным. Он твердо знает, что не встретит сопротивления, ибо девки готовы на все, лишь бы уберечься и от тех опасностей, какие грозят равно и им, и мужчинам, и от той, какой страшатся они одни, — от опасности забеременеть. Итак, несчастные эти исполняют требования самые гнусные: они делают то, что им наиболее отвратительно, порой из корысти, а порой из страха побоев, от которых, впрочем, не спасает их даже совершенное отсутствие брезгливости. Когда любовь, это божественное чувство, которым Верховное существо пьянит наши сердца, дабы нам легче было сносить тяготы жизни и ожидать неминуемой смерти, — когда любовь, говорю я, не сопряжена с уважением, человек превращается в дикого зверя. В любви он даже более жесток и более яростен, нежели в гневе. Он удовлетворяет свои желания, скрежеща зубами, и калечит ту, которую только что ласкал!

V. *Постоянно имея дело с женщинами развратными, мужчины привыкают презирать весь прекрасный пол,* а между тем, любезный друг, *кто относится к женщинам без почтения, тот не уважает и самого себя.* [...] Эти мужчины обучают своих добродетельных супруг тем бесстыдным ласкам, какими владеют публичные девки, и требуют от супруг того же, что получают в притоне разврата. Безумцы! Неужели они не понимают, что любовь и красота — нежные цветы, которые вянут от одного прикосновения, которым не снести пожатия слишком жадной руки!

VI. *Великое неудобство, проистекающее из того обстоятельства, что публичные девки и содержанки живут бок о бок с порядочными гражданами, состоит в том, что всякий может видеть, а зачастую и видит то, что творится в их комнатах.* [...]

VII. *Падшие женщины прогуливаются по улицам, и если незначительная их часть обращает на себя внимание элегантностью наряда, то остальные поражают бесстыдством, с каким выставляют они напоказ свои прелести: юные распутники заигрывают с ними и позволяют себе, даже прилюдно, преступные вольности.* А дети наши смотрят на все мерзости и глотают яд. [...]

VIII. *В городском саду, где все чувства посетителей изострены самой соблазнительной столичной роскошью, мужчина встречает красотку, о которой мечтал.* Чтобы устоять, нужна либо доброде-

тель в стальной броне, либо полная бесчувственность. Между тем какое бесстыдство! Под покровом полумрака они дерзают... на глазах детей, пришедших в сад... Удивительно ли, что нравы портятся с самого нежного возраста!.. Ведь юнцы познают науку любви, не имея еще ни вкуса к чувственным радостям, ни умения ими насладиться.

IX. *Нередко публичная девка, устав от жизни в столице, либо опасаясь мести тех, кого она наградила болезнью, от которой страждет сама, либо спасаясь от судебных преследований за другие злодеяния, покидает большой город и отправляется сеять заразу в других местах.* Она усаживается в почтовую карету и принимается, к ужасу добропорядочных путешественников, вытворять все гнусные штуки, на какие она способна. Мужчины нетвердой нравственности собираются подле нее, и вот уже из этого кружка раздаются грязные песенки, доносятся речи отвратительно грубые. Подлые эти сцены опасны для любого возраста, но особенно страшны они для неопытных юношей. Порой им достает этого для утраты невинности. Еще более страшны они для юных, любопытных девиц, которые помимо воли наблюдают картины для них столь новые. Порок столь заразителен, что нередко устрашающий пример производит действие совершенно противоположное и ослабляет отвращение, вместо того чтобы его усиливать.

А бывает и так (в этом случае уберечься, пожалуй, решительно невозможно), что публичная девка напускает на себя вид смиренницы. Речи и манеры ее исполнены самой безупречной скромности, отсутствие свежести в чертах выдается за пленительную небрежность. Порядочный человек замечает эту красавицу, сердце его тянется к ней, он говорит с ней учтиво, держится предупредительно; ответная благодарность трогает его, он пленен. Чарующая улыбка довершает дело, несчастный забывает о своих принципах (да и кто способен противостоять чарам женщины, которая кажется порядочной?). Наступает ночь. Близкое соседство пробуждает чувственность, а порой и сердечную склонность, обстоятельства тому благоприятствуют... мужчине нужно так немного!.. кругом темно... он пользуется этим, чтобы сорвать с нечистых уст опасный поцелуй... расхрабрившись, он идет дальше... сопротивление, ему оказываемое, постепенно слабеет... наконец, прекращается вовсе... и порядочный человек платит здоровьем, а порой и жизнью, за минутное забвение своего долга.

Если публичная женщина может причинить столько бедствий по пути, насколько же опаснее будет ее присутствие в провинциальном городе, среди людей, которые по неопытности легко даются в обман, которых снедает жажда беззаконных радостей, которых чары, *приправленные* на городской манер, распалят еще сильнее?

Прекращу на этом перечисление основных преступлений, какие проституция в настоящем ее виде рождает ежедневно. Государь есть подобие божества. Подобно божеству, он даже зло умеет обращать во благо: он один мог бы воплотить в жизнь тот план, который я задумал и который полагаю осуществимым без особого труда. Драгоценная способность ставить частные злоупотребления на службу общему благу есть самая славная из прерогатив королевских. [...]

Шестое письмо: от д'Альзана к де Тианжу

24 мая

[Д'Альзан пересказывает подслушанный им разговор Урсулы с госпожой де Тианж, которая учит младшую сестру выслушивать признания д'Альзана с притворной холодностью, ибо "мужчины тем больше ценят нашу любовь, чем труднее им было ее завоевать"; д'Альзану же госпожа де Тианж советует повременить с любовными признаниями и прежде проверить свои чувства, чтобы зря не волновать девушку.]

III. Способы уменьшить нежелательные последствия проституции; польза, которую можно извлечь из разумно устроенного публичного дома

Говорят, что в Риме публичные девки находились под защитой государства. Впрочем, нет нужды ходить за примерами так далеко; были времена, когда и французское правительство не считало ниже своего достоинства надзор за непотребными женщинами. Сами государи не брезговали выдавать им охранные грамоты, не для того, по правде говоря, чтобы одарить милостями этих подлых тварей, но ради возможности законным образом надзирать за их заведениями и уменьшать число бедствий, подобных тем, какие исчислил я последнем моем письме. Власти Нарбонны и Тулузы, Бокера и Авиньона, Труа и прочих городов числили в ряду своих прерогатив право иметь *веселый, или публичный дом,* которым они же сами и управляли. Что же касается до нас, мы отказались от этого полезного обыкновения лишь из почтения к религии, и совершенно напрасно. Недалекие святоши — люди увлекающиеся, они следуют, не раздумывая, велениям собственных чувств, которые принимают за божественное вдохновение. Они вообразили, будто, запретив разврат, истребят развратников. Что же вышло? Они уничтожили лекарство, но не тронули болезнь.

Мне всегда казалось, что, воротившись к старому порядку и усовершенствовав его так, чтобы новое заведение приносило пользу государству, мы истребили бы множество злоупотреблений, уберегли бы от дурных болезней, которые уже несколько столетий истребляют род человеческий повсюду, но

особливо в Европе, и позволили бы удовлетворять нежнейшее и благороднейшее из природных влечений в условиях менее отвратительных. [...]

План устава партенионов[1], учрежденных для публичных женщин под покровительством государства

Статья первая: Нынешние публичные дома и публичные женщины

Следовало бы выбрать один или несколько домов, удобных и не слишком заметных, и под страхом телесного наказания обязать всех нынешних публичных женщин, каков бы ни был их возраст, туда удалиться. Тех же, кто будет по-прежнему давать им приют, присуждать к значительным штрафам, какие бы резоны они ни выдвигали в свою защиту. Половину штрафа следует выдавать доносчику сразу после того, как подтвердится, что сведения его верны.

Статья вторая: Содержанки

От падших женщин следует отличать тех, кто находится на содержании у одного-единственного мужчины: их приходится терпеть, ибо, отказывая гражданам в праве иметь женщину на содержании, мы покусились бы на их свободу. Однако дело надобно поставить так, чтобы при малейшей непристойности, допущенной этими женщинами, их самих отправляли в партенион, мужчин же строго наказывали. При таком порядке девки-содержанки будут обязаны вести себя даже более пристойно, чем обычные женщины, ибо при первой же жалобе их разлучат с теми, кто их содержит.

Статья третья: Новые заведения

Лишь только заведение разбогатеет, оно переберется в свой собственный дом, устроенный так, как того требуют *статьи десятая* и *четырнадцатая*. В эти дома поместят новых обитательниц, а о распорядке жизни их будет сказано далее.

Статья четвертая: Управление партенионами

[Во главе каждого партениона стоит Попечительский совет из дюжины почтенных горожан, членов городской управы, синдиков или мэров.] Совету подчиняются женщины, которые, хоть и провели юность в распутстве, но обладают острым умом и кротким нравом, а вдобавок не имеют ни одного недостатка, несовместимого с той должностью, на какую они поставлены.

1. От греческого *партенион* — юная дева. Многие, конечно, сочтут слово это неподходящим. Однако слова более уместные, такие как латинский *лупанарий* или французский *бордель*, рискуют оскорбить уши чересчур деликатные.

Такие управительницы каждый день получают от главной управительницы деньги на содержание девок и на нужды заведения. В расходах своих они дают самый точный отчет.

Статья пятая: Получение прибыли и отчетность. Права и обязанности членов Попечительского совета

Каждый член Совета остается на посту в течение шести лет. По прошествии первых шести лет ежегодно избирают двух новых членов, а двое старших освобождают им места. [...] Находясь на посту, ни один из членов Попечительского совета не имеет права пересечь порог заведения, им управляемого, ни по должности, ни по желанию, в противном же случае его ждет позорное изгнание из Совета.

Подать, взимаемая с членов Совета, собирается равномерно со всех их сограждан.

Статья шестая: Насельницы заведения; покров тайны

Девиц, желающих поступить в заведение, принимают без расспросов касательно их семьи; более того, управительницам строго-настрого запрещают об этом справляться, а девицам — обсуждать это с товарками. Зато с величайшей дотошностью обследуют состояние их здоровья. Любая болезнь — вовсе не причина для того, чтобы девице отказать. Ее надобно лечить и вылечить. Если же девица больна неизлечимо, ее помещают к *перестаркам*, о которых говорится в *статье сорок первой*. Девиц старше двадцати пяти лет в партенион принимать не должно.

Статья седьмая: Партенион как неприступная крепость

Партенион сделается неприступной крепостью для незваных гостей. Родители не смогут забрать оттуда девицу против ее воли. Они даже поговорить с ней не смогут, если она не захочет. Если же они ворвутся в дом и пожелают забрать девицу на том основании, что она их дочь, их оттуда выпроводят, лишь только она их узнает.

Статья восьмая: Проступки

Управительницы не имеют права наказывать девиц. Они могут лишь докладывать об их проступках. Им не пристало даже строго выговаривать провинившимся; их дело — увещевать своих подопечных и наставлять на путь истинный. Девицу, замеченную в непристойном поведении либо в совершении серьезного проступка, приглашают в комнату, соседнюю с той, где собираются члены Совета; управительницы упреждают тех обо всем заранее, однако вместе с провинившейся перед лицом Совета не являются и бросить обвинения ей в лицо не могут.

[Провинившаяся защищает себя, и, если ей удается привести хоть какие-то доводы в свою пользу, ее, сделав внушение, от-

пускают восвояси; в противном случае ей объявляют, какой кары она заслуживает, но в первый и во второй раз этим и довольствуются, приводят же приговор в исполнение только на третий раз.]

Статья девятая: Преступления

Если девица согрешит всерьез, например, вытравит плод, который носит во чреве, ее на год заключат в темницу и продержат там на хлебе и воде. Если же уничтожить плод ей присоветовал мужчина, его подвергнут наказанию согласно обычному законодательству.

Статья десятая: Местонахождение партениона, конторы для продажи билетов, вход для девиц

Новые дома следует строить в кварталах малолюдных. Каждому дому потребны двор и два сада. Во двор выходят только комнаты управительниц и *детей, рожденных в заведении*, о которых будет рассказано в *статье тридцать восьмой*. Двор открыт для всех. У ворот первого сада выставляют двух часовых, который не дают доступа туда женщинам и детям. В первый сад допускаются все мужчины, независимо от происхождения и состояния. Там среди деревьев скрыты входы в конторы, подобные тем, где продают билеты на театральные представления; гости могут проникать туда украдкой, не привлекая к себе внимания. Заплатив деньги согласно тарифу, гость получает билет с номером коридора и его стороны, как о том рассказано в *статье семнадцатой*. Номера эти обозначают тот коридор, из обитательниц которого гость сможет выбрать девицу по своему вкусу. Комнаты девиц выходят в оба сада, но окна, выходящие в первый сад, всегда занавешены таким образом, чтобы девицы могли видеть гостей, а сами оставаться невидимы. Возле главных ворот сада устроена маленькая дверца, в которую можно войти, не привлекая к себе внимания; ее изнутри сторожит управительница; вход туда разрешен только женскому полу. Именно таким путем попадают в партенион девицы, желающие в нем остаться. Принимают их всегда, в любое время дня и ночи. Второй сад находится в полном распоряжении девиц и управительниц. Ни гостям, ни детям, рожденным в заведении и предназначенным для занятий ремеслами, туда хода нет.

Статья одиннадцатая: Как покупать билеты

До дверей конторы, где продают билеты, доходить можно в маске, снимать же ее только перед управительницей, этими билетами торгующей. Далее гость может снова надеть маску и дойти в ней до входа в избранный им коридор, а там непременно снять маску и отдать ее, вместе с билетом, той управительнице, что откроет дверь.

Статья двенадцатая: Выбор гостя

Лишь только гость оказывается в том коридоре, который обозначен на его билете, управительница отводит его в темный кабинет. Она поднимает шторку и позволяет ему взглянуть на всех тамошних девиц, собранных вместе в общей комнате. Он указывает управительнице на ту из них, какая ему понравилась, и управительница сначала отводит его в комнату этой девицы, а потом отправляется за ней самой.

Статья тринадцатая: Выбор девицы. Как поступать при отказах

Выбранная девица, перед тем как войти в комнату, которую занимает она постоянно, получает то же право, что и выбравший ее мужчина, проще сказать, может взглянуть на него сквозь глазок, проделанный в двери. Если она откажется иметь дело с этим гостем, ему придется выбрать другую, причем от девицы объяснений не потребуют. Однако в общую комнату она вернется не сразу, чтобы об отказе ее не стало известно товаркам.

Может найтись такой уродливый старик, которому девицы будут отказывать все как одна; в этом случае он назовет управительнице какое-нибудь число наугад; главное, чтобы оно не превышало количества девиц в общей комнате. Например, если их там сотня, ему надобно назвать любое число от единицы до сотни и записать его на листке бумаги. После этого управительница вернется в общую комнату и велит каждой из девиц назвать число по своему выбору; та, которая назовет число, записанное гостем, обязана будет пойти с ним.

Статья четырнадцатая: Охрана

[Охрана будет поддерживать порядок и в окрестностях дома, и внутри его.]

Статья пятнадцатая: Внутрь допускаются только безоружные

Гости обязаны сдавать управительнице трости, шпаги и маски. В билетных конторах следует установить шкафчики, где каждое отделение будет пронумеровано; гостям будут выдавать пластинки из слоновой кости с соответствующими номерами; предъявив эту пластинку при уходе, они получат назад все свое добро.

Статья шестнадцатая: Билеты

Билеты предлагаются самые разнообразные, в зависимости от юности и красоты девиц, каковые расселены в коридорах в следующем порядке: в первом коридоре, разделенном, как и все прочие, на два класса, обитают самые старшие; впрочем, их возраст не должен превышать тридцати шести лет; девицы от двадцати пяти до тридцати лет размещаются во втором коридоре; третий отводят для двадцати-двадцатипятилетних; четвертый —

для девиц восемнадцати—двадцати лет; пятый — для шестнадцати-восемнадцатилетних; наконец, шестой коридор занимают юные особы четырнадцати—шестнадцати лет, уже довольно созревшие для того, чтобы иметь дело с мужчинами. Девочки же моложе четырнадцати лет, явившиеся в дом сами либо приведенные родителями, в том случае, если они еще не лишились невинности, воспитываются порядочными женщинами за счет заведения, а место в одном из коридоров занимают лишь по достижении соответствующего возраста и только по собственному желанию. Если же, напротив, захотят они выучиться какому-либо ремеслу, такую возможность им предоставят, а затем поместят к какому-нибудь мастеру, то есть поступят с ними так же, как и с детьми, рожденными в заведении, о чем рассказано в *статье тридцать восьмой.*

Статья семнадцатая: Тариф. Шкатулка для выручки

Девицы отменной красоты занимают правую сторону коридора, обозначенную цифрой 1; с левой стороны, обозначенной цифрой 2, размещаются девицы не столь прекрасные.

[Цены за билеты в зависимости от возраста и красоты, то есть номера коридора и его стороны.]

Деньги, вырученные за билеты, составляют доход заведения. Продажей билетов по очереди занимаются управительницы. Деньги они складывают в особый зарешеченный ящик, откуда их достать не могут. [Ключ от ящика хранится у членов Совета.]

Статья восемнадцатая: Постоянные любовники; размещение содержанок; доступ в заведение для постоянных любовников; выбор любовницы; неуплата, долгая отлучка

Если гость, увидевши девицу, объявляет, что любит ее и согласен платить за нее ежедневно, девицу эту избавляют от обязанности присутствовать в общей зале и никто более выбрать ее не может. За девицу из шестого коридора постоянный любовник платит двенадцать ливров, независимо от стороны коридора, за девицу из пятого коридора — шесть ливров, а за всех остальных — по обычному тарифу.

[Девиц, которые имеют постоянных любовников, поселят отдельно, для этих мужчин оборудуют отдельный вход.]

Прежде чем выбрать себе постоянную любовницу, мужчина заручается ее согласием; потом их вместе отводят к главной управительнице. В присутствии мужчины составляют бумагу с обозначением возраста девицы и того имени, под которым известна она в заведении, а также номера ее комнаты. Постоянный любовник получает табличку из слоновой кости с тем же именем и номером. Бумагу, подписанную любовником и главной управительницей, передают управительнице дежурной, а та помещает ее в шкаф с его номером. Никто, включая членов Совета, бумагу эту увидеть не может без разрешения постоянного любовника.

Любовник, который в течение недели не появляется у любовницы и не вносит плату, теряет свою избранницу.

Если же любовник не хочет ее лишиться, он обязан предупредить главную управительницу и передать ей необходимую сумму либо серебром, либо заемными письмами.

Статья девятнадцатая: Браки

[Жениться на девицах из заведения гости могут только по достижении окончательного совершеннолетия, то есть тридцатилетнего возраста, и только с разрешения Попечительского совета.]

Статья двадцатая: Беременность девиц, не находящихся на содержании

[Беременных отселяют в отдельное помещение; новорожденных отдают кормилицам, но матерям позволяют их видеть раз в неделю.]

Статья двадцать первая: Беременность девиц, находящихся на содержании

[Постоянный любовник вправе забрать ребенка, никому в том не давая отчета, и даже, при отсутствии законных наследников, завещать ему состояние, но может и оставить младенца в заведении.]

Статья двадцать вторая: Общие комнаты, имена, даваемые девицам

В каждом коридоре имеются две общие комнаты с номерами 1 и 2 на дверях; все девицы из данного коридора обязаны проводить в одной из таких комнат по *восемь* часов в день, а именно: с одиннадцати утра до часу пополудни; с четырех до семи пополудни, с половины девятого до половины двенадцатого вечера, после чего наступает время ужина. Девицы проводят время в спокойных занятиях: за шитьем или чтением, по своему выбору. У каждой имеется свое место, отмеченное определенным цветком, по каковому цветку нарекают и девицу: та, которая сидит на стуле с розой, зовется Розой, та, что на стуле с фиалкой, — Фиалкой и проч., и проч. Каждой девице отведено определенное место. В перерывах между дежурствами и прочими занятиями, а также в любое время до девяти утра, дозволено им прогуливаться во втором саду. Правило это не распространяется на девиц, состоящих на содержании у постоянного любовника: они могут посвящать ему все свое время без счета, как о том говорится в *статьях восемнадцатой* и *двадцать четвертой.*

Статья двадцать третья: Занятия и трапезы, ночи, вознаграждения

Определенные часы отведены для туалета и для завтраков. Девицам предписано подниматься не позднее девяти. Засим незамедлительно приступают они к завтраку. До одиннадцати

дозволяется им заниматься украшением своей наружности, те же, которые покончат с этим делом прежде назначенного времени, могут выбрать себе занятие по собственному вкусу, как то навестить товарок из других комнат, прогуляться по саду и проч. В час дня последует обед. С двух до четырех пополудни — время для музыки и танцев. В семь часов вечера девушкам подносят легкое угощение, а затем до половины девятого учатся они играть на музыкальных инструментах. В час ночи все девицы без исключения отправляются спать.

В первых пяти коридорах за ночные визиты гости платят вдвое больше обычного, в шестом же коридоре ночные визиты запрещены для всех, кроме постоянных любовников.

[Девицам, отлынивающим от уроков, наказаний не полагается, но управительницы им за это мягко выговаривают; зато тех, кто выказывает особенные успехи, вознаграждают лестными похвалами.]

Статья двадцать четвертая: Привилегии постоянных любовников

[Постоянные любовники имеют право нанимать своим любовницам особых учителей и обедать и ужинать в обществе этих девиц в отведенных для них комнатах.]

Статья двадцать пятая: Препровождение времени в общих комнатах

[Чтение поучительных и занимательных книг, рукоделье, но ни костей, ни карт, ни других азартных игр.]

Статья двадцать шестая: Сколько раз можно выбирать одну и ту же девицу?

За день девицу можно выбрать всего один раз; однако, если тот гость, который уже был с нею, захочет в тот же день повторения, ему это позволят. Прежде девяти утра в заведение допускают только мужчин, которые девицам уже известны и могут назвать ту, какая их привлекает, по имени.

Статья двадцать седьмая: Сколько раз можно выбирать перестарку?

Предшествующая статья не распространяется на девиц, принадлежащих к первым трем классам, которые уже не способны иметь детей, а следственно, могут уходить с гостями столько раз в день, сколько им заблагорассудится. Возраст и опытность загасили в них пламя страстей, а потому можно ожидать от них сдержанности и умеренности.

Статья двадцать восьмая: Измены

Если содержанка примется обольщать мужчину и уверять, что он сделал ее матерью, и притом станет его обманывать, принимая другого мужчину, ее навсегда разлучат с товарками

и приговорят до конца жизни исполнять тяжелую и грязную работу. Избавить ее от этой кары сможет лишь тот, кого она обманула. Поскольку изменить девица может только с ведома по меньшей мере двух управительниц, этих виновных ждет суровое наказание (смерть).

Статья двадцать девятая: Стол, постель, белье

[Кушанья девицам подают не слишком обильные, но довольно изысканные; одеваются девицы каждая по своему вкусу, чистое белье взамен грязного им раздают управительницы раз в два дня; по утрам девицы сами застилают постель.]

Статья тридцатая: Наряды

[Девицы выбирают себе одежду не дороже определенной суммы; управительницы следят за тем, чтобы у них было достаточно нижнего белья; изношенное платье перешивают для девочек, рожденных в заведении.]

Статья тридцать первая: Купальни

В заведении устроены купальни теплые и холодные, и каждая девица совершает омовение раз в два дня: летом то в теплой купальне, то в холодной, а зимой только в теплой. Брать ванну должны и работницы: зимой раз в неделю, а летом чаще.

Статья тридцать вторая: Румяна и прочие притирания

[Все искусственные прикрасы запрещены всем, кроме содержанок; совершать омовения содержанки обязаны не реже остальных, а управительницам надлежит за этим следить.]

Статья тридцать третья: перестарки

[Деньги, заработанные девицами, исключая ежедневные траты, будут откладываться на приданое для девочек, рожденных и выросших в заведении, и на содержание перестарок; из числа девиц тридцати шести лет и старше отберут тех, кто еще сохранил хоть какую-то красоту, чтобы они принимали гостей из низших слоев общества за минимальную плату.] Чтобы перестарки принимали таких гостей с меньшим отвращением, надобно соблюдать три условия: гость вначале должен взять теплую ванну; с девицей он может провести не более получаса; если гость пьян, его не допустят к девице прежде, чем он протрезвеет; если же, протрезвев, он захочет уйти, ему это дозволят, но денег за билет не вернут.

Статья тридцать четвертая: Венерические болезни; досмотрщицы

[Из старших девиц примерного поведения выберут тех, которые будут осматривать гостей и проверять, не больны ли они;

лишь после такой проверки гостю будет дозволен доступ в избранный им коридор; те же досмотрщицы будут на тот же предмет проверять девиц при их пробуждении; из этих досмотрщиц впоследствии будут выбирать управительниц.]

Статья тридцать пятая: Главная управительница, или начальница

[Ежегодно назначается Попечительским советом для надзора за рядовыми управительницами.]

Статья тридцать шестая: Штрафы

[Взимаются с гостей, относительно которых выяснилось, что они больны дурной болезнью; если болезнь еще на ранней стадии и можно думать, что гость сам не знал, что болен, штраф невелик — вдвое больше цены билета.]

Статья тридцать седьмая: Лечение девиц

[Больных немедленно отправляют в лечебницу — изолированное помещение внутри заведения; их осматривает опытный врач, которому доступ в остальные части заведения категорически запрещен.]

Статья тридцать восьмая: Участь детей, рожденных в заведении

I. Мальчики

Дабы государство могло извлекать из партенионов обещанную прибыль, следует:

1) Поелику возможно, препятствовать девицам принимать меры против беременности.

2) Всеми способами устраивать так, чтобы девицы рожали как можно больше, а для того наблюдать в заведении, посвященном сладострастию и разврату, приличия и, смею сказать, целомудрие.

3) Окружать детей, рожденных в заведении, бесконечной заботой до того момента, когда они смогут содержать себя сами.

4) Все, кого не признают их отцы, будут считаться детьми государственными, а следственно — если стать их и здоровье к тому располагают, — обязаны будут государству служить.

[Воспитание будущих солдат; детей, не годных к военной службе, будут обучать различным ремеслам.]

II. Девочки

[Некрасивых обучают ремеслам; красивых учат танцам, музыке, рисованию; отнюдь не принуждают заниматься материнским ремеслом и, если найдется достойный жених, выдают замуж с приданым в тысячу экю; предпочтительны в качестве женихов юноши, рожденные в том же заведении.]

Одежда

Ни дети, рожденные в заведении, ни люди, находящиеся там в услужении, никакой особенной одежды не носят.

Статья тридцать девятая: Права Попечительского совета по отношению к детям, рожденным в заведении

[Совет сохраняет власть над всеми, кроме солдат; члены Совета следят за тем, чтобы жены не изменяли мужьям, а мужья не проматывали приданое жен и не били их; соблазнителей чужих жен при необходимости даже отдают под суд и подвергают телесным наказаниям.]

Статья сороковая: Выбор управительниц

[Управительниц выбирают из самых добропорядочных девиц, предпочтительно из содержанок; управительницы имеют право в определенные часы покидать заведение.]

Статья сорок первая: Участь перестарок; перестарки-наставницы

Те из перестарок, которых невозможно будет использовать, как то указано в *статье тридцать третьей*, будут спокойно доживать свои дни в помещении, для них отведенном.

[Наиболее способные будут обучать остальных танцам или музыке.]

Статья сорок вторая: Конец жизни; девицы, получившие наследство

Девицы, попавшие в заведение, из него уже не выйдут, за исключением тех, о коих говорено в *статьях девятнадцатой, сороковой, сорок первой* и *сорок четвертой*, и тех, кто получил деньги в наследство. Эти последние могут покинуть заведение и жить самостоятельно, если, конечно, не предпочтут остаться в партенионе и наслаждаться своим богатством в его стенах. Партенион от этих девиц, да и ни от кого другого, никаких дарственных получать не сможет, наследницы же, которое его покинут, все равно останутся под опекой Попечительского совета, который принудит их воротиться в заведение, если станут они вести жизнь беспорядочную.

Статья сорок третья: Девицы, которые пожелают переменить свою жизнь

[Тем девицам, которые пожелают вернуться к порядочной жизни, Попечительский совет будет всячески способствовать, если убедится в искренности их намерения.]

Статья сорок четвертая: По каким дням партенион закрывается?

[Заведение закрывают в дни главных праздников; девиц в эти дни возят в театр в закрытой карете; спектакль они смотрят из ложи, затянутой газом.]

Статья сорок пятая: Сообщение между разными партенионами

[У всех партенионов Франции должно быть общее управление; парижский Совет надзирает за всеми прочими и при необходимости переводит девиц из одного заведения в другое.]

Примерно таким вижу я, любезный Тианж, устав заведения, основание которого делается тем более насущным, чем больший физический и нравственный ущерб причиняет проституция; заведение это, вне всякого сомнения, прославит мудрость и человеколюбие того, кто его устроит, плоды же его, которые не заставят себя ждать, окажутся даже лучше и драгоценнее, чем казалось поначалу. Как тебе, конечно, известно, для богов и королей недостойных предметов не бывает. Одного их взгляда довольно, чтобы облагородить вещь, приносящую пользу. Низменные сферы заслуживают внимания не меньше, чем возвышенные: без навоза не вырастить сад, не взрастить урожай. Вот прекрасная тубероза, вот скромный лютик, вот редкий тюльпан — не Флоре обязаны они своим яркими цветками, а горстке перегноя.

[...]

Седьмое письмо: от де Тианжа к д'Альзану

Пуатье, 1 июня 176...

[Де Тианж объявляет о своем скором возвращении и признается, что, еще когда сам сочетался браком с Аделаидой, мечтал женить друга на ее сестре.]

Я прочел и обдумал с величайшим вниманием каждую из статей твоего устава и, пожалуй, ни одной не оставил без возражений. Не буду даже говорить о замысле как таковом, перейду непосредственно к уставу. Легко ли будет осуществить *первую* статью? Отчего во *второй* допускается существование содержанок? *Третья* предполагает порядок, полезный для заведения, которое благодаря этому сделается более самостоятельным, более благоустроенным и менее непристойным. И все же, возводить отдельные здания для падших женщин! Заботиться о том, чтобы здания эти были удобными! Не уверен, что прилично назначать членов городской управы попечителями подобных заведений, как то предписывает *статья четвертая*. Смогут ли твои управительницы управлять? Зачем запрещать членам Попечительского совета доступ в заведение, как ты это делаешь в *статье пятой*? Впрочем, я догадываюсь о причине. Какая надобность в статья *шестой* и *седьмой*? *Восьмая* меня удивляет, она мне непонятна, точно так же, как и *девятая*. Что же касается *десятой*, скажу свое мнение: такая жизнь должна служить наградой не распутству, а добродетели. То же касается и *статьи одиннадцатой*. *Статьи двенадцатая* и *тринадцатая*: вторая из них тем плоха, что выбор порой будет совершаться слишком долго, а кончится все дело именно тем, чего законодатель желал избежать, иначе говоря, принуждением. *Четырнадцатая*, *пятнадцатая* и *шестнадцатая*: о двух первых не скажу, а вот третья, пожалуй, обескураживает: не слишком ли молоды девицы? *Семнадцатая*: отчего пятый и шес-

той коридоры ценятся так высоко? *Восемнадцатая*: так эти женщины, выходит, уже не будут считаться публичными? *Девятнадцатая*: несмотря на все оговорки, статья эта отнюдь не убережет от злоупотреблений. Найдутся безумцы, которые женятся на публичной девке, вскоре в том раскаются и будут несчастны. *Двадцатая* и *двадцать первая*: все это уменьшит расходы заведения, но завещать таким детям значительное состояние — значит действовать вопреки закону. *Двадцать вторая* и *двадцать третья*: вот так девки — образованные, нарядные, привыкшие к вежливому обращению! *Двадцать четвертая*: постоянные любовники, о которых вы так много толкуете, неплохо устроятся; вы даруете им немало привилегий! *Двадцать пятая*: превосходно; но будет ли это исполнено? *Двадцать шестая* и *двадцать седьмая*: с первой согласен, но не слишком ли многого, господин законодатель, ждете вы от бедных перестарок? *Двадцать восьмая*: ну и ну! Какие строгости! *Двадцать девятая*: вот вы и смягчились; ничего удивительного: суровость вам не к лицу. *Тридцатая*: вы, разумеется, в своем праве. Не стану спорить: я не скуп, но ценю бережливость. *Тридцать первая* и *тридцать вторая*: и тут не стану спорить, хотя вы идете наперекор всем общественным обыкновениям. *Тридцать третья*: неужели то, что предписывает эта статья, в самом деле необходимо? Докажите. *Тридцать четвертая*, *тридцать пятая*, *тридцать шестая* и *тридцать седьмая*: штрафы! Впрочем, вполне заслуженные; всякий знает несчастных, которые ввязались в тяжбу и заплатили куда больше, хотя виновны были несравненно меньше. О трех прочих статьях не скажу ни слова: они необходимы. *Тридцать восьмая*: расчет весьма тонкий. Но достанет ли у вашего партениона денег на то, чтобы вырастить столько детей? Чтобы женить их или выдать замуж? А красоток еще и с приданым? *Тридцать девятая*: неплохо. *Сороковая* и *сорок первая*: повторяю, завидная жизнь будет у ваших девиц! *Сорок вторая*: отлично! *Сорок третья*: вот статья превосходная! *Сорок четвертая*: а в праздничные дни они отправятся в театр. Совершенно с тобой согласен, любезнейший, жители Лондона поступали бы куда более разумно, когда бы по воскресеньям посещали представления в театре Друри-Лейн, а не одурманивали себя пуншем и очень скверным, хотя и очень дорогим вином в тавернах, где юные англичанки нередко лишаются разума и, что куда хуже, невинности. *Сорок пятая*: итак, Париж сделается столицей ордена, его штаб-квартирой.

Я изложил свои возражения очень кратко. Пожелай я высказать все, что думаю на сей счет, письмо вышло бы куда длиннее. Однако на это у меня теперь нет времени. Отвечай мне не столько на те замечания, какие я уже сделал, ибо они ничтожны, но на те, какие могли бы быть сделаны на каждую из статей твоего устава. По правде говоря, я полагаю, что, если бы кто-нибудь когда-нибудь вознамерился внести порядок в область

жизни в высшей степени беспорядочную, ничего лучшего он бы не выдумал. Ты хочешь уменьшить зло, а это уже благо.

Но скажи мне, д'Альзан, отчего люди не повинуются голосу разума? В этом случае они искали бы себе добродетельную подругу, они находили бы блаженство в том, чтобы заслужить ее любовь и самим любить ее. Разве это не печально — вкушать удовольствие в объятиях незнакомой женщины, не будучи уверен, что в это самое мгновение она не питает к тебе ненависти! Впрочем, как сказал поэт:

> Nitimur in vetitum, semper cupimusque negata;
> Sic interdictis imminet aeger aquis[1].

Я прекрасно понимаю, что не всякому дана возможность связать себя прочными узами... Это горе нашего времени, позор нашего общественного устройства... Друг мой, я счастлив, а ты станешь счастлив в самое ближайшее время, а вернее сказать, ты счастлив уже сейчас, а скоро две сестры составят блаженство двух друзей. Возблагодарим же Верховное существо и, дабы невинные наши наслаждения продлились, станем вести жизнь чистую и, главное, протянем нуждающимся руку помощи. [...]

Восьмое письмо: от д'Альзана к де Тианжу

[Восторг в доме де Тианжа при известии о его возвращении; д'Альзан рассказывает другу о его поездке вместе с госпожой де Тианж и ее сестрой на бал к богачу Б***, где его преследовала заигрываниями и намеками на прошлое бывшая любовница Д***.]

По возвращении домой Аделаида уверила меня, что, не будь меня, в твое отсутствие ни за что не поехала бы на бал к Б***: по тону, каким она говорит об этих шумных собраниях, совершенно ясно, что они для нее нимало не занимательны.

Я вижусь с Урсулой три раз в неделю, и уважение мое к ней возрастает вместе с любовью. Скольких заблуждений сумел бы я избежать, когда бы имел счастье раньше сблизиться с госпожой де Тианж! Например, я не тяготился бы нынче злосчастной связью с Д***. Я не видел эту женщину с того самого дня, когда Аделаида впервые взяла меня с собой в монастырь и я узнал Урсулу. Б*** сегодня поведал мне, что она в ярости. Меня это бы очень мало тревожило: с теми непристойными женщинами, которые бросаются на шею мужчинам, а потом с тем же бесстыдством сами их бросают, церемонии излишни. Но что если госпожа де Тианж, что если моя Урсула узнают об этой связи... Я желаю этого

1. Все, что запретно, влечет; того, что не велено, жаждем. // Стоит врачу запретить, просит напиться больной... Овидий. Любовные элегии. III, 4, 17–18. Перевод С. Шервинского. (*Прим. перев.*)

избежать любой ценой. Я ведь знаю Д***: если ей станет известно, что я провожу те часы, какие раньше посвящал ей, в доме твоей жены, она начнет рассказывать самые глупые небылицы, заведет самые наглые речи... А поскольку на балу она видела достаточно и не замедлит догадаться о том, как обстоит дело, она способна опозорить меня, опорочить в глазах Аделаиды и Урсулы. Шлюха или оперная танцовщица не так опасны, как женщины подобного рода... Мой Бог! Что если моя обожаемая возлюбленная решит, что уже после того, как я поклялся принадлежать бессрочно и безраздельно только ей одной, я виделся с Д***!.. Быть может, ты объяснишь им... Впрочем, нет, не нужно, подождем еще. А вдруг все это пустые страхи, зачем же признаваться в грехах столь предосудительных?

Сегодня мы ужинаем у моего дядюшки, и госпожа де Тианж обещала приехать с Урсулой.

Меж тем я прочел твои замечания и, как ты того и желаешь, охотно отвечу. Больше того, я полагаю необходимым дать разъяснения к каждой статье своего устава: таким образом я предупрежу возражения, которые не замедлят прозвучать, если ты покажешь кому-нибудь этот план, и уточню суть тех статей, которые могут показаться удивительными или возмутительными.

IV. Ответы на возражения, какие может вызвать каждая из статей устава

Статья первая: Нынешние публичные дома и публичные женщины

Для начала довольно будет использовать старые публичные дома. В них, конечно, нельзя будет разместиться со всеми возможными удобствами; переустроить их станет возможным не прежде, чем у заведения появятся деньги. Между тем надобно будет полностью избавиться от прежних публичных девок. В новое же заведение девицы будут набраны так, как это предписано *статьей шестой* устава: они не будут иметь ничего общего с теми развратными и совершенно неисправимыми особами, которые взросли в грязи и к ней привыкли. Помимо всех прочих перечисленных выше преимуществ, партенионы хороши еще и определенным сходством с итальянскими *Консерваториями*, а именно домами, куда принимают женщин и девиц, которых в противном случае нищета толкнула бы к жизни распутной. Смотрите на сей счет конец *статьи шестнадцатой*.

Заставить всех, кто, в нарушение закона, предоставят кров публичным девкам, платить штраф в пятьсот ливров или даже больше, смотря по достатку провинившихся, есть мера самая действенная из всех возможных, особенно если доносчикам будут выплачивать обещанное вознаграждение и сохранят их имена в тайне.

Статья вторая: Содержанки

Не думаю, чтобы возможно было так же резко покончить с женщинами на содержании, как и с публичными женщинами. Разумным начальникам партениона до́лжно к этому стремиться, однако чересчур деятельное и скорое осуществление этого плана не только затруднительно, но и чересчур жестоко: ведь в этом случае множество порядочных женщин и девиц подвергнутся несправедливым гонениям и лишатся крова над головой. Меж тем статьи *восемнадцатая, двадцать четвертая* и *двадцать девятая* призваны служить им защитой.

Статья третья: Новые заведения

Тот, кто решился на преобразования, должен добиваться изо всех сил, чтобы они шли безостановочно, а результаты их были прочны: постыден порок, а не меры, против него принимаемые.

Статья четвертая: Управление партенионами

Идея моя не нова: так было заведено некогда во всех крупных городах королевства.

Что же до управительниц, то всякий, кто вспомнит, каковы будут их обязанности, поймет, что на роль эту годятся лишь женщины, мною указанные.

Статья пятая: Получение прибыли и отчетность. Права и обязанности членов Попечительского совета

Члены Совета будут исполнять свои обязанности, соблюдая порядок и пристойность. Чем более порядочны люди, тем лучше будут они годиться на то, чтобы командовать партенионами, следить за их выручкой и мудрым и безупречным своим поведением внушать распутникам почтительный страх. Статья эта, запрещающая попечителям переступать порог партениона, служит основанием для *статей восемнадцатой, двадцать четвертой, двадцать восьмой* и *двадцать девятой*, которые лишний раз подчеркивают мудрость этого распоряжения: даже подозрение в связи с девицей из партениона ни в коем случае не должно пятнать почтенных членов Совета. [...]

Статья шестая: Насельницы заведения; покров тайны

Требования, выдвинутые в начале этой статьи, обусловлены двумя причинами равно существенными. Первая состоит в том, чтобы предоставить девицам надежное убежище и предохранить их от искушения нарушить *первую статью* нашего устава; вторая же в том, чтобы не разглашать тайн семейственных. Ограничение же, касающееся возраста, есть вещь для подобного заведения первостепенная. Впрочем, для особ небывалой красоты и редких талантов могут быть сделаны исключения.

Статья седьмая: Партенион как неприступная крепость

На первый взгляд статья эта может вызвать возмущение. Меж тем непременно нужно, чтобы исполнена она была в точности столько же для того, чтобы отнять у родителей всякую надежду на отмщение — деяние бесполезное и рождающее толки, которые невыгодны прежде всего самим этим родителям, сколько для того, чтобы обеспечить спокойное существование обитательницам партениона (если родители не сумели воспитать своих дочерей должным образом, наказанием им послужит лишение естественных родительских прав).

Статья восьмая: Проступки

В таком заведении, как это, снисходительность есть первейшая необходимость; на строгости оно держаться не может. Причину сего отгадать несложно. Девиз заведения состоит в том, чтобы *наименьшее зло почитать за благо*: план этот сам по себе не есть добро, но лишь средство уменьшить зло неизмеримо большее, чем кажется и чем вообразить можно.

Статья девятая: Преступления

Теми же соображениями продиктована и эта статья: если девицу из партениона отправят на виселицу, это причинит величайший вред заведению, цель которого — собрать под своим кровом всех тех, кого несчастная склонность толкает к проституции, и предложить им существование более завидное и приятное, нежели то, какое ожидает их, если будут они жить самостоятельно или под покровительством тех подлых *мамаш*, которых правительство вынуждено терпеть, несмотря на все их преступления. И пусть не говорят мне, что я протягиваю руку помощи пороку. Всякий разумный человек согласится: порядочную девицу заведение, мною описываемое, не соблазнит; ее остановит то презрение, каким наши нравы и сама природа клеймят ремесло продажной женщины. Что же до прочих, то лучше им быть в партенионе, чем вне его.

Статья десятая: Местонахождение партениона, конторы для продажи билетов, вход для девиц

Повторяю: надобно привлекать мужчин в наше заведение — не для того чтобы внушить им любовь к пороку, но для того, чтобы уберечь их от сношений с девками куда более опасными. [...]

Статья одиннадцатая: Как покупать билеты

Статья эта, как и прочие, имеет целью всемерно облегчить доступ в заведение и тем самым отбить у мужчин охоту искать радостей в других местах.

Статья двенадцатая: Выбор гостя

Выбирать можно будет из множества хорошеньких девиц. Что же до девиц, то они, со своей стороны, не должны испытывать никакого отвращения к тому, кто их выбрал. Понятно, что такая метода лишает проституцию всего грубого, жестокого, возмущающего душу.

Статья тринадцатая: Выбор девицы. Как поступать при отказах

Здесь все в высшей степени справедливо: надобно воротить к природе тех, кто пали куда более низко: если мужчина имеет право свободного выбора, не будем лишать того же права девицу. Когда бы план наш касался только физической стороны любви, предосторожности эти были бы вовсе не нужны. Но я более высокого мнения о мужчинах. Мыслящее существо не отделяет физическое от нравственного: для него любить — значит наслаждаться, а наслаждаться — значит любить. Не стоит думать, что мера, предложенная на случай, если от гостя откажутся все девицы, сильно затруднит дело. Да и случаи такие будут нечастыми. Статья эта призвана подкрепить *статью седьмую* и облегчить ее исполнение: девица, которая узнает в госте своего родственника или друга семьи, скажет об этом управительнице, и та не станет спрашивать у нее число как о том говорится в *статье тринадцатой*. [...]

Статья шестнадцатая: Билеты

Статья эта для того необходима, чтобы всякий мог быть уверен, что найдет в партенионе то, чего желает. Полагаю, что не следует запрещать доступ в заведение даже людям *известного звания*. Сколько мужчин, опрометчиво пустившись в погоню за химерическим совершенством, злоупотребили в порыве безудержной страсти доверием беззащитных особ, сорвали покров тайны, каким должны быть окружены иные занятия, впрочем необходимые, и вселили отчаяние и позор в сердца несчастных родителей! Конец же этой статьи клонится к совершению другого доброго дела: удержать от разврата множество юных особ и возвратить их обществу.

Статья семнадцатая: Тариф. Шкатулка для выручки

Не подлежит сомнению, что девицы, соблюдающие себя чистыми и ведущие жизнь размеренную, скорее привлекут тот разряд мужчин, для кого предназначаю я перестарок, нежели те грязные и вечно пьяные распутницы, с какими имеют они дело нынче. Цены в первом, втором и третьем коридоре суть самые обычные цены, какие запрашивают девки, не идущие ни в какое сравнение с девицами из заведения, мною задуманного. Четвертый коридор также вполне по карману людям состоятельным и любящим удовольствия: нередко они платят гораздо дороже за то, что лишает их здоровья. Пятый коридор должен стоить до-

рого, для того чтобы не сделаться достоянием всеобщим. Что же касается шестого, за него надобно, осторожности ради, просить даже не четыре луидора, а все десять. [...]

Статья восемнадцатая: Постоянные любовники; размещение содержанок; доступ в заведение для постоянных любовников; выбор любовницы; неуплата, долгая отлучка

Сказанное в этой статье может показаться противоречащим духу заведения, и я соглашусь, что некоторые основания так думать могли появиться, когда бы не было более чем возможным, что девиц в доме всегда будет предостаточно. Больше того, мера, которую предлагаю я в этой статье, воспрепятствует разорению семейств: сколько на свете сирен, для которых обмануть и обобрать мужчину — дело чести. В партенионе же этого можно будет не опасаться: мало того что любовник сможет не сомневаться в верности своей любовницы, потратит он на нее ровно столько, сколько потребует заведение, а эта сумма будет со временем только уменьшаться, ибо он будет платить по сорок два ливра в неделю за девицу шестнадцатилетнюю; если девице исполнится восемнадцать, сумма уменьшится до тридцати трех ливров двенадцати су; после двадцати лет девица обойдется ему всего в двадцать пять ливров и четыре су, в двадцать пять — в шестнадцать ливров и шестнадцать су, а после тридцати лет и до тех пор, пока девица будет принимать любовника, ее услуги неизменно будут обходиться ему в четырнадцать ливров. [...] Меры, касающиеся детей, клонятся как к удовлетворению отцов, так и к сбережению денег партениона. Остальные же распоряжения призваны, во-первых, предотвратить беспорядки, которые неминуемо разразились бы в том случае, когда бы навещать содержанок могли не только их постоянные любовники, но и другие гости, а во-вторых, облегчить исполнение *статьи двадцать восьмой.*

Статья девятнадцатая: Браки

Заведение, нами описанное, не должно способствовать заключению брачных союзов, позорных для одного из супругов. В то же время несправедливо лишать свободы выбора тех людей, кто вправе распоряжаться собой и своим состоянием. Я, однако, полагаю совершенно необходимым *без долгих проволочек* объявлять недействительным любой брак, заключенный с девицей из партениона человеком знатным либо чиновным, который добился согласия от Попечительского совета, назвавшись чужим именем, причем поступать так следует даже в том случае, если девица только с ним одним и встречалась. Из сказанного понятно, как важно вверить руководство партенионами людям порядочным, иначе говоря таким, которые славятся безупречной нравственностью и достаточно образованы, чтобы разрешать вопросы сложные и запутанные. [...]

Статья двадцать первая: Беременность девиц, находящихся на содержании

Нет никакой причины отказывать постоянным любовникам в отцовских прерогативах. Однако в этой статье содержатся и другие указания, которые могут показаться недостаточно ясными. Например, мне могут задать вопрос, что, собственно, я имел в виду, когда говорил о тех отцах, которые, не имея возможности вступить в брак с матерью ребенка, завещают ему половину состояния. Отвечу на это лишь одно: те злоупотребления, которые царят в этой области нынче, куда опаснее тех, какие могут произойти от моих предложений, не противоречащих ни природе, ни даже духу старинных законов. Не стоит и говорить, что этим отцам надлежит избегать шумной огласки, каковую в правильно устроенном государстве карают без всякого снисхождения.

Статьи двадцать вторая и двадцать третья: Общие комнаты, имена, даваемые девицам, занятия и трапезы, ночи, вознаграждения

В двух этих статьях предложен распорядок занятий на весь день с утра до поздней ночи. Заведение, не имеющее распорядка, впадает в анархию, которая отнимает у него возможность принести какую-либо пользу. Девиц будут обучать тому, что способно сделать их еще более привлекательными. Возмущаться этим не должно, причина же сего указана в ответе на возражения к *статье восьмой.*

Статья двадцать четвертая: Привилегии постоянных любовников

Эта статья также клонится к тому, чтобы уменьшить расходы заведения и даровать мужчинам такую свободу, какая заставит их предпочесть любовницу в партенионе всем прочим. (Не лишне будет заметить, что девицы на содержании также будут пользоваться немалой свободой, и это, вкупе с подарками, какие будут они получать от постоянного любовника, сделает состояние содержанки завидным и заставит девиц не отвергать даже мужчин, не слишком для них привлекательных.)

Статья двадцать пятая: Препровождение времени в общих комнатах

Касательно свободы: довольно уже того, что девицам запрещено будет покидать заведение; отчего же не облегчить их существование в его стенах? Что же до действенного способа принудить их к дозволенным забавам, он заключается в том, чтобы упразднить все развлечения иного рода: никто не станет приказывать девицам читать или рукодельничать, но их поставят перед выбором: либо взяться за книгу или работу, либо изнывать от скуки.

Статьи двадцать шестая и двадцать седьмая: Сколько раз можно выбирать одну и ту же девицу, сколько раз перестарку?

Несколько причин заставили меня включить в устав *статью двадцать седьмую*: девицы, о коих в ней идет речь, уже не первой молодости и, можно надеяться, будут чуждаться излишеств. Число таких девиц невелико, но немного сыщется и мужчин, которые не смогут притязать ни на кого, кроме них; мужчины эти вдобавок не имеют особых прихотей и получают удовлетворение куда быстрее, чем гости более состоятельные. При ином порядке вещей перестарки обходились бы заведению слишком дорого; впрочем, второй причиной следовало бы пренебречь, когда бы не существовала первая. Тем, кого за день спрашивали один или два раза, можно позволить до конца дня уже не показываться в общей комнате. Наблюдение за их здоровьем должно быть самым пристальным; вверить его надлежит главной управительнице.

Статья двадцать восьмая: Измены

Суровость этой статьи сообщит проституции своего рода целомудрие. Бесстыдство заключается в злоупотреблении действием, способствующим продолжению рода; это губительно для самого рода. Вот отчего древние моралисты так пеклись о чистоте. Добродетельнейшие из мужей были целомудренны: впрочем, следует выяснить, не является ли совершенное воздержание преступным. На это можно ответить, что сей пример не опасен, влияние же его на окружающих во всех без исключения случаях превосходно. Совершенное нежелание иметь дело с женщинами предосудительно или, если угодно, *преступно* лишь в мужчине, который поставил это себе за правило, тогда как открытая невоздержанность мужчин и женщин неизбежно породит последствия самые ужасные, осквернит все, включая вкус, и превратит любовь в причину без следствия. Ибо следствие любви есть рождение новых людей.

Статья двадцать девятая: Стол, постель, белье

Все сказанное необходимо и должно быть исполнено в точности. Попечительский совет обязан о том позаботиться.

Статья тридцатая: Наряды

Сумма, на наряды выделяемая, зависеть будет от доходов и расходов заведения, но на сумму эту, какова бы она ни была, каждая девица может, натурально, выбрать себе ткань по вкусу и наряд к лицу. Девицы на выданье или брюхатые, а равно и работницы, воспитанные в заведении, как то оговорено в *статье тридцать восьмой*, могут донашивать платье за девицами из партениона: платье это непременно будет опрятным, ибо управительницы будут принуждать девиц содержать и себя, и свои наряды в чистоте.

Статья тридцать первая: Купальни

С тех пор как распространился обычай носить белье, омовения сделались куда реже, чем следует. Не подлежит сомнению, что теплая вода способствует *рассасыванию* скоплений грязи и гноя, грозящих всяческими неприятностями и даже смертельными болезнями всем, а в особенности людям, ведущим сидячий образ жизни. Женщинам же купания полезны еще в одном отношении: тем, у кого кожа слишком темная, они помогают ее осветлить.

Статья тридцать вторая: Румяна и прочие притирания

Средства эти вообще приносят больше вреда, чем пользы, в особенности же хорошеньким: от них кожа сморщивается, теряет естественный цвет и быстрее увядает (предшествующая статья предписывает вещь почти неупотребительную, настоящая же запрещает то, что в употреблении повсеместно: ведь обходиться без омовений неразумно, а использовать румяна и притирания вредно. Восстановим полезные обыкновения и отменим губительные).

Статья тридцать третья: Перестарки

Несчастные женщины, проживающие на самых дальних окраинах, являются каждый вечер в центр города развращать и заражать тех крепких мужчин, которые по недостатку состояния вынуждены заниматься грязной работой и на этом посту верно служат человечеству. Эти люди, не скрою, куда более полезны обществу, нежели самый просвещенный автор, не говоря уже о праздном мещанине, наглом приказчике и бессмысленном лакее; именно эти силачи строят наши дома, возделывают наши сады, перетаскивают наши грузы и проч. Можем ли мы безжалостно оставлять их наедине с опасностью, какой подвергает их страсть, берущая верх даже над мудрейшими из людей? [...] Устав о них позаботился. Отныне рабочему человеку не будут грозить ни страшная болезнь, ни потерянное время, ни подлый разврат. Я не устану повторять: цель моя не в том, чтобы поощрять распутство, ибо в таком случае я перестал бы себя уважать; цель моя — устранить последствия злоупотребления, сделавшегося настоятельной потребностью, уменьшить вред, им наносимый, искоренить страшную болезнь.

Статья тридцать четвертая: Венерические болезни; досмотрщицы

Здесь указано главное, ради чего устроено заведение: гостю не позволят выбрать себе девицу, пока досмотрщицы не удостоверятся, что он здоров.

[...]

Статья тридцать седьмая: Лечение девиц

Лечение заболевших девиц есть одна из непременных задач заведения и одно из важнейших занятий главной управительницы и ее подчиненных. Они обязаны в точности докладывать Попечительскому совету о ходе лечения, а тот — сурово карать злоупотребления и небрежность, буде таковые обнаружатся. В этом деле потребны величайшая внимательность и сообразительность. Впрочем, все статьи устава связаны между собой так прочно, что пренебрежение одной немедленно приведет к нарушению всех остальных.

Статья тридцать восьмая: Участь детей, рожденных в заведении

I. Мальчики

Люди суть богатство государства. Умножая число подданных, государь умножает свое могущество. Как счастливы будут жители деревень, которым всякий год грозит набор во вспомогательные войска, избавиться от опасности благодаря нашему установлению.

Для государства польза его огромна: оно позволит многим тысячам крестьян продолжать заниматься землепашеством. Ведь тот, кто однажды расстался с мотыгой, как правило, к ней не возвращается даже после окончания военной службы. Бывшие солдаты становятся бездельниками, бродягами или, в крайнем случае, гуляками. Другие, кто, не будь они вынуждены встать под ружье, продолжали бы пахать землю или возделывать виноградники, в городе привыкают к праздности и также становятся почти бесполезными для государства.

Следует, правда, признать, что одних только партенионов недостанет для того, чтобы полностью избавить крестьян от воинской повинности. Не в виде закона, но в виде простого предложения мог бы я назвать еще один способ помочь этому делу: достаточно прибавить к детям, рожденным в партенионах, тех несчастных подкидышей, которые влачат жалкое существование при богадельнях и больницах, занимаясь чесанием шерсти, и, полагаю, таким образом мы наберем целую армию. Берусь утверждать, что из этих мальчиков выйдут превосходные солдаты, ибо они с самого раннего детства будут воспитаны в послушании и привычны повиноваться приказам слепо и без рассуждений. У них нет ни родителей, ни родных; их отец — государство, их отечество — королевство. Они останутся под ружьем, покуда хватит сил. Эти старые солдаты пригодятся в тех трудных обстоятельствах, когда потребуются опытность и бесстрашие перед лицом опасности. Мне могут возразить, что прочие военные станут поднимать подобные войска на смех. Боже меня упаси от мысли, что дисциплина в регулярных армиях Франции и Англии так слаба! Неужели те, кто в них служит, способны с чистой сове-

стью попрекать бравых воинов тем, в чем они вовсе не повинны, — их рождением?

II. Девочки

Теперь поговорим об участи девочек. Тех, кого природа не создала красавицами, можно будет с пользой употребить для домашних работ. Другие сами выберут себе занятия. Мне могут возразить, что я назначаю этим девицам, которых будет немало, чересчур значительное приданое. Отвечу, что девочки приятной внешности составят самое большее десятую часть всех новорожденных; полагаю, что заведение, разумно устроенное и разумно управляемое, вполне способно снести подобный расход. Доказать это я обещаюсь в другой раз. Могут мне указать и на то, что у заведения и без того будет много необходимых трат: на перестарок, на больных, на создание для девиц жизни удобной, а сие последнее стоит недешево. Замечания эти справедливы, однако при необходимости способ помочь заведению найти недостающие средства отыскать трудно: ведь появление партенионов сделает едва ли не вовсе бесполезным существование приюта Сальпетриер; умалишенных, которые находятся там взаперти, можно перевести в другое место, а доходы этого приюта отдать нуждающемуся партениону. Пойду дальше: я осмеливаюсь заявить, что приюты вообще очень плохо исполняют первоначальное свое назначение и не помогают бедным так, как следует; половина подданных королевства помощи от приютов не получают и это нимало им не вредит. Главную городскую больницу упразднять нет надобности: в таком городе, как Париж, должно же быть место, где нищий сможет умереть, как жил, в пучине ужаса и отчаяния... О жалкий людской род! Где твои леса и плоды?.. Все прочие приюты приносят только вред, плодят бездельников и обманывают тех несчастных, которые опрометчиво поверили их посулам и во всю свою жизнь не отложили на старость ни единой монетки. Бедняги надеялись обрести в приютах покой и благоденствие, очутились же в преддверии ада. Я говорю о том, что видел своими глазами. Смерть куда лучше той печальной жизни, какую влачат обитатели наших приютов; закрыть их все до единого и пустить те деньги, какие на них тратятся, на содержание брюхатых девиц, воспитательных домов и нашего заведения значило бы упразднить великое зло ради совершения великого добра. [...]

Что же касается платья, подобающего обитательницам заведения, полагаю, что не должно оно иметь в себе ничего необычного; сама пристойность настоятельно того требует. Тот, кто сказал, что люди разных *состояний* должны непременно узнаваться по одежде, поступил весьма необдуманно. Подобное различие в платье отвратительно, особливо если взять в расчет наши нравы: оно лишь вскормит наглое тщеславие горстки людей, а всех остальных, принадлежащих к

третьему сословию, которое более многочисленно, чем два первых, вместе взятых, обречет на смешение в одну кучу, незаслуженное, но оттого не менее неприятное. Такое установление тешит одного человека в ущерб девятистам девяноста девяти. Не мыслимо оно нигде, кроме разве что Марокко или, если угодно, несчастной империи инков, с тех пор как европейцы беззаконно ею овладели.

Статья тридцать девятая: Права Попечительского совета по отношению к детям, рожденным в заведении

Предписания этой статьи принудят *партенионцев* сохранять верность своему долгу. Желательно, чтобы соблазнителей карали везде с равной суровостью. В стране, где законы и религия запрещают развод, потребны лекарства чрезвычайные. Не знаю существа более преступного и презренного, чем жена, обманывающая мужа, однако соблазнитель чужой жены еще отвратительнее.

Статья сороковая: Выбор управительниц

Надежда стать управительницей или, по крайней мере, однажды получить право преподавать товаркам изящные искусства, заставит девиц учиться усерднее. Быть может, средство это менее действенное, нежели наказания, но зато и вреда не причинит.

Статья сорок первая: Участь перестарок

Весьма важно, чтобы девицы без опаски глядели в будущее.

Статья сорок вторая: Конец жизни; девицы, получившие наследство

Девицы, однажды поступившие в заведение, никогда уже из него выйдут. Следственно, публичные девки перестанут расхаживать по улицам, а порядочные женщины смогут не опасаться, что их примут за девок и оскорбят безнаказанно. Позорное зрелище проституток, хвастающих своим ремеслом, уйдет в прошлое. Есть и еще одно преимущество у такого порядка вещей: если девки перестанут соблазнять прохожих своим видом и будить в них дремлющие желания, у мужчин исчезнет повод преступать закон. Впрочем, когда бы проституцию запретили полностью и распутники лишились всякой возможности предаться своей склонности, это непременно породило бы последствия не менее отвратительные; на этот случай и пригодятся наши партенионы. [...]

Статья сорок четвертая: По каким дням партенион будет закрыт

Из двух зол следует выбирать меньшее. Не слушайте энтузиастов: эти люди много говорят, громко кричат, а думать даже не пыта-

ются. В Лондоне, где театры по воскресеньям закрыты, люди пьянствуют, играют в карты и посещают *веселые дома*. Куда лучше было бы открыть театры и показать лондонцам пьесы Шекспира или Драйдена. Послушать монологи Аддисонова Катона уж во всяком случае более полезно, чем весь день просидеть в таверне и выйти из нее только для того, чтобы подраться с соседом.

Статья сорок пятая: Сообщение между разными партенионами

Тем провинциальным заведениям, которые чересчур переполнятся, надлежит отправлять излишек девиц в столицу; ни одно заведение не вправе этому противиться. Можно будет также отправлять девиц из одного города в другой, дабы удалить их от особ, им знакомых; более того, в провинции это даже совершенно необходимо. Если в столице недостанет девиц, столичные партенионы могут щедрою рукой черпать их в партенионах провинциальных. Понятно, чем заслужила столица эту привилегию.

Немалое число столичных жителей, куда более подлых, нежели проститутки, лишатся вследствие учреждения партенионов средств к существованию. Эти негодяи нередко причастны к тайным убийствам. Жизнь их проходит в самой гнусной праздности: они только и умеют, что осыпать кого-нибудь оскорблениями, а затем подстерегают свою жертву, как самый бесчестный убийца. [...]

Не знаю, включил ли я все необходимое в сорок четыре статьи устава, тебе сообщенного, и не забыл ли чего-нибудь существенного. *Судить об этом важном предмете надлежит лишь людям, обладающим известной опытностью в делах*, и если я предам гласности мой план, то буду почтительно ожидать их решения. Я старался не терять из виду мудрый завет: *не дело закона искоренять страсти; ему надлежит лишь управлять ими.* Ты же сможешь судить о том, предупредил ли я все возможные возражения, продиктованные здравым смыслом... Уже восемь вечера, пора к твоим. Прощай.

[В три часа ночи, по возвращении домой, д'Альзан заканчивает письмо; он рассказывает о том, как вместе с Аделаидой и Урсулой был в гостях у своего дядюшки, которому намеревается на следующий день рассказать о своей любви к Урсуле.]

Девятое письмо: от д'Альзана к де Тианжу

9 июня 176...

[Д'Альзан открывает дядюшке свою любовь; выясняется, что дядюшка д'Альзана вместе с отцом де Тианжа — опекуном Урсулы — именно ее и прочит ему в жены; д'Альзан совершенно счастлив, но внезапно ему приносят записку от госпожи де Тианж:]

"Вы, сударь, существо непостижимое: через Вашего дядюшку и через отца Вашего друга Вы извещаете Урсулу о своих наме-

рениях; мне Вы также признаетесь в том, что питаете к моей сестре живейшую страсть, — и в то же самое время Вы длите преступную и позорную связь с... осмелюсь ли произнести, сударь? С госпожой Д***, с женщиной падшей и желающей, чтобы весь свет в том не сомневался. Ах, д'Альзан! Аделаида подозревала, что Вы слабы, легкомысленны, испорчены веком, но не думала, что Вы двуличный негодяй и соблазнитель... Неблагодарный! Как могли Вы избрать сестру жены господина де Тианжа, Вашего друга, несчастной жертвой Вашего лицемерия! Несчастная Урсула!.. Вы недостойны тех слез, какие придется ей пролить... Выслушайте же меня: Вы источник ее слез, Вы предали мое доверие и мое дружество, а равно и дружеские узы, связующие Вас с моим супругом, узы священнейшие из всех, какие существуют меж людьми, — коли Вы способны употребить во зло любовь, никогда более не пытайтесь увидеться ни со мной, ни с Урсулой. Прошу Вас об этой милости. Если же просьбы недостаточно, я Вам это запрещаю... навсегда.

Аделаида де Тианж".

О мой добрый друг!.. Я умру, не дождавшись твоего возвращения... Урсула сочтет меня двуличным, низким... Прошлое мое поведение ее не разубедит... Де Тианж! Жизнью клянусь... Но... о, эта мысль меня убивает... Если хотя бы на минуту... Если хотя бы на минуту Урсула поверит, что я... Напиши им... напиши как можно скорее, оправдай меня в их глазах... Я невинен, ты это знаешь, но они не захотят меня слушать... Госпожа де Тианж... О, ее добродетель... ее дружество... она полагает, что я их предал... она закроет передо мной двери своего дома... лишит меня возможности видеть Урсулу... Урсулу!.. Друг мой, я гибну... Руку моя, все мое тело сотрясает такая страшная дрожь... что я не в силах писать далее. Прощай... прощай, друг мой.

Д'Альзан.

Десятое письмо: от д'Альзана де Лонжепьера к де Тианжу

[Описание тяжелой болезни д'Альзана: после того, как госпожа де Тианж отказалась впустить его в свой дом, он впал в горячку; госпожа де Тианж рассказывает дядюшке больного о том, что у нее побывала госпожа де Д*** и предъявила ей любовные записки д'Альзана, из которых последняя была датирована вчерашним днем; дядюшка д'Альзана уверяет Аделаиду де Тианж, что дата, а возможно, и вся записка подделана; дядюшка и Аделаида заезжают в монастырь за Урсулой, а затем все вместе едут к д'Альзану; он полностью оправдывает себя в глазах Аделаиды и ее сестры и, среди прочего, доказывает, что его переписка с госпожой де Д*** закончилась за ме-

сяц до отъезда де Тианжа из Парижа, а значит, гораздо раньше его знакомства с Урсулой.]

Одиннадцатое письмо: от д'Альзана к де Тианжу

13 июня

[Д'Альзан сообщает, что он обвенчался с Урсулой и совершенно счастлив; к его письму приложены записки от госпожи де Тианж и от новоиспеченной госпожи д'Альзан; после этого за перо опять берется д'Альзан.]

Они вырвали у меня перо, любезный друг. Мы спорим за удовольствие беседовать с тобой. Письмо это принесет тебе тем больше радости, что ты увидишь в нем милый твоему сердцу почерк той, кто делает тебя счастливейшим из супругов. Чтобы доказать тебе, что я оправился от пережитого мною потрясения, воспользуюсь отсутствием дам, ненадолго меня покинувших, и докончу изложение моего плана. Едучи в почтовой карете, ты сможешь проверить мои расчеты: что-то мне подсказывает, что по возвращении ты не найдешь для этого времени.

V. Приход и расход партенионов

Весьма вероятно, что число *публичных девок* и *содержанок* в нашем королевстве достигает тридцати тысяч: двадцать тысяч в столице и десять тысяч в провинциях. Однако моему заведению такое множество не потребуется. Предположим, что в Париже имеется *двенадцать тысяч публичных девок* и *содержанок* и примерно половиной от этого числа располагают все провинции королевства. Несмотря на благоденствие, которым будут наслаждаться обитательницы партенионов, я убежден, что запрещение покидать его стены и невозможность устраивать оргии уменьшат число этих несчастных: чтобы не завышать их число, я уменьшу его еще на одну тысячу. Таким образом, во всем королевстве мы получим *семнадцать тысяч особ*, которых можно будет поместить в партенионы.

Последние "Разыскания о населении" господина де Мессанса доказывают, что в нашем королевстве самое большее одна треть подданных доживает до сорока пяти лет. Что же касается публичных девок, то их до такого возраста доживает, вероятно, в два раза меньше. В таком случае, если мы распорядимся перестарками, как то предписывает *статья тридцать третья*, во всем королевстве останется не больше *тысячи* девиц, содержать которых придется партенионам. А иные из них будут даже всякий день зарабатывать суммы, в большей или меньшей мере превосходящие те, которые на них тратятся.

[Приход, то есть деньги, которые будут зарабатывать в день девицы разных категорий; расчеты приводятся для 9 585 девиц, находящихся "в работе".]

Итого: в день 9 585 девиц заработают 47 640 ливров.

В год они же заработают 17 388 600 ливров.

[...]

Расход (на наряды девиц, их пищу, содержание в порядке домов и проч.)

В год 145 45 500 ливров.

Труд рабочих и работниц будет возмещать расходы на их же собственное платье и питание. По этой причине я не включил плоды этого труда в графу прихода. По той же причине не указал я в графе расходов цену ниток, шелка и шерсти, которые пойдут на платья для девиц. Все это с лихвой окупится бережливостью при выборе фасонов и шитья.

Замечу, что говорю о деньгах, которые заработают 9 585 девиц из семнадцати тысяч. Меж тем, если в заведении почти половина девиц будут находиться на содержании у постоянных любовников, доход окажется куда большим, так что приводимые мною данные можно считать заниженными на треть, тогда как сумма расходов на еду и платье, напротив, увеличена до предела.

Таким образом, в действительности за вычетом всех расходов у заведения должна остаться прибыль куда большая, чем те 2 843 100 ливров, какие выходят согласно моему первоначальному расчету.

Эти деньги пойдут на лечение больных, плату кормилицам, приданое для девочек, рожденных в заведении, и содержание перестарок, сделавшихся совсем бесполезными.

9 585 девиц смогут родить в среднем за год *четыре тысячи детей*, которые проживут *не больше года* (подсчет этот весьма приблизительный, ибо из тысячи детей, которые умрут за год, одни проживут всего день, другие — неделю, третьи — месяц и проч.), *три тысячи детей*, которые проживут *три года* (это уже много), и *две тысячи детей*, которые доживут до подросткового возраста. [Подсчет денег, которые потребуются на их содержание в самом худшем случае, то есть если ни один отец не возьмет на себя содержание своего ребенка.] Даже в этом последнем случае на перестарок и невест остается 1 343 100 ливров, однако я уже сказал, что в действительности сумма эта будет гораздо большей.

Подведем итог: вот почти безотказное средство истребить *венерическую заразу*, изгнать из Европы это чудовище, рожденное не в нашем климате, избавиться хотя бы отчасти от позорного клейма, накладываемого проституцией, возвратить пристойность нашим нравам, а вдобавок ко всему еще и даровать государству множество подданных, которые не будут ему в тягость и над которым будет оно иметь власть безраздельную, ибо государь и отец соединятся здесь в одном лице.

Повторяю: план мой не лишен недостатков. Проституция, которую ныне лишь молчаливо терпят, после его осуществле-

ния будет считаться едва ли не узаконенной. Это изъян неизбежный, но в самом ли деле должно почитать его изъяном? А если это и так, то не возмещается ли он куда более серьезными достоинствами? Назовите мне предприятие или закон, включая закон о необходимости прощать обиду, священный закон, снискавший Сократу звание величайшего из людей и явленный нам в еще более героических и почтенных деяниях Господа, — назовите мне, говорю я, закон без недостатков, о котором нельзя было бы порой сказать:

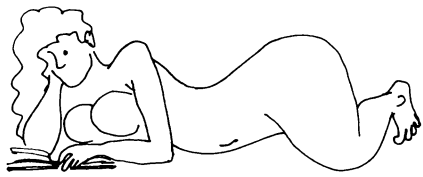
Et mala sunt vicina bonis: errone sub illo
Pro vitio virtus crimina saepe tulit[1].

Госпожа де Тианж бранит меня, любезнейший: она говорит, что письмо мое выходит чересчур длинным. Прелестная моя супруга согласна с сестрой. Страшусь их прогневить и откладываю перо...

В эту минуту со двора послышался стук колес. Госпожа де Тианж бросилась к окну: "Ах! — вскричала она. — Это он!"

И не говоря больше ни слова, полетела навстречу супругу.

Господин де Тианж, испуганный письмом дядюшки своего друга, ускорил свой отъезд из Пуатье. Нет слов, чтобы описать радость, которую вызвало его возвращение. Радость эта была тем более сильной, что сменила страдания самые горькие. Дома де Тианжа ожидали любовь, дружба и признательность. Он увидел, что его дорогой д'Альзан так же счастлив, как и он сам. По сей день д'Альзан идет путем добродетели и любит без памяти свою супругу; блаженство его более чем заслуженно.



1. Всюду хорошее смежно с худым, а от этого часто // И безупречная вещь может упреки навлечь. Овидий. Лекарство от любви, 323—324. Перевод М. Л. Гаспарова. (*Прим. перев.*)

Маркиза Анриэтта де Маннури д'Экто

Кузины полковницы

Фрагменты романа

Перевод Аси Петровой

Анриэтта де Маннури д'Экто [Henriette de Mannoury d'Ectot; 1835 (?)–1890 (?)] – автор эротических романов "Кузины полковницы" ["Les cousines de la colonelle", 1880], "Воспоминания дамского портного" ["Mémoires secrets d'un tailleur pour dames", 1880], а также книги "Роман Виолетты" ["Le roman de Violette", 1883]. Во времена Второй империи маркиза жила в замке д'Аржантан в Нормандии, где держала литературный салон, в котором бывали Поль Верлен, Шарль де Сиври, Шарль Кро, Ги де Мопассан и многие другие знаменитые люди того времени.

Эротический роман "Кузины полковницы" первоначально приписывался Мопассану. В произведении, ставшем знаковым для эротической литературы, рассказывается захватывающая, полная приключений и любовных интриг жизнь двух сестер; эта книга совмещает в себе жанры семейной хроники и женского галантного романа.

Перевод публикуемого текста выполнен по изданию: "Marquise de Mannoury d'Ectot. Les cousines de la colonelle" [EUREDIF, 1977].

Часть первая

Глава первая

В тот день беспрерывно моросил ледяной дождь, такой, какие у декабря всегда наготове.

А в маленькой гостиной мадам Брикар в это время расположились четыре человека, и, разумеется, сама хозяйка дома: уважаемая вдова полковника, – одного из тех доблестных кавалеристов, которым судьба пророчит блестящее будущее, – шестидесятилетняя дама, достаточно бойкая, для того чтобы стоять во главе семьи, оставив за мужем лишь командование на поле боя, в том единственном месте, где он проявлял отвагу. Не

© EUREDIF, 1977
© Ася Петрова. Перевод, 2012

то чтобы мадам Брикар была мужиком в юбке, как раз наоборот, она выглядела хрупкой, нежной и ласковой, но принадлежала к числу людей, в чьих глазах сияет непоколебимая воля.

Подле нее листала какой-то альбом Жюли, младшая кузина, а Флорентина, старшая, вышивала.

Жюли и Флорентина были дочерьми дальнего родственника полковницы, испытывавшей к нему, как к другу своего детства, чувство, которому сложно подобрать определение — потому что если это не любовь, то уж точно и не дружба.

В любом случае оба эти чувства устанавливают между людьми отношения, неподвластные ничему на свете.

Ничему? Разве что смерти!

Именно смерть забрала бедного Гектора, к тому времени уже два года как овдовевшего, оставив ему времени ровно на то, чтобы отправить дочерей к мадам Брикар и написать записку: "Я умираю. Позаботься о них".

Мадам Брикар часто задавалась вопросом, что за будущее ждет этих очаровательных сестер, которых она вырастила, воспитала на свой лад и полюбила как мать, будто и не была их родственная связь столь условной.

Как-то мадам Брикар подняла глаза на Флорентину и неожиданно спросила:

— Девочка моя, противна ли тебе идея стать женщиной?

Кузина, в свою очередь, подняла глаза и, покраснев, с улыбкой ответила:

— Нет, конечно, но это зависит от того, с кем бы мне предстояло провести остаток жизни.

— Ах, да! С тем, кто тебя обожает.

— И кто, интересно, ее обожает? Кузина, мы его знаем? — рассмеялась Жюли, а потом, обратившись к сестре, прибавила: — Дорогая, готовься к катастрофе, — и снова, переведя взгляд на мадам Брикар. — Ну же, не заставляйте нас умирать от любопытства! Намечается свадьба?

— Да поможет мне Бог, милые мои, не стану дольше тянуть и все вам расскажу. Вчера у нас с кузеном Жоржем состоялся серьезный разговор, во время которого, открыв мне свое сердце, полное самых страстных чувств к Флорентине, он попросил у меня ее руки; я, разумеется, не могла обещать Жоржу ничего, кроме как в точности передать тебе его предложение. Решение за тобой. Жорж племянник моего мужа, я знаю его двадцать пять лет, у него большое состояние, он честный человек, достаточно умный, чтобы вести дела, и, конечно, настоящий джентльмен. А ты красива, молода, но ты не богата и вряд ли твое финансовое положение как-то изменится. Я продала все, что у меня было, дабы обеспечить нам нормальное существование; моя пенсия перестанет выплачиваться, как только я умру; пришло время серьезно подумать о будущем. А ты сама — как ты относишься к Жоржу?

Флорентина слегка побледнела.

В двадцатилетнем возрасте не мечтают о пятидесятипятилетних мужчинах.

Она очень любила господина Водреза и с детства относилась к нему как к родителю, хотя он не был родственной душой; но у нее ни разу не дрогнуло сердце в его присутствии, и, несмотря на его очевидные знаки внимания, никогда Флорентине не приходила в голову идея о замужестве.

Эта нежная юная красавица была невинна и понятия не имела о том, что скрывается за словом любовь.

В романах она порой улавливала какие-то неведомые горизонты, но не представляла себе, о чем идет речь, а потому не испытывала ни тоски, ни отвращения при мысли о том, что ее хрупкую маленькую ручку придется вложить в руку Жоржа Водреза.

— Боже мой, кузина! — сказала она, помолчав. — Вы лучше меня знаете жизнь, поэтому я приму то решение, которые вы считаете правильным.

— Это значит: "Я не схожу с ума по Жоржу, но он мне достаточно нравится, чтобы принять выгодное предложение, несмотря на его пятидесятипятилетний возраст".

— Не знаю, это не вполне так... скорее я буду рада сделать господину Водрезу приятное.

— Господи! Вот это номер! — вскричала Жюли. — Выйти замуж только ради того, чтобы сделать кому-то приятное! Да видано ли такое! Бывает брак по расчёту, бывает брак по принуждению, но брак из любезности — такого еще не случалось. Поздравляю, сестренка, но я никогда не последую твоему примеру.

— Ты можешь пожалеть, — сказала кузина, — хорошо, что речь не о тебе, а о Флорентине, я немедленно сообщу Жоржу об ее согласии. Наконец-то ему разрешено за ней ухаживать. Он будет на седьмом небе.

Мадам Брикар поднялась и вышла, девушки тоже разбрелись по своим комнатам, чтобы обдумать утреннюю новость.

Свадьба в доме — большое дело.

Флорентина о своей переживала куда меньше, чем Жюли; не то чтобы та завидовала сестре, она слишком любила ее, к тому же отличалась добротой и чуткостью, а Флорентину просто обожала; однако слова мадам Брикар, пролившие свет на бедственное положение семьи, застали ее врасплох и растревожили не на шутку.

"Без наследства, — думала она, — можно либо остаться старой девой, либо выйти замуж за влюбленного старика или просто-напросто за идиота. Кто еще в нашей славной милой Франции захочет жениться на бедной девушке! Это просто безумие. Я никогда на это не соглашусь. Никогда, никогда!"

На эти громкие слова, резонирующие в голове Жюли как звук фанфар, тихий внутренний голос отвечал:

"А что ты будешь делать, если не найдешь молодого, красивого, богатого и до смерти влюбленного в тебя мужчину?"

Тишина была ответом разумному сомненью.

Флорентина не испытывала такого смятения; она мечтала стать хозяйкой замка, и будущая жизнь казалась ей вполне привлекательной.

Жорж почти круглый год жил в прекрасном доме недалеко от Парижа, она знала это, потому что часто проводила там каникулы.

Теперь она воображала, как восседает в большой гостиной, радушно принимая друзей.

Этот образ будущей жизни с такой легкостью проник в ее сознание и угнездился в ее сердце, что вечером она с радостью взяла господина Водреза за руку и ответила ему долгожданным "да".

Следующие полтора месяца прошли в постоянной суете; мадам Брикар хотела организовать торжество на широкую ногу, поэтому по дому взад-вперед с утра до вечера бегали портнихи и модистки.

— Единственное приданое, которое я могу тебе обеспечить — это наряды, пускай уж они будут красивыми, — говорила полковница, обращаясь к младшей кузине.

Благодетельница тщательно подбирала соблазнительные кокетки, тонкий батист, украшенный лентами, и еще миллион пустячков, составляющих необходимую декорацию любовных ночей.

— Кузина, зачем все эти изыски, которые все равно никто не увидит? — спрашивала Флорентина.

Полковница улыбалась и отвечала:

— Позволь уж мне немного позабавиться.

Мадам Брикар знала, как нелогично устроены людские сердца, и представляла себе, насколько грешен ее племянник, умело пользовавшийся правами холостяка.

В молодости он проводил большую часть свободного времени в обществе сладострастников, а не интеллектуалов, где душевными порывами, редкими или вовсе отсутствующими у жриц любви, правила роскошь; мадам Бранкар не хотела, чтобы Жорж пожалел о своем браке, она прекрасно помнила одну пару, чьи отношения казались благоухающим цветком, и чей союз превратился в кошмар спустя две недели после свадьбы, потому что девушка, плохо наученная матерью, хваткой, но глупой женщиной, в первую ночь после церемонии надела на себя пару чулок из грубого хлопка и такую же рубашку.

Потому мадам Брикар не жалела ни сил, ни времени.

Наконец наступил великий день.

Красавица Флорентина в венке из флердоранжа, утопающая в белом облаке свадебного платья, искренне поклялась в любви и верности мужу и, немного взволнованная, но не испуганная, после праздничного обеда села в коляску, которая должна была отвести новобрачных в замок, где Жорж, посоветовавшись с мадам Брикар, решил провести время наедине с женой.

Жорж был не из тех, кто ходит вокруг да около, попусту растрачивая свои желания, поэтому он не захотел, чтобы первыми свидетелями любовного созревания Флорентины оказались стены какого-нибудь отеля.

Он предпочитал, чтобы эхо замка, где пройдет их жизнь, где родятся их дети, если Господь пошлет им такое счастье, могло в минуты уныния — они случаются у всех — поддержать приятными воспоминаниями того из них, кто почувствует тоску.

Глава вторая

Коляска ехала быстро, и вскоре очертания Парижа потерялись в тумане.

Жорж крепко сжимал в своих руках пальцы жены; время от времени он склонялся над юной головкой, в которой только-только созрело желание провести с ним всю жизнь, и награждал ее поцелуями, которые принимались без тени смущения или неловкости.

Господин Водрез не относился к числу сентиментальных стариков. Он был очень чувственным мужчиной, и, предлагая Флорентине руку и сердце, прежде всего надеялся возбудить в себе чувства, которые с каждым днем становились все более и более недостижимыми.

В то же время, подобно искусному дегустатору, он предвкушал все причитающиеся ему отныне радости.

В коляске, запряженной двумя лошадьми, от Парижа до Монморанси, где расположен "Шармет", замок семьи Водрез, ехать недолго.

Наконец добрались.

Жорж специально устроил все так, чтобы к приезду Флорентины дом опустел; их встретила лишь робкая и услужливая горничная с очень живыми глазами, в которых, помимо безукоризненной серьезности, прочитывалось много самых разных мыслей.

Комната Флорентины была отреставрирована и специально подготовлена для молодой жены: тут и там виднелись легкомысленные безделушки женского обихода.

— Вы такой милый, — с видом крайней убежденности сказала девушка, когда вечером, после самого что ни на есть изысканного ужина, подносила своему новоприобретенному мужу чашечку чаю.

— Я? Нет, мое сокровище, это вы такая милая, потому что согласились вручить мне свою жизнь. Да, да! Как же мне не терпится целиком завладеть моей дорогой женой!

— Как это? Разве вы еще не стали моим господином и повелителем?

— Не вполне, милая. Но теперь у меня есть право им стать, вот и всё.

А про себя Жорж Водрез подумал: "Господи помилуй! Неужели крошка совсем ничего *об этом* не знает? Неужели мадам Брикар проворонила дивный шанс спустить с цепи воображение, которому в ее возрасте не пристало отдаваться запретным мечтам? Не может быть! Надо действовать осторожно".

— Выходит, милочка, что сегодняшняя церемония в церкви и есть, по-твоему, главное счастье молодоженов?

Девушка покраснела и опустила голову.

— Не знаю, — еле слышно произнесла она.

"Невинный цветочек, — пронеслось в голове у Жоржа, — какое же удовольствие будет его сорвать".

— Правда? — не унимался он. — Я тебя научу. Сними корсет, в нем должно быть неудобно. Я позову горничную.

— Нет, не надо.

— Ладно, тогда я ее отпущу, чтобы нам не мешали.

Мариетта отправилась домой, Жорж запер дверь на все засовы, а Флорентина расположилась у себя в будуаре, чтобы последовать совету мужа.

Спрятавшись за портьерой, муж наблюдал за женой, и кровь закипала у него в жилах при виде девичьих рук и плеч, прекрасных в своей первозданной наготе.

Когда Флорентина осталась в одной рубашке, Жорж внезапно покинул свое убежище и заключил красавицу в объятия.

— Ах, как вы меня напугали! — смущенно вырвалось у девушки, чье лицо залил яркий румянец.

В самом дальнем уголке ее сознания пряталась мысль о том, что супружеская жизнь таит в себе какую-то загадку, но истина была недосягаема, хоть исповедник да и тетка, со своей стороны, без устали твердили о каком-то долге, во исполнение которого от жены требуется полная готовность повиноваться желаниям мужа.

Жорж побледнел и, прижимая Флорентину к себе, осыпал поцелуями ее лицо, плечи, груди, напрасно и тщетно укрываемые от мужских глаз. Он стремительно скользнул горячей рукой по телу девушки, вонзаясь раскаленными пальцами в сладкие округлости бедер, приник пересохшими пылающими губами к ее розовому ротику и содрогнулся от наслаждения.

Продолжая исследовать женское тело, несмотря на неловкое сопротивление девушки, Жорж ощутил под ладонями сперва ягодицы, затем колени. Шелковые чулки, обтягивающие чудес-

ные ножки, держались на белых бархатных подвязках; Жорж развязал их, и ткань, укрывавшая женские прелести ниже талии, упала на коврик; Флорентина же, подобно встрепенувшейся птичке, негромко вскрикивая, бросилась в глубь комнаты.

Жорж смотрел на нее с обожанием, и его глаза горели страстью, доведенной до высшей точки.

— Флорентина, милая, — сказал он, — ты, верно, боишься меня, но ведь я твой муж, не убегай, почему ты не хочешь быть моей женой?

— Опять? Я не понимаю, о чем вы.

— Ладно, подойти ко мне, я объясню, в чем разница между девушкой и женщиной.

— Мне неловко... — ответила девушка, с отчаянием глядя на свое полуобнаженное тело.

— Дитя, не волнуйся о будничных нарядах! Прекраснее всех тот, что предназначен для торжества любви! Смотри, я помогу тебе, и тоже сброшу с себя все, что может помешать единению нашей возбужденной плоти.

И, подкрепляя слова делом, он мгновенно освободился от костюма и предстал перед женой нагим, точь-в-точь, как она.

— Ну, иди, — позвал он, нежно обнимая ее и устраиваясь на диване, — ближе ко мне... вот так, я объясню, что́ моя любовь просит от твоей, ведь ты любишь меня, ты полюбишь меня, моя дорогая, моя чудесная женушка. Тебе часто доводилось читать в Священном Писании о том, что мужчина и женщина в браке становятся единой плотью и кровью.

— Да.

— Итак, что для этого нужно? Позволить мужу завладеть сокровищами, сокрытыми в твоем лоне за этими божественными сферами, которые я ласкаю, и там, в самой глубине тебя, куда открыт вход через отверстие, где сейчас лежит мой палец.

Повалив юную неофитку на спину рядом с собой, Жорж одной рукой обхватил ее за талию, а другой отправился мягко штурмовать магический вход, зарождая во Флорентине чувство напряжения и неги там, где она и не подозревала.

— Чтобы ты стала моей, золотце, я должен в тебя проникнуть.

— Но как?

— Тебе до сих пор неизвестно, чем строение мужского тела отличается от женского?

— Нет.

— Так посмотри, потрогай, полюбуйся!

И Жорж показал ей свой могучий ствол, сотворенный Богом для властвования мужчин над женщинами; со страхом в глазах Флорентина коснулась своими невинными пальчиками твердого, как камень, органа.

— Ты колчан для этой проворной стрелы, она войдет в тебя, как победитель, чтобы оплодотворить твое лоно и от-

крыть для тебя мир сладострастия и любви. Теперь, когда я тебе все рассказал, ты хочешь быть моей женой? Хочешь исполнить обещание, данное мне утром?

— Да, — шепнула она.

— Ты должна быть храброй, потому что первая любовная схватка кровопролитна, дверь в рай заперта, и мне придется применить силу.

Дольше он ждать не мог, а потому, не слушая боле Флорентину, поднял ее на руки, отнес в спальню и уложил на широкую кровать, любопытную свидетельницу их будущих любовных утех.

Затем с гордостью возлег рядом с женой, вытянул свои волосатые ноги вдоль влажного гибкого тела Флорентины, пьянея от каждого соприкосновения с ней; наконец возвысился над ней, поднял якоря и, нервно пытаясь раздвинуть ей бедра, которые от испуга или неловкости девушка плотно сжимала, провозгласил:

— Пробил час победы.

Господин Водрез был еще вполне сносным воякой и мог бы блестяще исполнить свою роль, скажем, в междоусобице, но здесь требовались боевые действия целой королевской армии, действия, для которых были необходимы совсем другие силы: именно это он с ужасом и констатировал.

На сопротивление и объяснения понадобилось время, и боевое настроение мужа стало меняться не в лучшую сторону; нервное напряжение брало верх, и Жорж был уже не в силах взять крепость, которая наконец-то поддалась атаке.

"Идиот, — думал он, — ну почему я не принял стимулирующие капли, которые мне предлагал Альбер? Черт возьми, как я просчитался, хорошо, что моя жена невинна как младенец, я смогу ее обхитрить".

Продолжая суетиться перед неосвященным алтарем, Жорж внезапно почувствовал, как прекрасный бугорок под давлением его предательски слабеющего друга затвердел и налился кровью; с губ Флорентины, которая уже извивалась как змея, сорвался приглушенный стон. Жорж, не будучи новичком в подобных ситуациях, с умилением и ужасом смекнул, в чем дело. Крепко ухватив негодника, он подверг его последовательному сладкому терзанию, механизм которого знал наизусть, и любовный спазм не заставил себя ждать.

Девушка вскрикнула.

Жорж ликовал как школьник.

Флорентина была все еще девственна, но уже кое-что смыслила в любви, ощутив ее первое воздействие.

Жорж досадовал на самого себя. Его сразили. Он окинул грустным взглядом жену, крайне растерянную и утомленную, и с видом философа лег рядом, умоляя Купидона прийти на помощь, после чего... заснул до утра.

Флорентина, измотанная первыми любовными трудами, за ночь отдохнула, открыла глаза с улыбкой и даже дерзнула поцеловать сонного мужа прямо в губы.

Брак не казался таким уж страшным, и от свадебной ночи у нее остались воспоминания только приятные.

Жорж, однако, не успел прийти в себя после минувших баталий и еще не был готов к новым попыткам, он решил схитрить и, отвечая на ласки Флорентины, которая прижималась к нему всем телом, повторил трюк прошедшей ночи. Его палец блуждал в диких зарослях золотого холма и, не спеша повернуть ключик наслаждения, тихонько шарил в скважине из розового бархата, чтобы затем с усилием проникнуть прямо к святилищу. Жорж представлял себе трудности решающего боя, когда под страхом осмеяния, придется победить или умереть.

Флорентина, за ночь уже поднаторевшая в любви, отзывалась на малейшее движение Жоржа и была вознаграждена более длительным и сильным спазмом, нежели давеча.

"Завтра, — подумал Жорж, — завтра у меня будут капли, и мы с этим покончим. Этот скотина Альбер поднимет меня на смех, но баста! Главное сейчас не дать маху".

Альбер должен был вернуться в Париж на следующий день.

Поэтому Жорж договорился, что, когда слуга Жан отправится за мадам Брикар и Жюли, обещавшими отужинать в "Шармет", по дороге он кое-что заберет у Альбера.

Глава третья

К двум часам коляска Жоржа с мадам Брикар и Жюли подъехала к дому.

Время в дороге показалось им очень долгим.

В головах у дам роились догадки: полковница вспоминала, Жюли воображала.

Обе были до крайности озабочены, им не терпелось узнать, как Флорентина пережила испытание, хитрости которого пожилая кузина прекрасно себе представляла, а Жюли просто-напросто считала кошмарными, особенно учитывая возраст Жоржа, не внушающий оптимизма.

Оценив непринужденность, с которой Флорентина их приняла, кузины немного растерялись. На лице у юной жены играл нежный румянец, сияла улыбка, и, лишь почувствовав на себе пристальный, насмешливый взгляд кузины, девушка зарделась. Жорж выглядел как всегда, и даже темные круги, следы ночных утех, проступали под его припухшими глазами не заметнее обычного.

Эта деталь заставила мадам Брикар глубоко задуматься.

"Интересно, интересно, — прикидывала она, — неужели он еще больший живчик, чем я думала?"

Кузен Жорж суетился вокруг дам и, казалось, не хотел оставлять жену один на один с полковницей, но недаром говорят: "Если женщина чего-то хочет, значит, Бог и Дьявол хотят того же". А тут женщин было целых три — куда Жоржу с ними тягаться! Его вынудили отступить и сделать то, чего он в страхе позора не хотел, а именно покинуть комнату, чтоб отправиться раздавать поручения прислуге; Флорентина никого в доме пока не знала и по неопытности не могла помочь супругу.

Мадам Брикар воспользовалась этим, увлекла кузину в спальню, и, пока Жюли в будуаре разглядывала приданое сестрицы, разложенное в больших шкафах с зеркалами, усадила ее рядом с собой в кресло.

— Милая моя бедняжка, — произнесла полковница, с чувством хватая Флорентину за руки, — как ты себя ощущаешь в роли жены?

— Замечательно, кузина! Жорж очень заботлив и нежен.

— Господи, на его счет я не сомневалась, но ты-то как, моя дорогая?

— Я? Я абсолютно счастлива, и не вижу причин, чтобы этому счастью не продлиться.

— Я тоже, тоже, но, может, он был с тобой немного груб? Мужчины, даже самые лучшие из мужчин, в некоторых обстоятельствах перестают быть мягкими.

— Груб? Он? Боже, конечно, нет! Я вас уверяю, он очень внимателен и заботлив.

— Ладно, я вижу, все прошло хорошо, и ты довольна. Жорж, наверное, посоветовался со своим врачом (мадам Брикар могла бы поделиться собственным опытом, но сочла, что в подобной ситуации лучше подставить девушке крепкое плечо доктора), и тот ему дал смягчающую мазь или бальзам.

— Зачем?

Мадам Брикар удивленно посмотрела на Флорентину.

— Ну как же, чтобы избавить тебя от боли, которая всегда сопровождает для женщины первую любовную схватку. Творец создал битву как цену победы, недаром первый любовный экстаз и материнство сопровождаются кровопролитием.

Мадам Брикар любила вести такие беседы и могла бы говорить еще долго, если бы племянница не прервала ее словами:

— Кузина, я совершенно не понимаю, о чем вы толкуете. Раз уж мы в тесном женском кругу (Флорентина произнесла "в тесном женском кругу" с крайней серьезностью, вызвавшей у старой полковницы улыбку), я осмелюсь рассказать вам, что испытала восхитительное чувство, причем не один раз; и не было ни битвы, ни кровопролития.

— Да? Но как же...

В голове у мадам Брикар пронеслась ужасная мысль, полковница тут же ее отринула, сочтя безумной. Нет-нет, девушка с самого детства оставалась под надзором тетушки, а наивность, с

которой Флорентина делилась своими впечатлениями, только доказывали ее незапятнанную чистоту.

Внезапно она догадалась, как все было на самом деле, и подумала: "Черт возьми, неужто мой дорогой племянник утратил сноровку?"

— Милая, значит, твой муж еще не воспользовался своим супружеским правом. Не хотел тебя напугать, это похвально.

— Да нет же!

— В каком смысле?

— Не будьте так жестоки — не заставляйте меня об этом рассказывать, ведь вы были замужем и знаете, как все происходит!

— Это точно! Спустя четыре дня после моей брачной ночи пришлось вызывать доктора — я не выдержала столь резкого перевоплощения из девушки в женщину.

— То есть пока я не женщина?

— Не думаю, милая: ты дева неразумная, вот ты кто. По крайней мере, судя по твоим рассказам.

— Мне б хотелось узнать... — прошептала Флорентина.

Кузина притянула девушку к себе, усадила на колени и, просунув руку Флорентине под юбки, легонько дотронулась до заветного бугорка, который тут же вскинул свою розовую головку. Тогда, нежно щекоча пухлые врата, она опустила палец чуть ниже и попыталась войти в сокровенную пещеру, но на пути возникла мощная преграда.

— Кузина, вы делаете мне больно, — сказала Флорентина.

— Вот видишь, чтобы перевоплотиться, придется пострадать. Ты станешь женщиной лишь тогда, когда Жорж резкими порывистыми толчками мужского орудия любви, которым он, конечно же, обладает, прорвет девственную плеву, называемую также гименом; он проникнет в самые недосягаемые глубины тебя, наполнит их горячим любовным напитком, оплодотворит девственное лоно, и ты испытаешь неведомое доныне блаженство.

Но кровь польется обязательно, мимолетной болью ты расплатишься за радости любви и материнства. Жорж, наверное, решил тебя поберечь.

— Но я всё-таки почувствовала...

— И почувствуешь снова.

С этими словами старая полковница ловким движением возбудила орган чувств, и Флорентина вновь ощутила приятный спазм, который ночью показался ей результатом сексуального наслаждения.

— Бог мой! С Жоржем было так же чудесно, — пролепетала она. — Значит, женщина способна... способна... доставить радость подруге?"

Полковница подавила загадочную улыбку и тихонько указала на дверь в будуар, откуда больше не доносился шорох перебираемых Жюли вещей.

Флорентина мигом поднялась, одарила тетушку долгим поцелуем и позвала сестру, которая тут же появилась в дверях — зардевшаяся и взбудораженная.

— Ну как, сестричка, — спросила Флорентина, — понравились мои наряды? Захотелось замуж?

— Насчет замужества не знаю, смотря с кем, а вот любить и быть любимой — это да.

— Все своим чередом, — сказала мадам Брикар. — И кто знает? Я знакома с одним виконтом, он, кстати, разделяет твое мнение.

Жюли вспыхнула; снаружи послышался голос Жоржа, который стучал в дверь спальни, спрашивая разрешения войти.

— Нет-нет, — ответили ему, — лучше мы к вам.

Жорж сиял от счастья: Альбер был в Париже, и Жан забрал у него драгоценные капли; теперь оставалось принять их по рецепту и переварить вместе с шутливым, но язвительным письмом, коим Альбер счел необходимым сопроводить посылку.

Обед прошел весело. Мадам Брикар не смогла удержаться от ехидных намеков в адрес Жоржа, впрочем, он сделала вид, что не понял ее намеков, а про себя сказал: "Вот старая ведьма!"

Он питал к тетушке теплые чувства, но не особенно ее почитал.

"Что она наговорила моей жене! О, моя дорогая жена! Терпение! Сегодня ночью мы все проясним. Не знаю, подействовала ли на меня бутылка Шамбертена многолетней выдержки или капли, но я чувствую многообещающее напряжение даже при виде почтенных и почитаемых выпуклостей мадам Брикар.

Дамы отдали должное шампанскому, но господин Водрез отказался даже от бокала, и тетушка подумала: "Не буду ничего ему говорить, он сам все прекрасно знает и, похоже, готовится к бою".

Было решено, что дамы останутся в замке на несколько дней. Полковница под предлогом усталости довольно рано удалилась в свою комнату, захватив с собой Жюли, якобы для того, чтобы та ей перед сном почитала. Жорж был тетушке бесконечно признателен.

— Милая, — сказал он жене, — давай последуем примеру кузины и поднимемся наверх. Я немного устал.

— С удовольствием.

— Тогда иди первой, а как отпустишь горничную, я к тебе присоединюсь.

Жорж отправился к себе в комнату, скинул одежду, приготовил воду для мытья, вылил себе на спину кувшин ледяной воды, затем окропил все тело целиком, включая боевое орудие, хорошенько вытерся и провел по шее, пояснице, рукам, паху и бедрам губкой, пропитанной "Венгерской водой", чье воздействие после холодного купания стимулировало первое напряжение

мускула. Затем он надел халат, выпил чашку ванильного чая, к аромату которого примешивался запах афродизиака, доставленного из Парижа, и, окрыленный собственной смелостью, влетел в спальню жены, отделенную от его комнаты лишь будуаром.

Флорентина сидела на своей огромной мягкой кровати, восхитительная, манящая и немного взволнованная, среди волн кружев и надушенного батиста, и, облокотившись на подушку, ждала супруга, предчувствуя, что вторая брачная ночь обернется окончательным посвящением.

На этот раз Жорж не допустил своей прежней оплошности и не позволил очарованию прелюдии перебить накал страсти; проходя мимо будуара, он взял баночку охлаждающего крема и щедро намазал им все, что нужно, поэтому, ощутив жар двух сплетенных тел, их магнетическое притяжение, он одарил свою вторую половинку ласками на скорую руку и пошел в атаку, твердо решив, что никакие промедления не остановят его в минуту любовного порыва. Ловким движением он уложил девушку поудобнее и, с чувством гордости за свою эрекцию, спровоцированную хорошей подготовкой, ринулся вперед, первым же толчком добившись успеха — Флорентина закричала.

— Крепись, дорогая, чтобы испытать счастье, надо пережить несколько минут страдания. Помоги мне, и будет не так больно, двигайся мне навстречу.

Если бы не беседа с мадам Брикар, Флорентина, конечно, сопротивлялась бы, но ей было чересчур обидно, что она до сих пор девственница и что кузина, наверное, смеется над ней. В эту ночь Флорентина чувствовала себя с мужем свободнее, чем накануне, а потому повиновалась и удвоила его старание движением вперед-назад и тихим постанываниям, которое Жорж заглушал поцелуями; вскоре, благодаря охлаждающему крему, движения стали более сноровистыми, Жорж сделал резкий толчок и, наконец, прорвался. Победоносный крик Жоржа прозвучал в унисон со стоном Флорентины; девушке казалось, что ее пронзили насквозь, и в то же время она чувствовала высшее наслаждение; боль стихала под воздействием ласки, которой супруг наполнял ее недра; ей представлялось, будто бы ее крепко целуют изнутри; затем в нее потекло что-то горячее и приятное; сладкий, знакомый с прошлой ночи, но невероятно сильный спазм, потряс ее тело; Флорентина потеряла сознание и пришла в себя лишь через несколько секунд от поцелуев Жоржа.

Глава четвертая

Жюли не пропустила ни слова из разговора мадам Брикар и Флорентины, сначала она не могла понять, что означают паузы и вздохи, доносившиеся из комнаты, однако наклонив пси-

ше, увидела то, чего вполне хватило для постижения тайны, доныне нераскрытой.

Рука кузины, блуждавшая между бедер Флорентины, не оставляла никаких сомнений.

Поэтому вечером она попросила тетушку просветить ее касательно некоторых не вполне понятных ей деталей.

В голову внезапно пришли слова из Евангелия: "Ищите, и найдете". Именно это она пообещала себе сделать на следующий день в библиотеке Жоржа. Но час обеда еще не прозвонил, и ей не терпелось собственными глазами увидеть строение того самого женского алтаря, на котором вершатся судьбы человечества.

Бело-розовое облако батиста соскользнуло к ногам, и Жюли, расположившись перед зеркалом на двери шкафа, сперва застеснялась собственной наготы, затем, успокоившись, остановила взгляд на прекрасной статуэтке, чье отражение смотрело прямо на нее, и замерла в безмолвном восхищении. Эта девушка слишком часто ходила в музеи, а потому обладала слишком развитым чувством прекрасного, чтобы не заметить ослепительную красоту собственных изгибов и округлостей.

Высокая, стройная, от природы пластичная, с гибкой талией, она невольно принимала чувственные позы, и бутончики ее девственных грудей растерянно вскидывали головки, будто на снежных полях были нарисованы клубнично-розовые цветы.

Жюли являлась воплощением определенного типажа — нервозной брюнетки с белой кожей и горячей кровью, чьи страсти, запрятанные глубоко внутри, никогда не выступали на щеках ярким румянцем.

Грот любви, закрытый черным, как смоль, руном, кудрявый, как витые локоны, ниспадающие на плечи, быстро привлек ее внимание.

Она отлично видела, что именно туда кузина положила палец, значит, там хранился ключ к тайнам любви, которые она предчувствовала, но, несмотря на звание старшей сестры, до сих пор для себя не раскрыла.

Она стала ласкать себя, водить пальцем и рукой туда-сюда, но, будучи неопытной, испытала лишь нечто вроде нервического возбуждения.

"Тут кроется что-то еще, — подумала она, — и я узнаю, что именно".

С этой мыслью любопытная Жюли и заснула.

Задолго до того, как новобрачные и мадам Брикар вышли из своих комнат, Жюли перерыла всю библиотеку и обнаружила очаровательный буколический роман, порожденный умом Лонга и названный благозвучными именами: "Дафнис и Хлоя". Листая книгу, она случайно наткнулась на главу, где рассказывалось о чудесном моменте, когда два наивных ре-

бенка, улегшись друг напротив друга, пытаются утихомирить все возрастающую страсть; она закрыла том и спрятала его в карман, чтобы отдаться удовольствию чтения позже, после чего продолжила поиски.

В руки ей попались безумные, обжигающие, растерзанные, воспламеняющиеся страницы "Гамиани" Жорж Санд и Альфреда де Мюссе; она пробежала текст глазами и увидела все то, что, увы, не прилагается в качестве искусных иллюстраций.

Удовлетворившись выбором, Жюли закрылась в своей комнате.

До обеда она успела проглотить "Гамиани", отдельные фрагменты которой показались ей чудовищными; "Дафнис и Хлоя" соответствовали ее нраву гораздо больше; начитавшись вдоволь, она подумала: "Нет, я чувствую, что это еще не всё! Секрет любви, язык любви не для всех одинаков. Я заговорю на собственном языке и расставлю свои акценты".

Поразмыслив, она погрузилась в мечты, ей представилась захватывающая картина: прекрасный мужчина, любезный и галантный, с карими глазами, чей магнетический огненный свет пронзит ее, разожжет в ней огонь и растопит лед.

— Кузина, когда мы возвращаемся в Париж? — спросила Жюли после обеда.

— Когда скажешь, — ответила мадам Брикар немного удивленно, — ты торопишься? Я думала, тебе здесь нравится.

— Конечно. Просто сейчас Жоржу и Флорентине лучше побыть вдвоем, не хочу, чтобы мы стесняли их своим присутствием.

Мадам Брикар не до конца разделяла это мнение.

Для новобрачных сторонние наблюдатели были весьма полезны; Жоржу в его возрасте наверняка хотелось, чтобы близкие друзья внесли немного светскости в супружескую жизнь, разбавив постоянный тет-а-тет.

Однако Жюли оказалась не из тех неуверенных созданий, что меняют свое мнение и гнут спину при малейшем дуновении ветерка, нет! В своих желаниях она отличалась твердостью, поэтому в тот же вечер коляска Жоржа доставила кузин на улицу д'Ассас.

Тайной причиной такой спешки было желание присутствовать следующим вечером на приеме мадам Брикар, где появится виконт Саски — вечный ухажер Жюли.

Ожидания девушку не обманули; к половине десятого он прибыл, отмечая временем своего приезда то особенное, привилегированное положение, в силу которого мадам Брикар пропускала оперу и прочие рауты.

Жюли видела виконта много раз и знала о его любви к себе, но в тот вечер он предстал перед ней в новом свете, и не-

даром щеки ее горели сильнее обычного, пока он учтиво целовал протянутую ему маленькую ручку.

Поскольку виконт не был новичком в любовных делах, он заметил волнение Жюли, и сердце его забилось чаще от присутствия этой юной девушки, к которой он испытывал глубокое и искреннее чувство.

У мадам Брикар в тот вечер собралось много народу, поэтому уединиться, не вызвав подозрений, было легко.

Жюли и виконт воспользовались этим, однако чувствовали себя не в своей тарелке, как будто им не давал покоя тяжкий груз; обоим всегда нравились большие компании и веселое времяпрепровождение.

— Что с вами? — спросила Жюли, стараясь своим вопросом прервать неловкую паузу.

— Я хотел спросить у вас то же самое, — ответил молодой человек, улыбаясь, — но раз уж вы первая начали, скажу вам совсем тихо, шепотом, хотя мне страстно хотелось бы прокричать это на всю округу: со мной моя обожаемая Жюли, со мной то, что я безумно вас люблю! Нам приходится объясняться в присутствии еще двадцати человек, и мои раскаленные, продиктованные сердцем слова, прежде чем коснуться вашего слуха, должны застыть в светской улыбке! А всё нелепые условности, из-за которых мы не можем остаться наедине, чтобы я, по крайней мере, смог отстоять свои слова, попытаться убедить вас в том, что моя жизнь в ваших руках, и, если бы вы доверили мне свою, я стал бы самым счастливым человеком на свете.

Виконт не открыл девушке ничего нового, однако же впервые прямо заявил: "Я вас люблю".

Она почувствовала, как вся расцветает от любви к этому красивому молодому человеку, чья страстная — насколько возможно в толпе гостей — речь взволновала ее до глубины души.

— Жюли, я сказал вам, что́ давит на мое сердце, а вы — ведь вам тоже не по себе — вы не скажете отчего?

— Не здесь! Мы обсуждаем слишком серьезные вещи, а это место все опошляет, нельзя говорить о любви в обществе равнодушных.

— Но где же? Где еще? Я не могу видеться с вами в другом месте, это противоречит правилам приличия.

Жюли секунду поколебалась.

— Послезавтра, — сказала она, — после обеда моя кузина отправится в замок "Шармет", она проведет там вечер, а я останусь здесь; приходите, заверьте Корали, что у вас ко мне поручение от мадам Брикар, которую вы только что встретили.

— Вы ангел!

— Я? Нет. Просто женщина. Вот и все. Неужели этого недостаточно?

— Это больше, чем я заслуживаю.

— Эй, заговорщики, что вы тут замышляете и где ваши белые парики и черные воротнички? — сказала мадам Брикар, сочтя, что уединенная беседа затянулась. — Помогите-ка мне попотчевать гостей.

В полночь, когда все разъехались, мадам Брикар с улыбкой обратилась к Жюли:

— Что же такого интересного тебе рассказывал наш польский красавец? Не думает ли он о том, что флердоранж пойдет твоим темным волосам так же, как белокурой шевелюре Флорентины?

— Прежде он скажет об этом вам, кузина, ведь вы мне как мать!

— Я тебя люблю и несу за тебя ответственность, поэтому буду счастлива, если твоя жизнь устроится. Виконт родом из чудесной семьи, достаточно богатой, так что денег хватит и на свадьбу, и на будущее: если он тебе нравится, если вы любите друг друга, я с радостью тебя поддержу. Распоряжайся своей судьбой разумно. И все будет хорошо.

— Спасибо, кузина, — ответила девушка, взволнованная, но как будто освобожденная от угрызений совести одобрительными словами той, которую Жюли считала и матерью и отцом.

На следующий день она не покидала своей комнаты, видимо, книги, прочитанные в "Шармет", давали свои плоды; смутные представления, пробудившиеся в юном организме, соединились в одно стремление, сознание озарилось светом; и в то же время безудержное желание выплеснуть всплывшее из романов сладострастие, охватило ее существо.

В таком расположении духа ее застал виконт.

Следуя указаниям Жюли, виконт прибыл вечером, когда мадам Брикар уехала за город, не особенно настаивая на компании кузины, понимая, что в жизни девушки наступил решающий момент и надо на время уйти в тень.

Жюли приняла виконта в маленькой гостиной мадам Брикар, элегантной, в меру оригинальной, декорированной в арабском стиле самой хозяйкой: ткани африканских ковров, смягчающие шум шагов и приглушающие голоса; широкие восточные диваны по периметру, а в центре — мягкая софа и дальше этажерка для растений — укромный уголок, где собеседники могли чувствовать себя в безопасности от нескромных глаз.

Этот будуарчик, придуманный кузиной еще до того, как у нее появились седые волосы, говорил куда больше, чем старый, храбрый, простодушный полковник мог подозревать.

— Жюли, как вы добры! — сказал виконт, когда Корали его впустила.

— Откуда вы знаете? — смеясь, спросила она. — Может, я, напротив, покажусь вам отвратительной?

Они немного стеснялись друг друга. И эта новая для Жюли ситуация — один на один с молодым человеком — очень ее впечатляла.

Ему хотелось вызвать девушку на прямой разговор, не оставив места уверткам и уловкам.

Он был слишком опытен, чтобы не знать, как неумолимо долгое ожидание и сомнения губят любовь. Поэтому он взял руки Жюли в свои и посмотрел ей в глаза с завораживающей улыбкой.

— Жюли, обожаемая моя, — сказал он серьезно, выждав, однако, паузу, — позавчера я сказал, что люблю вас, теперь посмотрите на меня и ответьте: вы тоже любите меня? Ответьте, моя милая, дорогая подруга, ответьте, жизнь моя.

И, не отпуская дрожащих рук Жюли, он опустился к ее коленям и ласково к ним приник.

— Скажи, Жюли, скажи, — исступленно повторял он.

— Да! — шепнула она.

Она уткнулась в плечо Гастона, и он, обезумев, опьянев от счастья, впился губами сперва в ее лоб, затем в ушко, в шею, зарыл свое лицо в ее волосах и чувствовал, как прелестное тело трепещет в его объятиях. Внезапно, порывистым движением виконт сжал в своих ладонях голову Жюли и припал к ее устам своим пылающим ртом, чтобы испить ее дыхание и передать ей свое одним из тех долгих поцелуев, которые соединяют души, обдавая божественной волной влюбленных, чьи ласки и нежности святы, ибо предназначаются Господом далеко не каждому.

Гастону было двадцать шесть лет! Подобно представителям многих северных народов, он не разбрасывался своей любовью направо и налево, но под его холодной внешностью скрывался бешеный темперамент; и теперь, когда лед был сломан, а чувства взаимны, огонь пожирал влюбленных быстрее, чем можно было ожидать.

Поэтому, когда очередной горячий прилив ударил в голову, Гастон почувствовал, что охвачен страстью, достойной маньяка.

Грудь юной девушки, едва сдерживаемая легким корсажем, трепетала; он чувствовал, как молодая плоть содрогается, словно закипает, инстинктивно отдаваясь сладострастию и вожделея любви; он потерял голову, запустил нервные пальцы в почти расплетенные волосы подруги, вдохнул их тонкий аромат, провел дрожащей ладонью по жаркой руке Жюли.

Не переставая ласкать друг друга, они поднялись и перешли на диван, где Жюли окончательно лишилась всех мыслей и ощущений, кроме любовной лихорадки, и в изнеможении упала, томясь каждой частичкой своего существа.

Гастон издал приглушенный крик, приподнялся, обхватил вздымающиеся груди Жюли, сорвал с наряда верхнюю пуговицу, и впился губами в чарующие округлости, представшие перед ним без лишнего целомудрия, свойственного лишь тем, кто недостаточно искушен в любви, чтобы предаваться ей с высоко поднятой головой, позволяя уважать свою красоту и величие.

Тихие стоны Жюли, более напоминающее сдавленные крики, как и ее молчание, говорили больше, чем какие угодно взволнованные речи.

Гастон почувствовал, что его главный мускул в боевой готовности; ловким движением он извлек свой долгожданный подарок из праздничной упаковки, затем быстро раздвинул девушке ноги и, прильнув губами к окаймленной пурпурным воротником розовой головке, вобрал ее в себя целиком и ощутил, как наливается под языком любовная ягода той, что готова отдаться ему немедленно; тогда поменяв положение, он попробовал проникнуть в пышущий, распаленный ласками очаг, дивясь легкости, с которой его туда впускали, и полагая, что гордиев узел окажется не так уж и сложно разрубить.

Это была ошибка.

Однако Жюли помнила урок, преподнесенный кузиной сестре, и, несмотря на боль, поддавалась движениям виконта. Внезапно из ее груди вылетел резкий вскрик, затем она растворилась в сладком вздохе.

— Ах! Как прекрасна эта боль! Ах! Любимый! О, о, боже... меня нет... я...

И на сей раз, в беспамятстве от всепоглощающего любовного спазма и сильного нервного толчка, Жюли смолкла и замерла.

Глава пятая

Вскоре девушка пришла в себя. Она повисла на шее у виконта и спрятала голову у него на груди.

— Что мы натворили? — прошептала она.

Гастон, наконец, тоже обрел самообладание. Он был весьма недоволен тем, что не смог взять себя в руки, и пустил своего жеребца вперед со скоростью семьдесят пять километров в час.

Ухаживая за Жюли, он отнюдь не собирался пошло и грубо ее соблазнять. Он представлял ее своей спутницей жизни, но пока женитьба не входила в его планы; по многим причинам: и прежде всего — из-за старой тетушки, которая поставит непременным условием вступления во владение наследством свою кончину; лишь после нее, как говорила мадам Брикар, вспыхнет факел Гименея.

Спешка, которой он поддался в минуту забытья, может стоить ему восьмидесяти тысяч ренты, а значит, приведет его финансы в плачевное состояние; тридцать тысяч франков в год, учитывая его связи и привычки, делают его жизнь скромной, почти нищенской. Гастон был человеком чести, а потому ни минуты не колебался и внял внутреннему голосу, который подсказывал ему на следующий же день просить у мадам Брикар руки юной кузины.

— Милая, вы уже жалеете о том, что отдались мне? — спросил он Жюли.

— Нет, если теперь вы любите меня, как и прежде.

— Во сто раз сильнее, милое дитя. Только, дорогая Жюли, наше соединение было столь быстрым и неожиданным, что я немного растерян и не могу не думать о последствиях, я ведь должен обо всем позаботиться.

— Что бы ты ни решил, все хорошо, — сказала Жюли, — я твоя, твое сердце, твоя женщина, что бы ты ни решил, я буду с тобой согласна.

— Любимая, я не обману твое доверие; только мне придется ненадолго уехать, прежде чем я попрошу у мадам Брикар твоей руки, я должен увидеть одну родственницу и сильно заинтересован в этом визите, ибо в некотором смысле от нее зависишу. О, ничего не бойся, Жюли, ты моя, а моя рука и сердце никуда не денутся.

— Не понимаю, — прошептала Жюли, задетая тем, что ее так быстро вернули к прозе жизни, — я совершенно не боюсь, я люблю тебя. Ничто в мире не может меня огорчить, если ты со мной, ведь так? Я не буду выспрашивать у тебя твоих тайн, поезжай и скорее возвращайся, потому что я стану считать минуты в разлуке с тобой.

Виконт нежно прижал девушку к груди и покинул ее со словами:

— Я люблю тебя, до скорого...

<...>

Поль Верлен

Стихи из сборника "Параллельно"

Перевод Михаила Яснова

Поль Верлен [Paul Verlaine; 1844–1896] – избранный "принцем поэтов" своей эпохи, заложивший основы импрессионизма и символизма в поэзии, был столь чтим современниками, что ему всякий раз прощались его выходки и безумства, и, хотя он дважды сидел в тюрьме, Министерство просвещения периодически выплачивало ему пособия, друзья собирали для него ежемесячную пенсию, лечили его за свои деньги, а женщины – одни разоряли, другие – оплачивали его долги. Отношения с миром у Верлена были очень страстными, а с женщинами и подавно, о чем свидетельствуют многочисленные сборники эротических стихов поэта. Первый сборник был издан в Брюсселе, под псевдонимом, и назывался "Подруги, сцены сапфической любви" ["Les Amies. Scènes d'amour sapphique, sonnets", 1867]; суд постановил тираж изъять и уничтожить, а автора – оштрафовать. Другим сборникам повезло больше, это "Любовь" ["Amour", 1888], "Параллельно" ["Parallèlement", 1889], "Женщины" ["Femmes", 1890; вышел подпольно в Брюсселе], "Мужчины" ["Hombres (hommes)", 1891; вышел подпольно в 1904 году после смерти автора], "Песни для нее" ["Chansons pour elle", 1891], "Плоть" ["Chair", 1896].

Перевод публикуемых стихов выполнен по изданию "P. Verlaine. Chansons pour et elle autres poèmes érotiques" [Paris: Gallimard, 2002].

© Михаил Яснов. Перевод, 2012

В *пансионе*

Пятнадцать лет — подружка старше на год,
В одном гнезде устроились голубки.
Как душно в сентябре! Нежны и хрупки,
Глаза горят и щеки ярче ягод.

Рубашки — прочь! Благоуханней пагод
Тела, уже готовые к уступке;
Подставив грудь под сестринские губки,
Одна стоит — вот-вот и руки лягут

На плечи той, что, опустившись рядом,
По ней скользит шальным и диким взглядом,
Уста вонзая в золото и тени,

Пока дитя дрожит, перебирая
Под пальцами, в невинном исступленье,
Все прелести обещанного рая.

P*er amica silentia*[1]

Под пологом из белого муслина
Свет ночника плывет волной атласной
Туда, куда несет его стремнина
В тени, неуловимой и всевластной.

О полог над постелью Аделины,
Он слышал, Клер, не раз твой голос ясный,
Твой серебристый стон, твой смех невинный,
К которому примешан шепот страстный.

“Люблю, люблю!..” — то громче крик, то глуше;
Клер, Аделина — жертвы сладкой клятвы,
Живительный испили этот яд вы.

Любите! Одиноки ваши души,
Но в сей юдоли слез вы тем богаты,
Что метят вас блаженные Стигматы.

С*егидилья*

Брюнетка, ты такая:
Уже почти нагая,

1. Per amica silentia lunae — под защитой луны молчаливой (*лат.*). Вергилий. Энеида, II, 255. (*Здесь и далее – прим. перев.*)

И вновь на канапе,
И вновь эмансипе –
Как в восемьсот тридцатом.

О, эта плоть живая!
Как облачко взлетая,
Ложатся кружева –
И не нужны слова
Губам, огнем объятым.

Хочу тебя такою –
Хохочущей и злою,
И грубой, и дурной,
И властной – боже мой!
Любою будь со мною!

Ты ночь, но ты светлее
Луны – и, как во сне, я
Весь мир тебе отдам,
Но дай моим губам
Плоть – всю мою, до дрожи!

И этой плотью всею
Прижмись ко мне сильнее
И воедино слей
Ее с душой моей –
Еще, еще, еще же!

Блеск ягодиц, не скрою,
Лишь он тому виною,
Что на свою беду
Смирюсь и пропаду
С их бешеной игрою!

Casta piana[1]

То синий клок, то рыжий клок,
А взгляд и нежен, и жесток,
Нет в красоте твоей приманки,
И дышат мускусом соски,
И слишком бледные виски,
Но в каждом жесте – пыл вакханки.

1. Casta piana – гонорея, триппер. Здесь: прозвище возлюбленной, которое можно перевести как "тихая бестия" (*франц. арго*).

Как ты волнуешь! Я готов,
Святая Дева чердаков,
Тебе свою поставить свечку.
Неосвященную? Пускай!
Твой "Ангелюс" блаженный рай
Сулит простому человечку.

Ты — каторжанка, в свой черед
Твой безымянный труд сотрет
Любого — в прах, в песчинку, в крошку:
Один на все пойдет с тобой,
Другой захочет стать слугой,
А третий поцелует ножку.

Но ты не жалуешь чердак,
Он как рабочий твой верстак —
Здесь все тебе давно постыло:
Любой мужлан тебя распнет,
Как причастится тайн, но вот
Уйдет — и ты его забыла!

И впрямь, ну что, в конце концов,
Тебе до старцев и юнцов —
Им всем не место в этом храме.
Я знаю, как любиться всласть,
Я знаю, что такое страсть
И власть, простертая над нами!

А впрочем, прочим — грош цена:
Подставь свои уста, пьяна,
И дай вкусить мне без оглядки
Всю соль, всю терпкость — по глоткам,
Соленый, терпкий твой бальзам,
Святой, соленый, терпкий, сладкий!

Ш*атенка*

Шатенки тоже есть...
Песня о Мальбруке

Взгляд в никуда, хаос кудрей
С неровной линией бровей,
И этот рот не слишком яркий,
И не ахти какая стать —
Но я готов такой дикарке
Всего себя навек отдать!

Всего себя! Да, черт возьми,
Как много радостной возни
Сулят мне вечера с тобою,
Когда соски твои впотьмах
Торчат, и голою стопою
Меня ты повергаешь в прах.

О, эти груди под рубашкой!
Обещан сладкий труд и тяжкий
Всем чувствам яростным твоим,
И я в виду такого рая —
Прижмись ко мне! — неудержим,
Греша, и мучась, и сгорая.

Всю исцелую — до грудей,
До глаз, до кончиков ногтей;
Усталость пыл мой не умерит,
И я склонюсь перед тобой
Как потерявший разум перед
Неопалимой купиной!

Ты знаешь, гордая, что плоть
Моя не в силах побороть
Любовь к твоей влекущей плоти,
И я опять сойду во мрак,
Чтобы опять родиться, хоть и
Не раз уже был мертв — да как!

Ну что же, зыбкая, без края,
Неси меня, волна морская,
Гордись: я сбит тобою с ног,
Кружи меня то так, то этак,
Чтоб, обезумев, я не смог
И оглянуться напоследок!

К *мадемуазель****

Милашка! С такой
И я бы не прочь!
Как поле, точь-в-точь,
Ты пахнешь травой.

Остры и крепки
Все зубки подряд,
И хищно горят
В глазах огоньки.

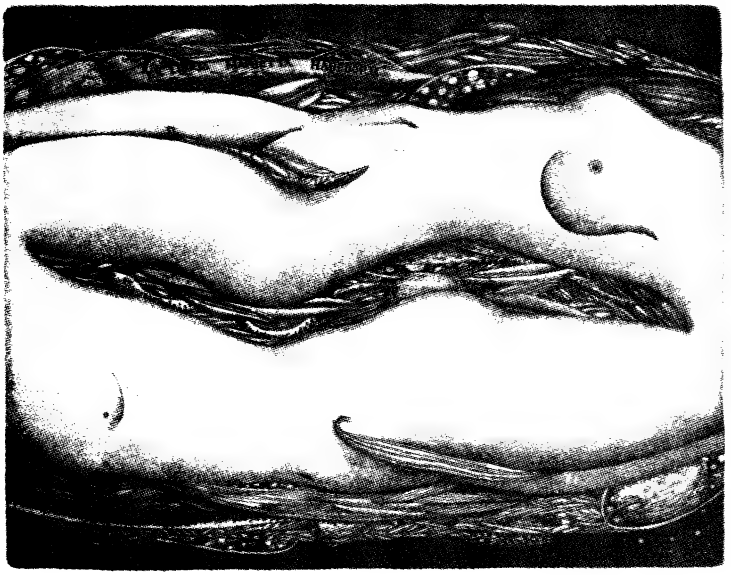
Влекущий твой вид
Оценит любой,
И грудь наготой
Бесстыдно блазнит.

На бедрах крутых
Задержится взгляд –
Но сочный твой зад
Заманчивей их.

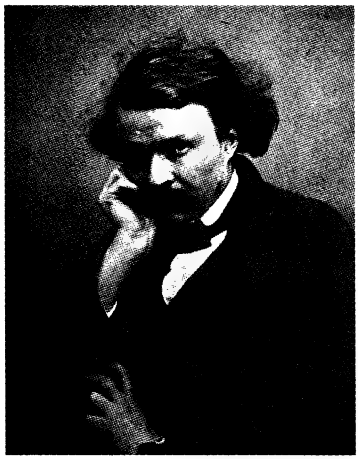
Безумство сердец
В крови мы несем:
Палит нас огнем –
И пах, и крестец.

Хорош твой дружок
Среди пастушат,
Другие спешат
К тебе на лужок.

Ну, чем не эдем
Счастливцам таким?
И как же я им
Завидую всем!



Теофиль Готье



Сокровенный музей

Перевод Михаила Яснова

Теофиль Готье [Théophile Gautier; 1811–1872] – романтик до мозга костей, дышавший разреженным воздухом чистого искусства, обладал южным темпераментом, бурно проявившимся во время его путешествия по Италии. В 1850 году в Риме он встречается с красавицей-содержанкой, хозяйкой литературного салона мадам Сабатье и пишет ей блестящее и неприличное письмо в духе Рабле, известное как "Письмо к Президентше", которое она без колебаний показывает друзьям и даже способствует его распространению в списках (письмо было издано после смерти адресата в 1890 году). В том же году, в Венеции, он посвящает несколько восторженных и более чем смелых стихотворений, объединенных названием "Потайной музей", другой красотке, Марии Матеи; эти стихи сначала были включены в сборник "Эмали и камеи" ["Emaux et camées", 1852], но в 1852 году оттуда изъяты; в 1876 году они вошли в пятнадцать эксклюзивных экземпляров полного собрания сочинений поэта. Кроме того, в 1864 году вышел подпольный сборник, озаглавленный "Сатирический Парнас" ["Parnasse satyrique du XIXe siècle"], куда вошли эротические сочинения нескольких авторов той эпохи, в том числе "Письмо к Президентше" и "Потайной музей" Готье.

Перевод публикуемых стихов выполнен по изданию "Th. Gautier. Œuvres érotiques" [Ed. Arcanes, 1953].

© Михаил Яснов. Перевод, 2012

Сокровенный музей

Нагих богинь ваяли греки
И обнаженных смертных дев,
Их гнезда тайные навеки
Во всей красе запечатлев.

Но сих голубок против правил
Ваяли эти мастера:
Резец, где нужно, не оставил
На них ни пуха ни пера.

Они трудились без опаски,
Но обедняли греки див,
Лишив их царственной оснастки
И сокровенность обнажив.

Так по какой такой причине,
Подобно древним, в свой черед
Стригут художники поныне
Газон, где возлежит Эрот?

Ведь красоту сокровищ скрытых
Лелеют наши времена —
Чтоб оценить и суть, и вид их,
Психея с лампой не нужна.

Узрел Филипп Бургундский тайны
Девицы, спящей крепким сном,
И новый орден не случайно
Назвал он Золотым руном.

И Лафонтен веселым слогом
Поведал нам, как сатана
Страдал, — но распрямить не смог он
Прядь из девичьего руна.

Люблю твоих натурщиц смачных,
Поклонник правды, Тициан,
Тебе талант мазков прозрачных
Венецианским небом дан.

Они под пологом пурпурным
Являли миру без прикрас
Ту плоть, которую Амур нам
Со всем усердием припас.

Ложатся шелковые тени
На бедра гладкие впотьмах,
Там, где в густой курчавой сени
Таится вожделенный пах.

Ты первым был, кто их рукою
Чуть-чуть прикрыл его, чтоб мы
Вкушали чудо неземное —
Сии Кипридины холмы.

Была Флоренция немало
Поражена при виде той
Твоей Венеры, что купала
Ладошку в муфте золотой.

Когда прекрасная, нагая,
За темным облаком следя,
Округлобедрая Даная
Ждала Зевесова дождя.

Пускай печальная гондола
С тобой ушла навеки в ночь,
Божественного ореола
Ничто не в силах превозмочь.

Я пыль веков минувших вытру
И, чтоб искусству не пенять,
Позволь мне лютню на палитру,
Великий старец, поменять.

Я погружу напев и слово
В твою глазурь, в твою камедь,
Я как художник все покровы
Сорву, чтоб тайное воспеть.

Пускай мой стих отдернет шторы
И к белизне прекрасных тел
Прибавит самой разной флоры
Вослед тому, что ты воспел.

И этой краскою живою
Напомнит вечный образ он,
Когда коснулся головою
Груди богини Купидон.

И пусть простит нам муза эту
Любовь, подобную греху, —

Как персик, весь открытый свету,
Лежащий бережно во мху.

Руно, заклятие Ясона,
Плод вожделенный Гесперид —
Путь, по которому бессонно
И день, и ночь блуждал Алкид.

Презрим, Искусство, кривотолки,
И, чтоб не покушаться впредь,
Хочу мой стих на этом шелке,
Как поцелуй, запечатлеть.

Пускай пластические стансы
Запомнят прошлого урок,
Чтоб рассчитаться, может статься
За твой, Венера, бугорок!

Пупок

Пупок, с тобой могу пропасть я,
И, мрамор твой боготворя,
Боготворю твое всевластье —
Ты как облатка сладострастья
Дошедшему до алтаря!

Соответствия

Бог дал гнездо любви — награду
Для христиан,
А зад безбожникам в усладу
Недаром дан.

Бог облегчил свою задачу,
Ведь труд не мал, —
И к одиночеству в придачу
Он пальцы дал.

Одиночество

Ура эрекции! Достану
Того, кто жаждет постоянно
Восстать — и в путь!
Увы! Легко ли быть счастливым
Лицом к лицу с подобным дивом?
Отнюдь... Отнюдь...

Один как перст творю молебен,
А он уже вздымает гребень —
Каков нахал!
Жаль, нет соседки, что влюбленно
Стреляет глазками с балкона —
И наповал!

Коко напрасно точит зубки,
Нет в доме ни чепца, ни юбки,
Но только тронь —
И он уже готов излиться.
Вот и спешит к нему вдовица —
Моя Ладонь.

Приди, богиня мастурбаций,
Не зря ты требуешь оваций:
Я весь в огне.
Ты утешаешь бесподобно
И то, на что сама способна,
Даруй и мне!

Ладонь умеет без опаски
Порой излить такие ласки
На мой снаряд,
Что он взрывается без боя,
Лишь охвати его рукою
Тесней стократ!

Не обойди меня уроком
В том, что Тиссо назвал пороком, —
Как Купидон,
Я тоже, может, преуспею
В его игре, когда Психею
Не видел он.

Ногами опершись о стену,
Себя ласкаю, постепенно
Входя в экстаз:
Могу я целеустремленно
Полировать мою колонну
Хоть битый час.

Уже совсем теряю меру,
Но не Венеру, а Химеру
Я вижу — как
Она встает передо мною,

И образ с гривой золотою
Мне жжет кулак.

Но грудь, ласкаемая взглядом,
Ничто в сравненье с этим задом,
Когда она
Его мне дарит... Вот так штука!
О Рубенс, вся твоя наука
Побеждена!

Мне эти ягодицы впору,
И не дает дружок мой деру —
Наоборот:
Я их коленом раздвигаю,
А он — уж я-то это знаю! —
Свой путь найдет.

Вхожу в ее большое лоно —
Нас мог бы штихель Клодиона
Изобразить.
В нее бросаюсь, как в пучину:
Смогу ли эту Мессалину
Я ублажить?

Волна, рожденная простатой,
На холм кидается покатый
И у дверей
Омытого прибоем храма
Моя искусница упрямо
Кричит: "Сильней!.."

И вот — застыла, побледнела,
И я до самого предела
В нее вошел.
Так жрицы плоть свою терзали,
Когда они в себя вонзали
Приапов кол.

Я прохожу ее навылет —
И вот уже последний вылит,
Исторгнут залп.
И, поработавший на славу,
Мой кратер, исторгавший лаву,
Совсем ослаб.

Я выдавил его до капли —
Тут и мечты мои ослабли:
Ни рук, ни губ.

Прощай, фальшивая Киприда!
Лишь пролетает — вот обида! —
Один суккуб.

Что ж, видели таких Венер мы!..
Оставлю след застывшей спермы
На пальцах, чтоб
Вручить мой опыт, вроде дани,
Тебе, дотошный Спалланцани, —
Под микроскоп!

Крест любви

Четыре розы молодых —
И крест любви, и знак влюбленных:
Две, что цветут, и две в бутонах,
Дневной цветок и три ночных.

Вот символ веры — на устах,
Что к ним склоняются, ликуя:
Крестом — четыре поцелуя
На четырех живых цветах.

Кармином первый опалит —
Свою стыдливость губы дарят:
Их поцелуй — известный скаред
И жемчуга свои таит.

Но два бутона, два других, —
Когда пониже опуститься,
И слева можно насладиться,
И справа прелестями их.

А ниже — тот ночной цветок,
Тот, самый робкий, самый нежный,
Что распускается, безгрешный,
Лишь положив на вас зарок.

Эмблема счастья, вечный крест,
Связует ночь и день в зените:
Свою любовь им осените —
Благословите этот жест!

Пьер-Жан Беранже

Три стихотворения

Перевод Марины Бородицкой

Пьер-Жан Беранже [*Pierre-Jean de Béranger; 1780–1857*] – *прославился своими антимонархическими и антиклерикальными песнями; он был любимцем французского народа, "l'homme-nation" (голосом народа), как сказал о нем Альфонс де Ламартин, воплощением независимости и свободы слова. Он стал также любимцем российского читателя, во-первых, потому что "подходил" нам тематически, а во-вторых, потому что ему повезло с переводчиками (начиная с Чернышевского и кончая В. Левиком, В. Курочкиным и В. Рождественским). Прежде чем поднять сатирическую песню до уровня оды или памфлета, начинающий поэт увлекался вакхическими и скабрезными песенками, которых за его жизнь накопился целый сборник.*

Публикуемые стихи взяты из книги "Проказы Беранже: сорок четыре эротических песни" [*"Les Gaietés de Béranger: quarante quatre chansons érotiques", 1864*], *в которой борец за политические и социальные свободы предстает остроумным борцом за свободу нравственную.*

Перевод выполнен по изданию "P.-J. de Béranger. Les gaietés, quarante quatre chansons érotiques de ce poète, suivies de chansons politiques et satyriques non recueillies dans les œuvres prétendues complètes de Béranger" [*Amsterdam: Éditeur aux dépens de la Compagnie, 1864*].

© Марина Бородицкая. Перевод, 2012

Зачем в ночи, сестрица Зоя,
С меня сорочку тянешь ты?
Прошу, оставь меня в покое,
Я сплю, и сны мои чисты.
Бесстыдница! Ведь все-таки раздела!
И в грудь целуешь... В чем тут дело?
Зачем ты так хохочешь?
Зачем меня щекочешь?
Чего ты хочешь?
А впрочем, это не беда —
От сих забав
Не будет нам вреда.

Меня ты теребишь настырно
Рукою дерзкой, а взамен —
Мою, что почивала мирно,
Хватаешь вдруг и тащишь в плен.
Зачем ложишься ты ко мне валетом?
И что твой рот творит при этом?
Вот странная повадка!
Сестра, так делать — гадко.
И сладко, сладко...
А впрочем, это не беда —
От сих забав
Не будет нам вреда.

Откройся вдруг мужскому взгляду
Альков наш темный... нет, молчу!
Сестрице милой дать усладу
Я в свой черед теперь хочу.
Итак, вперед — хоть прежде не бывало,
Чтоб я усатых целовала.
Мужчины — дуралеи,
Ах, мне куда милее
Твои затеи!
Ведь это, право, не беда —
От сих забав
Не будет нам вреда.

Не думай, это все не значит,
Что впрямь я увлеклась игрой:
На сцене шут поет и скачет,
Пока не явится герой.
А велико ли наше прегрешенье?
Ведь это не кровосмешенье! —
Не то любой прелат

Пугать нас был бы рад,
Но все молчат.
А значит, это не беда —
От сих забав
Не будет нам вреда.

Мышка

Лизетта, вот трусишка,
Мышей боится — страсть.
Раз выбежала мышка
И к ней под юбку — шасть!
Лизетта — прочь, а мышка
За нею по двору...
— Не бойся ты, глупышка,
Она спешит в нору.

Но в ужасе девица
Бежит, подняв крик,
А мышка-озорница
К ней прямо в руку — прыг!
Она, зверька сжимая,
Визжит: "Сейчас умру!"
— Не бойся, дорогая,
Пусти ее в нору.

Но в обморок Лизетта
Упала в тот же миг,
А мышка, видя это,
Скорей в укрытье — шмыг!
Там не страшна ей кошка,
Ни дождик на дворе...
Не плачь, Лизетта-крошка,
Ведь мышь уже в норе.

Штаны

Непристойная песня, сложенная повесой Жилем в честь победы над мамзель Зирзабель, что любила рядиться в мужское платье

Ба, Зирзабель! Это вы? Вот номер!
Мордашка-то ваша, но — чтоб я помер!
Вы ж вроде мамзель — хотел бы знать я,
Зачем вы надели мужское платье?
Наряд не к лицу вам, вот в чем загвоздка:

Где было пышно — там стало плоско,
В нем ваши прелести не видны.
Мамзель, поскорей снимите штаны!
Мамзель, снимите штаны!

Вы с юбкой расстались — чего это ради?
Ведь вы, мамзель, не на маскараде.
А может, затеяли вы игру
Затем, что женщины вам по нутру?
Из вас получился бы славный малый,
Но кой-чего не хватает, пожалуй.
А впрочем, с какой вас ни взять стороны —
Мамзель, поскорей снимите штаны.
Мамзель, снимите штаны!

Но есть, однако ж, в этом наряде
Дразнящее что-то... особенно сзади.
Позвольте-ка пояс вам расстегнуть!
Да не идет ли там кто-нибудь?
А то ведь примут вас за парнишку
И про меня наболтают лишку:
Что мне, мол, по вкусу теперь каплуны...
Мамзель, поскорей снимите штаны.
Мамзель, снимите штаны!

Ну же, мамзель! Немножко сноровки —
Не то появится в вашей обновке
Лишняя прорезь, иль невзначай
Любовь моя выльется через край...
Пардон, я вас перепачкал немножко:
Прочней любви оказалась застежка.
Прощайте, пусть снятся вам сладкие сны —
Мамзель, поскорей наденьте штаны.
Мамзель, наденьте штаны!

И вы, мамзели, послушайте Жиля:
Не одевайтесь в мужеском стиле,
Коль не хотите обманом завлечь
Тех нечестивцев, о коих речь
Здесь не веду, чтоб себя уберечь.
Дамы, прелестны вы иль дурны,
Дам вам совет благой:
Суйте лишь руки в мужские штаны,
Сами ж туда — ни ногой!

Пьер Луис

Учебник хороших манер для маленьких девочек

(для чтения в воспитательных заведениях)

Перевод Марии Аннинской

Пьер Феликс Луис [*Pierre Félix Louys; 1870–1925*] *– поэт, прозаик, основатель литературного журнала "Ла Конк" ("Раковина"), в котором печатал современных ему поэтов, друг Андре Жида, он прославился при жизни как автор поэтической и эротической мистификации "Песни Билитис"* [*"Les Chansons de Bilitis", 1894*] *– сборник своих стихов на лесбийскую тему, написанных от лица женщины, он выдал за переводы с греческого современной, придуманной им, поэтессы. Его сюжеты до сих пор притягивают к себе: по роману "Женщина и паяц"* [*"La Femme et le Pantin", 1898*] *Луис Бунюэль снял "Этот смутный объект желания".*

"Учебник хороших манер..." [*"Manuel de civilité pour les petites filles", 1926*] *является признанным во Франции шедевром эротической пародии и, в силу своей неприличности, вышел только после смерти писателя – сначала анонимно.*

Перевод публикуемого текста выполнен по изданию "P. Louys. Trois Filles de leur mère; Douze douzains de dialogues; Manuel de civilité pour les petites filles" [*Paris: La Musardine, 1998*].

© Мария Аннинская. Перевод, 2012

В *комнате*

Если вас застали нагишом, прикройте стыдливо одной рукой лицо, а другой — срам; только не показывайте при этом первой рукой нос и не трите себя где не надо — другой рукой.

Не вешайте годмише[1] на стену рядом с распятием; лучше этот инструмент прятать под подушкой.

Дома

Не плюйте с балкона на проходящих внизу людей; тем более не делайте этого, если у вас во рту сперма.
Не мочитесь на верхнюю ступеньку лестницы, чтобы изобразить многоступенчатый водопад.

За столом

Если вас спрашивают, что вы пьете за обедом, не отвечайте "Я пью исключительно мужской сок".

Не водите у себя во рту туда-сюда стеблем спаржи, томно поглядывая на молодого человека, которого вы желаете соблазнить.

Не водите языком по бороздке абрикоса, подмигивая при этом самой известной в обществе ценительнице женской любви.

Когда кто-нибудь из взрослых рассказывает фривольную историю, которую детям понимать не должно, старайтесь не издавать нечленораздельных звуков, как маленькая девочка на пике эротического экстаза, — даже если эта история очень сильно вас впечатлила.

Когда перед вами поставят блюдо с бананами, не прячьте самый большой к себе в карман; это вызовет улыбку мужчин и, возможно — даже некоторых барышень.

Является верхом неприличия класть годмише под салфетку вашей соседки по столу вместо лежащей там булочки.

1. Это слово, не имеющее аналога в русском языке, обозначает искусственный фаллос, который существовал и использовался с античных времен; во Франции под этим названием существует с начала XVII в. Предположительно происходит от латыни: gaude mihi (порадуй меня). (*Прим. перев.*)

Никогда не спрашивайте у дамы разрешения "поразвлечься" с ее дочкой; следует говорить "поиграть" — это приличней.

Когда вам надо тянуть жребий, не просите вашу подружку срезать для этой цели несколько волосков между ног — тем более, если вы знаете, что их у нее нет.

Если вы играете в игру "покажи мне пипку — я покажу тебе попку", убедитесь сначала, что за вами не наблюдают взрослые.

Мазать себя между ног медом, чтобы вас вылизал песик, допустимо лишь с очень большими оговорками; но не стоит на сей раз платить услугой за услугу.
Никогда не удовлетворяйте страсть молодого человека руками, стоя перед открытым окном; вы не можете знать заранее, на чью голову этот дождь прольется.

Если вы играете с подружками в бордель, не стоит мазать живот и ляжки углем, чтобы изобразить негритянку.

Если вы занимаетесь верховой ездой вместе с красивым молодым человеком и от сидения в седле неожиданно почувствовали сильное возбуждение, то можете позволить себе ахать и охать лишь в том случае, если добавите: "Это вы тому причина, сударь".

Играя в жмурки, не шарьте под юбками попавшейся вам подружки — так, дескать, вы быстрей ее узнаете; это может сильно ее скомпрометировать.

Если вы украдкой играли сама с собой под партой и у вас от этого мокрые пальцы, не вытирайте их о волосы вашей соседки — если, конечно, она сама вас об этом не попросит.

Если во время урока вам понадобилось в уборную, чтобы спокойно предаться удовольствию, спросите разрешения выйти, но не объясняйте зачем.

Не говорите на уроке географии, что Красное море носит такое название потому, что имеет форму женских гениталий; или что Флорида — это пенис Америки; или что гора Юнгфрау ("Девственная") не может так называться, после того как на нее поднялись альпинисты. Замечания эти весьма остроумны, но совершенно недопустимы в устах маленькой девочки!

Не слюнявьте палец языком и ни в коем случае не мочите его в ином месте, когда вам надо перевернуть страницу в учебнике.

Если пример, который вы решаете в классе, имеет ответ – 69, не корчитесь от смеха, как дурочка.

Если ваша старшая подруга смеется над вами, потому что у нее выросло пышное руно, а ваша кожа остается голой, как ладонь, не обзывайте ее орангутангом, снежным человеком или бородатой женщиной; извлеките урок из своего гнева и ведите себя скромно до той поры, когда тоже сможете похвастаться обильной растительностью.

На *балу*

Безоговорочное правило: не хватайтесь сразу же за выступающие части тела своего партнера по танцу, возможно, он еще не успел отреагировать на близость с вами. Быстрый взгляд на его брюки поможет вам сориентироваться и не совершить ошибки.

Если во время вальса вы испытали эротический экстаз, не кричите об этом на весь зал, но сообщите шепотом своему партнеру.

Если, спрятавшись за тумбочку, друг ваших родителей наполнил ваши ладони соком своего восторга, лучше облизать пальцы, чем требовать салфетку.

В *гостиной*

Если вы явились с визитом и, поднимаясь в лифте, трогали себя в интимных местах, наденьте перчатки, перед тем как войти в квартиру.

Когда хозяйка дома наклоняется, чтобы вас поцеловать, не засовывайте ей в рот язык; такие вещи делаются без свидетелей.

При встрече вы должны сказать хозяйке дома: “Добрый день, сударыня, как поживаете?”, но ни в коем случае не спрашивать у замужней дамы: “Хорошо ли вы провели сегодняшнюю ночь?”; на этот вопрос ей, скорее всего, нечего будет ответить.

В великосветском салоне не просите у вашего собеседника носовой платок, чтобы вытереть интимные части тела — даже если вам стало мокро из-за него.

Если кто-то приглашает вас разделить его восхищение перед цветком розы, не говорите: "Ах, она напоминает бутон госпожи X...". Это, безусловно, комплимент, но такой, который правильней делать в интимной обстановке.

Никогда не спрашивайте драматическую актрису, в каких борделях она провела свои юные годы; об этом вы наверняка узнаете от ее друзей.

Если вам говорят, что вы настоящий сорванец, не задирайте юбки, дабы продемонстрировать, что вы не мальчик.

Сказать молодой даме, что у нее прелестные золотые локоны, — несомненная любезность; но спрашивать ее во всеуслышанье, такого ли цвета у нее интимное руно, — верх бестактности.

Если вы сидите на краешке стула, не ерзайте на нем — это отвлечет вас от беседы.

Если у господина, беседующего с вашей матерью, вздулись в паху брюки, не ставьте об этом в известность всех окружающих.

Надо всегда говорить правду; но, если ваша мать принимает гостей и, призвав вас к себе, спрашивает при всех, чем вы сейчас занимались, не заявляйте: "Я щекотала себя под юбкой" — даже если это чистая правда.

В *музее*

Не залезайте на цоколь античных статуй, чтобы потрогать их мужские атрибуты. К выставленным в музее экспонатам нельзя прикасаться ни руками, ни другими частями тела.

Не рисуйте черные кудряшки на интимной части фигуры обнаженной Венеры. Если скульптор изобразил богиню гладкокожей, то это значит, что она брилась.

Не спрашивайте смотрителя музея, почему у гермафродита имеются и мужские, и женские половые признаки. Ваш вопрос выходит за рамки его компетенции.

В *театре*

В зрительном зале не кричите во весь голос: “Вон та высокая брюнетка, с которой спит папа!” Тем более будьте сдержанны, если в театр вы пришли с вашей матерью.

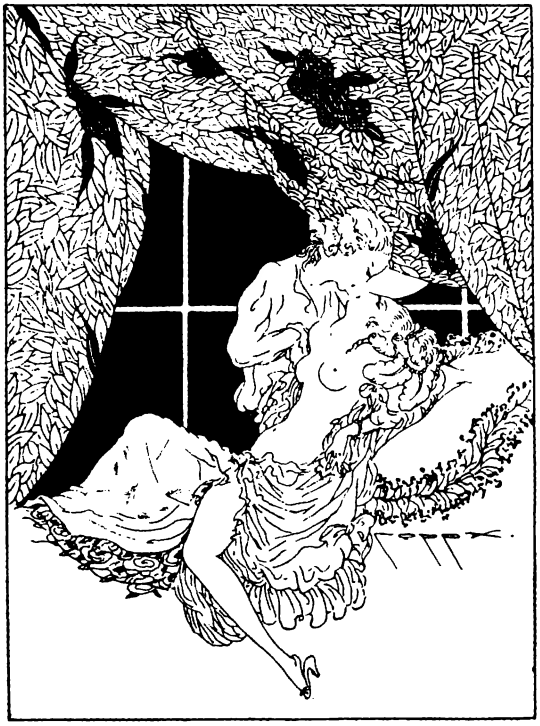
Если со сцены вы услышали рискованные шутки, неприличные намеки, прозрачные недоговоренности, не пытайтесь растолковать их взрослым, даже если вам кажется, что взрослые их не понимают.

Если роль героя-любовника в спектакле играет женщина, не кричите через весь зал фразы, намекающие на ее нетрадиционные вкусы; ваше поведение вызовет неодобрение публики.

Долг перед Богом

Благодарите Бога за то, что Он создал морковки для маленьких девочек, бананы для юниц, баклажаны для молодых матерей и свеклу для зрелых дам.

Славьте Бога за то, что Он дал вам желание и тысячи способов это желание удовлетворить.



Колетт

Три эссе

Перевод Татьяны Чугуновой, Марии Аннинской

Колетт [Sidonie-Gabrielle Colette; 1873–1957] – не только горячо любимая французами писательница, автор романов о Клодине, рассказов, сказок, пьес и т. д. (всего пятнадцать томов), но и танцовщица мюзик-холла, одна из первых, кто обнажил на сцене грудь, кто устроил первый в истории мюзик-холла сеанс стриптиза; это женщина, позволявшая себе многое (свобода нравов расцвела во Франции в "Прекрасную эпоху" и прочно укоренилась в обществе). Перечень ее любовников и любовниц (лесбийство считалось в то время верхом элегантности) изобилует громкими и достойными именами. За заслуги перед Францией и французской литературой Колетт была избрана президентом Гонкуровской академии и удостоена ордена Почетного легиона. Все, что она писала, было проникнуто искренней, спонтанной эротикой, любовью к окружающему ее миру.

Эссе "Нагота" было опубликовано в 1943 году в Брюсселе и переведено по изданию "S.-G. Collette. Œuvres complètes en quatre volumes" [Paris: Bibliothèque de la Plé'iade. Vol. 4, 2011]; оно дано в сокращении, так как текст, опубликованный в многотомнике, был слеплен автором из двух статей.

Два коротких рассказа Колетт "Груди" и "Что под платьем" взяты из сборника "Эгоистическое путешествие" ["Le voyage égoïste", 1925], объединившего тридцать новелл, в которых писательница иронически рассуждает о женской моде 20-х годов. Перевод двух малых эссе выполнен по изданию "S.-G. Colette. Le Voyage égoïste" [Paris: Arthème Fayard, 1986].

© Татьяна Чугунова. Перевод, 2012
© Мария Аннинская. Перевод, 2012

Нагота

На декорацию, изображающую зимний лес, заваленный снегом и заиндевелый вплоть до последней веточки, посыпались белые хлопья, по залу прошел смешок. Негромкий, полный какого-то затаенного смысла, он был знáком сообщничества, который зрители подавали устроителям ревю. Этим суровым декабрьским вечером температура на улице упала до минус пяти, тротуары обледенели, северо-восточный ветер поднял настоящую метель.

Я в очередной раз восхитилась тем, как доброжелательный настрой публики обратил опереточный снегопад — летящие на сцену обрезки перчаточной кожи — в шутку на злобу дня. Еще большее оживление пробежало по рядам, стоило обнаженной и изысканной труппе Фоли-Бержер заполнить пространство между белыми декорациями. Более смуглые, чем окружающая их ослепительная белизна, с гордо вздернутыми грудями, с длинными ногами, покатыми плечами, двигались они по сцене под музыку, исполненную такого желания нравиться всем, что каждый был волен либо слушать ее, либо не замечать.

Шеренга обнаженных дам, у которых только головы были украшены драгоценностями и прикрыты вуалями, служила фоном для других, одетых, что позволяло им живо двигаться и танцевать. Многолетнее, искусное использование ничем не прикрытой наготы красивого женского тела предписывает статисткам и танцовщицам умеренную, приглушенную жестикуляцию и маловыразительную мимику, ибо они настолько совершенны, что и без дополнительных эффектов удерживают устремленные на них взгляды тысяч глаз. Словно одного того, что их плоть лишена малейшего изъяна, достаточно, чтобы окутать их флером безмятежности, несовместимой с самой мыслью о непристойности. Ваятели всех времен награждали Венеру огромными пустыми глазницами, тонкими, не улыбающимися губами, узким лбом. Во всех представлениях Фоли, которые я издавна прилежно посещаю, обнаженные Венеры держатся спокойно, лишь слегка пританцовывая, так что их грудь остается неподвижной, а сами они не рискуют уронить платановый лист, кулон, украшенный сапфирами, или веточку мимозы, которых требует — да полно, требует ли? — стыдливость. Венера, подправленная в угоду моде в 1900 году, в 1910-м стала менее грудастой, но более пышной в области бедер и изогнутой в пояснице; к нашему времени она обрела довольно любопытные формы: у нее точеная талия и грудь торчком, как у Евы Альбрехта Дюрера.

В нынешнем 1940 году она одним своим видом заставляет умолкнуть грубый смех, обычно сопровождающий комические скетчи, потасовки и пощечины на сцене. Ибо полная нагота не вызывает в зрителях исступления. При ее появлении

лица зрителей не обезображиваются. Со временем она избавилась от нелепого розоватого трико, ожерелий, эмалевых украшений. Прежде нагая богиня танцевала, тем самым совершая непоправимую ошибку, ведь танцевать нагишом позволено разве что ребенку. Получившая благодаря английской аристократии всеобщее признание, она звалась Мод Аллан[1]; французский же снобизм породил Мату Хари, которая, впрочем, всегда — и на то были основания — скрывала свою грудь. Колетт Андрис, самая обнаженная и грациозная из всех, слишком рано ушла из жизни.

Как правило, после заблуждений и ошибок воцаряется порядок, и теперь гармония достигается относительной неподвижностью женской наготы, которая стала подлинным украшением спектаклей мюзик-холла. Женщина вновь становится кариатидой, музой, символом времен года, воплощением смертных грехов, стихий. Только так и подобает держаться той, которую отличают благородство линий и спокойный нрав; той, что заслужила божественный дар: удлиненные конечности и белые нежные формы, где надо пухлые, где надо осененные мягкими западающими тенями. Причем большинство статисток — существа мирные, склонные к беззаботному образу жизни, размеренности и скромности. Если же это не так, значит, они весьма изменились, с тех пор как я сама более не попираю подмостки — эту наклонную, залитую светом, поверхность. Я покинула ее тогда, когда обнаженная женщина еще только приучала публику к своему чарующему и безмолвному присутствию на сцене, дарила зрителям свою сверкающую белизну и свою тень — тень стройной балясины.

Знавала я одну такую... она была столь же хороша собой, сколь и скупа на слова. За кулисами с детским смущением высовывала ручку из рукава махрового пеньюара за предложенной ей конфеткой. Умопомрачительная на сцене, она становилась неприметной после полуночи, когда мюзик-холл закрывался. Поклонник, любитель женских форм, поджидавший ее у служебной двери, не узнавал ее. Сразу пополневшая в своем пальто, купленном в магазине готового платья, скрывающая под безликой шляпкой свернутый стяг черных волос, вне сцены она была ничем не примечательна, зато втайне, под одеждой, — восхитительно мягкая и белая, как миндаль под скорлупой.

Лишь однажды она взбунтовалась, отказавшись играть в серии живых картин под названием "Вечерний туалет парижанки", а все из-за того, что дирекция пыталась навязать ее однотонной и целомудренной наготе кокетливые панталоны в рюшечках.

1. Мод Аллан — канадская танцовщица, соперница Айседоры Дункан. Выступала в Европе и на других континентах. Д. Г. Лоуренс вывел ее в образе леди Годивы в романе "Влюбленные женщины". (*Здесь и далее – прим. перев.*)

Стоит заметить, что ни одна из недавно избранных королев красоты не пошла выступать на сцену обнаженной или почти обнаженной. Целомудрие вкупе с безумным желанием "сниматься в кино", пришедшим на смену стремлению состояться как театральная актриса, играют в этом не последнюю роль; "мисс лауреатки" наивно верят, что красота ведет к состоятельности крутыми дорожками диеты, спортивных занятий и массажа лица. Какое-то время они борются с безвестностью, но та быстро укладывает их на лопатки. Самые сообразительные возвращаются в ателье, бывшее свидетелем возрастания их честолюбивых помыслов, к прежнему своему ремеслу модистки. Ни одна из них так и не увидела Голливуда. Спас ли брак самых удачливых? Одна из статисток Фоли-Бержер, обладательница прекрасных, цвета морской волны глаз, и правда, удачно вышла замуж, но так и осталась на второстепенных ролях.

Все уже сказано и написано по поводу горькой участи победительниц конкурсов красоты. Однако прочесть о том, как складываются судьбы женщин, обнажающихся в силу избранной профессии, мне не приходилось. Может, о них и сказать-то нечего. Покуда бес соперничества маячит в костюме с блестками у них перед глазами, они довольствуются тем, что носят факел, потрясают алебардой, держат в руках гирлянды цветов. Жуткий сквозняк, столкновение холода, которым тянет с колосников, и душного жара людного зала не меняют дивной прелести их бедер в форме лиры. Дотроньтесь до их плеч, и вы обнаружите, что они прохладны и гладки, как зимние яблоки. Но ни в Фоли, ни где бы то ни было не дотрагиваются до обнаженных женщин. Разве что работник сцены, свой брат, столкнется с ними за кулисами. Они живут нагими, неуязвимыми и нежными. И если даже они не всегда поименованы в программке, мы, зрители, награждаем их именами под стать тем, что приняты в японской поэзии: *Та-что-похожа-на-бледно-розовый-гиацинт, Та-у-которой-столь-совершенная-грудь, Золотая, Брюнетка-с-щиколотками-лани.* Может, они впечатляют лишь людей флегматического склада...

<...>

— Взгляни вон на ту, справа!

— Мне больше нравится белоснежная в центре...

— Ба, какая краля появилась, вон та, высокая, с луком в руках!

Пришедшие со мной друзья указывают на своих избранниц так, словно это пиротехнические средства: "Та голубая красотка!.." Дело вкуса, возраста. Я не всегда согласна с их выбором. Моя юность пришлась на время, когда ценились дамы в теле, с развитыми формами; вообще же я питаю слабость к одной из участниц представления, медленно перемещающихся по сцене: ее тип можно охарактеризовать как "двойная пони". Ей-богу,

она словно сошла с полотен Вилетта, если не Валлотона[1]: тонкая талия, легкое покачивание бедер при каждом шаге, — такая походка бывает, когда носят туфли без задников, — не слишком широкие бедра, а пупок расположен высоко, чуть не на талии. Что касается крупа... вам станет ясно, каков он, если я скажу, что стоит ей повернуться к зрителям спиной, как по залу пробегает смешок...

И тем не менее эта бросающая вызов моде нагая танцовщица обладает чертовски хорошеньким задом, а ее спина поразительно гладка и плавно очерчена, не в пример другим длинным-предлинным несуразным спинам с выступающими лопатками, как у ангелов во время линьки, если только ангелы линяют... Под гримом проступают ее соски, с широкими ореолами, под стать ее груди и ее храбрости...

"...Ее округлая и смелая грудь, похожая на щит амазонки, величественно и ритмично вздымалась, стиснутая корсетом и рюшами корсажа..."[2] — прошептала я.

— Откуда это?

— Из Барбе д'Оревильи[3]. А почему вы спрашиваете? — поинтересовалась я у соседки, задавшей этот вопрос.

Она засмеялась:

— В наше время кажется таким нелепым сравнение груди со щитом...

— Да ведь это потому, что амазонки перевелись, даже в мюзик-холлах. Последние амазонки были набраны Гертрудой Гофман[4], одевшей их в военную форму: так что получился целый отряд гренадеров, изображавших карусель, причем самая легкая из них, ручаюсь, весила килограммов семьдесят.

— Семьдесят! Но ведь это чудовищно!

— Ах, не говорите! Это был последний праздник плоти и мускулов, который можно было наблюдать на сцене. С тех пор сам хозяин "Табарена"[5] не осмелился превысить сорока четырех килограмм на единицу выступающих. А помните голую всадницу на белой лошади? Лошадь из гипса с ее объемными формами — грудной клеткой, шеей, крупом — пробуждала еще большую чувственность, чем наездница...

1. Адольф Вилетт (1857–1926) — французский художник, "президент республики Монмартра". Расписал кабаре "Черная кошка". Феликс Валлотон (1865–1925) — гравер, художник и писатель швейцарского происхождения.
2. Грудь сравнивается со щитом еще и у Бодлера в стихотворении "Прекрасный корабль": "Щиты дразнящие, где будят в нас желанья две точки розовых..." (Цветы зла, L11). Перевод Эллиса.
3. Жюль-Амеде Барбе д'Оревильи (1808–1889) — французский писатель.
4. Речь идет о труппе "Hoffman Girls" из 18 девушек, на представлении которых в Париже Колетт побывала дважды: в 1926 и 1934 гг.
5. Кабаре "Табарен" поставило свой спектакль накануне Второй мировой войны, на него ходил "весь светский Париж".

Я замолчала из уважения к номеру "Экзотическое ню", в котором прославлялся сбор то ли бананов, то ли манго, то ли черимойи. "Собирательницы" выступали в костюмах, состоящих из разнородных элементов и в целом напоминавших костюм ловца креветок. Те же, что несли на головах корзины, были в чем мать родила и потому не позволяли себе ничего другого, кроме как нести корзины, и на них были направлены лучи заходящего красного солнца. Моя валлотоновская малышка, прогнувшись так, словно она сошла с рисунка Жербо[1], слегка покачивалась от усталости; она и ее товарки уже, верно, раз восемь поменяли свои отсутствующие костюмы. В силу, если можно так выразиться, последних усовершенствований наготы, в мюзик-холле они были освобождены от ужасного и непристойного треугольника, то имитирующего по цвету и материалу человеческую кожу, то расшитого стразами, и прикрывали лобок лишь букетиком незабудок, веточкой мимозы, широким бархатным цветком анютиных глазок, чем дерзко опровергали Вовенарга, утверждавшего, что "великие мысли идут от сердца"[2]. Поскольку мы сидели совсем близко к сцене, от нас не ускользал ни один бугорок на коже танцовщиц, ни одна вздувшаяся вена, к тому же мы пользовались лорнетами; нами было единодушно признано: представление удалось на славу. Холодный воздух, льющийся с колосников, волнами накатывал на нас; молодые нагие статистки неподвижно стояли на сцене, грациозно храня принятые позы; я же пыталась определить, какая у них на сцене температура. Дыхание огромного камина, обогревавшего зал, приносило лишь запах клея и огнеупорной клеенки. Не ощущалось ни ароматов, обычно царящих в гареме, ни духоты спортивного зала, ни животного запаха пота, как бывает после выступления целого полка танцовщиц. Нагая женщина, изображающая статую и с головы до ног загримированная, превращается в мрамор.

Удается ли участницам ревю отдохнуть в своих уборных? Нет, они не могут себе этого позволить. Соломенный или деревянный стул оставляет на теле отметины. Колени также не должны утерять своего жемчужного покрытия, от всякого сколько-нибудь долгого прикосновения на коже появляются красные пятна. Договор, который подписывает танцовщица, согласная выступать обнаженной, запрещает ей носить на сцене нижнее белье, но о пальцах ног в нем ничего не говорится... Ныне нагая артистка — это просто раздетая женщина, тогда как году в 1905 я знавала одну танцовщицу, которая,

1. Анри Жербо (1863–1930) — автор юмористических рисунков, сотрудничал в иллюстрированных журналах.
2. Вовенарг (маркиз де Люк де Клапье) (1715–1747) — французский моралист. Анютины глазки и мысль по-французски обозначаются одним и тем же словом: la pensée.

проходя мимо моей ложи, показывала мне ножные браслеты из стекла и металла и, вздыхая, говорила: "Семь килограммов!" В наше время столько весит велосипед.

Пришло время антракта, и многие зрители поспешили к выходу, но не для того чтобы разойтись по домам, а чтобы выглянуть на улицу и разнести по мюзик-холлу весть об ужасной ночной стуже. Одни вернулись со словами: "Там такое! Дальше просто некуда!" Другие стали заверять окружающих, что предпочитают провести ночь в ближайшем отеле. Я как-то сразу мысленно вернулась к обнаженным хрупким созданиям — участницам шоу, — которые по другую сторону рампы также справлялись о погоде. В случае воздушной тревоги[1], непогоды или опасности у меня срабатывает застарелый рефлекс: в первую очередь думать о тех, кто находится на сцене, — словно не прошло тридцати лет, с тех пор как я оставила сцену. Просто я уходила с нее постепенно. Помню...

Помню, как, будучи беременной, я скучала в мюзик-холле и частенько проводила вечера в уборной Мюзидоры[2], с которой свела знакомство еще в подростковом возрасте. Ее черно-белая чарующая красота — именно такая, какая требуется в кинематографе, — пользовалась не меньшим успехом и в мюзик-холле. Она была звездой и царила в бело-розовой уборной, где стоял мягкий орехового дерева диван и плетеное кресло. Стены были беспорядочно увешаны таким количеством фотографий, что невольно напрашивалось сравнение с листьями, прибитыми ветром к решетке отдушины... <...> Перемежающиеся волны тишины, всплеска оваций, взрывов музыки из оркестровой ямы, приглушенного гула театральных машин.

Вот кто-то царапается в дверь. "Это Кубышка. Входи!" В своем кимоно (за семь франков девяносто), разрисованном лебедями, входила и скромно пристраивалась в уголке Кубышка. Мюзи еще раньше поведала мне историю этой статной, роскошно развитой восемнадцатилетней красотки. "Мать прокляла ее за то, что она не желала зарабатывать на жизнь распутством, и она сбежала из дома. Я нашла ей работу, устроила в массовку. Но она по-прежнему блюдет себя. Мужчины внушают ей страх". Добавлю: до такой степени, что она предпочитала постоянно недоедать, чем иметь с ними дело. Юная красавица получала сто двадцать франков в месяц. "Так вот, — продолжала рассказывать Мюзидора, — я кое-что при-

1. Это эссе частично писалось во время оккупации.
2. Жанна Рок Мюзидора (1884—1957) — знаменитая французская киноактриса, в юности выступала в мюзик-холле, где с ней и познакомилась Колетт. В начале Первой мировой войны они жили вместе в "фаланстере". Для нее Колетт написала сценарий под названием "Скрытый огонь".

думала, чтобы Кубышка оставалась цветущим розаном и при этом могла лучше питаться...”

Итак, Кубышка в своем кимоно поблекших розовых тонов пробиралась в уборную Мюзи, опускалась на пол, обхватывала колени руками и молчала. Ее накрашенное лицо привлекало большими тревожными глазами и детской припухлостью. К середине антракта Мюзидора, уже готовая снова выйти на сцену, с ног до головы увитая речными травами, с черными локонами, змеящимися вокруг головы, взывала к вниманию собравшихся в уборной.

— Дамы и господа, сейчас я покажу вам нечто куда более прекрасное, чем все, что есть в нашей программе. Смотрите, но не трогайте! Кубышка, встань!

Та поднималась с пола, упрямо потупив взор.

— Раз, двас, трис! А ну, Кубышка, покажи грудь.

Раздавался смех, порой весьма вульгарный... Но стоило Кубышке повести плечами и спустить кимоно до талии, как смех смолкал. Ибо подлинное совершенство способно внушать лишь уважение. При виде двух безукоризненных по форме, одинаковых, гармонично разведенных в стороны полусфер, приподнимаемых мерным дыханием и увенчанных розоватыми, будто светящимися, сосками, зрители превращались в безмолвных мечтательных созерцателей.

— Видели? Ну разве не совершенство? Кубышка, прикрой грудь. И обойди почтенную публику!

Кубышка снова поводила плечами, и кимоно возвращалось на место. С крышкой от пудреницы обходя собравшихся, она серьезно, без улыбки протягивала ее каждому.

Когда она впервые остановилась перед Робером де Ж., он порылся в жилетном кармане и положил в крышку стофранковый билет.

Кубышка задержалась, уставилась на купюру, затем перевела взгляд на Робера... Это был взгляд приговоренной к смерти. Глаза ее наполнились слезами, в которых отразились лампы гримерного столика.

— Нет, нет, Кубышка, — тотчас взметнулась Мюзидора, — ему ничего от тебя не нужно, идиотка ты такая! Он дарит тебе это просто так, чтобы сделать приятное!

— Правда? — с сомнением в голосе протянула Кубышка. — Правда?

— Правда! — хором подхватили все присутствующие, довольные тем, что можно замять неприятный инцидент.

Звонок возвестил об окончании антракта и тактично развел по своим местам участников сценки: знакомых Мюзидоры, зевак, меня и оставшуюся девственной Кубышку. Но долго ли продлится ее девство? Про таких, как Кубышка, всегда известно лишь начало истории, да может, так оно и лучше. Страх Кубыш-

ки перед мужчинами был, конечно же, ничем иным, как мечтой о чистых отношениях, грезой, которой она ежедневно, в течение многих месяцев и лет, приносила в жертву свой юношеский голод, свое желание купить новое платье, жить в тепле, — и все ради победительного и трепетного желания еще на день отсрочить мужские объятия, еще ночь провести в постели одной, еще на несколько лишних часов сохранить запечатанной свою пугливую упрямую плоть и неприкасаемой свою непреклонную грудь.

Знавала я и других девственниц, правда, движимых безудержным желанием отдаться. Они и отдавались, главным образом выходя замуж, и нередко это было для них наилучшим из решений. Но случалось, это стремление вступало у них в противоречие с ощущением, что с женщиной можно не считаться, и тут возникла проблема мужской стыдливости. Попробую объяснить, что имею в виду, на примере одной истории.

Когда дочь одной из моих подруг вышла замуж за сына одного из моих друзей, все пришли в восторг: "Они созданы друг для друга!" Я же не стала ничего говорить, поскольку жених и невеста дружили с детских лет, и я находила, что дружба занимает слишком большое место в этом браке по любви. Однако некоторая затаенная застенчивость девушки и определенная властность в поведении юноши, которому всего-то был двадцать один год, указывали на то, что дело пойдет на лад.

Но по истечении нескольких недель замужества стало очевидно: у новобрачных "что-то не заладилось" — и тут пошли отвратительные семейные кривотолки. Некоторое время было невозможно распознать, откуда они взялись, и отличить правду от кривды. Кто первый об этом заговорил? Молодой супруг? Да нет. Супруга? Эта вчерашняя девочка? Полноте! Скорее ищите со стороны свекрови и тещи... Да, уже теплее! Ну, конечно же, они! А вот и нет. Свекровь и теща взирали на своих чад удивленными глазами куриц-несушек, случайно раздавивших свои яйца, и сплотились в тот самый момент, когда этого меньше всего можно было ожидать. "Вокруг наших деток слишком много народу, — постановили они. — Им надобно уединиться в каком-нибудь спокойном месте".

Те так и сделали, и случись же, что это спокойное место было по соседству с домиком на берегу Средиземного моря, в котором жила я. Вместо того чтобы уединиться и вести образ жизни раздетых дикарей, они частенько появлялись у меня: войдя в сад через сломанную калитку, они обычно любезно предлагали мне свои услуги.

— Мы могли бы сходить в ближайший поселок за почтой и отнести ваши письма. Не нужно ли вам персиков? Не полить ли вам сад? Не собрать ли шишек?

Я соглашалась на все. Эти дети целый день с удовольствием катались на велосипеде, поочередно садились за руль своего

маленького автомобиля, купались, загорали, держались за руки, обнимали друг друга за плечи. И лишь приближение вечера, казалось, лишало их радости; для молодоженов они слишком долго задерживались в гостях или в портовых кабачках. На приятном загорелом лице юной женщины часто мелькало выражение неуверенности, тайной мольбы, что не предвещало ничего хорошего. Но не станешь ведь, хотя бы и намеками, расспрашивать новоиспеченную супружескую чету, что у них не так. Они были в том возрасте, когда все только усложняется и ничего, как говорится, не разрешается само собой. Я бы голову дала на отсечение, что первой не выдержит и откроется мне молодая женщина... и лишилась бы головы. А все оттого, что юное создание женского пола не приемлет опыта, приобретенного другой женщиной, тогда как юноша, на чьи плечи легли скучные обязанности править семейной ладьей — если он к тому же еще слегка тиран по натуре, да и недополучил родительской любви, — без труда склоняется к откровениям, то бишь нескромным признаниям, если уверен, что доверенное лицо предоставит ему лишь свои уши. Кроме того, вышло так, что юноша был вынужден передо мной оправдываться, после того как грубо одернул свою половину в моем присутствии, отчитав ее, словно старший младшую, и даже хуже того — словно старший младшего.

Она в ответ лишь примолкла, покусывая изнутри щеку; затем, сев на велосипед, попрощалась с нами.

— До скорого, поеду за зелеными кру́жками, — и отправилась на ярмарку святой Анны[1].

Ее муж снова уткнулся в газету, я — в книгу, и в течение десяти минут мы не обмолвились ни словом, если не считать чертыханья, слетевшего с губ... скажем, Дидье, когда он прожег пеплом от сигареты свои элегантные белые брюки. Он тут же извинился, а поскольку я хранила молчание, неожиданно заговорил:

— Знаете, не стоит все-таки думать...

И остановился, дав мне право светским тоном ответить, что я не считаю возможным что-либо думать...

— Не следует думать, что я обычный хам.

Разумеется, я ответила, что все обычное — редкость в юном возрасте. Он же, вместо того чтобы рассмеяться, как будто смутился, и, движимый необходимостью "сказать что-то кому-то"[2], которая мучила его уже несколько недель, красноречиво и по-детски облегчил душу. То сдержанно и целомудренно, то сбивчиво и излишне откровенно поведал он о

1. Ярмарка святой Анны проводится в Сен-Тропе 26 июля в день этой католической святой.

2. Так звучит последняя фраза "Пеллеаса и Мелизанды", музыкальной драмы в пяти актах на музыку К. Дебюсси по поэме М. Метерлинка (1902).

своих отношениях с женой. Попытаюсь вкратце передать суть услышанного.

В силу своего слишком юного возраста в первую брачную ночь он повел себя как наставник, гордый своими познаниями. Дайте себе труд понять, что за этим стоит: он не пренебрег ничем, чтобы ошеломить подругу. И для начала преподал ей урок, суть которого свелась к тому, что состояние наготы — естественно для человека, желанно, удобно и возбуждающе на него действует.

Затем своим поведением он показал, что все позволено, высмеял последние предубеждения жены, после чего, не без помощи некоторого количества шампанского, исполнил свой супружеский долг и крепко заснул.

А на следующий день ему оставалось только диву даваться. Проникнувшись преподанным ей уроком, малышка уже разгуливала по дому в чем мать родила и в таком же виде уселась завтракать тартинками и шоколадным муссом. Дидье не стал говорить ей, что в иные часы суток пристало все же прикрывать наготу и ограничился тем, что бросил ей пижамную куртку. Она усмотрела в этом не более, чем игру, поймала куртку и, словно мяч послала ее обратно. Так они весело состязались в ловкости, а когда настало время остаться вечером наедине, Жанин — назовем ее этим именем — доказала, что для нее полная нагота и игры, допустимые в этом состоянии, — вполне естественны, желанны, возбуждающи и удобны...

— Понимаете, — продолжал Дидье, — не прошло и двух суток, как мы... познали друг друга... а я уже был вынужден сказать ей: "Не так скоро, малышка, будь посдержанней, черт побери..." Я был до того шокирован, что пожалел о своей прежней подружке, несмелой, обескураженной, той, какой она была в первые часы нашего общения наедине, и все надеялся: она вот-вот отпрянет, затрепещет, закроет рукой глаза... но она уж более не закрывала глаза рукой, не кусала губу, не испытывала передо мной страха... Когда же я сделал ей небольшое внушение, она широко раскрыла глаза и возразила: "Да ведь мы женаты, дорогой!" Так что неопытным молодым дурачком выглядел теперь я. Почему-то всегда говорят о советах, которые следует давать молодым *в преддверии* первой брачной ночи... Как бы не так! Скорее надо бы учить их, как вести себя *в дальнейшем*...

Излагая мне историю взаимоотношений с женой, Дидье выглядел обиженным и, как школьник, надувал губы. Мне же хотелось о стольком ему рассказать! И среди прочего о том, что для роли, если можно так выразиться, "советника задним числом", брачный институт предназначил как раз мужа; о том, как опасно держать молодых кобылок в узде; о том, что самое трудное в браке вовсе не достичь экстаза при совокуп-

лении, а продолжать отношения, пусть и не на самом пике; что многие вчерашние юные девы разом освобождаются от какой бы то ни было стыдливости, поскольку полагают, что она препятствует получению удовольствия...

Но я промолчала, подумав, что время наставничества для меня минуло и что какой-нибудь бог, друг любовников и пьяниц, наверняка однажды научит Жанин краснеть, и случится это в тот день, когда ее уходящая красота станет искать спасения в грации, сомневаться во всесилии наготы и внушаемого ею пыла и неуверенно направит свои стопы навстречу твоим потаенным желаниям, о пугливая, возрождающаяся и хрупкая мужская стыдливость...

Пока я размышляла обо всем этом, ревю близилось к концу. Мы не спешили очутиться на улице с ее стужей и поджидающими нас там ловушками. Я снова мысленно перешагнула через рампу и поместила себя в строй танцовщиц, сдерживающих нетерпение и подавляющих ужасную дрожь, которая овладевает живым существом, когда в помещении выключают отопление. В набитом зрителями зале по-прежнему тепло, но за кулисами и на лестничных клетках происходит быстрое охлаждение воздуха, что весьма чувствительно для голых спин и поясниц. В это время грим тускнеет, и сквозь него, будто прогалины весной, проступает кожа. Блондинка слегка желтеет, мулатка с ниткой бирюзы на шее становится лиловой. Ровный телесный тон держался три с половиной часа. Куда же более? И вот уже все участницы представления выходят на сцену в заключительной картине; декорации вблизи напоминают "картинки первого причастия" — это такие книжки-раскладушки, в которых за незабудковым первым планом открывается второй план с огромными лилиями, третий план с алтарем и канделябрами, и, наконец, сама юная особа, стоящая на облаках среди лучей солнца и ангелов и принимающая первое причастие.

В отличие от картинки с католической символикой в мюзик-холле все на своем месте и соответствует своему предназначению: цветы, канделябры в стиле Людовика XV, качели с редкими птицами. А на вершине величественной пирамиды царит женщина из последней картины; она пронизана лучами такого яркого света, что ее плоть превращается в перламутр; она ближе всех к божественной бесчувственности. Ослепленная, она никого не видит, оглушенная, она ничего не слышит, кроме грохота, рвущегося из оркестровой ямы и с эоловым звучанием резонирующего о железные ступени амфитеатра. Она застыла, одолеваемая страхом высоты, и я сомневаюсь, что в этот момент она способна мыслить. С землей ее связывают лишь ступни, сведенные вместе на возвышающемся посреди сцены постаменте, да еще нечто вроде позолоченного посоха, на который она будто бы опирается. Перед лицом этого поистине

Андромедова[1] одиночества мне мнится, что каждый вечер головокружение понуждает ее сжимать в руке этот посох, и он оставляет на ее холодной ладони свою позолоту.

Перевод Татьяны Чугуновой

Г*руди*

Какие вам больше нравятся? В форме груши, или лимона, или монгольфьера, или половинки яблока, а может, дыни? Выбирайте, не стесняйтесь. Вы-то думали, что их больше нет, что с ними навсегда покончено, поминай как звали, что и имя-то их давно забыто, что они сгинули, сдулись, как воздушный шарик? Если вы о них и говорили, то лишь для того, чтобы предать их проклятию как заблуждение прошлого, как поголовное безумие, эпидемию канувших в лету эпох, не так ли? Ан нет. Будьте так добры, мадам, давайте разберемся. Как бы их ни клеймили, ни поносили, они выжили и прекрасно себя чувствуют. В них теплится источник жизни, надежда. "В следующем году в Иерусалиме..." — тихо бормочут из века в век другие изгои. А те, о ком я пишу, шепчут, наверное: "В следующем году в корсажах..."

Все возможно, всякое бывает. Но довольно ходить вокруг да около. Вот вам вся правда, мадам: *груди существуют*! Есть груди в форме груши, есть в форме лимона или половинки яблока... (смотри выше). Да это же бунт! Вот-вот, и я его всей душой поддерживаю, хотя уж лучше бы его поддерживало белье. Так что, представьте себе, груди вернулись. На то самое место, где вы давно ничего не носите, мадам. Итак, вы просчитались. Как, неужели опять будут носить этот кошмар? Вот именно, вообразите, и уже носят. Более того, его производят. Дышите глубже, мадам. Пусть глубокий вздох всколыхнет ваши квадратные борцовские мышцы или же смущающую воображение грудь старшеклассницы. Теперь выбор за вами. Вас ждут каучуковые чаши, окрашенные в естественные цвета. Вы колеблетесь между четырьмя-пятью различными видами? Ба, да покупайте их все, они все замечательно прелестны. Тут и скромные грудки, рассчитанные на постные дни, и роскошные прелести, просящиеся под белую тунику, расшитую перламутром, и пара твердых мандаринов, изумительно смотрящихся под испанской шалью! Пользоваться ими проще простого.

1. Андромеда — эфиопская принцесса, отданная на растерзание чудовищу и спасенная Персеем.

Едва заметный ремешок соединяет на нужном расстоянии две искусственные выпуклости, а два других ремешка проходят под мышками и замыкаются на спине. Задрапированные кружевами или крепдешином, эти чаши либо скрывают пустоту, либо, если они наполнены, собирают вместе и делают более упругими тайны, которых у иных дам в избытке...

Ну вот, вы довольны? Как, опять нет? Понимаю-понимаю. Результат слишком безупречен. И то правда. Грудь в этой накладной броне становится чересчур бесстрастной, какой-то мертвенно-безучастной, что наводит на подозрения. Но погодите, мадам, я еще не дошла до конца моего повествования. Вот, посмотрите на эти два тюлевых мешочка, которые одна продавщица в шутку называет "кульками". "Ничего сложного тут нет, — говорит она. — Давно пора было это придумать. Чего только не засунешь в эти авоськи. У вас *этого добра* слишком много, выпирает со всех сторон? Тогда берем, помещаем каждую авоську на нужное место по центру и укладываем так, чтобы все поместилось! У вас слишком мало в ширину и слишком много в длину? Берем, сворачиваем трубочкой, придаем желаемую форму — нужно лишь чуточку сноровки, — и вот, пожалуйста, с моими тюлевыми мешочками вы подобны Венере! Мадам заметила маленькую дырочку посередине каждого колпачка? Это специально для соска. Гениальное изобретение! Оно одухотворяет произведение искусства".

Я готова была биться об заклад, что сумею вас убедить. Но вы колеблетесь, вы во власти сомнений. Да, не так-то просто возродить утраченный культ. И это двойное чудо, которое когда-то возводили на пьедестал, вы по-прежнему его отвергаете. Ваше неприятие продиктовано безапелляционным приговором: "Чтобы ничего не выступало!" Конечно, ведь сейчас разгар лета. Вы собираетесь в Нормандию, где вас ждет ежедневное купание. Женщины на курорте обязаны демонстрировать загорелые ножки, плоские ягодицы и бедра не шире, чем бутылка рейнского. Мужчины, те будут щеголять узкой талией, гусарской выправкой и спортивными плечами. Как же я не вовремя со своими рассуждениями в защиту грудей! Мне достаточно было бросить взгляд на новую коллекцию дамских купальных костюмов, которые в этом году словно срисованы с одежды для девочек. Куда подевались купальники былых времен! Да, уж лучше спрячьте все, что у вас выступает, под клетчатый фартук-сарафанчик, какой еще пару лет назад носила моя дочь. Платье для пятилетней девчушки, едва доходящее до причинного места, из красной блестящей тафты, расшитой черным шнуром, достанется дочке, когда мамаша перестанет купаться. Воланчики, бантики на спине, юбочка длиной в шесть дюймов под детской распашонкой, рабочий халатик, какой носят в общеобразовательных школах, и вооб-

ще стиль начальной школы — вот вам Динар, вот вам Довиль[1]! О, купальщицы, я вижу, что груди приводят вас в ужас. А вы не боитесь, что в школьном передничке, какой носила Клодина[2], вы станете похожи на картинки Ша-Лаборда[3] — ведь такая опасность подстерегает всякую даму с пухлыми щечками, наряженную под девочку. Купите себе в этом случае, дабы носить между телом и шелковым бельем, недавнее изобретение: дополнительную эпидерму, каучуковый корсет, который стискивает ваше тело от подмышек до паха, и даже чуть ниже, — крепче, чем это сделал бы ваш любовник. Когда вы начнете его носить, вы обнаружите, что его скрывающая формы сила действует по всем направлениям, все округлости женского тела он ужимает до формы цилиндра! Хотите быть сосиской — будьте ею! Более того, пока герметичный корсет медленно душит вас, учащая сердцебиение и окрашивая в пунцовый цвет ваши щеки, вы имеете возможность вдыхать густую испарину, соединяющую в себе сероводородные ароматы вашего каучукового панциря и кислые испарения человеческого тела... К этому мне нечего добавить. Втиснитесь же, мадам, в резиновую кишку, и вы убедитесь в ее двояком назначении: она служит и моде, и добродетели.

Что под платьем

— Мадам, сюда, пожалуйста, — говорит немолодая продавщица.

Она загораживает мне проход в примерочную, задернутую бархатным занавесом, в которую я собиралась было войти, и увлекает меня, не переставая улыбаться, в другой конец магазина.

— Сюда, пожалуйста. Правда ведь здесь лучше? Здесь уютней.

Я не разделяю ее мнения. "Уютный" закуток представляет собой нечто среднее между тамбуром и крошечным будуаром, зажатым между двумя стеклянными дверьми-распашонками, по нему гуляет сквозняк, сверху падает унылый тусклый свет.

— Когда у вас не хватает места в примерочных, мадам Р., почему бы не сказать прямо: "Все примерочные заняты"?

— О, боги! Что же вы обо мне подумали!..

1. Динар, Довиль — популярные курорты в Бретани и Нормандии. (*Здесь и далее – прим. перев.*)
2. Клодина — героиня четырех автобиографических романов Колетт "Клодина в школе", "Клодина в Париже", "Клодина замужем" и "Клодина уходит" (1900–1903 гг.).
3. Ша-Лаборд (наст.имя Шарль Лаборд;1886–1941) — французский художник, гравер, репортер-рисовальщик, иллюстратор и карикатурист.

Она воздела к небу сморщенные руки с накрашенными ногтями, и я услышала звон ее браслетов из черного дерева, дутого золота и искусственного нефрита, которые скользнули от запястья к локтю. Ее выцветшие, но проницательные глаза устремились было к потолку, но быстро вернулись обратно и, хоть и без настойчивости, вперились в мои. Она засмеялась, обнажив зубы и сверкнув металлической коронкой.

— Вас не проведешь, мадам. Вы из тех, кому надо всегда говорить только правду. Но говорить правду клиентке — это совершенно новое, необычное ощущение, как будто делаешь что-то запретное. А правда состоит в том, мадам, что у меня три примерочных салона в большой галерее, и все они пусты, но... О, боги!..

Снова звон браслетов, и мадам Р. проворно разворачивается на каблуках. Ей шестьдесят четыре, волосы выкрашены в темно-красный цвет, фигура юной девушки, изящные ножки. Она не скрывает ни возраст, ни морщины и пользуется яркими румянами и помадой. Под румянами — пудра, на руках — браслеты, на теле — короткое черное платье с двумя оборками. Это элегантная пожилая женщина, которой удается не походить ни на старую сводню, ни на сумасшедшую старуху. Она продавщица, позволю себе так выразиться, до мозга костей. Будь в ней жесткость и важность или жажда власти, она могла бы управлять домом высокой моды. Но ее дар — изысканность, только изысканность. Ей нравятся долгие часы, когда нет покупателей, и кутерьма спешки, и богато убранные салоны. Ей доставляют удовольствие иронические замечания, сплетни, квадратик шоколада в четыре часа, украдкой выкуренная сигарета, кулек черешни. Она "прилично зарабатывает" и щедро кормит семью, одетую в добротную темную шерстяную ткань, традиционную строгую семью, из которой она сбегает каждое утро, сияя от предвкушения рабочего дня и сама себе в том не признаваясь...

— Мадам, вы будете меня ругать! — шепчет она с сокрушенной гримасой, от которой дряблая кожа под ее подбородком собирается в складки. — У меня действительно есть свободные примерочные! А я привела вас в продуваемый всеми ветрами закуток! Как это дурно с моей стороны! Но... я там больше не могу!

— Больше не можете? Что же случилось?

Она прикрыла обведенные черным веки, с усилием глотнула, как подавившаяся курица, и шепнула мне на ухо неожиданное, загадочное слово:

— Запах.

Внезапно она порхнула от одной двери к другой и сердито закричала: "Мадемуазель Сесиль, вы что, смеетесь надо мной? — и тут же томно проворковала: — Мадемуазель Андре, будьте так любезны, тройку для мадам Колетт!" Чтобы я могла сесть, она бросила на стул пелерину, золотисто-лунную с

одной стороны, из тканого пурпура — с другой, и по-королевски наступила на нее каблуком. Как заправская актриса, она стала "развлекать зрителя" и вынудила меня задуматься над словом, внушавшим смутный ужас и интриговавшим...

— И что же это за запах, мадам Р.?

Она не заставила меня ждать и ответила резким тоном старой аристократки:

— О! Запах голой женщины, мадам!

— То есть? Ваш магазин одевает теперь кордебалет?

С жеманным видом поджав губы, Мадам Р. произнесла:

— Наш дом... одевает только высший свет, вы сами это прекрасно знаете. Высший свет и людей творческих.

Голос ее спустился в самый низ самого низкого регистра, она театрально округлила глаза с видом прорицателя:

— Запах, мадам, именно запах! Я сказала то, что сказала! И готова повторить это даже с ножом у горла! Я немало прожила и помню время, когда в залах нашего магазина можно было свободно перемещаться в любое время, не вдыхая иных ароматов, кроме корилопсиса или иланг-иланга[1]. Правда, порой это наводило на мысль о святошах... ну да ладно, неважно... Зато теперь, мадам, пахнет баней, просто баней!

Она схватила кусок парчи, зажатый меж двух створок шкафа, и начала им обмахиваться, точно веером, трагически опустив глаза с видом: "Я все сказала. Больше я с этим миром не имею ничего общего". Но так как я молчала, она снова распахнула веки и торопливо заговорила:

— Что же вы хотите, мадам. Раньше женщина носила белье, великолепное хлопчатобумажное белье, которое впитывало испарения. А теперь? Она стаскивает с себя платье, выворачивая его наизнанку, как потрошеного кролика, и что же вы видите? Это бегун на дистанции, мадам, в коротких штанишках. Подмастерье булочника у раскаленной печи. Ни рубашки, ни панталон, ни нижней юбки, ни комбинации, разве что бюстгалтер — вот-вот, разве что бюстгалтер... Перед тем как зайти в магазин и начать примерять одежду, эти дамы ходили пешком, танцевали, закусывали, потели... тут я, пожалуй, остановлюсь... А их утренняя ванна, это было так давно! И что же, платье, которое они весь день носили на голое тело, чем же оно пахнет? Платье, за которое уплачено две тысячи франков! Да боксом, мадам! Чемпионатом по фехтованию! "Двенадцатый раунд, дышите глубже..." О боги, боги!

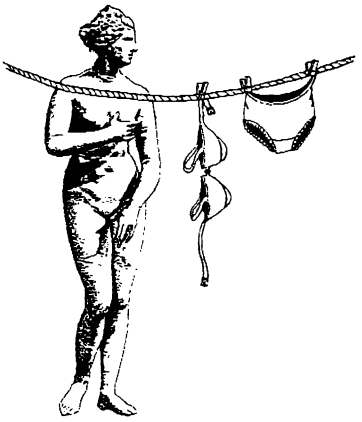
1. Корилопсис — кустарник, произрастающий в Гималаях и цветущий в мае-апреле; его душистые цветы используются в качестве составляющего элемента духов. Иланг-иланг — душистое дерево, из его желтых цветков делают эфирное масло, применяемое в качестве афродизияка и в косметологии.

Она всплеснула руками, делано вскрикнув. У некоторых женщин это своего рода тик, который удачно копируют мужчины, изображающие женщин. Но мадам Р., похоже, и в самом деле сделалось дурно, у нее побелел нос. Я вспомнила одну давнишнюю портниху-корсетницу, которая из-за пахучих испарений своих клиенток не могла питаться дома и ходила в ресторан...

В поле моего зрения возникла манекенщица, этакий высокий белобрысый парень с выбритым затылком и челкой, свисающей до бровей. На груди, под вечерним шелковым платьем телесного цвета, у нее виднелись два слабо выступающих острых рельефа, свидетельствующих о том, что она без белья. Ничтоже сумняшеся, она задрала подол и достала из чулка газовый лоскуток цвета фуксии, чтобы основательно в него высморкаться. Ее жест показался мне комичным и напомнил репетицию одной пьесы. Автор хотел, чтобы злодей сорвал с инженю платье. В воображении шестидесятилетнего драматурга героиня должна была трепетать, как смятая белая роза, и прижимать к себе дрожащую белоснежную пену кружев нижнего белья... И вот на репетиции, вместо снежной пены из под платья героини появились коротенькие шелковые штанишки шафранного цвета, натянутые резинки пояса для чулок и край короткой шафранной комбинашки с огромной, размером с тулью, монограммой. Рабочие сцены покатились со смеху, зато автору было не до смеха...

Грозный голос Адольфа Вилетта загудел у меня в ушах, как гулкий колокол: “Вандалы! Они упразднили женское белье! Мясник, и тот знает, что окорок следует заворачивать в кружевную бумагу!”

Перевод Марии Аннинской



Борис Виан

Свобода

Перевод Марии Аннинской

Борис Виан [Boris Vian; 1920–1959] – культовая фигура во французской литературе и в истории французского джаза, известный попиратель норм, скандально прославившийся своей пародией на американский "черный" роман "Я приду плюнуть на ваши могилы", подписанной псевдонимом Вернон Салливан и в конечном счете стоившей ему жизни. Кроме всемирно известных романов, пьес, новелл и т. д. является автором серии эротических рассказов (все они уже были опубликованы по-русски) и сотни виртуозных порнографических сонетов. Лекция "О пользе эротической литературы", прочитанная Вианом 14 июня 1948 года в парижском клубе "Сен-Жам", стала защитным словом писателя в ответ на преследования и обвинения в попрании нравственных устоев.

Перевод публикуемых статьи и стихотворения выполнен по изданию "B. Vian. Ecrits pornographiques" [Christian Bourgois, 1980].

Это недатированное стихотворение Б. Виана является пародией на одноименное стихотворение Поля Элюара, написанное в 1941 году и первоначально посвященное его возлюбленной, а впоследствии жене. Но в годы

© Мария Аннинская. Перевод, 2012

войны это бесконечно длинное и очень эротичное стихотворение получило иное звучание, поскольку автор поставил последним словом не "любимая", а "Свобода". Виан вернул идею П. Элюара в ее первоначальное русло.

На стенах твоего дома
На пороге его, на дверях
На расстроенном пианино
Имя пишу твое

На первой ступени лестницы
На второй ступени и прочих
На дверях твоей спальни
Имя пишу твое

На засаленных занавесках
На ядовитых обоях
На потухшем камине
Имя пишу твое

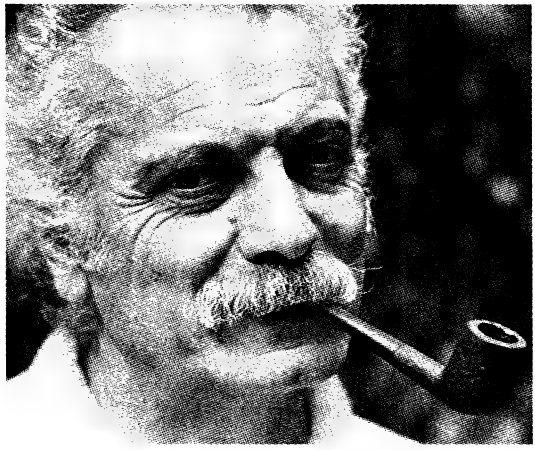
На продавленном матрасе
На простынях и подушках
На смятом постельном белье
Имя пишу твое

На твоем напряженном лице
На задранном вверх подбородке
На острых твоих грудях
Имя пишу твое

На гладком твоем животе
На раздвинутых врознь коленях
На лепестках твоей розы
Имя пишу твое

Я пришел среди ночи
Чтобы тебя познать
Чтобы назвать твое имя
И написать его —
Спермой.

Жорж Брассенс



Моя душечка

Песня

Перевод Марка Фрейдкина

Жорж Брассенс [*Georges Brassens; 1921–1981*] – *поэт с незаконченным средним образованием, самостоятельно постигавший отечественную словесность и, главное, любимых поэтов (Вийона, Верлена, Бодлера, Валери, Маларме... иные их стихи он положил на музыку), ставший символом французской поэтической песни 50–80-х годов. Для него не было тем допустимых и недопустимых. Необыкновенно одаренный выходец из народа позволял себе все, что рисовало его мятежное воображение, сдабривая сюжеты смачным галльским юмором. А поскольку французы с готовностью принимают то, что талантливо, не оглядываясь на нравственность, то даже "неприличные" песни Брассенса вошли в анналы озвученной поэзии. Публикуемая нами песня – еще далеко не самое "эротическое" произведение Брассенса.*

Перевод выполнен по изданию "G. Brassens. Poèmes et chansons" [*Éditions Musicales 57, 1973*].

Я хожу сам не свой, я ночами не сплю,
Я готов хоть сейчас головою в петлю.
Бытия мне открылся звериный оскал –
Я вчера свою птичку под мужем застал.

© Марк Фрейдкин. Перевод, 2012

Припев:
Моя душечка —
проблядушечка!

Наш галантный роман протекал на ура,
Но отныне все кончено, ибо вчера
Я застал их в кустах, и поверьте мне, что
Было архибезнравственным зрелище то.

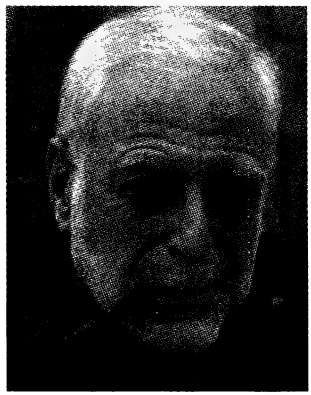
Описать свои чувства сумею едва ль:
Как могла покуситься развратная тварь
На святая святых — на любовника честь
И высокую страсть до интрижки низвесть!
Так меня ослепил этой страсти порыв,
Что не смог я заметить, как с некой поры в
Наших актах не стало былого огня,
Да и дети пошли у нее не в меня.

Припев:
Моя душечка —
проблядушечка!

А теперь, чтобы в воду упрятать концы
И впридачу подсыпать на рану сольцы,
Эта шлюха с улыбкой твердит нам двоим,
Мол, не тот рогоносец, кто кажется им.

Я застал их вдвоем (пусть Господь им зачтет!)
При попытке свой брак подновить за мой счет.
Я застал вероломную вставшей в партер
При попытке по кругу пустить адюльтер!

Паскаль Лене



А ничего и не было

Рассказ

Перевод Елены Головиной

Паскаль Лене [*Pascal Lainé; p. 1942*] *– автор более двух десятков романов и нескольких театральных пьес, лауреат премий Медичи* [*1971*] *и Гонкуровской* [*1974*]. *Романы "Кружевница"* [*"La Dentellière", 1974*], *"Прощальный ужин"* [*"Le Dîner d'adieu", 1984*], *"Неуловимая"* [*"L'Incertaine", 1993*], *"Обнаженная Анаис"* [*"Anaïs Nue", 1999*] *и "Начало конца"* [*"Derniers jours avant fermeture", 2001*] *выходили на русском языке. Эротика никогда не была для Лене отдельной темой. Рассказ "А ничего и не было" – в некотором смысле попытка литературного хулиганства, заявленная позиция неприятия "сексуальной корректности". Но за скандальной концовкой прочитывается боль художника, сознающего невозможность "достучаться" до современников, боль человека эпохи постмодерна, обреченного на метафизическое одиночество.*

Перевод рассказа выполнен по изданию "P. Lainé. Il ne s'est rien passé" [*Paris: Fayard, 1998*].

I

КОФЕВАРКА выплюнула последнюю струйку пара. Чашки, ложки, сахар? Ничего не забыл? Я потащил все это в гостиную.

© Librairie Artème Fayard, 1998
© Елена Головина. Перевод, 2012

Дама бросила свою большую сумку возле журнального столика, но шубу так и не сняла. Она стояла возле балконной двери и смотрела на улицу. Что она там углядела? Дом напротив?

Я поставил поднос на стол. Дама вернулась от окна, довольная увиденным. Каштанами на бульваре? Автобусной остановкой под новым козырьком? Поди догадайся.

Я помог ей снять шубу. Меха в разгар апреля! По-моему, она последние два месяца только и ждала, чтобы кто-нибудь избавил ее от этого кролика!

Не угодно ли присесть? Или желаете еще посмотреть в окошко? Нет! Она явно заколебалась, выбирая из двух кресел. Чтобы положить конец ее сомнениям, я указал ей на то, что справа — или слева, если от нее, но какая разница? И она села. Вы удобно устроились? Похоже, она из тех, кому надо указывать каждый шаг.

Да, спасибо, один кусочек сахару. Кофе не слишком крепкий? В Бельгии такой крепкий не варят. "Сегодня утром в Брюсселе валил снег. Представляете? Снег в середине апреля!" Я мгновенно понял и про шубу, и про пристальное изучение неба за окном. Люблю все понимать. Испытываю в том настоятельную потребность.

Она извлекла из сумки массивный магнитофон и водрузила на стол. Еще центнер, и понадобилась бы лебедка, чтобы его поднять. Я предусмотрительно отодвинул в сторону кофейник и сахарницу.

Новые раскопки в недрах безразмерной сумки — ее рука ухнула в нее по локоть, — и я стал свидетелем извлечения электрического шнура, относящегося, по всей видимости, к эре мезозоя. Чтобы освободить розетку, я выдернул из сети вилку торшера. Должно получиться. Но нет! Что-то зазвякало, что-то заскрипело, что-то свистнуло, но эта штуковина, судя по всему, включаться не желала.

Следующие минуты опустим. Пробки в электрощите выдержали, и в конце концов агрегат заработал.

Дама приготовила вопросы. Записала она их на оборотной стороне конверта со своим именем. Кстати, как ее звали? Мариза? Мариза, а дальше? Когда накануне вечером она звонила мне из Брюсселя, то по буквам продиктовала свою фамилию, но я ее не записал; четверть часа назад, уже вытирая ноги о мой половик, она назвалась еще раз, но я не расслышал. Я вообще плохо запоминаю имена. Помню только их самих. Я имею в виду людей. Это, конечно, недостаток. Ладно. Будем звать ее Мариза Такая-то, эту самую Маризу.

Мариза Такая-то, из Брюсселя, сотрудница литературного журнала, специально приехала из Бельгии, чтобы взять у меня интервью по поводу моего нового романа и прославить меня в Валлонии. Навскидку лет ей столько же, сколько ее маг-

нитофону, то есть в районе сорока, что, в сущности, не так уж страшно. Кстати, она вовсе не уродина. Хотя... красавицей ее тоже не назовешь. В общем, все зависит от настроения. От моего настроения, разумеется.

Если честно, помимо кроличьей шубы ничего запоминающегося в ней не было; ни в каком смысле. Рост средний, возраст средний, волосы не то полудлинные, не то полукороткие — кому как нравится. Да, вот такая она и была, эта Мариза, — кому как нравится.

— Не могли бы вы повторить свой вопрос?

Она повторила. Я снова ничего не понял — а ведь я так люблю все понимать. Но, видно, мне на роду написано терпеть лишения.

Порывшись на своем складе готовых ответов, я выбрал самую ходовую модель. Похоже, она ее устроила. Ну вот и славненько! Следующий вопрос?

— Каким вы видите свое место, — начала она, — в течениях, которые, в тенденциях, которые... в движениях, которые?..

— Мадам, сегодня зверский холод, и я убил шесть волков! — бодро отозвался я и посмотрел на нее, — врубится или нет?

Магнитофон писал, Мариза — тоже. Даже глазом не моргнула. Ничего не скажешь, сильна!

Поняла ли она, что я — ха-ха! — пошутил? Да? Нет? Не-а, не поняла. Третий вопрос, четвертый вопрос — без тени улыбки. Главное, что "эта штуковина включилась", а остальное неважно: Мариза составляла единое целое со своим магнитофоном. "Включились" обе машины одновременно, и обе заработали с равным хладнокровием.

"Машинально!" Вот, я нашел-таки нужное слово. Думаю, оно лучше всего передает сродство Маризы с ее агрегатом, соединившее их надежнее любого электрокабеля. Она и на столто его шваркнула, как будто якорь бросила. Прибыла, значит, в порт назначения.

Ах, Мариза, Мариза! Твои шестеренки вращаются, показывая часы с минутами, но понятия не имеют о том, что такое время. Нет, не зря я заподозрил в тебе робота! Робот Мариза!

И этот равнодушно-безучастный вид! Сколько живу, такого не видывал. Чтобы до такой степени! Вопросы следуют один за другим с неотвратимостью программы, заданной раз и навсегда: замачивание, слив, стирка, полоскание, отжим... Меня крутят в барабане, и к горлу подступает тошнота. Длинный цикл. Ну да, это и есть интервью. Берут писателя, естественно не больно-то чистого, берут произведение в подозрительных пятнах и отмывают добела. Ни один автор не способен даже в малой мере осознать значения того, о чем он пишет. Хорошо, что есть журналисты — из Валлонии и других мест! Вы полагаете, уважаемый, что вами двигало вдохнове-

ние? Что ваш опус тонок? Глубок? А теперь посмотрите, что осталось от ваших бездн и головокружительных взлетов!

Она сама не в состоянии разобрать, что там накорябала своей куриной лапой, и подносит конверт ближе, почти к самому правому глазу. Да она же близорукая! Как я раньше не заметил? В непосредственной близости от собственного носа для нее начинается неведомая земля, первые шаги на Луне, неразрешимая загадка возникновения Вселенной.

А очки почему не носит? Наверное, таких сильных просто не существует. А может, кокетничает. Или сделала для себя сознательный выбор в пользу одиночества и покоя в расплывающемся, мягко очерченном мире без шероховатостей и колючек?

Чтобы убедиться, что я не ошибся, я взял и показал ей язык. Так и есть: внешняя мерзость ее не касается. Больше того: ей неведомы сомнения метафизического порядка, ибо, если вдуматься, что такое моя гримаса как не иллюстрация паскудства нашего мира?

— Раньше вас знали как писателя острой социальной направленности, особенно зоркого к...

Да ну? Меня знали? Да кто ж может познать ближнего своего? Впрочем, ведь ради этого и пишутся книги. Ради единственного удовольствия — усугубить путаницу. Литературное произведение, мадам, это квинтэссенция непонимания. Явление того же порядка, что и мелкие бытовые неурядицы, но доведенные до абсурда. А почему бы и нет? Вам ведь тоже знакомо удовольствие говорить, ради того чтобы говорить! Счастье барахтаться в прописных истинах!

Нет, ничего подобного я ей не сказал — из уважения к старому магнитофону. Бедняга, с каждым оборотом бобины он издавал жуткий скрип. Мужайся, дружище! Ты, как трудяга-ослик, добываешь из колодца посреди пустыни прохладную воду умствований. Твоими усилиями эта засушливая местность вся покроется цветами. Когда-нибудь.

Интересно, о чем она думает, наша Мариза? Мне вдруг пришло в голову, что она думает о своей дочери. Почему? Да просто потому, что мне так показалось. Наверняка у нее есть дочь одиннадцати лет. Она воспитывает ее одна, но воспитывает хорошо. Малышка очень худенькая, да, точно, и косоглазая. Почему косоглазая? Ну, хотя бы потому, что должна хоть чем-то отличаться от матери! И вообще, что вы ко мне привязались со своими почему да почему? Художник я или кто? Как чувствую, так и говорю. И хватит с вас.

Итак, она думает о дочери. О Валери. Красивое имя Валери, не так ли? У Валери жуткая аллергия на шоколад и клубнику. В духовке старой плиты у Валери живут два кролика. Вам этого мало? Нужны еще подробности? Ну хорошо. Когда Вале-

ри была маленькая, она обожала кататься в тележке по супермаркету. Мариза возила ее по длинным проходам, с обеих сторон заставленным вкусными и полезными вещами. Да уж, Валери немало повидала на своем веку, глядя правым глазом. И левым тоже. Иногда, торопясь к кассе, Мариза забывала тележку с ребенком, зато как было здорово встретиться вечером в полицейском участке!

— Что вы думаете о недавнем заявлении Икс по поводу резкого роста лапландского фундаментализма?

— Мир огромен, но наша жизнь коротка, не так ли?

Похоже, Мариза этого так и не осознала. Во всяком случае, ее вопросы продолжают сыпаться один за другим. Тем хуже для нее! Пусть бедный ослик и дальше тянет воду из колодца. Лично я не верю в то, что пустыня может превратиться в цветущий сад, но ведь я могу и ошибаться, правда?

А пока я смотрю на Маризу. Глаз с нее не свожу. <...>

— Что последние тридцать лет заставляет вас писать? — спрашивает она.

Знакомый вопрос! В конце концов они все его задают. Ну да, я пишу! Разумеется, пишу! Я вот сижу на диване, так? А вы — в кресле! В том кресле, что справа, если быть точным. Должен ли я излагать вам причину этого? А причина-то одна. Да, дорогая моя мадам, одна-единственная...

Она пожирает меня округлившимися от любопытства глазами. "И в чем причина?" Ух ты, сейчас ей наконец все объяснят. Слезы радости. Робот Мариза приближается к цели.

Я делаю глубокий вдох. Потому что то, о чем я сейчас буду говорить, это вам не абы что. Мы тут не о погоде рассуждаем, уважаемая. Держитесь! Сосредоточились! Из моих уст готовы вырваться огненные слова, ослепительная истина, которая уничтожит остатки ваших диоптрий, а может, даже спалит вам мозг. Внимание!

— Все сущее, все, что было, есть и будет до скончания веков, есть результат недоразумения.

От этих моих слов Мариза вздрогнула и вцепилась в подлокотники кресла. Она немножко испугалась, но по ее глазам я понял, что ей хочется услышать продолжение.

— Вы, я, все, что находится в этой комнате, и каштаны на бульваре, и все мироздание, вплоть до рубежей самых отдаленных галактик, — все это возникло в краткий миг случайного сбоя в вечном и совершенном существовании великого Ничто.

— Как, простите? — залопотала она, как будто испугавшись, нет ли в случившейся катастрофе ее доли вины.

— Вы тут ни при чем, — поспешил я ее успокоить. — Да и на великое Ничто обижаться не приходится — оно к моменту великого события было уже старенькое: хорошо за сотню лет,

представляете? Так что никто не несет ответственности за микросекунду недержания, за нелепое расслабление сфинктеров небытия, которое физики называют Большим взрывом и из которого вышло все сущее: вы, я, магнитофон и все прочее. И поделать тут ничего нельзя.

II

Прошел час. Вопросы беспощадной Маризы не иссякали. Я и вообразить себе не мог, что на одном конверте помещается столько глупостей. Лично я, когда записываю свои, извожу бумагу дюжинами пачек. Будь я поскромнее, клянусь, взял бы с Маризы пример!

Но, вообще-то, история затянулась. Кофе в стеклянной кофеварке, как и в чашках, давно остыл. Таков закон природы: мы явились из небытия лишь для того, чтобы вернуться к холоду абсолютного нуля, и я с каждым днем все больше убеждаюсь, что мы от него уже не так далеко. Не дрейфь, ребята!

Но мои чувства не сводятся к ожиданию неизбежного, отнюдь. Меня трясет от скуки перед Маризой и ее магнитофоном. Нет, с этим надо кончать.

Увы, я принадлежу к числу людей, не умеющих обрывать разговор без соблюдения формальных приличий. Может, соврать, как делают все? Сослаться на важную встречу, на статью, которую надо сдать вечером, на поезд в 16.43, еще на что-нибудь?

Не пойдет. Развязка этой истории должна быть гармоничной, выдержанной в едином с завязкой стиле. Но всем моим идеям явно не хватает нелепости, той трудно определимой несообразности, которая волнами исходит от Маризы Робота и той дурацкой ситуации, в которую я оказался вовлечен. В которой погряз по самую шею! Я так же несуразен, как она! Нелеп и несуразен!

Я мучительно размышляю. Маленький серый ослик обреченно наматывает круги по извилинам моего мозга. Все наши действия согласуются между собой, как слова в предложении, а вся наша свобода — не более чем синтаксическая ошибка. Мы тратим жизнь на поиск правильных склонений и спряжений, а в результате: сами себя заковываем в цепи.

Я не спускаю глаз с Маризы, которая, низко опустив к конверту лицо, с добросовестностью ученого, исследующего под микроскопом бактериальный посев, изучает собственный почерк. Нет таких слов, чтобы выразить ее бесцветность, полное отсутствие грации и воображения, ее спокойную отстраненность от трепета жизни. Она являет собой существование в его самой грубой и примитивной форме, существование, утопленное в не поддающемся осмыслению абсолюте здесь и сейчас. Вот оно. Понял. Весь последний час я в буквальном

смысле слова подавлен, как выразился бы философ, чистым проявлением этого абсолютно странного создания, о котором наверняка можно сказать лишь одно: оно существует! Значит, у меня только один выход. Иного не дано.

III

Да, господа присяжные заседатели, я целиком и полностью признаю свою вину. Тому, что воспоследовало, нет смягчающих обстоятельств. Но на чем мы остановились? Позвольте напомнить вам об обстановке. Гостиная с балконом, выходящим на улицу, засаженную каштанами. Впрочем, бог с ними, с каштанами, они не представляют для нас никакого интереса. Известно также, что стену напротив балконной двери занимают диван, журнальный столик и два кресла. Но это тоже не важно. Другое дело — массивный магнитофон. Мужчина и женщина сидят по обе стороны громоздкого аппарата и что-то ему рассказывают. При желании можно счесть эту мизансцену эскизом к анекдотической ситуации, в которой я оказался и из которой, как вы уже поняли, мучительно искал выход.

Вы полагаете, что я отвлекаюсь по пустякам? Ну, знаете, посмотрел бы я на вас, будь вы на моем месте! Скуку просто так не опишешь. Ее надо почувствовать. Вот я и стараюсь, чтобы вам тоже стало смертельно скучно, уж извините. Иначе мы с вами никогда не вырвемся за рамки абстракций, за рамки "виртуального". Я с вами предельно честен! Я не из тех, кто жаждет понравиться любой ценой. Итак, подытожим (в последний раз): кресло, диван, журнальный столик, магнитофон, Мариза Робот и я, причем я все глубже погружаюсь в трагическое ощущение обезличенности, главным признаком которого остается робот Мариза.

Обезличка и нелепица! Несуразность! Существующая ровно в той мере, в какой могла бы и не существовать! Как, скажите на милость, исправить Маризу, притерпеться к ее присутствию, смягчить его, что ли, как, например, уменьшают интенсивность освещения? Как сообщить происходящему хоть малую толику смысла? Неужели это невозможно?

Невозможно. Единственный выход — стереть ее, перечеркнуть жирной чертой. Таким образом, вся эта история может иметь лишь одну развязку — окончательное и бесповоротное устранение Маризы Робота. В тот самый миг я понял, нутром ощутил ту жуткую решимость, какую испытывает серийный убийца, нападая на жертву. Им движет не желание — о нет, ничего подобного. Скорее его толкает вперед интуитивное, внезапно вспыхнувшее осознание необходимости, бороться с которым он бессилен и которое стоит неизмеримо

выше всяких соображений морали и законности. Оно завладевает им целиком, оно непобедимо, поскольку полностью иррационально. Нечто подобное испытывают святые, способные воспарить над землей, и провидцы, слышащие "призыв Господа".

Что до меня, то я, хоть и не воспарил, но на ноги поднялся. Причем резко. Мариза Робот по-прежнему ласкала кончик носа конвертом, очевидно, в поисках нового вопроса, и явно не последнего. Если только я не...

Я обошел вокруг журнального столика. Мариза ничего не заметила. Как я был спокоен! Она, впрочем, тоже. Я двигался очень медленно. А куда мне было спешить? Я перестал быть существом из плоти и крови и превратился в автомат, управляемый часовым механизмом судьбы. Я не чувствовал ничего — ни волнения, ни сомнений. Просто приближался к ней, как секундная стрелка на моем циферблате. И сел на подлокотник ее кресла.

Мариза Робот отодвинула от лица конверт с вопросами и посмотрела на меня. Двумя глазами сразу и с близкого расстояния, так что кое-что она увидела. До нее вдруг дошло, что нахал, прижавшийся бедром к ее плечу, — это я. Кажется, она удивилась. Ну надо же!

— Что вы делаете? — спросила она меня, несмотря ни на что, очень вежливо.

— Показываю время, — ответил ей сумасшедший. — Я та стрелка, что отмечает проходящие секунды.

Затем я наклонился к магнитофону, нажал клавишу "стоп" и, выпрямляясь, скользнул на колени Маризе.

— Что вы делаете? — опять спросила она.

Ее сейчас поимеют, а она прикидывается, что ничего не понимает и продолжает задавать вопросы! Интересно, какой ответ она надеется получить?

Псих раздавил ей губы поцелуем, способным на счет раз ниспровергнуть все нравственные основы нашего паршивого общества. Если Мариза все еще желает брать у меня интервью, пусть теперь делает это мысленно: уже неплохо. Хочет она того или нет, но ей, как и мне, придется покориться связавшей нас судьбе!

Господа присяжные! Теперь я должен рассказать, как была одета жертва. Вы об этом еще не думали? Я, признаюсь, тоже. Но поскольку речь идет об обстоятельствах дела, эта информация должна фигурировать в материалах следствия. Позвольте попутно высказать одно соображение общего характера. Все женщины любят, когда им делают комплименты по поводу их одежды, прически, лица и так далее. Однако, только раздевая их, мы обращаем внимание на то, как они одеты (да или нет?), замечаем отдельные детали туалета и

прочие безделушки, призванные подчеркнуть их привлекательность. Если угодно, я могу сформулировать эту свою мысль в виде афоризма, который мне самому представляется очень удачным: "Только в процессе расстегивания мы учимся отличать пуговицу от петли". Итак, по достоинству оценить, во что одета женщина, можно лишь в процессе ее раздевания. И женщины хотят, чтобы их раздевали! Это касается любой женщины, включая робота Маризу!

Однако все по порядку. Так ведь положено. И раз уж я в первую очередь набросился на блузку, с нее и начнем. Блузка была из искусственного шелка. Цвета шелка-сырца. Со слегка присобранными рукавами. Под мышками — небольшие влажные полукружья. Шесть перламутровых пуговиц, плюс две на манжетах. Под блузкой — кружевной бюстгальтер на косточках. Телесного цвета. Размер приличный. Я бы даже сказал, большой размер.

Срываем указанный бюстгальтер, застегнутый на спине на крючки, которые поддаются довольно легко. Выпущенные на свободу, ее груди двумя разделенными языками лавы щедро изливаются на торс. Нет, это не подростковая грудь, чего и следовало ожидать.

Соски окружены широкими темными кругами. Под правой грудью красуется крупная родинка — словно третий сосок. Разумеется, столь оригинальная деталь говорит в пользу Маризы, которая с этой точки зрения предстает не такой "обезличенной", какой я, сгоряча, ее счел.

Но отвлечемся на миг от анатомического изучения тела жертвы, поскольку при всей своей объективности и полноте оно ни в коей мере не утолит нашего голода. Любое описание сводится либо к анализу, либо к рассказу. Оно либо подразумевает движение, либо пригвождает запечатлеваемых людей к месту в полной неподвижности, как на моментальной фотографии. Например, женщина, чью грудь я вам только что продемонстрировал, могла бы с тем же успехом быть трупом на столе патологоанатома. Вот она, перед нами, готовая утолить нашу любознательность, однако благодаря моему описанию совершенно инертная: то ли спит, то ли померла. Впрочем, заверяю вас, операция прошла без всякой анестезии, а пациентка продемонстрировала большую жизненную силу.

Настолько большую, что кресло опрокинулось на спинку, скинув туда же обоих тесно прижатых друг к другу борцов.

Естественно, Мариза хотела подняться, но я не дал ей и шевельнуться, удерживая в положении на четвереньках. Позиция, в которой мы застыли, вызывала в памяти образ игроков в регби: свисающие женские груди напоминали пару овальных мячей. (Метафора не совсем точна, поскольку оба мяча я сжимал руками, что запрещено правилами.)

На жертве была прямая фланелевая юбка орехового цвета, ни короткая, ни длинная. Но мы уже знаем, что сущность личности мадам Робот в том и состоит, что она вся такая — ни два ни полтора. Я выпустил бюст своего противника, чтобы ухватиться за металлический язычок застежки-молнии. Навсегда останется загадкой, что означало движение, — не сказать, чтобы очень грациозное, — которое изобразила Мариза, колыхнув задницей: то ли отчаянную попытку сопротивления, то ли неловкое поползновение облегчить мне задачу. Как бы там ни было, юбка сама собой соскользнула ей на бедра и упала еще ниже, бесформенной тряпкой опутав колени.

После чего миру явилась пара ягодиц такой белизны, а главное, таких размеров, что на ум пришел образ Гималаев. Какое величественное воплощение мечты о бесконечности! О Мариза! Истинная масса Вселенной измеряется твоей жопой! Твоя задница послужила Господу Богу источником материи, из которой Он сотворил звезды. И у Него еще осталось! Трусы во время потасовки попытались спрятаться в укромном месте, что вполне объяснимо, и нашли себе убежище — ну, ясное дело, где же еще? — в борозде между ягодицами. И были те трусы из шелкового атласа и тонкого кружева. Ах, Мариза, Мариза! И это все, на что ты рассчитывала, надеясь защитить свое целомудрие?

Но отныне рассчитывать тебе не на кого и не на что. Разве что на снисходительность Предвечного, который простит нам обоим то, что сейчас случится и чего ты, прерывисто дыша, ждешь, уже смирившись с неминуемой жертвой.

Смирившись, но при этом твердо опираясь на ладони, коленки и — для устойчивости — на кончики сосков, которыми ты ощущаешь нежную щекотку завитков ковра. Твое дело труба, милая моя, сама видишь, даже неодушевленные предметы на моей стороне и оказывают всяческое содействие в удовлетворении моих желаний. Ну ладно, ладно, чулки я тебе оставлю. Спросишь у них потом, когда будешь в энный раз натягивать их на щиколотки, что такого интересненького они видали.

Ну наконец-то! Как радуга, озаряющая небесную лазурь после грозы, вот ты передо мной, подлинная Мариза! Во всем блеске своей всегдашней безликости, покорная судьбе, ты, как говорится, расслабилась. Отбросив колебания, а возможно, и с тайным сладострастием, ты отдаешься понемногу оживающему в памяти воспоминанию о том, как возникла на свет из космического Ничто. Между тем это воспоминание — я повторяюсь, но это не страшно — является альфой и омегой человеческой мудрости. Оно есть источник всякой радости и всякой истины. И у меня перед глазами, да-да, прямо у меня перед глазами, предстает во всей своей необъятности чистый

перламутр небытия в виде твоей задницы, полушария которой медленно, неуловимо, дерзну сказать, "уважительно" расходятся. Ибо то, что открывается моему взору, есть, разумеется, причина всего сущего или, как прекрасно сказал поэт, "зияющая пасть тени"[1].

Мне остается лишь сдернуть трусы — жалкий тайник, в котором ты, наивная дурочка, надеялась сберечь для себя одной единственно верный ответ на вопросы, мучающие весь род людской. Возлюбленная моя, вот оно, бурого цвета ложе, на котором покоится время. И не надо сжимать задницу! В той сокровенной точке, откуда растут твои ноги, мне уже видны волоски великого начала, темные завитки вечности, во влажных переплетениях которых мы все тщимся отыскать смысл существования.

Напомни мне, Мариза Робот, что изнасилование является серьезным поступком! Что оно ставит перед нами вопросы метафизического свойства! Что в силу этого оно требует к себе абсолютного уважения и безоговорочно заслуживает быть причисленным к преступлениям!

Поехали! Хватит тянуть! Еще одно движение бедер — ты мне помогаешь, да-да, на этот раз ты добровольно помогаешь мне выпростать твои коленки из-под пут юбки и трусов. Наконец-то твои ягодицы могут резвиться на воле, и я созерцаю самый прекрасный из твоих ликов. Ты открываешь моему изумленному взору источник навозной жижи, в котором готовы вечно валяться боги Олимпа и прочих местностей. О счастье! В голове у меня — ни единой мысли. Я жажду обвиться вокруг тебя, оплести тебя собой. Обеими руками я открываю твою двустворчатую плоть, и ты швыряешь мне в лицо подлинный языческий рай. От такого обилия красоты я вздрагиваю, как от пощечины, но я тебя прощаю — слышишь? — я тебя прощаю, жалея об одном: что у меня всего две щеки, чтобы подставить их твоей дерзновенной прелести. Ну да, разум меня покинул, я об этом уже говорил, так что с того? Разве есть на свете мысль, способная сравниться с бездонной грезой, в которую меня увлекают твои раздвинутые ноги? Самой этой грезы не хватит, чтобы наполнить пучину густой истомы, что так благосклонно отверзлась пред моим помутневшим от восторга взором.

С той минуты, как Мариза воскликнула: "Что вы делаете?", мы не обменялись ни единым словом. Так в древности философ взбирался на гору, чтобы приблизиться к небесам, и там, вдали от людей, в благоговейной тишине, прислушивался к таинственной гармонии сфер.

1. Имеется в виду стихотворение Виктора Гюго "То, что сказала тень". (*Здесь и далее – прим. перев.*)

Волнение в том месте, откуда из тонкой полоски твоих трусов рвалась на свободу пышная путаница зарослей, вечно обреченных на ложную стыдливость, улеглось. Вот он, момент истины. Ты замерла в неподвижности, ты настороже, ты тоже вслушиваешься в то, что сейчас прозвучит в центре тебя, в глубине борозды, которую природа пропахала, чтобы мы, неустанные труженики желания, возвращались в нее вновь и вновь, до скончания веков. Серый ослик, все таскавший и таскавший воду из колодца, в конце концов сдох, в этом я уверен, ну и что? Зачем далеко ходить за умом и истиной, если есть твоя задница? Если есть эта прелюбопытная сферическая тишина, способная дать ответ на все наши вопросы?

Итак, понемногу из каштановых завитков выступает орган истинного и немого Слова. И пока на другом конце вашей, мадам, особы, в значительном удалении от имеющей место быть "беседы", ваше, скажем так, "обычное" лицо тщится покраснеть от "смущения", здесь, под моим растроганным взглядом, напротив, ваши не способные лгать губы покрываются каплями радостного стыда, набухают наивным желанием сказать "да" и решительно отбрасывают всякую сдержанность. Вот из какого колодца рождается истина. Голая, это правда. Голая и мокрая.

Говори, говори же, молчаливо зияющая Мариза! Затопи меня моими собственными вопросами! Ну же, не стесняйся, облегчись! Я ж тебя не статью заставляю писать! И, по-моему, это куда занимательней, чем любая статья. Во всяком случае, натуральней, это уж точно.

Да разве мне устоять перед этой мясистой медитацией, перед этим ненасытным допросом, перед этим тучным губастым любопытством? Все это приводит меня в игривое настроение, и я делаю вид, что оглох. Я прижимаюсь ухом. Потом носом. Потом ртом. И всеми фибрами тела внимаю твоей настоящей, твоей глубинной тишине.

Ах, ты хочешь, чтобы я тебе ответил? Так я тебе отвечу! И вот ты уже на спине, одна нога болтается на весу, вторая лежит у меня на плече. В этой позе твой толстый пушистый птенчик раскрывает клювик, прося кормежки, и поднимается вверх, увлекая за собой все гнездо.

Но не будем торопиться — ни вы, читающие меня сейчас, ни я, устремляющийся по скользкой волне желания меж бедер Маризы, не знакомых с эпиляцией. О да, в этом самом месте, где раскрывается подлинная красота женщины, ничем не обязанная институтам и литературе, проявляется истинная природа нашей журналисточки — природа вакханки. Зато должен признать, что на остальной части ее персоны, в частности, лице — "другом" лице, потому что пора вспомнить и о нем, том самого лице, что обычно носят на плечах и исполь-

зуют для соблюдения банальных приличий, — не отражается ровным счетом ничего, как в прямом, так и в переносном смысле, ни намека на переживаемые нами чувства.

С умилительной кротостью ты протягиваешь мне свою плотскую чашу для подаяний. Мы родились в результате мастурбации небытия, и мы, и вся остальная Вселенная, ты вроде должна помнить? На что нам надеяться, как не на милостыню удовольствия? Ты можешь сколько угодно таращить на меня глаза, Мариза, и насыщать воздух планеты своими ахами и охами и своими "что вы делаете?", добавить к этому нечего, хоть это-то ты понимаешь?

Я держу тебя за бедра. Мои горсти полны твоей плотной квашней, я мешу и мешу это теплое тесто, и оно потихоньку начинает подниматься. Твои икры отрываются от моих плеч, ноги напрягаются, ступни глядят в потолок — и трогательно, как слепая, ты движешься к наслаждению.

Мои руки скользят ниже, тебе под бедра. Батюшки, да ты приподнимаешь зад, чтобы дать им ход. Неужели это наивность желания вырвала тебя из лап земного притяжения? Может, еще чуть-чуть, и она превратит тебя в ангела? Моему взору открывается твой лик, розовый и черный, тоже близорукий, и он ловит мой взгляд, надеясь обойтись без очков! И прекрасно! Значит, так тому и быть!

Я давлю лицом разверстый гранат, и он взрывается не хуже гранаты, обдавая меня своим соком от подбородка до бровей. Влажный циркуль твоих ног раскрывается все шире. Как хорошо, Мариза, как хорошо учить геометрию! Прижавшись губами к твоим губам, я громким криком, на всю исповедальню твоей плоти, возвещаю о том, что нашему одиночеству настал конец, и отпущение грехов снисходит на меня тихим вздохом. Ты превращаешь мой язык в подобие Гревской площади[1], на которой гибнут — ой ли? — волны удовольствия, одна за одной, и с каждой секундой мой литераторский жезл набухает все новыми незатасканными метафорами. Но разве мы не договорились, что с этим покончено? А ведь я предупреждал: я не умею прерывать разговор. Я прыгаю с темы на тему, и, пока ты, потеряв воды, рожаешь голову болтливого писателя, мы снова расходимся на разные концы галактики. Если только не допустить, что поэт, поведавший нам о поцелуе музы, имел в виду журналистку из Брюсселя. Может, это была твоя прапрабабка?

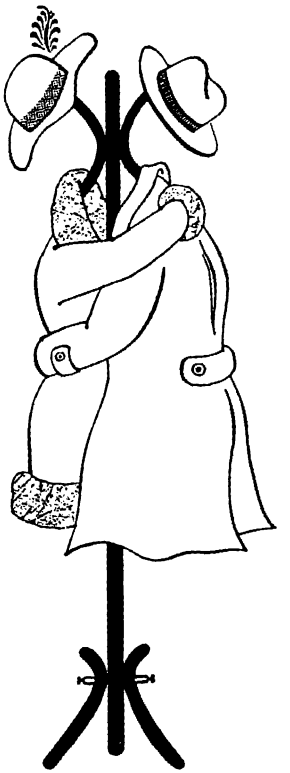
Все, пора кончать с этим делом, и хватит формализма! Мы знаем, к чему мы пришли: и мы с Маризой, и вы, читающий эти строки.

1. Знаменитое место казней в Париже.

Не бойтесь, я избавлю вас от описания моих носков и подсчета пуговиц у меня на рубашке. Итак, я наг и готов еще раз проверить, правда ли, что змей из Писания — просто толстый розовый червяк, раздутый от гордости за то, что снова начинает историю эволюции — в конце концов, все мы явились на свет трудами этого беспозвоночного. О человече! Ты взыскуешь рая, а находишь лишь вечный ком земли, но до чего же здорово, что ты не оставляешь попыток! Ух! Ух! Червь проник в плод.

IV

Мариза хотела продолжить интервью, но, слава богу, магнитофон наотрез отказался включаться. Что касается последнего вопроса, записанного на пленку, — "Что вы делаете?" — мне кажется, я дал на него достаточно развернутый ответ. Говорят, женщины любопытны и вечно хотят узнать что-нибудь еще. К тому же между простой сытостью и подлинным удовлетворением — огромная разница. Короче говоря, мы с Маризой Роботом расстались, как будто ничего и не было. А если и было, то так, ерунда. А на что я надеялся? Да ни на что.



Кристиан Либенс

Вкус Маризы

Новелла

Перевод Марии Аннинской

Кристиан Либенс [*Christian Libens; p. 1954*]. *Почему этот бельгийский писатель, поэт, журналист, автор более двадцати серьезных книг, книгоиздатель, специалист по Жоржу Сименону и достопримечательностям Льежа решил сочинить эротическую книгу, так и остается загадкой, хотя он и попытался объяснить это в своей статье, написанной специально для нашего номера. Публикуемая новелла взята из сборника "Крутая любовь"* [*"Amours crues", 2009*]*; интересна она тем, что автор пытается соединить эротику с восприятием жизни и литературы.*

Перевод новеллы выполнен по изданию "C. Libens. Amours crues" [*Luc Pire, 2009*].

ХОЗЯЙКА булочной мадам Пиротен была самой дотошной наблюдательницей на всем привокзальном перекрестке. Не то чтобы ее боевой пост был удобней, чем у других торговок, — нет, бакалейщица и владелица хозяйственной лавки тоже располагались вполне удачно, но у булочницы был самый зоркий глаз во всем городке. Когда я входил в ее лавку, она мгновение скользила по мне рассеян-

© Luc Pire, 2009
© Мария Аннинская. Перевод, 2012
Журнал выражает благодарность Кристиану Либенсу за бесплатно предоставленные права на публикацию его текстов, а также за любезную помощь в подборке материала.

ным взглядом и тут же переводила его на прохожих, снующих по улице. Я робким голосом мямлил заученную фразу, и тогда она, с явной неохотой, все же отрывалась от созерцания улицы и давала мне то, за чем меня прислали.

Надо заметить, что в булочную я ходил ежедневно и никаких сюрпризов меня тут не ожидало. Следуя материнскому поручению, я неизменно покупал "хорошо пропеченный резаный хлеб", к которому порой добавлялись эклер с шоколадом для меня и два слоеных пирожных с абрикосовой начинкой для родителей. Если против обыкновения я отваживался заглянуть к мадам Пиротен по собственной инициативе, то покупал исключительно жвачку за пятьдесят сантимов. Только эти тонкие, розовые, душистые пластинки и могли сподвигнуть меня переступить порог булочной и заговорить с хозяйкой.

Когда же мы являлись в булочную с дедом Пьером, мадам Пиротен превращалась в самою любезность. Они с моим дедом были ровесники и всегда находили, что обсудить: мало ли всяких взрослых историй? Я пользовался этим, чтобы сквозь раздвигающиеся стекла витрины насмотреться вдоволь на банки с разноцветными конфетами. Обожавший сладости дед Пьер, как правило, заканчивал беседу тем, что к обычному списку покупок добавлял сто граммов кофейной карамели "мокатин", которую мы потом вместе съедали, ожидая, когда промчится мимо Кёльнский экспресс, и соревновались, кто первым увидит длинный красный нос локомотива?

Но эти редкие "сладкие моменты" так и не примирили меня с мадам Пиротен и не притупили то ощущение неприкаянности, которое порождал во мне ее равнодушный, невидящий взгляд. Возможно, я просто-напросто обижался, что она не воспринимает меня всерьез.

Не эти ли мелочи, пережитые в детстве, определяют в дальнейшем наши вкусы? Вот месье Борн, к примеру, мясник с заячьей губой, что держал лавку как раз напротив булочной, встречал меня всегда широкой улыбкой всех трех губ, после чего своими красными холодными пальцами, предварительно обтерев их о заляпанный бурыми пятнами фартук, подцеплял кругляшок кровяной колбасы, или ломтик паштета с чесноком, или кусочек салями и предлагал мне.

Булочница или мясник? Сладкое или соленое? Сознавал ли я тогда, что выбираю, к какому лагерю примкнуть?

* * *

С одним и тем же изумлением он задает себе вопросы по поводу человека, дерева, цветка или кружки свежей воды. Каждый день Зорба видит все будто впервые.

Вчера мы сидели около хибары. Выпив стакан вина, он повернулся ко мне с тревогой:

— Что это за красная вода такая, хозяин? От старого корешка тянутся ветки, на их концах висят какие-то кислые штуковины, потом проходит время, солнце их греет, и они становятся сладкими, точно мед, и тогда их уже называют виноградом; потом эти штуки топчут ногами, выжимают из них сок, разливают в бочки, где он без посторонней помощи бродит; потом его достают на праздник святого Георгия... — и оказывается, что это уже вино! Что за чудеса такие! И вот ты пьешь этот красный сок, и душа твоя словно ширится, и не помещается уже в своей старой клетке, и жаждет свершений, и бросает вызов Богу. Что все это такое, хозяин, ответь мне?

Я не отвечал. Слушая Зорбу, я чувствовал, как мир вновь обретает свою первозданность.

Пьер, читавший вслух, смолк и посмотрел на Маризу. Она сидела, закрыв глаза, прислонясь виском к стеклу.

— Как я люблю твой голос, когда ты мне читаешь, — прошептала она.

Он положил открытого "Алексиса Зорбу"[1] на поднос текстом вниз, прямо на крошки, оставшиеся от завтрака, и выглянул в коридор.

— Буфетчик сейчас вернется. Хочешь еще чаю, малыш?

Произнося "малыш", он щурится, глаза его смеются. "Глаза ласкового медведя", — говорит она.

Мариза выпрямляется, упирается в спинку дивана и потягивается, сплетя пальцы и вывернув ладони наружу.

— Ну, коль скоро нет вина, как у этого Зорбы, можно и чай.

Она поворачивается к Пьеру, строит гримасу, смотрит на него с выражением маленькой девочки...

Когда в начале прошлого лета они встретились на книжной ярмарке в Лотарингии, то сразу обожгли друг друга глазами. Она сопровождала иностранную делегацию; он подписывал свой последний роман. С того момента они дышали в унисон.

Вернулся буфетчик, налил чаю, предложил булочки. Пьер купил круасан.

Мариза взяла его за руку.

— Ты опять хочешь есть? Это скорость поезда возбуждает у тебя аппетит?

Пьер улыбнулся глазами, губами.

— Нет, малыш, просто хотел узнать...

Он взял круасан двумя пальцами и протянул его Маризе. Круасан оказался пересушенным, кончики у него были твердые.

1. Самый известный роман классика греческой литературы и философа Никоса Казандзакиса (1883—1957), экранизированный в 1964 г.; Зорба — веселый старик, воплощение доброты, мудрости и любви ко всему сущему.

Пьер настойчиво заглянул в зрачки Маризе и прошептал:

— Подари мне твой вкус. Сейчас. Твой вкус вместе с этим круасаном...

Она внимательно посмотрела на Пьера, приоткрыв губы, будто задыхаясь. Затем взяла круасан левой рукой, а правую запустила себе под юбку. Раздвинула голые колени, отогнула складки ткани. Красные воланы затрепетали. Круасан исчез.

Двумя руками она притянула к себе Пьера, шепнула:

— Поцелуй меня... Вдохни в меня всего себя!

Проходили минуты. В окне мелькали пейзажи, распахивался горизонт.

Мариза извлекла из-под юбки круасан и коснулась им губ Пьера. Пьер взял в рот ставший блестящим и мягким кончик.

Их глаза снова нашли и обожгли друг друга

— И какой же у него вкус? Сладкий или соленый?

— Вкус жизни, радость моя.

О, как ты прекрасна, Любовь!
Ты чудо! Ты — дочь наслаждений.
Твой стан это пальма влечений,
А груди, а взгляд твой, а бровь...

На пальму же я заберусь,
Чтоб видеть, как вьется лоза!
Дыханье... свежей, чем гроза!
За гроздья плодов ухвачусь![1]

1. Книга Песни Песней Соломона. 7:8, 9. (*Прим. перев.*)

Каролина Ламарш

Ночью и днем

Отрывки из романа

Перевод Нины Хотинской

Каролина Ламарш [*Caroline Lamarche*] *– современная бельгийская писательница, вступившая на литературное поприще в 1990-е годы в достаточно зрелом возрасте. Ее первый роман "День собаки"* [*"Le Jour du chien", 1996*] *был удостоен премии Виктора Росселя. Ламарш не ограничивает себя каким-то одним жанром: она пишет романы, рассказы, стихи и радиопьесы. Не менее разнообразна и тематика ее произведений: путь женщины-писателя* [*"Медведь" ("L'ours"), 2000*] *необычные взаимоотношения мужчины и женщины* [*"Записки покорной девушки из провинции" ("Carnets d'une soumise de province"), 2004*], *история брата и сестры* [*"Карл и Лола" ("Carl et Lola"), 2007*] *воспоминания детства и путешествие в Мексику* [*"Собака Нахи" ("La chienne de Naha"), 2012*], *которые, однако, объединяет стремление определить место и роль современной женщины.*

В романе "Ночью и днем" [*"La nuit l'après-midi"*], *отрывки из которого опубликованы в этом номере, Ламарш пристально изучает природу женской сексуальности: героине романа, молодой девушке, оказывается недостаточно той нежности, которую ей дарит Жиль, ей необходимо также чувствовать себя жертвой, рабой, а это она может получить только от загадочного рыжеволосого мужчины.*

Перевод публикуемого текста выполнен по изданию "C. Lamarche. La nuit l'après-midi" [*Minuit, 1998*].

© 1998, Les Éditions de Minuit
© Нина Хотинская. Перевод, 2012

БЫЛ день тотального проникновения, и моя кожа впитала все это. Как будто я не покидала гостиницу для свиданий, ее затхлый запах, скомканные, сброшенные простыни, оголенные матрасы. Я ни от чего не отказывалась, ни на что не смотрела. Я пролежала дома с утра до вечера, свернувшись клубочком в постели. Время от времени по ногам стекало немного крови. Вечером, голая, я встала и посмотрелась в зеркало.

Когда я смотрелась в зеркало, в дверь позвонил Жиль. Я не знала, что он придет. Он и сам не собирался, решил внезапно, в тот неопределенный момент, когда неясно, произойдет событие или канет. Его взгляд остановился на моем нагом теле, и оно стало реальностью. Мне хотелось извлечь сущность его взгляда, выпить ее маленькими глотками или согреть между грудей, как духи, впитать то, чего у меня никогда не было, это бережливое отношение, непостижимое в своей скупости, столь точно взвешенное, что требует ответа немедленного и полностью искреннего.

Я помню его голос, лишенный тембра:

— Что произошло?

И мысленно вижу мое тело, каким оно предстало передо мной в зеркале: синяки между ног, длинные алые царапины на ляжках, на ягодицах и на животе тоже, у самого лобка, да еще эти два глубоких пореза, один на правой груди, другой слева от пупка.

— Мерзость, — ответила я.

И на воспоминание был наклеен ярлык "мерзость", на время, пока Жиль не привыкнет. Тогда он разделся, сел на край постели и начал меня ласкать. Он делал это очень нежно, до тех пор, пока я не открылась наслаждению, раскинув руки и ноги и вскрикнув, как бывало всегда. Когда мы успокоились, он потрогал синяки и царапины, осторожно, точно врач стетоскопом.

— Хочешь об этом поговорить?

И я ответила очень низким голосом, высвобождающим оргазм, моим голым, беззащитным голосом:

— Я откликнулась на объявление.

На самом деле, я откликнулась на сон. Однажды ночью мне приснилось, будто какой-то незнакомец брал меня силой, с угрюмым ожесточением, быстрыми и точными движениями, которые могли принадлежать как убийце, так и любовнику. Две птицы кружили над нашими телами. Одна — павлин с распущенным хвостом; он летал, как павлины никогда не летают, с грацией лебедя и мощью орла. Другая была женщина-птица в кроваво-красном оперении. Она пошла в штопор, ударилась о землю и осталась лежать, раскинув алые крылья. Я узнала в ней себя, я сама была этой крылатой женщиной, мое лицо запрокинулось к небу, а мое тело отдавалось буйным играм не-

знакомца. Рядом с нами в открытом сундучке лежали всевозможные инструменты: клещи, кусачки, скальпели. Я смотрела на них с удивлением и безграничным любопытством: кто же вскроет меня и зачем? Я трепетала от желания оказаться во власти этих приспособлений, что раздвигают плоть и широко открывают раны.

Я никогда не читаю газет с объявлениями, никогда их не покупаю. Читаю только обычные ежедневные газеты. Не политические новости, нет, — хронику преступлений, изнасилований, заметки о спектаклях, интервью с актерами. Я считаю, что судьи и режиссеры достойны восхищения; я считаю, что актеры, как преступники и их жертвы, соответствуют самым ярким и жестоким сторонам моей личности и ее неодолимым стремлениям.

Газету с объявлениями дал мне Жиль, потому что я тревожилась за судьбу ожидавшихся котят: я не хотела их убивать, хотела, чтобы все остались живы. Через газету можно предложить котят в хорошие руки, все так делают. Там есть разные рубрики: "дома", "квартиры", "мебель", "автомобили", "животные"... Жаль, что нет рубрики "младенцы", "отдам младенцев в хорошие руки", чтобы можно было выбрать себе по вкусу и принести домой в специально купленной корзинке обложенного розовой ватой малыша, сюрприз для любимого мужчины, даже если этот мужчина не ваш и никогда вашим не будет.

Обычно после "животных" идут "знакомства". И вот там было одно объявление. Не одно, конечно, их было десятка три, но я сразу обратила внимание только на него, потому что оно совпало со сном, вплоть до малейших вибраций, как будто в нем был спрятан магнит, а мои глаза превратились в железные опилки.

"Властный мужчина ищет молодую женщину с гибким характером для интимных встреч..." Далее следовал номер абонентского ящика и название коммуны, самой обыкновенной, той же что и моя, с моей работой, моими любовями, с ее черным каналом под открытым небом и неподвижными баржами, — той самой коммуны, где я живу.

Как сейчас вижу: я сижу за кухонным столом и пишу; как сейчас вижу: опускаю письмо в ближайший почтовый ящик, тот, что на углу проспекта. Было часов десять вечера, в воздухе пахло ванилью или скорее цветущей липой. Неоновые огни бистро тонули в черной воде канала. Болтали прохожие, на террасе "Мок' кафе" играл гитарист. Казалось, это юг Франции или отдаленная бухточка греческого порта, куда не заходят корабли, и только курортники прогуливаются по набережной. Я подумала о клиентах агентства: они всегда ищут оригинальные маршруты, а я всячески стараюсь их удовлетворить, ведь это моя работа. Для меня же смена обстановки — откликнуться на объявление. И тогда в ночном воздухе пахнет ванилью, а грязные и холодные воды канала колышут воспоминания о каникулах.

— Не смогла удержаться... ты понимаешь?

— Нет, — ответил Жиль.

Он зажег сигарету и затянулся, сощурившись. Потом я снова увидела его глаза, окруженные ресницами, как лучиками.

— Это должно было случиться. Рано или поздно ты не могла не подложить мне свинью.

Голос мягкий, но в нем со скоростью света назревал катаклизм. Жиль, проигрывая, выигрывает.

Я рассмеялась:

— Ребенка ведь я тебе пока не навязала...

Жиль вскочил, оставив нас, постель и меня, в полнейшем раздрае. Нельзя навязать ребенка мужчине, тем более чужому мужу и отцу, приходится довольствоваться крохами, "окнами" в расписании, импровизированными перепихами в конце рабочего дня, и каждое утро принимать пилюлю, как взрослая ответственная девочка.

А мне иной раз просто хочется ребенка и чтобы сгинуло все остальное. Ребенка в животе, потом на руках, как у моей сестры: у нее уже есть один и будет еще, она из тех женщин, что живут утробой, а не другим местом, которое предназначается любовникам.

Отправив ответ, я почувствовала, что мир содрогнулся. Быстро покрылся мелкими трещинками, морщинками на тихой воде. Уже завтра незнакомец прочтет мое имя, адрес, номер телефона, предложение встречи в близлежащем баре, общие сведения обо мне — рост, вес, цвет волос, приметную деталь туалета. В его власти будет подтвердить встречу или нет, прийти или не прийти, а то дежурить под моими окнами, видеть, как я выхожу каждое утро из дома, следовать за мной до туристического агентства или, наоборот, пойти мне наперерез, встретив мою улыбку... Да, я стала улыбаться прохожим, как будто каждый встречный мог быть этим незнакомцем. Я улыбалась едва-едва, чуть сжимая губы и щуря веки, улыбку можно было отнести к солнечной погоде, к ватно-фланелевой улице или к тайной мысли, известной только мне одной, — любовной мысли. И правда, ведь был тот сон. Я ничего не знала о человеке, давшем объявление, но сон наполнил меня жаром и трепетом, точно приближение ритуала. Я была теперь, до назначенного дня, готовящимся к ритуалу адептом, мысленно преклоняющим главу, целующим руку Хозяина и атрибуты его действа: клещи, кусачки, скальпель.

Тот человек, каким я его увидела в день нашего свидания, — он не подтвердил, что придет, оставив меня до конца в неуверенности, — мужчина, который встал и направился мне навстречу в баре, указанном в моем письме, был так невзрачен, что показался мне безобразным. Он не пожал мне руку, только бросил непонятный взгляд, в котором мне почудилась нотка

досады, будто бы мой красный шарфик — условленный знак — был лишним, макияж чрезмерным, а аромат духов слишком навязчивым.

Мы сели на террасе. Он заказал кофе, я — чай со льдом. Он заговорил, утирая лоб бумажным платком. Сейчас он скажет, вдруг подумалось мне, как водится в сказках, мол-де послан Хозяином, ибо мне и в голову не могло прийти, что он сам находит меня привлекательной или что смотрит на мое тело с какими-то намерениями. Наоборот, казалось, я ему совершенно неинтересна, и он лишь говорил без умолку, словно для самоуспокоения. Я слушала, подавленная, мысленно выстраивая отказ, готовя и шлифуя слова. Я смотрела на его узкие плечи, чуть сутулую спину, коротко остриженные волосы, светлые с рыжеватым оттенком, на кожу, густо усыпанную веснушками, очень белую на руках, красную на лице из-за жаркого в тот день солнца, и глаза, щурившиеся от света. Я думала, как скажу Жилю: "...знаешь, я откликнулась на объявление, просто так, но, когда я увидела этого типа, я поняла...", и опишу ему собеседника в издевательских тонах, вот так, еще одно маленькое душегубство среди тысяч других на планете, все равно что прихлопнуть комара. Потом я погладила бы густые волосы Жиля, его серые со стальным отливом волосы, коснулась бы длинных ресниц, обрамляющих глаза до слезного канала, и попросила бы слегка потрогать меня между лопаток, в чувствительном месте, открытом как-то в ходе наших игр, а потом и в других местах, повсюду, своими длинными гибкими пальцами, которые обегают меня всю, смело и ласково, словно говоря что-то прекрасное.

Я сказала ему:

— У меня есть любовник.

Он не поднял на меня глаз. Вид у него сделался встревоженный.

— Это досадно. Я не хочу неприятностей с вашим любовником.

Он отпил глоток кофе, разорвал упаковку печенья, лежавшего на блюдце, дал печенье мне, и его тонкие губы процедили вопрос:

— Чего вы, собственно, хотите?

— Я не знаю.

Я допила чай, потом съела печенье, сказав "большое спасибо", как школьница. Солнце палило, на террасе было не протолкнуться. А человек, казалось мне, повторял все тот же вопрос, сопровождая его прямыми, без околичностей, словами, с почти врачебной интонацией:

— Что вам нравится? У каждой женщины свои вкусы. Оральный секс? Содомия? Тут одни за, другие против...

На меня навалилась безмерная усталость.

— Я не против, — сказала я. — Не против всего.

В эту минуту мне вспомнился сон, и я пробормотала в легком оцепенении:

— Если мной управляют, я делаю всё.

И мы договорились встретиться на той неделе.

Назавтра и в последующие дни я работала, как обычно, ела, спала, ходила по магазинам, занималась делами, при случае виделась с Жилем. Но все это время я ждала. Ждала во сне, за едой, разговаривая с клиентами, нежно целуя в губы Жиля. Я была холодна и спокойна, находилась в том состоянии, что мне так хорошо знакомо: полная заморозка всех эмоций. Это хроническая болезнь, унаследованная, запечатленная в генах зажиточных семейств, хозяев своему добру и своим любовям. Ничто в моей жизни не побуждает меня излечиться от этого увечья, разве что сны, которые работают на мое спасение неуловимым соединением пламенеющих образов. Я привязываюсь и остываю по их веленью.

Рыжий предложил поехать поездом. Гостиница находилась в городе, там, где негде приткнуть машину. Я пришла на вокзал за пять минут до отправления. Он ждал меня под часами с озабоченным видом.

— Я думал, ты не придешь.

"Ты" — это было что-то новенькое. И беспокойство тоже. А я задумалась, почему при нем нет ни сумки, ни чемоданчика. Где же он прячет свои хлысты и цепи? Не испытывая тяги к Хозяину, с которым я мысленно простилась с первых минут нашей встречи, я хотела ритуала, символики: повязок для глаз, пут для рук, хлыстов разных размеров, вибраторов, сбруи, кожаных ошейников... Это отсутствие аксессуаров возмутило меня. Я, однако, не подала виду, ни о чем не спросила. Мы взяли билеты, направились на перрон, и я продолжала обращаться к нему на "вы".

Вокзал пригородный, тихий, всего на два пути. В тот день алели розы на стенах, и черная кошка юркнула в подземный переход, где можно прочесть граффити, простенькие граффити сельского пригорода, наивные и грубоватые. В тот день две негритянки в ярких платьях стояли на платформах, переговариваясь через рельсы. Они рассказывали друг другу историю, непонятную нам, и заливались смехом, легким, безудержным африканским смехом. Рыжий был одет в кожаную куртку, он достал из кармана почту и распечатывал конверты, пока мы ждали поезда. Порножурнал, реклама эротической ярмарки и письмо. Он пробежал письмо глазами, протянул мне.

— Прочти.

— Письмо адресовано не мне.

— Прочти.

Я быстро читаю, как сквозь туман. Женщина, такая же как я, пишет по его объявлению. Она смотрела садо-мазохистские видео, ей нравится, но страшно: вправду ли он делает

это, хлещет кнутом до крови, подвешивает за груди, сшивает малые губы? Пометят ли ее каленым железом, порвут ли длинными и толстыми предметами, возьмут ли несколько мужчин сразу? Я поднимаю глаза. Он наблюдает за мной.

– Я не отвечаю женщинам, которым страшно.

– Мне не страшно.

Я сказала это, проводив взглядом кошку. Она крадется вдоль стены, увитой красными розами. В тишине хохочут две негритянки. Все могло бы так и остаться на веки вечные...

Мы с рыжим начинаем беседу. Мне кажется, что с нашей первой встречи мы говорим одни и те же слова. Я повторяю, мне нужно, чтобы меня подчинили, что могу все, если надо мной возобладают. Тогда он показывает мне журнал, который получил сегодня утром, и как будто бы извиняется: ничего особенного, коммерческий проект, зачем только ему его присылают, он не просил. Я листаю. Фотографии голых женщин с выбритыми лобками, которые сидят на бутылках или мастурбируют пальцами с непомерно длинными ногтями. Лижут мужские члены. У них булавки в грудях, собачьи ошейники на шее, в руках хлысты. Некоторые затянуты в кожаную сбрую или в облегающий комбинезон, который доходит до самого лица, закрывая его маской с прорезью для глаз и отверстием для рта. В этих нелепых нарядах они стоят с победоносным видом или лежат, раскинув ноги, в гинекологических креслах, покрытых кожей, со стременами для ступней и привязными ремнями. Фотографии без полета, обескураживающе банальные. Я говорю ему это и добавляю, что настоящий художник, например, Мэпплторп[1], сделал бы из такого сюжета нечто волшебное, "волшебное", повторяю я, имея в виду его фотографии цветов, потому что терпеть не могу его ню, столь значимое для культуристов секса. Но его тюльпаны и орхидеи трогательны в своем совершенстве, в анфас и в профиль, распущенные и в бутонах, они волшебны, другого слова не подобрать. Рыжий соглашается с некоторой неловкостью. Может быть, он не знает, кто такой Мэпплторп.

Я переворачиваю несколько страниц – и вот он, раздел объявлений.

– Конечно, тут найдутся на любой вкус, – говорит он, помявшись, словно лично несет ответственность за причуды дающих объявления.

Я читаю медленно, из-за аббревиатур и специальной терминологии, пытаюсь прояснить для себя некоторые вещи: например, фетишизм, использование в качестве субреток на высококлассных вечеринках или растяжка малых губ на восемь сантиметров – их пристегивают резинками к бедрам под мини-юбочкой.

1. Роберт Мэпплторп (1946-1989) – американский фотограф. (*Прим. перев.*)

— Это смешно, — говорю я и заставляю себя от души рассмеяться, как добрая надзирательница в детском садике.

Он цедит сквозь зубы, что, мол, да, смешно, вот почему он никогда не дает здесь объявлений. Он помещает их в субботней газете, и не такие откровенные, а ровно настолько, чтобы заинтересованная в этом женщина поняла. Я поднимаю глаза, смотрю на его светлые брови и повторяю по памяти, неожиданно пылко:

— "Властный мужчина ищет молодую женщину с гибким характером для..."

Он перебивает меня, без раздражения, терпеливо объясняет, что два-три года назад подобное невинное объявление в газете могло быть запрещено и возвращено отправителю. Сегодня писать такие вещи позволительно, но все же соблюдая осторожность. "Гибкий характер", например, проходит лучше, чем "покорный", это — он колеблется — задает "хороший тон". И с этими словами смотрит на меня мрачно, почти мстительно. Наши взгляды встречаются. Я продолжаю машинально листать журнал.

— Я очень гибкая, — говорю я, не поднимая глаз. — Я могу коснуться руками пальцев ног.

— В этой среде, — отвечает он, — занимаются не столь благоразумными вещами.

Повисает неловкое молчание; ему, наверно, видятся "не столь благоразумные" картины. Я же размышляю над этим выражением, смакую его иронию. Этот человек начинает меня интересовать, потому что он, не злобствуя, сокращает разделяющую нас дистанцию. Вместе мы рискуем выглядеть большим посмешищем: мы так далеки друг от друга, что кажемся гротескными карикатурами. Благоразумная кукла и скверный чудик, каждый мерцает в своем небе, за множество световых лет друг от друга: я — с моими снами о птицах, он — с его странными вопросами. Понравится ли мне, например, если мной овладеют сразу несколько мужчин? Пусть я только скажу, желающих хватает, главная трудность в том, чтобы выбрать день и час, устраивающие всех.

— Ты должна понимать, что в жизни все не как в книгах, где люди встречаются как по заказу, да еще и в башнях, оборудованных по последнему слову техники. В жизни что? Работа с девяти до пяти, семья с пяти до девяти, все это в стандартных многоэтажках, населенных хлопотливыми хозяйками да горластыми детишками, а в гостинице, пожалуй, вдесятером не соберешься. Но все-таки, если ты хочешь, можно попробовать... Да?

Он смеется потухшим смехом, и меня это задевает. Повисает довольно долгое молчание, только позвякивает ложечка, которой он крутит в чашке.

— Во всяком случае, что касается гигиены, тут я маньяк. Нет проникновениям без презерватива.

— Разумеется, — говорю я, вспоминая мужчин, которые у меня были: все они терпеть не могли надевать эту штуку.

— В этом квартале, — добавляет он, — иногда бывает, трубы засоряются от обилия презервативов. Вот и доказательство, что все делают это: адвокаты, врачи, чиновники, особенно европейские чиновники, — все, в любой день, в любой час, но особенно после полудня, в частных домах, в маленьких гостиницах, здесь не одна такая, на всех улицах их полно, но ты ничего не увидишь, вывесок-то на фасадах нет.

Я зачарованно слушаю. Город — гигантский бордель.

<...>

Я одеваюсь в коротенькое, я одеваюсь в обтягивающее. Я уже не в том возрасте, но это в порядке вещей. Вещей, которые кончились, которые испиты до дна, но не поняты.

Возвращается Жиль. Говорит, что я красивая. Что я должна снять все нижнее белье, быть голой под платьем.

Жиль ведет меня в лес. Впереди у нас два часа. Мы идем медленно, разговариваем. Обо всем, кроме рыжего. Не хочется о нем говорить. Да и не стоит он того.

Жиль курит на ходу. Как он курит — это завораживающее зрелище: слегка щурит глаза, с видом ласковым и суровым одновременно; он где-то не здесь, далеко от меня. Он удаляется, затягиваясь, вдыхая дым, вдыхая с дымом весь этот мир, из которого я временно исключена. Он отдыхает от меня. Вот так я обладаю им, в этой неуловимой ностальгии, вызванной его красотой и дистанцией, что создает сигарета. У него длинные руки, ухоженные ногти. Думая о его пальцах, я, словно в одном кадре, вижу долгую тонкую сигарету и мою вульву, набухшую желанием.

Он идет, курит, мы разговариваем. Проходит час. Я удивляюсь, что он еще не уложил меня в папоротники. С загадочным видом он поворачивает назад.

— Ты ничего со мной не сделаешь? Ничего?

Мне легко, безразлично.

— Сделаю, — говорит он, — всё.

Мой живот наливается тяжестью, колени подгибаются. Мы проходим еще немного. Жиль показывает мне на дерево особой породы — один каштан среди буков. Я прислоняюсь к нему спиной. Жиль задирает мое платье, запускает под него пальцы с бесконечной нежностью.

— Ты набухаешь, как спелый плод, — говорит он с неизменным восторгом перед естественными проявлениями.

Я и сама чувствую, как зреет этот плод, как он наливается соками с головокружительной быстротой, становится огромным, влажно сочащимся — какая странная власть у руки любовника, что может так оживить сморщенный, сухой плод, наполнить его мгновенно теплой влагой и желанием быть со-

рванным или лопнуть под легким нажатием пальцев. Я лопаюсь, ноги, подкашиваясь, сползают по стволу, голова запрокидывается, и кора цепляет волосы, тянет их, словно рука.

— Спринтерша... — говорит Жиль.

Мое дыхание уже глубже, дольше, свободное до кончиков ног. Я поднимаюсь, стою прямо, слившись с каштаном своей размякшей плотью, вся во власти дерева, непохожего на другие, сильная нашим союзом и своим криком, который взмыл по стволу, добравшись высоко-высоко, до тонких облаков, перечеркнутых ветвями кроны. Я расстегиваю ширинку Жиля, просовываю руку, достаю пенис, уже затвердевший. У Жиля встает, стоит лишь ему до меня дотронуться, иногда даже просто при мысли обо мне, если я далеко. Тогда он готов заплакать, он говорил мне, я знаю. Теперь же он послушен, как ребенок. Не мешает моим рукам двигаться туда-сюда, и очень скоро я чувствую, что он вот-вот кончит; тогда я расстегиваю пуговицы, на моем платье, расположенные спереди лесенкой, под ним мой живот, голый, набухший, и Жиль со стоном кончает на меня. Я смотрю на светлое желе, покрывшее темные волоски на моем лобке, и смеюсь, оно теплое, чистое, как парное молоко, и вздрагивает от каждого моего движения. Жиль вытирает меня папоротниками, так липко, что приходится вытирать снова и снова, оно похоже на гель, которым мажут живот перед ультразвуковым исследованием, — я помню, как провожала сестру в больницу, восьмой месяц беременности, натянутая до предела кожа, медсестра намазала ее гелем, а потом водила зондом, мягкий шарик легко скользил за счет вращательных движений. Я помню очертания плавающего на экране младенца, он растягивался, как эктоплазма: надо было различить эти чудеса, понять, вот ручка, ножка, половой орган маленького мальчика, мерно пульсирующее сердце, но я ничего не понимала, я видела только подвижные формы жизни, менее явные, чем сны, чем все мои сны о материнстве, океанские, непостижимые формы, из-за которых хочется плакать.

Споры папоротника облепили мой живот, точно золотая пыльца, и Жиль говорит мне, что я самая красивая женщина на свете.

<...>

На третье свидание я согласилась из-за Жиля: он меня продинамил. Я подозреваю, что он это сделал нарочно, чтобы подстегнуть во мне уж не знаю какую ностальгию. Или это было просто недоразумение, ошибка в распорядке дня из тех, что случаются тогда, когда тела мало-помалу устают друг от друга. Мы должны были встретиться у его спортивного клуба. Я сидела на каменном столбике перед входом. Мои ноги болтались в нескольких сантиметрах от земли, чуть раздвинутые, юбка была короткая, с очень широким поясом, который туго перетягивал талию, подчеркивая бюст и бедра. Кажется, я была почти красива.

Ждала я долго. Прохожие не обращали на меня внимания. Какая-то старушка, правда, поздоровалась. У нее была семенящая, деревянная походка человека, у которого нет между ног сочного плода, но есть родник в голове и плодоносное сердце. Я подумала о Марго, ответила на приветствие и решила уйти, не дожидаясь Жиля. Мой живот вдруг показался мне пустым, ведь у меня нет того, чтобы ходить, как эта женщина, и приветствовать людей улыбкой. Уже давно и голову мою, и сердце засосала вагина, растопили мужские руки, и кровь моя бьется только там — все остальное умерло.

Я пришла домой, побродила по кухне, потом легла на кровать с бутылкой пива и стала пить из горлышка. Не спеша выпила пиво до последней капли, после чего сняла юбку и ласкала себя, долго, почти до оргазма. А потом я взяла пустую бутылку и ввела ее в себя, яростно, толчками, так глубоко, как могла, но в моей руке не было силы чресел Жиля, не было волшебства, не было безумия. Я все-таки закричала, выгнувшись дугой, и, когда вынула бутылку, горлышко было в белых потеках. Я облизала горлышко, оказалось хуже, чем сперма, больше горечи, больше слизи, но, наверно, потому, что я одна и субстанция эта моя, а не та, что Жиль иногда изливает мне в рот и просит подержать немного, а потом перелить в его приоткрытые губы, тихонько подталкивая языком к его языку, как скользкую рыбку.

Жиль не пришел, а рыжий позвонил. Он осведомился о моем самочувствии, спросил, хочу ли я еще с ним увидеться. Мои неопределенные ответы вызвали поток вопросов, нервных, тревожно-жалобных, связанных с его собственным плохим настроением. Вот и еще один, сказала я себе, не знает универсального закона: всякое излияние напрочь губит фантазм.

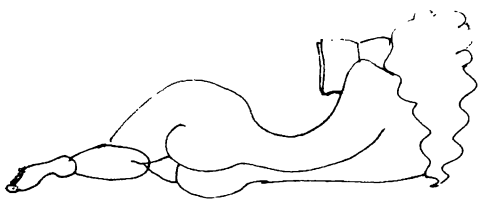
— Я полагаю, — заключил он лихорадочно, — что ты не хочешь больше встречаться?

Я подумала несколько секунд.

— У меня есть одно условие: без повязки на глазах. Я хочу видеть удары.

И он в ответ почти радостно:

— Завтра, поездом в одиннадцать тридцать.



Алина Рейес

Мясник

Отрывки из романа

Перевод Марии Аннинской

Алина Рейес [*Alina Reyes*] *– современная французская писательница и журналистка, вступила в литературу с более чем смелым романом "Мясник"* [*"Le Boucher", 1988*], *который был удостоен премии Пьера Луиса и стал бестселлером жанра. С тех пор она продолжает писать книги, изучая эротическую психологию женщины и ставя вопрос о нездоровом интересе к телу в наше время; при этом она сохраняет за собой славу эротической писательницы первого ряда. Среди наиболее известных ее книг: "Лилит"* [*"Lilith", 1999*], *"Ночные любовники"* [*"Les amants de la nuit", 2000*], *"Любовная охота"* [*"La Chasse amoureuse", 2004*], *"Семь ночей"* [*"Sept Nuits", 2005*], *"Ню"* [*"Nue", 2005*], *"Эротические новеллы"* [*"Nouvelles érotiques", 2007*], *"Чаща"* [*"Forêt profonde", 2007*], *"Милосердная плоть"* [*"Charité de la chair", 2010*] *и другие.*

Героиня романа "Мясник" – робкая и неуверенная студентка Школы изящных искусств, пережившая несчастную любовь и обнаруживающая в минуту отчаяния, как в ней вдруг просыпается безудержная сексуальность, которой она в себе не подозревала.

Перевод публикуемого текста выполнен по изданию "A. Reyes. Le Boucher" [*Paris: Seuil, 1995*].

© Editions du Seuil, 1998
© Мария Аннинская. Перевод, 2012

Он улыбнулся и впился глазами в мои глаза. Это был призыв. Его взгляд проник в мои зрачки, пробежал по всему телу и застрял где-то внизу живота. Мясник собирался с духом перед началом атаки.

— Как поживает сегодня моя девочка? (Ну вот, паук начал плести паутину.)

— Малышка хорошо спала? Ночь не показалась ей слишком длинной? Может быть, моей девочке чего-то не хватало?

Опять. Фу, какая гадость. С другой стороны, он так сладко поет...

— А может, кто-то позаботился о том, чтобы твоя киска не скучала? Ты ведь это любишь? Я вижу по твоим глазам. А я вот был совсем один. Не мог заснуть, все время думал о тебе...

Представляю себе голого мясника, держащего в руке собственный член. И вдруг чувствую, что становлюсь мокрой.

— Мне так хотелось, чтобы ты была рядом... Ты очень скоро будешь рядом, моя радость... А я буду тебя ласкать... Знаешь, какие у меня ловкие пальцы... А язык очень длинный, сама увидишь. Я буду лизать твое гнездышко, как никто никогда тебя не лизал. Ты уже предвкушаешь, правда? А знаешь, как пахнет любовь? Тебе нравится запах мужчины, когда ты собираешься выпить его сок?

Он не произносил слова, он их выдыхал. Они щекотали мне шею, струились по спине, по груди, стекали по животу, между бедер. Он не сводил с меня своих маленьких синих глазок и весь так и сочился улыбкой.

В этот час хозяин лавки и его помощница готовили прилавок на крытом рынке и отдавали последние распоряжения работникам. Покупателей было мало. Мы с мясником оставались в лавке одни, и между нами снова завязывалась игра — наша с ним тайная игра, нужная, для того чтобы забыть обо всем, что вокруг. Мясник облокачивался на мою кассу, поднося лицо почти вплотную ко мне. Я ничего не делала, я просто замирала на своем табурете, выпрямив спину. И слушала.

Я знала, что несмотря на мое безразличие, он ощущал, как от его слов во мне растет желание; он чувствовал, какую силу имеют на меня его медоточивые речи.

— Я почти уверен, что у тебя в трусиках уже мокро. Тебе ведь нравится, как мы с тобой разговариваем? Тебе бы хотелось кончить, слушая, как я нашептываю тебе ласковые слова?.. Когда я с тобой говорю — это как если бы я к тебе прикасался... Легонько-легонько водил бы языком повсюду, по всему твоему телу... Я бы обнял тебя двумя руками и стал бы делать с тобой все, что мне захочется. Ты была бы моей куклой, моей маленькой девочкой для любовных игр... Это про-

должалось бы долго-долго, мы бы не могли остановиться... Тебе бы этого хотелось?..

Мясник был большой и толстый, а кожа у него была белая-белая. Он говорил без остановки, чуть задыхаясь, и голос его постепенно становился хрипловатым, тихим, переходил в шепот. Лицо покрывалось розовыми пятнами, губы делались мокрыми, начинали блестеть, а глаза светлели и превращались в бледно-голубые сияющие брызги.

Теряя ощущение реальности, я думала, что будет, если он сейчас кончит, увлекая меня за собой, и наш любовный экстаз растворится в потоке слов. Мир вокруг был белым, как его халат, как витрина лавки, как мужское или коровье молоко, как толстый живот мясника, под которым у него пульсировало то, что заставляло его говорить, шептать мне в шею, когда мы с ним оставались один на один — молодые, разгоряченные, как жаркий остров посреди холодного океана мороженого мяса.

— Больше всего на свете я люблю кусать и целовать киску таких девчушек, как ты. Ты мне ее подставишь, правда? Я буду щипать травку на твоем лугу. Я аккуратно раздвину твои розовые губки, сначала большие и пухлые, потом маленькие, а потом я засуну в тебя кончик языка, потом весь язык, и буду облизывать тебя от дырочки до твоего сладкого бугорка... Я буду всасывать тебя, как сладкий персик, ты будешь мокрая и блестящая и кончишь у меня во рту, а потом кончишь еще... Ведь тебе этого хочется, м-м? А потом я возьму в рот все что у тебя есть — и тот бутончик, что у тебя сзади, и твои грудки, и плечи, и руки, и пупочек, и ложбинку на пояснице, твои ляжки, твои икры, твои коленки, пальчики на ногах... Я посажу тебя себе на нос и задохнусь в твоей щелочке... а ты уткнешься мне в пах, и мой толстый ствол проникнет в твой маленький сладкий ротик... и я выплесну свой фонтан тебе на язык, или на живот, или на глаза, куда захочешь... Ночи такие длинные, мое сокровище, я возьму тебя и спереди, и сзади, и все равно нам этого будет мало, и мы начнем все снова...

Он горячо шептал мне на ухо, склонившись над моим плечом, но не касался меня, и мы оба уже не понимали, где мы, что с нами, что вокруг. Мы как будто окаменели, заколдованные горячим дыханием, шедшим от него ко мне, существовавшим отдельно от нас, словно какой-то невидимый огнедышащий зверь... <...>

Днем я боролась с желанием написать Даниэлю.

Даниэль... Моя любовь, мой черный ангел. Я хочу сказать тебе, что люблю тебя, я хочу, чтобы мои слова прожгли дыру, огромную дыру в твоем теле, в твоем мире, в плотной, темной реальности твоего существования. Через эту дыру я бы привязала тебя к себе; я бы продела сквозь нее канат, каким привя-

зывают судно к пристани, и среди зимы, под ударами ветра, этот канат нещадно скрепит. Я бы сама хотела с головой нырнуть в эту дыру и плыть сквозь нее к твоему свету, плыть сквозь твою тяжелую бархатную тьму с ее муаровыми отблесками. Как бы мне хотелось, чтобы эти слова были так же сильны, как моя любовь, которая прожигает мне живот, доставляет муку. Как мне справиться с этой загадкой, как преодолеть роковую невозможность, необходимость молчать, ходить с прямой спиной что бы ни случилось, с высоко поднятой головой, хотя она идет кругом? Где ты теперь, Даниэль? Перед глазами все плывет, море поет, мужчины плачут, а меня неизвестно куда несет течением; мелькают озера ртути, я тяну руки вперед и сама себе читаю старые стихи, такие приторные. Даниэль, Даниэль, я люблю тебя. Ты слышишь? Это значит, я тебя хочу, я тебя гоню, я тебя ненавижу, ты для меня пустое место, ты меня заполняешь всю, ты у меня внутри, я тебя проглотила, впитала, я сама себя разрушаю, тону, рву себя на части. А еще я целую тебе веки и беру в рот твои пальцы, любимый мой... <...>

Днем я вернулась в родительский дом, в свою комнату. Попыталась заставить себя работать над картиной, за которую взялась, когда лето было еще в самом начале. Но дело не шло. Я стала мечтать о том, как закончится наконец лето, начнется новый учебный год, я вернусь в свою каморку, которую снимаю в городе, вновь увижу своих друзей по Школе изящных искусств, а главное – Даниэля. Я взяла бумагу, фломастеры, чернила и начала ему писать, дополняя текст рисунками.

Большинство моих сокурсников любят писать огромные картины, величиной со стену. Мне же хочется сжать мир, схватить его и уложить целиком в крошечное пространство. Я делаю миниатюры, которые надо рассматривать вблизи, а проработка деталей стоит мне многих бессонных ночей. С недавних пор мне вдруг захотелось заняться скульптурой. Начала я с того, что стала лепить мелочи из крошечных комочков глины, но после обжига мои изделия, тонкие и хрупкие, как произведения ювелиров, рассыпались, едва я брала их в руки, оставляя на пальцах только рыжую пыль.

Напрасно промаявшись над картиной, я стала читать стихи, а вечером повторяла сама себе отрывки из "Заратустры", где он пишет о горячем дыхании моря, о своих печальных воспоминаниях и стонах.

Даниэля я впервые увидела, когда он пришел в гости к брату. Они вдвоем и еще одна девица составляли рок-группу. В тот вечер девица сидела между ними на кровати, они слушали музыку, обсуждали комиксы и смеялись. Ее худые ноги, затяну-

тые в гепардовые лосины, были согнуты в коленях и поджаты. Под толстым свитером выпирала тяжелая грудь; она мотала из стороны в сторону своей маленькой стриженой головкой и громко выкрикивала слова песен. Она была у них певицей. Даниэль не сводил с нее глаз, и я сразу же в него влюбилась. Во всяком случае, так мне сейчас кажется.

Я стала вместе с ними курить и пить кофе, но не произносила ни слова. А они жались к девице и время от времени клали руку ей на ногу выше колена.

Я не слушала, о чем они говорят. Магнитофон оглушительно орал.

У Даниэля были темные волосы и черные глаза, порхавшие с места на место, как дрозды; временами они садились на меня и клевали меня своими острыми клювами.

У меня заболел живот, и я легла на пол. Девица мне решительно не нравилась. Ее груди вызывали у меня отвращение: они были как у моей Барби, с которой я играла в детстве. Зато брат и Даниэль сгорали от желания их потрогать, это было совершенно очевидно. Может быть даже, они уже это делали. Один с одной стороны, другой — с другой.

Воздух, который я вдыхала, проникал мне в легкие двумя горькими струями, от него щекотало в пупке. Я перевернулась на бок, следя за происходящим, и курила, курила, так что даже пальцы колоть стало. А девица сплетала и расплетала ноги, и лосины врезались во все ее складки, повторяя самую интимную анатомию ее тела: между ляжек вырисовывался пирожок с бороздкой посередине. Ударные колотили так, что у меня диафрагма вибрировала. Я следила за глазами Даниэля, смотрят ли они на пирожок в лосинах и выше живота, туда, где под свитером покачивались при каждом движении круглые груди.

Мерзавец не отрывал от нее глаз. <...>

...Жара становилась нестерпимой. Все разговоры были теперь только об этом. Когда мясник выходил из холодильной камеры, покупательница говорила: "Там, наверно, лучше, чем снаружи?" Он смеялся и кивал. Иногда, если дама ему нравилась и у нее был не слишком неприступный вид, он набирался храбрости и говорил: "Хотите, пойдем проверим?" Тон его при этом был самый невинный — чтобы нейтрализовать сверкающий взгляд.

На самом деле фраза его была далеко не невинной. Мне случалось видеть, как хозяин и его помощница заходили вместе в холодильник и выходили оттуда десять минут спустя, растрепанные, с физиономиями, не успевшими еще принять будничное выражение.

Однажды, когда хозяина не было в лавке, его помощница и мясник закрылись в холодильнике вдвоем. Спустя некото-

рое время мне страшно захотелось открыть дверь. Я не смогла удержаться.

Между двумя рядами подвешенных бараньих и телячьих туш стояла женская фигура, держась обеими руками за огромные железные крючья, как держатся в транспорте, чтобы не потерять равновесие. Юбка ее была задрана и закручена вокруг талии, в полумраке белели бедра и живот с черным кустистым пятном, которое в профиль было выпуклым. За ее спиной пристроился мясник, штаны его болтались где-то на щиколотках, а фартук был закручен под нависающим животом. Завидев меня, они перестали раскачиваться, но плоть мясника осталась в плену могучих ягодиц женщины.

Теперь всякий раз, как покупательница намекает на прохладу огромной морозильной камеры, я снова вижу эту сцену: женщина, подвешенная на крючья, точно туша, и мясник, пихающий в нее излишки своей плоти, а вокруг — мясо, мясо...

Люди входили и выходили. У мясника не было времени даже слово мне шепнуть. Бросая на весы бумагу с нарезанными ломтями, он делал мне знаки, подмигивал.

После той истории с помощницей хозяина я дулась на него несколько дней, не подпускала даже близко с его шепотом. Тогда он начал рассказывать, как проходил обучение на бойне. Это было жестко, говорил он, он чуть не сошел с ума. Но больше ничего рассказать не мог и замолкал, посерев лицом. <...>

Они репетировали в подвале моего дома и почти каждый раз заходили ко мне. Я начала носить облегающие штаны из черного кожзама, тесные свитера, плотно обтягивающие и подчеркивающие мою маленькую грудь, рисовать себе большущий рот, обводя его по контуру.

Девица, разумеется, тоже приходила, и я металась между восхищением, желанием ей нравиться и мучительной ревностью. Иногда мне хотелось толкнуть ее в объятия Даниэля, увидеть, как он обнимает ее за талию, прижимается губами к ее губам; я представляла себе это в замедленном варианте: их лица медленно приближаются друг к другу, губы с мягким звуком слипаются, языки сплетаются... Но если я улавливала между ними хоть малейшее движение, свидетельствующее о взаимопонимании, малейший намек на сообщничество, я готова была вырвать им глаза и размозжить головы.

Я поила всех чаем, мы курили и болтали. Если она не носила свои гепардовые лосины, то надевала короткую кожаную юбку, кружевные чулки и непременно черную куртку, дополняя костюм экстравагантными клипсами.

Однажды Даниэль сказал, что серьги придуманы специально для того, чтобы девушки не познали наслаждения от по-

кусывания мочки уха. Тогда певица сорвала с себя клипсы, плюхнулась на колени к моему брату и Даниэлю, сидевшим рядом, и подставила им свои уши, и, пока они ее кусали, она вопила истошным голосом: "О, да, да! Сейчас кончу! Кончаю!" Мы тогда все очень смеялись.

Я с любопытством и опаской наблюдала за этой троицей. Даниэль жил теперь у моего брата. Квартира была довольно большой, места им хватало, а расходы они делили пополам. Я у них бывала редко.

Они оба весело надо мной подтрунивали: из-за моих миниатюрок, а еще из-за того, что я все время сидела дома и рисовала. Со мной они взяли покровительственный тон, как будто я была их общей младшей сестренкой, и говорили, как мне идет, когда я собираю волосы в хвост на макушке, чтобы удобней было работать.

А я, мечтая, как в старых сказках, зачахнуть от любви, изводила себя тем, что ничего не ела и каждый день любовалась на себя в зеркало: ребра выпирали все сильнее, от слабости с лица сошли все краски, кроме того, у меня начались головокружения; я чувствовала себя невесомой и прозрачной.

Днем я залезала в кровать и плакала в подушку, думая о Даниэле, а кончалось все тем, что я стаскивала с себя трусики и принималась сама себя ласкать, упиваясь горьким одиночеством и доводя себя до исступления. <...>

Однажды вечером после концерта мы возвращались поздно, и брат предложил переночевать у них.

Я, наверно, битый час ворочалась на узеньком диванчике в гостиной, а потом встала, как сомнамбула отправилась в комнату Даниэля и залезла к нему в постель.

Он обнял меня, прижал к себе, и я почувствовала, как его член напрягся, прижавшись к моему животу.

Он смеялся, что я пришла к нему голая среди ночи, а я чувствовала, как во мне растет страх перед незнакомым мужским телом. Я хотела любви, я хотела Даниэля, я отчаянно прижималась к нему вся целиком, всем своим жаром, и впитывала его жар. Он вошел в меня дважды в ту ночь, дважды сделал больно, дважды кончил, излившись на меня.

Потом наступило утро. Я пошла домой пешком. Я смеялась и пела. Высшего наслаждения ночью я не испытала, зато рассталась со своей девственностью и с ума сходила от любви.

Как же все было? Я поднялась в темноте и, точно кошка, прокралась по черному коридору в кровать Даниэля; у меня в животе зияла дыра, а он был горячий и сонный в своем уютном логове. Два полуночных зверя унюхали друг друга, при-

жались, сплелись, слились; я трогала его голую кожу, вдыхала его запах; он вложил свою плоть в мою плоть.

Его плоть во мне... Уже перевалило за полдень, а я все еще млела. Но позвонить не решалась. А вечером узнала, что Даниэль с родителями уехал на каникулы.

Вернувшись в то утро домой, я набросилась на апельсины: сидела, ела их и вспоминала, как все было, и не переставая улыбалась. Мне даже не приходило в голову тогда, что Даниэль может уехать. Я не знала, что он будет все время куда-то уезжать и подолгу не возвращаться; что мне придется все время его ждать, и так мало будет ночей, проведенных вместе, а наслаждение так и не придет.

Я посмотрела на мясника и неожиданно для себя почувствовала, что хочу его. Конечно, он не красавец, особенно в своем фартуке, заляпанном кровью, обтягивающем жирный живот. Но тело его не было мне отвратительно.

Почему? Потому что август выдался жарким? Или потому, что я два месяца не видела Даниэля? Или слащавый шепот в ухо так сильно на меня подействовал? Я едва скрывала возбуждение. В лавку входили мужчины, я представляла их голыми, пыталась вообразить, как у них стоит, и мысленно засовывала их в себя. Женщины, на которых пялились хозяин и мясник, — им я мысленно задирала юбки, раздвигала ноги и предлагала их мужчинам. У меня в голове роились абсолютно неприличные мысли и видения, а биение пульса в самом укромном месте перекочевало в горло. Мне хотелось запустить руку себе между ног и, спрятавшись за кассу, довести себя до спазма — но этого было бы мало, я бы этим не насытилась.

Я решила, что днем пойду с мясником.

Даниэль... посмотри, как меня трясет, посмотри, что со мной творится. Положи руки мне на лоб, чтобы мой мозг, мое тело успокоились. Овладей мной, возьми меня, заставь меня содрогнуться от пульсирующего восторга!

Знаешь, Даниэль, я тут начала писать натюрморт — букет роз. Не смейся, но я не знаю, как передать цвет лепестков, их нежность, шелковистость, бархатистость, их тонкость, их запах. Хожу вокруг этого букета, пытаюсь и так, и сяк — да все зря.

Смешно, правда? Мы хотим поймать в свои сети мир и перенести его на бумагу с помощью карандашей и красок, одной правой рукой. Но мир нас знать не знает, он от нас ускользает. Когда я вижу небо, море, когда слушаю шум прибоя, когда лежу в траве или смотрю на розу — мне хочется плакать. Я зарываюсь в розу носом, я сосу стебелек травинки — но ни роза, ни травинка не раскрываются передо мной, они все равно хранят свою тайну.

А тебя никогда не поражало, что в огороде вырастают такие огромные тыквы? Лежат себе, невозмутимые, сияющие, как Будда, тяжелые, как ты сам, на круглой, как тыква, земле — и вдруг ты теряешь ощущение реальности, смотришь на все как впервые, и собственное тело кажется тебе каким-то новым и чужим, и ты понимаешь, что не знаешь этого мира, ты в нем как слепой. А огород живет себе своей жизнью, и в нем свисают с веток блестящие, налитые помидоры и плотно запечатанные стручки фасоли, и кудрявится петрушка, и раскрывает круглые лапки латук. Что еще остается, кроме как уйти потихоньку, словно ты попал сюда не по праву?

Даниэль, сегодня, может быть, я пойду к мяснику. Не злись, люблю я все равно только тебя. Но мясник — он весь из мяса, а душа у него как у ребенка.
Даниэль, я пойду, наверно, к мяснику. Что это меняет, я все равно люблю только тебя. Но мясник — развратнейший тип, и я не хочу, чтобы он на меня облизывался.

Я помню, как ты испугался, Даниэль, когда увидел меня сидящей на подоконнике у раскрытого окна — четвертый этаж как-никак. Ты тихонько подошел ко мне сзади, схватил за талию. Ты хотел меня напугать. Мы стали хохотать, и я еще некоторое время болтала в воздухе ногами. А потом ты подхватил меня и унес на кровать. Мы тогда были вдвоем, никого больше не было. Я лежала на кровати навзничь, свесив голову, и видела комнату вверх ногами, а ты сидел на мне и держал меня двумя руками за шею, и тихонько сжимал, и потолок кружился у меня перед глазами. <...>

Если я пойду к мяснику, Даниэль, я этим уничтожу нас с тобой. Мясник ляжет на меня своим толстым животом, и твое стройное, крепкое тело исчезнет. Я любила твои широкие, худые плечи с россыпью веснушек. Я любила твои черные, мягкие волосы, твои узкие губы, твой прямой нос, твои уши, глаза, я любила твой голос, твой смех. Я любила твою грудь, твой плоский живот, я любила твою спину, по которой пробегала пальцами. Я любила твой запах и даже не мылась — специально для того, чтобы подольше его сохранить. Я любила шагать по улицам тебе навстречу, и улицы говорили мне: он там, за тем поворотом; снег сверкал, и толпа расступалась, чтобы дать мне дорогу; во всем городе были только я и солнце на небе, и мы оба шли к заветному подвалу, где меня ждала любовь, где я распахну объятия, пальто, ноги, где я сама тебя раздену и ты ляжешь со мной рядом, тело к телу, глаза в глаза, рот в рот, где я всосу тебя всего, целиком, и ты

останешься во мне. Я любила ждать тебя, Даниэль, я любила то, что у тебя там, внизу живота, и что я никак не решалась взять в руки. <...>

Жара становилась удушающей. Мясник сделался серьезным и пристально заглядывал мне в глаза всякий раз, как поворачивался к весам. И всякий раз сладковатый запах, исходивший от мяса, отзывался во мне смятением.

Я думала о том, что забыла поменять воду в розах, а они все стоят и все такие же красивые. Мне, разумеется, не удалось передать все оттенки их цвета — градации выцветшей обивки старого кресла, только в их лепестках больше прозрачности, больше тончайших переходов, от изысканно-розового до бледно-коричневого по краешку лепестков.

Я растворяюсь в разогретом воздухе, меня убаюкивают монотонные движения за кассой, настойчивые, постоянные взгляды, бросаемые мясником. Я увязаю в безвольном ожидании; время и все, что вокруг, скользит мимо меня; мое тело наполовину мертво и безучастно, а наполовину находится во власти тайных процессов брожения.

От людей, которые заходят в лавку, пахнет солнцем и маслом для загара; у мужчин икры еще в песке, у женщин песок на затылке и на сгибе рук; дети тащат в одной руке ведерки и лопатки, в другой держат ванильное мороженое. Хозяин и мясник снуют от прилавка к чурбану для рубки мяса, от мясорубки к холодильнику...

Перерыв. Помощница хозяина накрыла стол на улице, под деревьями. Хозяин, мясник и другие работники пьют уже по второму аперитиву, обмениваются шутками, перемежая их громкими взрывами хохота.

Помощница принесла блюдо с колбасной и ветчинной нарезкой и миску с салатом из помидоров. Когда она оказалась возле хозяина, он положил руку ей на ягодицу. Не долго думая, она подставила другую.

И тут разразилась гроза. Вспышка молнии, гром, и сразу дождь. Теплый и густой летний ливень.

Толкаясь, крича и смеясь, все принялись перетаскивать еду и стол в дом.

С платанов потекли ручьи. <...>

Мы оба молчали. Я смотрела, как ходят туда-сюда дворники на залитом дождем стекле и вдыхала острый запах моих мокрых волос, прилипших к лицу.

Он открыл дверцу машины, протянул мне руку. В моих пластиковых босоножках хлюпала вода. Он привел меня к се-

бе, усадил на диван, принес кофе. Потом включил радио и попросил подождать минут пять, пока он примет душ.

Я подошла к окну, отодвинула занавеску и стала смотреть на дождь.

От льющейся воды мне захотелось писать. Выйдя из туалета, я толкнула дверь ванной. Там было парко, стены запотели. За занавеской угадывался массивный силуэт. Я отодвинула немного штору и стала смотреть. Мясник протянул мне руку, но я увернулась и предложила помылить ему спину. Встав на бортик душевой кабины, я сунула руки под горячую воду, взяла мыло и стала тереть его в руках, пока они не покрылись густой пеной.

Я принялась гладить мужское тело мыльными ладонями, начав с затылка и постепенно, круговыми движениями, спускаясь ниже. Широкие плечи были белыми, крепкими и мускулистыми. Я спустилась вдоль позвоночника, прошлась по бокам, захватив немного живот.

Потом вернулась к плечам и намылила поочередно обе руки. Тело было расслаблено, но я все равно чувствовала, как под моими ладонями перекатываются упругие мышцы. От локтей до запястья руки были покрыты шерстью, и мне пришлось снова взяться за мыло. Так я добралась до подмышек, глубоких и мохнатых.

Еще раз намылив руки, я начала массировать ягодицы, довольно мясистые, но красиво вылепленные там, где поясница переходит в мышечную ткань, и не показывающие никаких признаков дряблости там, где начинаются ноги. Я никак не могла остановиться и все гладила и гладила эти округлости, пытаясь выучить их и глазами.

Затем я перешла к ногам — крепким и твердым, с бугристыми мускулами и густой растительностью. Я ощутила, что попала в незнакомую страну, совсем дикую. Я приближалась к скульптурному чуду щиколоток.

Он повернулся ко мне. Я подняла голову и на уровне своего лица увидела два налитых шара и толстый ствол, вздымавшийся вертикально вверх. <...>

Дождь все не прекращался. Утонув в огромной футболке, которую он дал мне надеть, я стояла на коленях на стуле, опершись локтями о подоконник.

Если бы я понимала язык дождя, я бы, наверно, его записала, но все и так его знают и могут в любой момент вспомнить. Сидеть в уютной норке, когда за окном бушует непогода, льются ручьи, разливаются реки... Заниматься любовью в тесном пространстве машины, когда по крыше барабанят капли... Дождь раскрепощает тело, делает его более свободным, сочным, податливым... Жадным до другого тела, готовым к слиянию, похожему на слияние улиток...

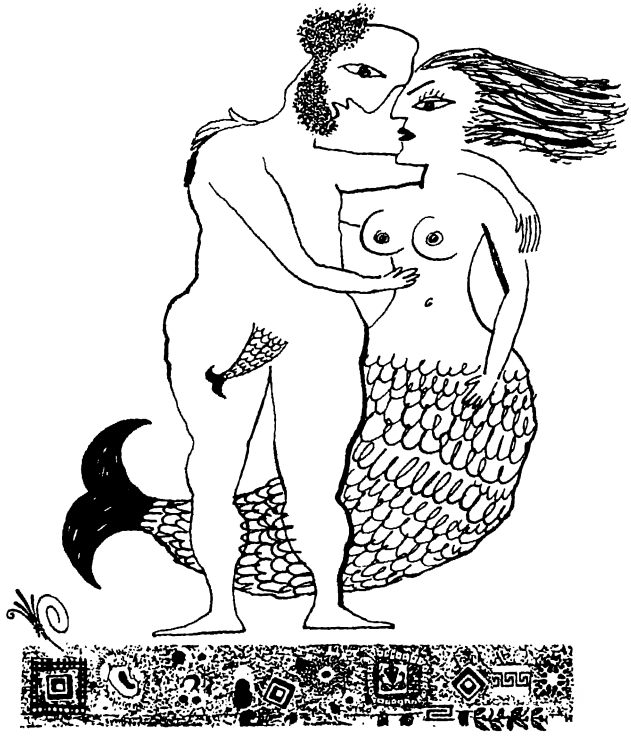
Я настояла, что надену свое мокрое платье и отправлюсь домой пешком. Дождь стих.

Как-то так получилось, что я оказалась на берегу моря. Был прилив, на промокшем пляже — никого. Я подошла к воде. Она была темная, в ней плавали клочья водорослей. Я зигзагами пошла вдоль берега, то отходя от кромки прибоя, то возвращаясь, а море накатывало, неся с собой мириады пузырьков, похожих на мыльную пену.

Дюны цветом и очертаниями напоминали человеческое тело.

Я погрузила пальцы в мягкий влажный песок. А море продолжало ласкать берег, терлось об него, искало наслаждения.

В чем же еще состоит любовь, как не в жгучей боли желания, ревности и разлуки?



Пьеретта Мишлу

Стихи из сборника "Она, одетая в ничто"

Перевод Ирины Волевич

Пьеретта Мишлу [*Pierette Micheloud, 1915–2007*] – *швейцарская поэтесса, эссеистка и писательница. Между 1945 и 2004 годами опубликовала более двадцати поэтических сборников, в которых многие эротические стихотворения посвящены женщинам. С начала 50-х годов жила в Париже. В 1964 году вместе с Эдит Мора создала во Франции комитет по присуждению Премии имени Луизы Лабэ за поэтические произведения. В Швейцарии существует Фонд Пьеретты Мишлу, где хранятся все ее произведения, вышедшие и неопубликованные, – поэзия, эссе, романы, пьесы, в том числе сборники стихов "Времена года"* [*"Saisons", 1945*], *"Сладко-горькая"* [*"Douce-Amère", 1979*], *"Вишневый сад"* [*"La Cerisaie", 1990*], *"Ностальгия по невинности"* [*"Nostalgie de l'innocence", 2006*]. *Публикуемые стихи взяты из сборника "Она, одетая в ничто"* [*"Elle, vêtue de rien", 1990*].

Перевод стихов выполнен по изданию "P. Micheloud. Elle, vêtue de rien" [*Paris: L'Harmattan, 1990*].

Collection Poètes des cinq continents, © Édition L'Harmattan, Paris, 1990
© Ирина Волевич. Перевод, 2012
Автор фотографии Henriette Grindat.

* * *

Озаряют ночную тьму
Твои груди эти холмы
Дерзкой языческой плоти

Но осмелятся губы мои
Вверх забраться уступами ласк.

* * *

Прозрачная вода твоих блаженных слез
Соленое сиянье
Родство морское наше

Разбившись о скалу
Неистовая лира
Вновь возрождается
Чтобы разбиться вновь
И нет конца их сшибке. Psappha[1].
Сестра моя по боли.

* * *

Любовь моя столикая любовь
Не потеряла ль ты жемчужный блеск
Прибрежной устрицы которую я смерти
Ради тебя осмелилась предать?

В приливе подступившем
На островках твоих зрачков
В обводе водорослей черных
Вот где убила я ее
Чтоб одарить тебя мерцаньем перламутра.

В том перламутре — тайна бытия
В тех створках замкнутых сокрыта мудрость
И трепет потаенный
Души едва родившейся на свет.

* * *

О не трудись...
Все пифией уже изречено

И вижу я в окне
Две тени — тень твою и тень другой.

1. Псапфа — подлинное эолийское имя древнегреческой поэтессы Сапфо, означающее "ясная, светлая". (*Прим. перев.*)

Ваш дом и вашу спальню
Светильник ваш и ваше ложе.

* * *

Вы схожи точно сестры
Ты женщина и ты ночная тьма
Снег сохранит
Теней мерцанье
И запечатает уста любовью вечной.

* * *

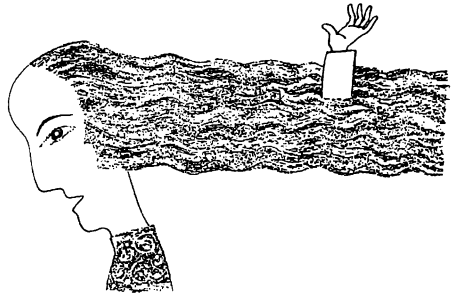
Влюбленной саламандрой мой язык
Твою ласкает кожу. Там луна
Растущая собою затмевает
Янтарный сочный цвет
Твоих далеких от меня заветных пляжей.

* * *

Багряная комета
Волос твоих

Они летят в пространстве
Твои колени обвивая
Их пламень охватив уста
Рекой безбрежной разольется
И ярко вспыхнет напоследок
В распадке лона потайном
В его манящих буйных джунглях

Когда б мой взгляд не воспевал
Планету островов
Мне красота твоя
Внушала бы боязнь
И все ж мой сребоносный сладкий яд
По капле проникает в плоть твою
Такую нежную что каждое касанье
В ней след оставит
Комета огненная в женственном обличье.



Жанина Массар

Хильдерик и Кати в одной лодке

Рассказ

Перевод Ирины Волевич

Жанина Массар [*Janine Massard*] *– родилась в Швейцарии, выросла в бедной рабочей семье, где было четверо детей, в юности перепробовала множество занятий: работала воспитательницей в детском саду, продавщицей, телефонисткой, секретарем, школьной учительницей. Проучившись три семестра на филологическом факультете университета Лозанны, посвятила себя литературной деятельности. Массар – автор многих романов и рассказов, лауреат нескольких литературных премий. Ее автобиографический роман "Мелочи бытия"* [*"La petite monnaie des jours"; премия Шиллера, 1986*] *был переведен на русский язык и опубликован в издательстве "Феникс".*

Перевод публикуемого рассказа выполнен по изданию "J. Masard. Childéric et Cathy sont dans un bateau" [*Bernard Campiche Éditeur, 2010*].

© Bernard Campiche Éditeur, 2010
© Ирина Волевич. Перевод, 2012

ЖЮДИТ пытается успокоиться, убеждая себя, что ничего страшного еще не произошло, что ее отец одумается. Но тщетно – ей плохо, в ней все кипит от еле сдерживаемой ярости, а главное – от непонимания: Хильдерик решил сменить пол! Будучи отцом, наделенным чувством ответственности, он дождался, пока его дети вырастут, и лишь тогда дал волю своей женской ипостаси, до поры до времени дремавшей в недрах его существа. Теперь настал момент решительно перейти на другую сторону, "подобно тому генералу корейской армии"[1], – объявил он с важным видом. Дочь растеряна вконец: папа всегда был украшением их семьи. Мама Исалина, уроженка Н., происходившая из семейства мелкопоместных дворян-протестантов, неизменно держалась прямо, словно аршин проглотила; в их родительском дуэте она играла роль "каменной стены" тогда как папа, напротив, вечно рассказывал всякие фантастические истории и объяснял бытовые неурядицы кознями злой феи Гадафу из Гспона[2], на которую взваливал ответственность за все напасти в мире, включая исчезновение динозавров! Взрослея, Жюдит постепенно стала обнаруживать в замшелой фее некоторое сходство с Исалиной, уроженкой Н.: видимо, это позволяло Хильдерику переносить старозаветную суровость своей половины и камуфлировать шутовскими выходками упреки, которые он не осмеливался адресовать ей напрямую в присутствии детей. Джимми, брат Жюдит, на три года ее младше, прекрасно понял суть этой уловки, и в один прекрасный день, получив в коллеже самую низкую отметку за контрольную по математике, беззаботно прокомментировал сей результат заявлением, что, пока он писал, фея Гадафу из Гспона неотступно торчала у него за спиной, щипала его за руки и надудела в уши неверные ответы. Эта наглая, неприкрытая ложь младшего братца, которую Жюдит была склонна приписать первому опыту курения гашиша, сильно позабавила отца, и он тотчас предложил себя в качестве домашнего репетитора по математике. "Так неужели, – думает Жюдит, анализируя его неодолимую тягу к подобной метаморфозе, – неужели это фея Гадафу из Гспона 'надудела ему в уши' желание превратиться в женщину?"

Отец долго говорил с ней намеренно бесстрастным тоном. Она что-то ему отвечала, но теперь, оставшись одна, уже не знает, что именно: воспоминания скрыла какая-то черная

1. В корейской армии были нередки случаи смены пола среди офицеров высшего звена; в результате, в военный устав был включен пункт, запрещавший менять пол мужчинам, пока они служат в армии. (*Здесь и далее – прим. перев.*)
2. Гспон – высокогорная швейцарская деревня.

пелена (может, это инстинкт самосохранения?) Лежа в темноте, она мысленно взывает к нему, перечисляет проблемы, перед которыми он поставил ее. Например, как ей называть отца, говоря о нем с другими? *Пама? Матец?* И что она скажет своим сыновьям (вернее, одному Дамьену, потому что младшему всего одиннадцать месяцев, и он пока не знает, что такое семья в социальном плане. Неужели ей скоро придется ему объявить: твой дедушка Хильдерик стал женщиной?! Кстати, каким местоимением его теперь обозначать — он, она, оно? Понимает ли отец, догадывается ли он, что топчет самые дорогие ее воспоминания? По мере того как Жюдит перебирает все эти вопросы, в ней снова вскипает ярость, неуемная, как в годы отрочества. Скоро от ее отца не останется ничего отцовского...

И все же в глубине души она знала, что перенесет эту метаморфозу. Не сам ли отец уверял ее, что без умения адаптироваться к новым ситуациям человечество не достигло бы того, чего достигло. Ей придется принять это, у нее нет другого выхода, просто она принадлежит (и отец прекрасно знает это) к той категории тяжелодумов, которые "медленно запрягают". Ее брат Джимми, напротив, одобрял эту будущую новую жизнь: было бы из-за чего шум поднимать, сказал бы он. Джимми всегда выражался таким образом, и это понятно — он холостяк, любитель гульнуть, и его забавляла пикантность ситуации. А что тут такого, отец свободен в своем выборе: с Исалиной, уроженкой Н., он состоял в разводе, значит, теперь он изменит свой гражданский статус, пол, имя и будет жить с каким-нибудь мужчиной; чувство приличия, конечно, не позволит ему связь с женщиной. Денег у отца предостаточно, чтобы пластические хирурги искромсали его с головы до ног, превратив в красотку. Когда эта женщина, таившаяся в нем, появится на свет, ребенок, который до сих пор живет в душе Жюдит, почувствует себя обездоленным и обманутым. Интересно, как отреагировал бы отец в его молодые годы, с его рассказами о деяниях Гадафу из Гспона, если бы *его* мамаша объявила ему, что̀ хочет стать мужчиной? Такое даже представить себе немыслимо, в те времена о толерантности и не слыхивали, но вот странное совпадение: отец дождался смерти родителей, чтобы развестись и дерзко посягнуть на собственное тело! Любопытно, не правда ли, что он выказал уважение к своим предкам, а не к потомкам. Вероятно, думает, что рожденные в последней трети XX века легко смиряются с самыми смелыми мутациями современного общества. Ах, отец, как мне отыскать доступ в это новое сердце, как постичь его?! Как перенести столь жестокий шок?! Можно ли горевать об отце, поглощенном женщиной?! Легко ли свыкнуться с тем, что возврата не будет?!

Когда Жюдит увидела отца сразу после преображения, ее всю затрясло, словно перед ней был призрак; он распахнул дочери объятия, но она, отшатнувшись, рухнула в кресло, и с ее губ полились слова, поток слов, которые звучали так, будто их произносил кто-то другой; впрочем, что тут удивительного, если и отец-то был уже ненастоящий. Слова выражали сотни раз пережеванные мысли, донимавшие ее все то время, что он подвергался трансформации. И теперь она говорила: "Ну вот, операция состоялась, ты полностью изменил свое естество, ты входишь в новый для нас период... Я полагаю, ты доволен своей теперешней внешностью, ты все предусмотрел заранее и получил, что хотел: тонкий нос, миндалевидные глаза, гладкие веки, округлые щеки. Из Хильдерика ты превратился в Катарину, в Кати, — для себя, но для меня ты все еще папа... Твое лицо с ярким макияжем привлекает внимание и шокирует утрированной женственностью. Мне кажется, вид твоего грациозного силуэта, затянутого в шикарное платье, — от Диора, ни больше ни меньше! — приводит в ужас только меня одну. Кто же ты теперь? Существо с надменной статью в духе Марлен Дитрих, цепляющейся за свой имидж сорокалетней дивы? Твой баритон и твой кадык делают малоубедительным персонаж, который ты воплощаешь. А уж твои ноги, па... твои ноги, Ка... гм, твои ноги, папа... ох, нет... нет у меня больше папы!

Кати!

Нет сил называть тебя этим именем, мой рот словно набит камешками, мешающими вымолвить "Кати"... Так и напрашивается "ката" — катастрофа, как будто меня накрыл твой послеоперационный шок; это "папа-ката" прозвучало помимо моей воли... ты, наверное, скажешь, что тому виной тесная духовная связь между нами, или мое недовольство, или, наконец, просто тугодумие. А может, боль? О, если бы коммунизм еще оставался мировым злом, я бегом побежала бы записываться в местную ячейку, чтобы стать непримиримым борцом за классовое равенство, из-за одного только удовольствия посмотреть, как ты впадешь в ярость и как она превратит твое новенькое гладенькое личико в морщинистую маску.

— ...я хотел бы повидаться с Дамьеном.

Так-так... значит, хочешь повидаться с Дамьеном, твоим старшим внуком, которому уже пять лет; узнаю твою тягу к продолжению рода. Вот уже несколько месяцев, как ты его не видел — по причине "перерождения дедушки". Мы с Патриком придумали для него байку о деловой поездке, я даже присочинила, что дедушке предстоит пересечь пустыню, а оттуда эсэмэски не доходят... В общем, мы измыслили для исчезнувшего дедушки целое фантастическое путешествие, и как теперь объяснить ребенку, что творец феи Гадафу из Гспона будет отныне расха-

живать в шикарном женском платье с фиктивными женскими формами под ним (а кстати, фиктивными или фальшивыми?). Дамьен, наделенный способностью обо всем судить самостоятельно и безапелляционно, молчать не станет, и ты сильно рискуешь... ага, кажется, мысль о детской непосредственности заставила тебя нахмурить подбритые бровки, значит, я достигла своей цели!

— ...Дамьен...

Ты убежден, что голос крови его не обманет, что он в любом случае узнает тебя. Это мне напоминает святую веру наших предков в Суд Божий: рука, опущенная в кипящее масло, останется невредимой, подтвердив невиновность испытуемого. Что ж, такая вера важней реальности, без такой опоры на чудо человечество все еще не слезло бы с дерева — надеюсь, хоть с этим ты не будешь спорить. Вот и справляйся теперь с действительностью, ибо кто, кроме тебя самого, сможет объяснить твоему внуку, что ты всю жизнь чувствовал себя женщиной до кончиков ногтей, ныне покрытых алым лаком? Психоанализ подскажет тебе нужные формулировки. Давай, расскажи ему, опиши во всех подробностях свои былые душевные страдания, которые мне непонятны хотя бы уже потому, что в мире более миллиарда человеческих существ живут на грани голодной смерти. Интересно, мечтают ли эти люди о смене пола и есть ли у них на это средства? С мамой говорить на эту тему бесполезно, несмотря на двадцать лет вашей совместной жизни. По ее словам, она уже со всем смирилась, хотя всегда ревновала к нашей с отцом близости и потому боялась, что когда-нибудь у меня возникнут *проблемы с мужчинами*; но могла ли она, родившаяся в протестантской семье, где свято чтили застывшие традиции, вообразить, что эта *проблема* возникнет у отца ее детей, пожелавшего стать женщиной?!

К этому нужно добавить языковую проблему, требующую сменить весь наш привычный лексикон, а это куда сложней, чем сказать себе: "мой папа стал бабой" или "дедушка моих детей превратился в женщину". Кто посмеет отнестись к этой ситуации с юмором, даже если она в чем-то и выглядит комичной? Вот видишь, я верчусь на одном месте как волчок, и трещу как сорока...

— ...но Дамьен...

Ах, конечно, Дамьен... ты хочешь с ним встретиться, посмотреть, как он вырос... узнаю прежнего любящего отца. Если он бросится в твои объятия с криком: "Дедуля, ну, где ж ты пропадал?" — семейство умиленно зааплодирует; тут-то мы и убедимся, что наши дети легко свыкаются с любыми переменами. Такой вариант был бы совсем неплох, ведь кроме Дамьена есть еще и Жереми. Исалина привыкла сидеть с внуком по средам. Она с ним гуляет, рассказывает сказки, водит в кукольный театр... В эту среду она тоже поедет за Дамьеном в детский сад, вот и уговори

ее взять тебя с собой, у нее нет причин для отказа; ты подождешь его во дворе вместе с ней. И не беспокойся, я ничего ему не скажу, да у меня попросту язык не повернется сообщить ему такое. Пускай ребенок, невинная душа, разбирается сам!

И вот наступила среда, день встречи. Дамьен радостно бросился к бабушке, как обычно ждавшей его у выхода. Но, увидев рядом с ней странную спутницу, встревожился, а услышав "Здравствуй, Дамьен!", произнесенное низким баритоном, завопил, что это "не настоящая дама, а липовая, лицо у нее — как у клоуна, и шишка у нее на горле, как у его папы, и губы жирные, и ножищи огромные, и ручищи страшные, такими только маленьких детей душить". И, дрожа как осиновый лист, заключил:

— Не хочу, чтобы она ехала с нами в машине, это волк, переодетый бабушкой!

Исалина, восхищенная живостью ума и остротой восприятия своего внука, с нескрываемым удовольствием пересказала эту сцену дочери. В каждом ее слове звучало злорадное торжество. Она была в восторге от того, что современные дети так смело выражают свои эмоции, наплевав на традиционное почтение к всемогущим взрослым.

"Все-таки эта детская жестокость ужасна, бедный папа Кати!" — подумала Жюдит, отметив про себя, что впервые назвала отца "папа Кати", а не "ката...". Но тут же решила умерить злобную радость, которая угадывалась под маской благопристойности, надетой матерью, и напомнила ей, что дети растут быстро и время проходит так же быстро. Кто сможет сейчас предсказать реакции Дамьена-подростка? Может, ему даже понравится величать своего деда "Кати". В этом возрасте мальчишки любят шокировать окружающих эпатажными выходками. Кто, например, помешает ему вдруг, ни с того ни с сего, огорошить приятелей гордым заявлением: "Ну, у меня дома есть кое-что покруче: мой дед — женщина!" — или сказать то же самое на менее изысканном языке, который обожают все подростки: "Эй, ты, крезанутый, а мой дед — баба!"

Исалина попросила Жюдит оставить при себе свои злобные выпады: пока Дамьен подрастет и поумнеет, время все расставит по своим местам. Типично исалиновский стиль: держать язык за зубами во имя соблюдения приличий, не давать воли эмоциям ради семейного единства и общественного спокойствия... "Ох, до чего же все это нелепо!" — подумала Жюдит, но больше не посмела атаковать "каменную стену".

Вечером того же дня, когда бредовая выходка отца едва не поставила под угрозу устоявшуюся жизнь семьи, Жюдит читала Дамьену сказку, полную фантастических приключений, и вдруг ей пришло в голову, что, если бы ее сыновьям не предстояло вырасти, напрочь забыв волшебный мир детства и

вступив в следующий безжалостный, железобетонный мир школьной жизни, она могла бы сказать им спокойно, как ни в чем не бывало, что их дедушку превратила в женщину зловредная фея Гадафу из Гспона, и ее заклятие потеряет силу только после свадьбы старшего из них. Во времена фей и колдунов детей женили очень рано, поскольку продолжительность жизни была короткой, и злые чары, соответственно, разрушались гораздо быстрей. Но кто же, кто в наши дни позволит себе, не рискуя прослыть дураком или полным психом, прибегнуть к такому решению?!

Тупик. Остается только ждать.

Уютно примостившись в теплых надежных объятиях Патрика, Жюдит никак не может определить собственное состояние: проснулась она, что ли, или еще дремлет, или ей снится, что она не спит? Во всяком случае, она слышит, как скрипит зубами, а в голове у нее мелькают бессвязные картинки: вот Исалина, уроженка Н., закутанная в мантию Царицы Ночи, сотрясаясь от необузданной ярости, в какую обычно впадают разгневанные дивы, нанимает через интернет киллера-пакистанца, чтобы заказать ему это новое существо, этого мутанта, — бывшего отца и деда, подорвавшего семейные устои и посеявшего смуту в мозгах ее дочери. Мотив: избавить Дамьена и Жереми от тягот отрочества... Преступление во имя благой цели — разве это не разумно, дооочь моя-а-а?!

Матушка, матушка, да имеешь ли ты право?..

Потом все улаживается: Гадафу из Гспона, наконец, обезврежена, Кати снова превращается в Хильдерика, дети обретают прежнего деда, который, в свой черед, начинает рассказывать им волшебные сказки. Жизнь входит в привычную колею, *happy end*! Кошмар окончился, едва начавшись.

Но тут раздается глухой шум, и чей-то голос кричит:

— Кто там колотит в дверь?

— Я, реальность. Отворяй скорей!

— А я продавец снов. Прочь отсюда!

И Жюдит слышит собственный голос:

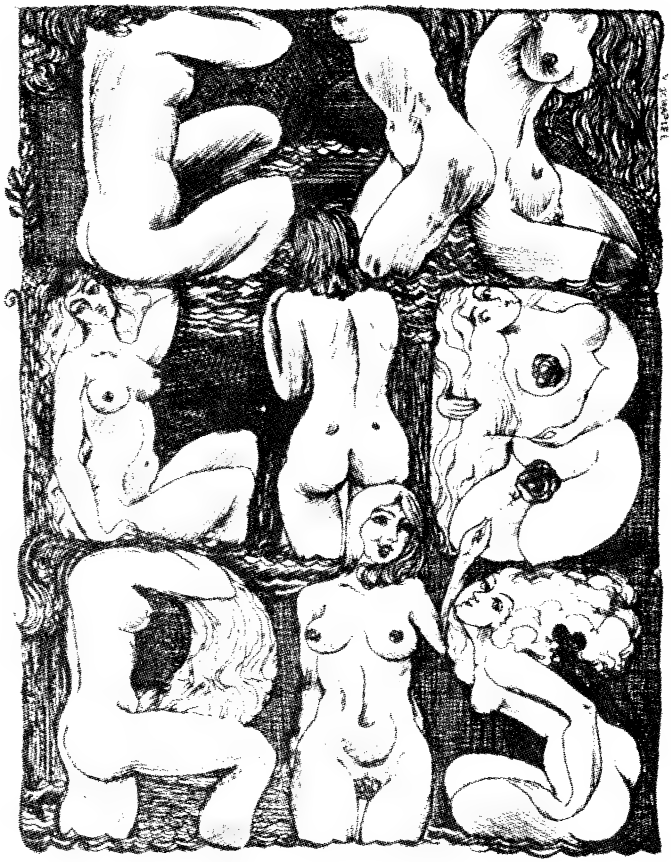
Хильдерик и Кати
В лодочке плывут.
Хильдерик упал за борт,
Кто остался тут?

— Никто, — отвечает реальность, — поскольку один из них заключен в другом.

Жюдит вслушивается в мерные удаляющиеся шаги и чувствует, что ей безумно хочется проснуться, а потом слышит — или, может, ей только чудится, что слышит, — череду ясных

звуков, коротенькую мелодию, сложенную из нескольких простых нот. Но до чего же странно: звук “а” вдруг начинает растягиваться, искажая слова: опера-а-ация, деформа-а-ация, адапта-а-ация, а следом разверзаются другие бездны: “катастрофа” переходит в “ката”, “ката” в “ката-ге”, а “ката-ге” вырастает до катагенеза[1].

— Как же так, — шепчет Жюдит, — ведь это обратная эволю-у-уция!..



1. Катагенез — один из видов эволюции, при котором происходит упрощение организации биологических видов.

Дороте Жанен

Моя мама

Рассказ

Перевод Александры Васильковой

Дороте Жанен [Dorothée Janin] – современная французская писательница и журналистка, автор романа "Жизнь на земле" ["La Vie sur terre", 2007] и сборника из пятнадцати новелл "Микки Маус Розенбергер и другие заблудшие" ["Mickey Mouse Rosenberger: et autres égarés", 2010]; снимается в кино; работает в журнале "Grazia". Рассказ "Моя мама" ["Ma mère"] взят из этого сборника.

В наше время тема смены пола довольно часто встречается в кино и в литературе. Вероятно, грядущие поколения будут относиться к этой проблеме спокойно, как поколения второй половины XX века научились невозмутимо относиться к свободной любви.

Перевод рассказа выполнен по изданию "D. Janin. Mickey Mouse Rosenberger: et autres égarés" [Denoël, 2010].

МОЯ мама красивее твоей. Да что говорить – она красивее всех женщин на свете, вместе взятых.

Когда моя мама идет по улице – береги глаза, бывает, у людей зрачки наизнанку выворачиваются. Дело прež-

© Editions DENOËL, 2010
© Александра Василькова. Перевод, 2012

де всего в ее походке: мама ступает так, будто ее ноги — два маятника в неустанном встречном движении. Если прочертить на тротуаре линию, соединяющую ее следы, то линия эта окажется прямой, как стебель подсолнуха, и потому все остальное ритмично покачивается вправо-влево. Подбородок у нее всегда задран, а спину она держит до того прямо, что кажется, будто к макушке у нее привязана нитка, которая тянется к небу. Волосы у нее светлые, можно подумать, это парик, носик маленький-маленький, хорошенький, с крохотными ноздрями, словно кто-то — тюк, тюк — поставил кончиком кисти две аккуратные точечки. Глаза зеленовато-синие и отливают всеми цветами радуги, как нефтяная пленка на луже, а ресницы длиннющие — и как только верхние с нижними не перепутываются, когда она ими взмахивает: медленно, долго опускает и поднимает, а иногда машет быстро-быстро, ресницы так и мелькают, словно крылья привязанной за лапку колибри. Но самое чудесное — то, что мне нравится больше всего, — ее акцент. Думаю, она нарочно его подчеркивает. Во всяком случае, она никогда не пыталась от него избавиться, это уж точно.

Она сальвадорка. Я по рождению — тоже. Но я там только родился и надолго не задержался, она за мной приехала. Часто во время обедов на тридцать персон в длинном зале с огромным столом и стенами, расписанными натуралистическими пейзажами джунглей, мама рассказывает о том, как выбрала меня. — Так вот, иду я мимо детских кроваток, за мной по пятам — две няньки, я говорю — этого ни за что, поглядите только на его нос, точь-в-точь как морда гималайского медведя; а этот — с малюсенькими глазками, о нем нечего и думать, какой-то карликовый крот; да вы что, не может быть, чтобы вы мне всерьез предлагали эту, сразу видно беспросветную, тупицу, что же из нее вырастет? И тут я увидела его, моего ангелочка, он только меня и ждал, я сразу поняла, что это он, мой человеческий детеныш, тот, кому я дам все, чего не получила сама, маленький брошенный инка с миндалевидными глазами и кожей цвета красной глины.

И мы улетели на самолете. Мне было два года, но весил я не больше девятимесячного младенца. Ночами она не отходила от меня, потому что я орал не умолкая, и, если она оставляла меня одного, я бился головой о стену или сползал на пол и тупо сидел, бессмысленно глядя перед собой, и не переставая раскачивался. Так что моя мама не только красива, она еще и ангельски добра, ей часто об этом говорят. А ведь могла бы и озлобиться. Не знаю, что ей пришлось пережить в Сальвадоре и потом, после того как она приехала во Францию, но думаю, приятного было мало. Но моя мама не желает говорить о неприятных вещах. До чего же это скучно — умирать, гово-

рит она, умирать по-настоящему... А когда я начинаю расспрашивать, она отвечает: поверь мне, милый мой, любимый, солнышко мое, на самом деле, ты не хочешь этого знать, но я могу тебе поклясться, что с тобой такого не случится. Теперь она богата. Как только у нее появились деньги, она сразу забрала меня из приюта. Видишь ли, объяснила она мне, ты — первый нелепый подарок, какой я себе сделала! Моей маме нравится изображать из себя Круэллу[1], но она совсем не такая. Морису, например, она всегда старается угодить. Деньги у нас есть благодаря ему, но она могла бы его и бросить, дом записан на ее имя. Морис старый, кожа у него загорелая, как утиная грудка на гриле, а волосы белоснежные с голубым отливом, одна прядка каштановая. Моя мама его любит — конечно, из-за его денег, но любит. Благодаря ему она может делать то, что ей нравится, — рисовать по шелку, скупать все подряд и заботиться обо мне. Она с ним так ласкова. На улице она крепко держит его под руку и мурлычет что-то по-испански, смешно смотреть на них, когда они идут рядом, — она на голову его выше.

Дом у нас огромный. Моя комната все еще отделана в стиле "Пиратов Карибского моря", хотя для тринадцатилетнего парня это глупо. Мама пригласила дизайнера, чтобы он все переделал, но тот очень занят. Там у меня есть ниша с настоящей хижиной, "Веселый Роджер" и пальма в горшке, которая уже упирается в потолок. Мама хотела даже обезьянку мне подарить, но я отказался, я знаю, что эти животные должны жить на свободе, вдали от людей. До чего же ты хорошо воспитан, сказала она мне, заливаясь смехом, не значит ли это, что я и в самом деле такая замечательная, как люди говорят? Вместо обезьянки я получил паука-птицееда и пару хамелеонов, которых она окрестила Адольфом и Евой.

Я часто приглашаю друзей, и они всегда балдеют от нашего дома. Девчонкам особенно нравится ванная с бежевыми мраморными стенами, с огромным зеркалом, окруженным лампочками, как в театральной гримерке, и с кучей всякой маминой парфюмерии и косметики. Иногда мама показывает им свои платья и позволяет примерить, она очень ловко подгоняет одежду по размеру булавками. Вытаскивает из коробки мятое-перемятое платье, смотрит на него с улыбкой, о чем-то вспоминая, или кидает на пол сразу три вешалки с чем-то шелковым, в оборках, и просит не стесняться. Еще у нее потрясающие ноги, в школе о них легенды ходят, я знаю, что мальчики из нашего класса, когда сидят у нас в гостиной, шеи

1. Круэлла де Виль — злодейка из мультипликационного диснеевского фильма "Сто один далматинец". (*Прим. перев.*)

сворачивают, разглядывая эти два теплых и гладких шедевра природы, затянутых в сетку. И уж совсем спятить можно, когда она читает, лежа в халате на широком диване, и роняет домашнюю туфельку с помпоном — из лебяжьего пуха, сказала она мне, согласись, не могу же я на свои ножки напялить шлепанцы, — оголяя узкую ступню с коралловыми ноготками на длинных пальцах.

Но окончательно мои друзья выпадают в осадок, когда я отодвигаю в сторону картину, которую Морис подарил маме на день рождения — ее портрет верхом, — и открываю спрятанный за ней сейф. У него кодовый замок, но я уже год назад нашел комбинацию: это дата, когда мы с ней приземлились в Руасси, я знаю, что это ее любимые цифры, она ставит на них в лото. Внутри лежат пачки денег, но я ни разу ни одной бумажки не стянул. Зато ожерелье со сверкающими висюльками и браслет словно из замороженных сгустков крови я один раз брал, когда мне нужен был клад для игры, но вернул на место, и никто ничего не заметил. В дальнем правом углу стоит банка, и в ней, в желто-зеленой воде, болтается штука, похожая на зародыш, которого нам показывали на естествознании. Две кругленькие ляжки, крепкое тело и большая голова с дыркой. Да, мои друзья, можно сказать, совсем офигевают, когда я показываю им мамин член.

Вильфрид Н'Зонде

Сердце сынов леопарда

Отрывки из романа

Перевод Сергея Райского

Вильфрид Н'Зонде [*Wilfried N'Sondé, p. 1969*] *– родился в Конго, однако детство его прошло в одном из предместий Парижа. Позже он переехал в Берлин. Его первый роман "Сердце сынов леопарда"* [*"Le cœur des enfants léopards"*] *вышел в 2007 году и был удостоен премии Пяти континентов как лучшее литературное произведение на французском языке. Главный герой романа, африканский юноша из парижских предместий, задержан по подозрению в убийстве полицейского. В камере он вспоминает своих друзей: темнокожего Дрисса, соседа по лестничной площадке, белую девушку Мирей, предмет его детской привязанности, которая позже переросла в страсть. Вспоминает, как они с ней пытались вырваться из ненавистного окружения, как решили учиться, вместе путешествовали. Но Дрисса внезапно оказался в психиатрической лечебнице, а Мирей решила уехать в Израиль, на родину родителей. Он пытался заглушить боль одиночества наркотиками и алкоголем и однажды в пьяном угаре совершил преступление.*

© Actes Sud, 2007
© Сергей Райский. Перевод, 2012

Перевод публикуемого текста выполнен по изданию "W. N'Sondé. Le cœur des enfants léopards" [Actes Sud, 2007].

МИРЕЙ, о Мирей, свиданье на площади Сен-Мишель, платьице в цветочек, а под ним — запахи твоего тела, я буквально захлебывался в них. Губы твои вкуса тёплого дождя, сладостной отравы, их бархатистый, властный напор. Это ли не вино любви? И Париж — наше королевство — наше уже потому, что мы вместе и нам хорошо, он весь был у наших ног. Мирей, ах Мирей, я оступился, Мирей, я словно сокол с перебитым крылом, словно загнанный в клетку зверь. Я в тюряге, Мирей, в дерьме, на самом дне. Милая моя, моя тайна. Мирей, ах, Мирей, а что такое любовь, Мирей? Кончик моего языка на влажных твоих лепестках, у тебя перехватывает дыхание, трепетание век, губы тоже подрагивают; в порыве страсти пальцы твои впиваются мне в затылок, не позволяя поднять голову. И вот уже вся ты начинаешь таять под жаром моего тела. Мирей вздымается и опадает словно волна, а мое вожделение врывается в пучину этого урагана, и твой шепот: еще, еще. Я увлекаю тебя за собой в этот сладостный катаклизм. Симфония вскриков и вздохов. Это ли не гимн любви? И никаких тебе "я люблю", иначе ты была бы не ты. Мирей, а послеполуденные часы у меня в каморке на десятом этаже, весь Париж под нами, желтые лучи солнца, твое обнаженное тело в капельках пота, это ли не подлинные жемчуга любви!

Я боготворил ее бледную в сравнении с моей кожу, полупрозрачную на груди, и голубые ленточки вен под ней; я неспешно повторял их извивы кончиком языка, этот коктейль из смешинок с привкусом страсти был ее любимым лакомством. И когда я в сотый раз принимался ей рассказывать, каким уродством казались мне в детстве проступающие вены на руках у белых людей, она неизменно покачивала головой с блуждающей полуулыбкой на губах.

Властительница моих суббот, тебе непременно нужно было видеть мои глаза в тот самый миг, когда все вокруг вдруг ослепительно вспыхивало и я проливался в твоей глубине. Ты шумно дышала и пристально наблюдала за мной. В твоих глазах плясал ноябрь, зеленые, серые, медные искорки, сосочки на холмиках грудей подрагивали и наливались под твоими пальчиками. Трепет моих губ, белые серпики в прищуре век — все это ты почитала своими трофеями, шепча мне об этом, ты вся заливалась краской, ты прятала глаза и спешила укрыться у меня под мышкой, словно облако дурманящих запахов помогало тебе глубже заглянуть в себя, это ли не наркотик любви!

Мирей, Мирей, Мирей, мое единственное сокровище — это пламенеющий жар под густой темной сенью в ложбинке живота; сжимая друг друга в объятьях и сливаясь воедино, мы изнуряли свои тела, согласно преодолевая все табу. Небольшой передых, чтобы потом с новыми силами наброситься друг на друга. Я порю всякую чушь, Мирей, любимая, мне конец.

Я слышу в коридоре поступь сапог и тяжких обвинений: нарушение общественного порядка, преступный умысел, насильственные действия. Нет, это просто кошмарный сон, где телефон, скорее, скорее, надо успеть позвонить матери, знаю, ей сейчас больно, и от этого у меня все горит внутри.

Еще минутку, Мирей, еще самую малость про тебя, про нас, в этом мое единственное спасение, как тогда, в прошлый раз. Вот ты лежишь на матрасе, солнце заливает светом твою восхитительно белую попку, широкие, ладные бедра, мне всегда было так спокойно в твоей сокровищнице, блеск и слепящие отсветы влаги, бездонные глубины моего блаженства. Мы стали спать с тобой едва ли не сразу. Ты называла меня своим соколом, который все кружит, кружит, а потом вдруг раз — и спикирует в свою расщелинку, в это сокровенное лоно, чтобы перевести дух в его глубине. Они снова идут, Мирей, подари мне еще хоть капельку себя, наших первых шалостей, когда мы ничего не умели и стеснялись, как дети, нам хотелось целоваться, но было негде уединиться, помнишь, в тот год без конца лили дожди. В кино дорого, в парке на земле сыро. От подвала ты отказалась наотрез и потом долго плакала. Прости меня, Мирей, ради бога, прости, не надо мне было приезжать сюда. А эти парни, они не нарочно, не по злобе, мне, дураку, надо было тебя послушаться, просто стиснуть зубы и переждать, а не вытыкиваться перед ними.

До чего же нам было здорово вместе, только сейчас, когда все разлетелось вдребезги, я вдруг отчетливо это понял. Робкое мое чувство неизменно попирало всякую пристойность, ее жаркое дыхание у меня на груди, до чего же красивая у тебя кожа, тебе должно быть в ней так уютно! Ее чувство ко мне лучше всего выдавали губы, да еще шоколадные венчики на упругих мячиках грудей, поднявшие свои готовые к ласке головки. Она вся словно плавилась от желания, растекаясь у меня по коже, по волосам; зачарованный, потеряв голову, я ждал, что же от нее останется. Как-нибудь я сгребу все это в объятья, мне страстно хочется ее раззадорить, ох уж этот ее такой искушенный язычок, ну же, обхвати меня своими губками... Темная пелена, напряжение, пламя страсти, твое застывшее в судороге лицо, это предчувствие накатывающей волны, еще чуть-чуть, и она унесет за собой боль. Восторг, сказочное ощущение смытых наслаждением запретов, сплошное бла-

женство. Иногда она просила взять ее прямо на обеденном столе в прохладе чопорной родительской гостиной; в их незримом, осуждающем присутствии она отдавалась с каким-то особым, нечеловеческим рыком. Для Мирей это был своего рода ритуал, разносящий в пух и прах все запреты. В сокровенные часы наших плотских игр Мирей как будто вырывалась из оков, и нам уже не было жизни без этой сладостной, почти еще детской идиллии. Ну же, смелее, молила Мирей, я могу принять в сто раз больше. Впейся в шею, укуси меня. А напоследок, особенно в те дни, когда нам бывало особенно хорошо, она опускалась на колени, целовала мне ноги и при этом, ах, Мирей, неизменно мурлыкала арию Кармен!

Ну что ж, капитан, я тоже кое-что повидал в этой жизни, ты можешь забить меня до смерти, но всего этого тебе в клетку не загнать, так что засунь свой ключ в карман.

У меня была любовь, я вдоволь насмеялся и наплакался. Слушай сюда, да, да, и ты, дед, послушай, я ведь не всегда был лузером, когда любишь, и не важно ты ли, тебя ли, это как наваждение, от которого голова идет кругом, когда словно бы какая-то силища властно тащит тебя в глубину сквозь напластования мерзости к чистым ключам души, это ли не главное из чудес света!

В нашем с Мирей путешествии по волнам памяти над нами неустанно витал сонм бесплотных человечков с вечно детскими, проказливыми мордашками; тайные свидетели наших восторгов, они гримасничали, крутились вокруг, своей настырностью вливая в нас новые силы и возбуждая желание.

* * *

Та же федеральная трасса глубокой ночью, те же самые деревья по обочинам, только теперь уже на обратном пути и на этот раз без музыки. На заднем сиденье мы с Мирей обнимаемся, буквально слившись воедино, моя ладонь, вдавленная в сиденье наготой ее округлостей, мои погруженные в лоно пальцы, по которым изливается ее вожделение, ее вцепившиеся в руку зубы в попытке сдержать крик. <...> Именно этой ночи предначертано было стать нашей ночью. Мне даже не пришлось ее уговаривать. Мирей, ах, Мирей, ночная тишина, нарастающий жар поцелуев, суета ладоней, влага страсти, ты рвала с меня одежду, словно тебе не терпелось утолить раздирающий голод желания. Юбка у Мирей задралась на живот, Мирей вся сочится любовью, вцепившись в меня ногтями. Теснота заднего сиденья, исступление желания, кульминация единения, сейчас это будет у нас впервые! <...> Мирей, властно обхватив мои бедра, сама направляла меня; в первый момент я принял заданный ею ритм. Но потом, когда боль осталась позади, она целиком отдалась любовному безумию; в

порыве страсти я сорвал с нее остатки одежды. Она откинулась на спинку, я тяжело дышу меж ее распахнутых ног, упираясь согнутой шеей в потолок, сжав ладонями бугорки динамиков и ощущая ее расплющенное под моим напором лицо. И вдруг салон машины вспыхивает, как залитая солнцем степь.

<...> Мирей дремала, нежно прижимая меня к груди. Она упросила меня не спешить и побыть в ней подольше, мне же была приятна мягкая податливость ее тела. Она по-матерински долго тискала меня в объятьях, время от времени тяжело вздыхала, то покрывая лицо поцелуями, то поглаживая по голове.

Когда Камель пришел нас будить, мы, должно быть, только что заснули. Эй, голубочки, мне пора за работу! Он стыдливо отошел, дав нам время прийти в себя и натянуть одежду. Наш первый раз был до того прекрасен, что мы никогда об этом не говорили. Слова порой способны лишь опошлить то, что хранит сердце.

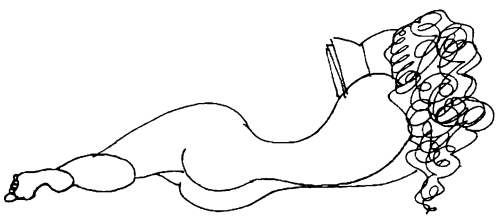
Мирей, мое сокровище, любовь моя, покой моей души, эта сладостная истома, когда я дремлю, уткнувшись носом в ложбинку у тебя на груди.

* * *

Ты и я, в ночи на траве возле дерева, твой баюкающий голос, твои ласкающие пальцы у меня на затылке, приносящие успокоение. Мое лицо, уткнувшееся тебе между ног и погруженное в дыхание лона. <...> Ей удивительным образом удавалось смирять мою ревность, и вот уже мои улыбающиеся губы прильнули к нежной мякоти межножия, платье задралось, зубами я рву оковы кружев. Слегка смутившись, она поначалу начинает смеяться, но как только мои губы сливаются с нежной, сокровенной плотью, из ее горла начинают рваться глухие, утробные вздохи. Несколько травинок с твоей аккуратной клумбочки — это как пряные былинки любви у меня во рту.

* * *

Уже совсем стемнело, Мирей, здесь, в камере, так страшно. Я слышал, что тут запросто могут и опустить.



Элиза Брюн

Неровное дыхание

Рассказ

Перевод Александры Васильковой

Элиза Брюн [Elisa Brune] – доктор экономических наук, писательница и журналистка из Брюсселя, обладательница нескольких литературных премий. Под именем Элизы Эльс она выступает также и как художница: в одной из парижских галерей недавно состоялась первая выставка ее живописных и графических работ. В последние несколько лет занимается исследованиями женской сексуальности. Книга, из которой взят рассказ "Неровное дыхание", по словам автора, – не роман и не эссе, "под ней могли бы подписаться сорок, а то и две тысячи женщин. Это крик женщин, которые вкалывали – и продолжают вкалывать, – в поисках наслаждения".

Перевод рассказа выполнен по изданию "Alors heureuse... croient-ils!: la vie sexuelle des femmes normales" [Paris: Le Rocher, 2008].

Чего только не навоображаешь иногда.

Двадцатилетняя Стефани по вечерам бегала в парке вместе с однокурсником, который и не думал скрывать, что влюблен в нее. Дело происходило во время экзаменационной сессии, и бег давал им возможность проветрить мозги, а главное — побыть вместе.

Он все еще был девственником, а она уже потеряла невинность, и это порождало у нее приятное ощущение собственно-

© Le Rocher, 2008
© Александра Василькова. Перевод, 2012

го превосходства. Она представляла себе, какие страхи, тревоги и вопросы его терзают. Какое любопытство его томит. Какое нетерпение сжигает. И блаженно поеживалась, чувствуя себя средоточием его грез и причиной сильнейших гормональных потрясений.

Она казалась себе весталкой, единодушно избранной всеми женщинами и посланной непорочному мужчине, чтобы придать определенность его желаниям.

Я — приобщенная тайн великая жрица, ты — тоскующий поклонник.

Она сознавала, каким обаянием, какой властью наделяет ее эта роль — роль воплощенной Тайны, — и наслаждалась драматической напряженностью каждой встречи. Под прикрытием смеха и болтовни разыгрывалась вечная пьеса, жестокая и трагически серьезная история юного трубадура, воздыхателя недоступной принцессы.

Преодолев препятствие (как и все — после многих усилий и многих разочарований), оказавшись наконец по ту сторону барьера, она без стеснения наблюдала за беднягой, которому еще предстояло это сделать, за тем, как энергично он берет разбег. Его решимость умиляла и вместе с тем восхищала. Несмотря на одолевавшие его, по ее предположениям, сомнения и тревоги, он не сдавался и упрямо добивался своего, ухаживая за ней настойчиво, но ненавязчиво. Ей нравилось, что он даже и не задумывается о возможности неудачи, хотя риск, пока ответ не получен, остается, и лишь выдержав испытание, предстаешь во всем блеске славы. В любви, как и в игре, предпочитают тех, кто делает крупные ставки, — при условии, что счастье им улыбается.

Одной из уловок, которыми она себя развлекала, было прерывисто дышать — впрочем, во время бега это получалось само собой — в надежде, что он прислушивается к ее дыханию и представляет себе, как она предается любви. Ему ведь не с чем было сравнивать, он понятия не имел о том, как женщины ведут себя в миг наслаждения, а потому, несомненно, все истолковывал на свой лад, и заурядная одышка должна была погружать его в бездну смятения. Так думала она.

Подражая недвусмысленным вздохам Джейн Биркин, исполняющей "Я тебя люблю... и я тебя нисколько" (пожалуй, ей случалось перестараться), она нарочно подводила его к самому краю, стараясь распалить и лишить сна.

Она и сейчас не знает, кто из них двоих заходил в воображении дальше, зато ей известно, что желание, которое предполагаешь в другом, подстегивает не меньше того желания, которое испытываешь сам.

Ася Петрова

Французский эротический роман

Некоторые особенности жанра

(*Выдержки из диссертации, посвященной литературной мистификации в области эротической литературы*)

Эротика не всегда считалась позорной частью литературы, обрекающей своих авторов на существование в режиме строгой анонимности и тайного распространения "аморальных" книг. В древние времена греки и римляне открыто творили в эротическом жанре, отводя ему место среди произведений низкого жанра (комедий, эпиграмм, элегической поэзии), и, несмотря на то что эротическая литература меняла свою направленность в зависимости от эпохи и каждое столетие выбирало свою особенную тематику (романтическую в XVI–XVII веках; садистскую в XVIII веке; гомосексуальную в XX веке), все причуды эротической литературы корнями своими уходят в античность. В этом контексте довольно удивительным кажется тот факт, что одна из главных странностей эротической литературы — склонность ее авторов к мистификации — тоже берет свое начало в античности. Зачем автору скрывать свою личность в эпоху, когда на праздник Диониса толпы людей шествуют по улицам и каждый сжимает в руке бутафорский фаллос, символизирующий процветание и плодородие? Однако уже в VII веке до н. э. начались споры об авторстве. Подробный учебник по эротологии, созданный в Древней Греции еще в бытность знаменитой Сапфо, присваивался одновременно двум авторам — некоей Астианассе, служанке в доме богатого грека, и афинскому софисту Поликрату.

XVI–XVIII *века*

В эпоху Ренессанса появилось довольно много женщин (в основном это были куртизанки), писавших эротические произведения. Однако парадоксальным образом их книги отличались исключительным целомудрием. Так, Жанна Флор, Пернетта Дю Гийе и даже Маргарита Наварр-

© Ася Петрова, 2012

ская упражнялись в изящной словесности, оставаясь, впрочем, на уровне сентиментальной, любовной прозы, именуемой ими эротическим жанром. Первой женщиной, вышедшей за рамки "чувствительной" прозы и обратившейся к прозе "чувственной", была Луиза Лабэ, посвящавшая любовные сонеты предмету своей страсти, поэту Оливье де Маньи, и написавшая в 1555 году "Споры между Безумием и Любовью", в которых она воспела плотское наслаждение и физическую любовь. Несмотря на то что сам Сент-Бёв восхищался блистательной прозой Луизы Лабэ, а позже Дариюс Мийо написал на ее стихи кантаты, общество приняло эротические сочинения Лабэ с негодованием и провозгласило писательницу "публичной девкой".

Такой поворот событий определенным образом повлиял на дальнейшее развитие эротической литературы. Женщины вновь стали писать сентиментальные романы в духе Ортанс де Вилледье (известная своей скандальной личной жизнью придворная Людовика XIV) или Клодин де Тенсен[1], зато мужчины, так и не дождавшись женских откровений, принялись один за другим публиковать романы под женскими именами.

Так на свет появились роман "Дневник порочной девочки", нелегально изданный в 1903 году под именем Мадам де Моранси, но на самом деле принадлежащий перу известного в свое время писателя Юга Ребеля; роман "Жюли, или Я спасла мою розу", изданный в 1807 году под именем Фелисите де Шуазель-Мёз[1], но, скорее всего, вышедший из-под пера ее секретаря Армана Гуффе, и, наконец, "Воспоминания немецкой певицы", написанные Августом Линцем после смерти Вильгельмины Шрёдер-Девриент и напечатанные в промежутке с 1862 по 1868 годы. По поводу этой книги разразился спор между Блезом Сандраром, который не сомневался в авторстве Линца, и Гийомом Аполлинером, который доказывал, что автор книги — женщина.

1. Мари-Катрин Дежарден (1640(?)—1683). Имя Вилледье принадлежало возлюбленному писательницы, с которым она обручилась незадолго до его гибели. Ее литературная карьера началась с написания пьес в стихах: трагикомедии "Манлиус" (1662), трагедии "Нитетис" (1663) и трагикомедии "Фаворит" (1665). Все они были поставлены в Париже и Версале. В связи с чрезвычайной популярностью книг Вилледье в XVII в., многие анонимные романы той эпохи приписываются ей. Клодин-Александрин Герин де Тенсен (1682—1749), мать Д'Аламбера — филолог, начала свою писательскую карьеру, открыв в 1717 г. в Париже литературный салон. Мадам де Тенсен опубликовала несколько ставших популярными книг, в частности роман "Воспоминания графа Комминжа" (1735), историческую новеллу "Осада Кале" (1739) и роман "Горести любви" (1747).

1. Графиня Фелисите де Шуазель-Мёз — французский филолог и литератор, между 1799 и 1824 гг. опубликовала несколько эротических романов под псевдонимами и акронимами: L. F. D. L. C.; Émilie de P***, Madame de C***, и так далее. Ее наиболее известными книгами считаются "Эжени, или Недобродетельная женщина" (1813) и "Немецкая семья, или Судьба" (1814).

Хотя, конечно, всем было понятно, что сама певица не могла написать свои мемуары, потому что, во-первых, умерла раньше, чем автор напечатал первое слово, а во-вторых, в принципе была не способна к писательству.

XIX *век*

Случаи мистификаций в XIX веке чаще касались женщин. Этот феномен, обусловленный самоцензурой, стыдливостью и другими предубеждениями, ставит литературоведов в тупик. Кроме мужских псевдонимов, женщины нередко использовали благородные дворянские имена с целью впечатлить читателей (пережиток XVIII века). Библиограф Жозеф-Мари Керар[1] отмечал, что дамы избегали ставить свое настоящее имя "из страха быть заподозренными в том духовном гермафродитизме, в котором обвиняют всех старых дев". Анонимные произведения иногда подписывались несколькими буквами: "Mme de C***", "Mme S. P***" или просто "Мадам***". Были приняты короткие, ничего не говорящие подписи: "незнакомка", "светская дама", "современница". Иногда личность автора так и не удавалось установить. Например, некая баронесса Мере[1], чье творчество началось в 1799 году и продлилось до 1820-го и чьи книги подвергались массовому осуждению, так и не была найдена. Некоторые исследователи предполагают, что под женским псевдонимом скрывалась целая группа плодовитых писателей мужского пола.

Многие авторы прибегали к анаграммам или к искаженным формам известных читателю имен. В 1904 году в период славы садомазохистских сюжетов популярностью пользовалась некая маркиза де Сад — ее роман "Упивающиеся слезами" произвел не меньший фурор, чем сочинения самого Сада.

XX *век*

Мистификации продолжались на протяжении всего XX века. Главная из них произошла после издания порнографического романа Полин Реаж "Истории О" (1954). Его подлинный автор, Доминик Ори (1907–1998), переводчица английской литературы и редактор журнала "Nouvelle Revue française", обрела известность именно благодаря этой книжке, где описаны сексуальные пытки, претерпеваемые юной героиней в некоем вымышленном замке в Руасси. Долгое время роман считался скандаль-

1. Жозеф-Мари Керар (1797–1865) — знаменитый французский библиограф. Главным его произведением считается книга "Литературная Франция, или Библиографический словарь французских учёных, историков и филологов" (14 томов, 1826–1842).

1. Баронессе Мере приписываются следующие произведения: "Эмили де Вальбрен, или Горести разводов" (1808); "Герцогиня де Кингстон, или Воспоминания знаменитой англичанки" (1813); "Жизнь и приключения Марион Делорм" (1822).

ным и тем не менее имел успех у публики. Доминик Ори лишь в конце жизни признала свое авторство "Истории О".

В 1956 году, следом за "Историей О" вышел роман "Образ" Жана де Берга, посвященный Полин Реаж. Предполагается, что автором этой книги мог быть кто-то из окружения Алена Роб-Грийе или даже он сам. По крайней мере, исследователи в большей степени склоняются к мужским кандидатурам – дело в том, что имя Жан де Берг – это ребус, в котором заключено целое предложение. По-французски это выглядит так: в имени Jean de Berg скрыто предложение "Je bande" – что обозначает процесс мужской (а не женской!) крайней степени возбуждения. Тогда как R и G могут в данном случае представлять собой заглавные буквы имени Роб-Грийе.

В итоге основной интерес всех мистификаций заключается даже не в том, чтобы точно установить личность автора, а в том, чтобы определить его пол. В зависимости от пола меняется точка зрения героя на происходящие события и точка зрения читателя на точку зрения героя. В зависимости от пола меняется то, что можно назвать гендерным письмом – характерные черты женского и мужского стиля в эротическом жанре.

Загадка авторства "Романа Виолетты"

Первой женщиной, которую французские исследователи называют "просветительницей" и "первой настоящей романисткой" в жанре эротической литературы, является маркиза Генриетта де Маннури д'Экто. Будучи довольной влиятельной дамой, в эпоху Второй Империи маркиза владела поместьем близ Аржантана в Нормандии, где устраивала литературные салоны и принимала у себя Поля Верлена, Шарля Кро, Ги де Мопассана и других. Однако к началу III Республики, потеряв мужа, маркиза обанкротилась и стала заниматься литературой. Все ее книги выходили под псевдонимами: "Тайные воспоминания портного" (1880) были опубликованы под псевдонимом виконтесса Пламенное Сердце, а "Заметки о жизни и открытиях Николя Леблана" вышли в свет под именем Генриетты Леблан (писательница была внучкой ученого).

"Роман Виолетты" (1883), самый нашумевший и самый загадочный, был не один раз опубликован под псевдонимом "Знаменитость в маске", принадлежавшим маркизе, однако вопрос о его авторстве до сих пор остается открытым. Роман также публиковался под именем Александра Дюма, и если суммировать все гипотезы, выдвинутые Французской академией и критиками эротической литературы, то в список возможных авторов "Романа Виолетты" войдут также Теофиль Готье, Альфред де Мюссе, Ги де Мопассан, Виктор Гюго. И хотя большинство литературоведов склоняются к личности маркизы де Маннури д'Экто, для сомнений здесь тоже есть место. Приписать роман маркизе в плане возможных последствий гораздо проще, чем кому бы то ни было.

Все-таки ее имя в основном популярно в узкой эротоведческой среде, поэтому одной эротической книгой больше, одной меньше — не столь важно. А вот если приписать "Роман Виолетты", скажем, Виктору Гюго, то ведь того гляди, камнями закидают.

Дело в том, что "Роман Виолетты", несмотря на очень легкий текст с многочисленными диалогами, щедро приправленными женскими "ахами" и "охами", сложнее "Кузин полковницы". И дело тут не в структуре и не в лексике, а в значимости фигуры автора. Роман "Кузины полковницы" написан от третьего лица, а "Роман Виолетты" от первого — поэтому у читателя есть возможность наблюдать за событиями, пропуская их через фильтр авторской точки зрения. События, описанные в "Романе Виолетты", мы без труда найдем в "Кузинах полковницы" и еще в дюжине эротических романов XIX века. Разница лишь в том, как эти события представлены.

На русском языке "Роман Виолетты" выходил дважды: под именем маркизы де Маннури д'Экто в переводе Нины Хотинской и под именем Александра Дюма в переводе Элины Браиловской.

"Роман Виолетты" — произведение глубоко ироническое. Его неизвестный автор с юмором воспринимает все стереотипы эротического жанра, можно сказать, что "Роман Виолетты" это роман об эротическом романе. Недаром его героиня сперва читает "Энтони" Дюма, затем "Мадемуазель де Мопен" Теофиля Готье и, наконец, случайно наталкивается на иллюстрации к роману "Тереза-философ" анонимного автора.

Эрография: язык эротических произведений

Несмотря на то что с понятием эротической литературы ассоциируются понятия свободы, вольности, фривольности, эротический роман на практике имеет довольно строго регламентированную литературную форму и подчиняется не писаным, но очевидным канонам жанра. Среди основных и самых устойчивых маркеров эротического романа: театрализация (переодевание, подглядывание, дробление текста на реплики), наличие архитипических образов (духовник/священник/монах/монашка; невинная девушка; искуситель/искусительница), тема извращения (транссексуальность, жестокость, гомосексуальность, инцест и т. д.).

Ролан Барт писал, что в языке бывают "сексуальные" и "несексуальные" фразы, что "сексуальность тела текста" состоит в том, чтобы, "лишь взглянув на него, представить его во время любовного акта". Язык эротической литературы или "эрография", по словам Барта, позволяют создать ощущение "удовольствия от текста". Для создания этого удовольствия каждый автор прибегает к своим языковым приемам, но некоторые из них можно систематизировать и назвать общими "правилами" эрографии.

Неровная разбивка на фразы

Почти во всех эротических романах наблюдается несоразмерность предложений. Рядом часто оказываются очень длинные (прустовские) периоды и очень короткие ничем не осложненные предложения.

Подготовка к любовному акту описывается неспешно и подробно. Само действие — быстро, одним штрихом. При этом эротика гораздо ярче просматривается в длинном периоде, когда акт еще не произошел, когда он не более чем развивающаяся мысль, предвкушение. Например:

> Итак, Эжени, после более или менее длительной мастурбации, семенные железы набухают и в конце концов изливают жидкость, чье истечение приводит женщину в неописуемый восторг. Происходит так называемая разрядка[1].

Можно сказать, что длинные и короткие периоды не только создают ритм текста, но являются воплощением женского и мужского начал. Длинные описательные фразы, вмещающие в себя многочисленные члены предложения, олицетворяют женское начало. Отрывистые, *ударные, опорные* точки текста — короткие периоды — олицетворяют мужское начало.

В "Истории О" Полин Реаж прибегает к тому же синтаксическому приему (длинное/короткое предложение), который как метафору можно уподобить двум главным садомазохистским инструментам, используемым героями книги, — плети и хлысту.

> Это совершенно недопустимо. И если халат, в котором я стою сейчас перед вами, оставляет открытым мой половой член, то это вовсе не для удобства, а для того чтобы он ежесекундно служил вам немым приказом, чтобы ваши глаза видели только его, чтобы он притягивал вас, чтобы вы все время помнили, кто ваш истинный хозяин[1].

Длинная, запутанная, вьющаяся фраза выступает в роли плети, короткая, сухая, одномоментная — в роли хлыста. Хлыст и плеть не единственные напрашивающиеся ассоциации. Учитывая полный набор изощренных извращений, которыми нашпигован текст Реаж, нельзя проигнорировать и *мотив испражнений*, как бы смешно это ни звучало. Объемная, "многокомнатная", как лабиринт, фраза и короткая, монолитная — созвучны рассуждениям Фрейда о текстовых периодах как о лабиринте внутренних органов.

Точно так же как и в авторской речи, дробление на длинные/короткие периоды наблюдается в прямой речи персонажей.

Назначение подобных конструкций — имитировать половой акт и заполнять пустоту.

1. Маркиз де Сад. Философия в будуаре, или Безнравственные учителя / Перевод Э. Браиловской. — М., 2003.

1. П. Реаж. История О. — М., 1998.

Ведь в эротическом романе, как и в эротическом фильме, не может беспрерывно происходить совокупление. Следовательно, то, что имеет место до и после, всего лишь готовит читателя (зрителя) к следующей сцене.

Если обратиться к маркизу де Саду, а точнее к его книге "Философия в будуаре, или Безнравственные учителя", написанной в виде пьесы или своего рода сценария к фильму, невозможно не заметить, какое место автор отводит длинным периодам. Для его героев длинные, непрерывные монологи служат чем-то вроде эмоциональной проституции, даже мастурбации. Произнося свои пламенные речи, персонажи приходят в экстаз, а затем вдруг умолкают, ограничивая себя лаконичными репликами, выражающими одобрение или осуждение. Например, Дольмансе говорит так:

Отвратительный этот призрак — плод страха одних и слабости других — бесполезен для земного жизнеустройства; более того — неизменно вредоносен, поскольку помыслы его, коим надлежит быть праведными, никак не соответствуют заложенной в основу природы неправедности; ему надлежит желать добра — природе же добро угодно лишь в качестве компенсации изначально присущего ей зла; едва оно проявит активность, природа, чей основной закон — беспрерывное действие, неизбежно окажется его соперницей, и им грозит вечное противостояние[1].

1. Здесь и далее цитаты из "Философии в будуаре, или Безнравственные учителя" маркиза де Сада.

Но еще пару страниц назад он говорил вот так:

Ах, очаровательница! Больше не вытерплю! Лучше не бывает.

Таким образом, эротические ощущения оказываются напрямую связанными с выражением мысли. Замените слово "член" на слово "фен", воздействие ритма текста на психику не изменится. Столкновение длинного и короткого периодов всегда будет говорить не об укладке волос, а о сексе.

Фраза-браслет

Цикличность происходящих в организме процессов тоже передается в эротических текстах разными языковыми средствами. Опоясывающие конструкции, построенные на риторическом повторении и возвращении к началу фразы, — не единственный способ перевода текста с языка тела. В "Истории О" само обозначение героини через букву "О" служит упомянутой цели — замкнуть круг, завершить действие (например, половой акт). Даже в книгах, построенных по принципу пьес, с отдельными репликами и диалогами, наблюдается, как отмечали многие исследователи порнографических текстов, в частности Жорж Молинье, сферическая организация текста.

Г-жа де Сент-Анж. Ты, братец, должно быть, испытал необычайное блаженство, очутившись между двумя одновремен-

но. Говорят, это просто восхитительно.

Шевалье. Совершенно точно, ангел мой, это наилучшая позиция. Но что бы об этом ни говорили, сие есть не более чем причуда, и я никогда не предпочту ее наслаждению женщиной.

Г-жа де Сент-Анж. Ну что ж, разлюбезный мой, дабы вознаградить твою к нам снисходительность, сегодня же предоставлю пылким твоим взорам юную девственницу, прекраснее самого Амура.

На этом незамысловатом примере схема видна как нельзя лучше. Сообщение героини передано, ответ получен, вывод сделан, акт коммуникации завершен.

Другой пример: Пьер Клоссовски в романе "Бафомет" достигает эффекта завершенности, "закрытой скобки", методом исключительно литературным. Поскольку текст представляет собой не собственно прямую речь, то для автора вполне сподручным оказывается прием "потока сознания". Читатель словно проникает в голову к рассказчику и курсирует в ней от мысли к мысли, то и дело возвращаясь к навязчивой идее о сексуальном обладании своей возлюбленной.

Но то что казалось ему полной непрозрачностью, быстро стало лиловым, а потом и красным, и смягчилось до некоей светлой прозрачности: и в самом деле, он чувствовал себя здесь одновременно и словно в безопасности, и избавленным от столь же непосильной, сколь и абсурдной ответственности, от которой под звуки труб ему поверилось, что он избавлен, — уж не трубы ли то воскресения?[1]

Этот прием Клоссовски распространяет на весь текст романа, и надо сказать, работает он чуть ли не лучше, чем сопоставление коротких и длинных периодов. Повторение слов способствует нагнетанию эмоций, накал страстей усиливается, на первый план выходит одержимость героя, и это более эротично, чем хлыст и плеть у Полин Реаж. У Клоссовски, кстати, по сравнению с другими, уже процитированными авторами, текст на редкость приличен. Нагота не выставляется напоказ, половой акт описывается образно, и подобная завуалированность, сквозь которую сексуальные опыты едва проглядывают, делает роман настоящим шедевром своего жанра.

Зацикленность героя и постоянное возвращение к одной и той же мысли роднит "Бафомет" Клоссовски с "Сексусом" Генри Миллера. Правда, поток сознания у Генри Миллера разбит на короткие предложения, рваные реплики, следующие одна за другой. То есть Клоссовски наматывает одно предложение на другое, делая свой текст воплощением женского начала. И это неслучайно, ведь герой "Бафомета" не может свободно распоряжаться своим телом. Миллер, напротив, пестует мужское начало.

Нет, я не собирался бухнуться в этот крутой водоворот. Закрыв

1. П. Клоссовски. Бафомет / Перевод В. Лапицкого. — М., 2002.

глаза, я погрузился в другой, светлый, поток; его струи тянутся и тянутся как серебряные нити. В каком-то тихом уголке моей души выросла легенда, взлелеянная Моной. Там было дерево, совсем как в Библии, под деревом стояла женщина, звали ее Евой, и в руках она держала яблоко. Вот здесь он и протекал, этот светлый поток, из которого и вышла вся моя жизнь[1].

"*Детская фраза*"

Героям эротических романов часто приходится говорить о строении своего тела, называть различные органы и комментировать процессы, происходящие в организме. Однако, вместо того чтобы делать это напрямую, они обычно прибегают к различным приемам. Например, для обозначения половых органов используются перифразы: "восхитительные шары", "грот любви", "колчан и стрела", "яблоки любви" ("Кузины полковницы"); "мужская подвеска", "тычинки и пестик", "пестик и ступка", "флейта Робена" (из рассказов "Бригадир в маске или Воскресший поэт" и "Три истории о божьей каре" Г. Аполлинера); "свое достояние", "мощный кол" (из "Философии в будуаре..." маркиза де Сада); "заветные места" (из "Сексуса" Генри Миллера).

А в романе "Бафомет" вообще встречаются целые абзацы, образно описывающие половой акт и обнаженные тела. Например:

...тонкие пальцы которой опирались о сбегающее вниз безмерное и безмерно обнаженное бедро, которое он обогнул, облетев на полупрозрачных крыльях; там, жужжа от блаженства, он нерешительно проплыл между бассейном пупка и пологими склонами затененной долины; увлажнив свой хрупкий хоботок во влажном бассейне, уже хмельной, он едва ощутимо дотрагивался до сияющей искривленной поверхности; но, встревоженный тенью, которую отбросил туда, внезапно возникнув из зарослей кустарника, гигантский торс дракона, слепо бившегося розовым затылком о свои же пороги, он поспешил спастись бегством, поднявшись выше, туда, где в пространстве, подобно равнодушным и безмятежным в первых лучах зари заснеженным вершинам, возвышались увенчанные сосцами белоснежные холмы...

В какой-то степени этот прием эротического повествования, когда метафора сидит на метафоре и метафорой погоняет, – единственный выход для хорошего писателя, взявшегося за специфический жанр. По крайней мере для XX века. Чрезмерная прямолинейность, открытость, выставление напоказ живой плоти – воспринималось как завоевание сексуальной свободы в конце XIX века, позже это стало либо скучным, как у Эммануэль Арсан (создательницы романа "Эммануэль" (1959), чья скандальная откровенность подвела черту под дипломатической карьерой ее супруга), либо грубым, как у Полин Реаж.

1. Г. Миллер. Сексус / Перевод Е. Хромова. – М., 2002.

Фраза-кульминация

Для описания оргазма, как правило, используется довольно ограниченный набор языковых средств. Если следовать логике психоаналитика Сержа Леклера[1], то ограниченные возможности языкового выражения оргазма объясняются неспособностью человека связно говорить в момент высшей степени наслаждения. В такой момент никто не скажет *я наслаждаюсь*. Поэтому авторы прибегают к использованию восклицаний, междометий, апозиопезиса (внезапная остановка в речи), пропусков, недописанных слов.

– О! О! Гастон... мой... я...

– Я тоже!

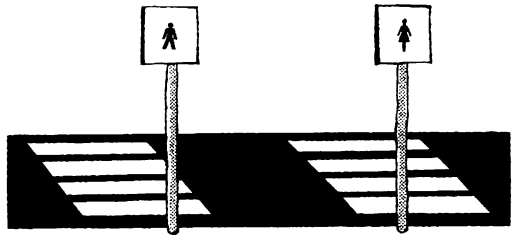
Из уст влюбленных одновременно вырвался крик божественного наслаждения, и семейный диван наконец-то был благословлен для любви. ("Кузины полковницы".) И сознавая, что оргазм приближается, меня продолжали ласкать, увеличивая темп движений, пока я не кончила. Все мое тело сотрясли судороги наслаждения, и в это время поезд как раз подошел к конечной остановке[1].

Наконец она услышала протяжный стон Рене и в то же мгновение почувствовала, как радостно забился у нее во рту его чувствительный орган, с силой выбрасывая из себя потоки семени... ("История О")

У маркиза де Сада в книге "Философия в будуаре..." герои оттягивают момент оргазма, поэтому ощущения персонажа перед самым семяизвержением представлены во всей красе:

Дольмансе. Больше не вытерплю! Не станем ей мешать, сударыня: от этой наивности у меня стоит, как бешеный.

Г-жа де Сент-Анж. Решительно возражаю. Будьте благоразумны, Дольмансе, не вскипайте раньше времени. Истечение семени ослабит активность ваших животных инстинктов, что неизбежно умерит жар ваших рассуждений.



1. Серж Леклер (1924–1994) – психоаналитик, основатель факультета психоанализа в Сорбонне III.

1. А. Нин. Рассказы. / Перевод Е. Хромова. – СПб., 2004.

Борис Виан

О *пользе эротической литературы*

Из лекции, прочитанной 14 июня 1948 года в клубе Сен-Жам

Перевод Марии Аннинской

...Ну так вот, прежде всего мне предстоит выяснить, что же такое эротическая литература, насколько широко можно применять этот довольно-таки общий термин и что под ним понимать. Столь грандиозный план обречен, разумеется, на провал, так как невозможно в двух словах объяснить, почему одно произведение является эротическим, а другое — таковым не является. Тут мы сразу же споткнемся о "Жюстину" или о "Сто двадцать дней Содома" маркиза де Сада, ибо непонятно, к какому разряду их отнести. <...> Если это литература, то она плоха; в этом случае, осмелюсь утверждать, запрещение Сада может быть оправдано только литературными соображениями. Таким образом я вернулся к отправному тезису: произведения Сада не могут быть отнесены к эротической литературе, так как не могут быть отнесены к литературе вообще. Я лично расцениваю их как эротическую философию, что опять-таки возвращает нас к изначальному вопросу: что же такое эротическая литература?

Тут напрашивается простейшее решение: опираться на этимологию самого понятия. Но тогда в разряд эротической литературы попадает всякое произведение, в котором речь идет о любви. К тому же если мы захотим выяснить, подходят ли под это определение одни только вымышленные истории или сюда же следует отнести такие общеобразовательные книги, как непревзойденный "Учебник классической эротологии" Форберга, — то мы снова возвращаемся к началу; мы всего лишь взглянули на вопрос под другим углом зрения. Ибо второе, на сей раз окончательное, определение эротической литературы, согласно которому ее можно распознать по *воздействию на наши чувства и воображение*, противоречит первому: в этом случае мы не можем причислить к рангу эротических ни труды Форберга (разве только отдельные приводимые им цитаты), ни "Любов-

© "ECRITS PORNOGRAPHIQUES" de Boris VIAN
© Christian Bourgois/Cohérie Boris Vian 1980
© Librairie Arthème Fayard 2002 pour l'édition en oeuvres completes
© Мария Аннинская. Перевод, 2012

ную историю древних греков" Мейера, "произведение, — как отмечают исследователи, — более чем серьезное ввиду весьма отвлеченного подхода к изучаемой проблеме". Но если придерживаться этимологической точки зрения, то невозможно представить себе ничего более эротического, чем две эти книги, одна из которых скрупулезно классифицирует все физические возможности любви, а другая исключительно научно и всесторонне повествует о любви, хотя и не называет ее этим словом. Итак, придерживаясь позиций этимологии, мы имеем два бесспорных образца; но в плане наиболее точного определения, которое не без оснований смешивает эротическую литературу и литературу возбуждающую, мы не имеем ровным счетом ничего. Что же нам, спрашивается, делать? Принять ли весьма условное определение или решиться сказать об эротической литературе всю правду? Правда — она, конечно, существует... но только, как мне кажется, еще не время ее раскрывать. А если повременить немного, то она от этого только выиграет.

* * *

Вернемся теперь — уж в который раз — к двум ключевым понятиям нашей лекции: литература и эротика — и, дабы подойти вплотную к нашей теме, попытаемся обойти их стороной. Надо заметить, что эти маневры потребуют от нас немало разнообразных усилий, ибо наша задача — не выйти за традиционные рамки рассматриваемого нами явления.

А теперь предположим, как это делают математики, *что задача уже решена* — способ применительно к любви заметим, не особо заманчивый, но коль скоро мы решили не выходить за рамки теории, он поможет нам достичь желаемого результата даже при минимальном везении и максимальной лени.

Итак, предположим, что перед нами эротическое произведение. Пусть это будет роман и даже весьма сносный.

Какую цель ставит перед собой автор?

Развлечь читателя? Вполне возможно.

Заинтриговать читателя?

Заработать?

И такое возможно, но путь к цели всегда один: заинтриговать.

Может, писатель хочет прославиться? Сделать себе имя? Стать бессмертным? Задача опять сводится к тому же: сейчас ли, через сто лет — в любом случае надо прежде всего суметь заинтриговать...

А может, писатель метит в академики? Примеряет зеленый мундир? Ну уж нет... К литературе это не имеет прямого отношения, хотя я лично сделал бы исключение для г-на Эмиля Анрио[1], которого весьма ценю.

Поговорим начистоту. Писатель пишет для себя, и это естественно. Но главное, что толкает его писать, — это стремле-

1. Эмиль Анрио (1889–1961) — французский писатель, критик, историк литературы, кавалер ордена Почетного легиона, член Французской академии (1945). (*Прим. перев.*)

ние хоть на некоторое время подчинить читателя своей воле. И тот обязательно подчиняется, едва лишь откроет книгу. Тогда уж от самого писателя зависит, доведет ли он начатое до конца.

Довести дело до конца можно разными способами. По ним-то мы и судим, хорошая это литература или плохая...

Читатели тоже бывают разные. Поэтому плохой литературы гораздо больше, чем хорошей.

В стремлении подчинить себе читателя нет и намека на принуждение: не хочешь — не читай. А вот роли автора не позавидуешь: в любой момент читатель волен захлопнуть книгу и швырнуть ее в мусорную корзину — и писатель ничего ему за это не сделает. Он находится в положении связанного по рукам и ногам немого, который заводит патефон, крутя ручку собственным носом. (Вы в праве живописать более трагическую ситуацию в духе Корнеля, но все это будет далеко от реальности, потому что в реальности писатель остается писателем, а читатель — читателем. Можно было бы ничего к этому не добавлять, но ведь надо же как-то усложнить изложение, иначе зачем вообще читать лекции?) Тем не менее писатель будет — и должен — пытаться воздействовать на читателя силой своего вдохновения, а лучшим воздействием, как известно, является воздействие физическое. Нужно заставить читателя ощутить возбуждение физического порядка; ведь совершенно очевидно, что когда мы всем своим существом отдаемся чтению, то гораздо труднее отрываемся от книги, чем в том случае, если заняты чтением сугубо умозрительно, рассеянно, то есть участвуем в нем лишь краешком мозга.

Стоит ли говорить, что, коли автор хочет прослыть сильным писателем, он должен чередовать приятное воздействие с неприятным: заставить читателя хохотать, выжать у него слезу, напугать, а затем осчастливить — и притом всегда ощутимо: то есть надо, чтобы результат воздействия можно было проконтролировать, и если читатель плачет, то по щекам его должны течь всамделишные слезы. Возбуждать в читателе отрицательные эмоции следует крайне осторожно: например, повергнув несчастную жертву в состояние полного смятения, вы лишь вызовите у нее печеночные колики, в результате чего вашу книгу захлопнут на пятидесятой странице. Я, конечно, не стану утверждать, что играть надо на одних только сильных чувствах и ярких положительных эмоциях — ведь то, что у одних вызовет подлинную страсть, у других может спровоцировать лишь едва ощутимое возбуждение. Очень важно уметь правильно выбрать.

Вообще-то эта игра затягивает. Литература, рассчитанная на эффект, может преподносить неожиданные сюрпризы; вы будете немало удивлены, если в ваши сети попадет совсем не тот, кого вы ловите. Предсказать читательскую реакцию — это искусство, одно

из тех, коими должен владеть книгоиздатель и которому, на мой взгляд, уделяется недостаточно внимания. Неблагодарное это занятие и деликатное, зато и не соскучишься. Мне возразят, что подлинные произведения искусства создаются без какого бы то ни было расчета и только благодаря внутреннему чутью истинный творец может предусмотреть и заранее соизмерить то, что предусмотреть и соизмерить нельзя, и происходит это бессознательно. Что ж, не берусь судить обо всех моих премного уважаемых коллегах, но мне кажется, небезопасно видеть в писателе лишь гениально одаренное животное, лихорадочно строчащее то, что ему диктуют музы. И такое, бесспорно, случается, но даже если произведение рождается легко и без запинок, то в замысле все равно присутствуют схема и расчет. Присутствуют, повторяю, подспудно, уступая, как правило, чувственному опыту и традиции.

Стоит ли удивляться, что писатель (если он действительно способен управлять ощущениями читателей) изыскивает для воздействия наиболее чувствительные зоны нашего восприятия? Разумеется, он не приминет воспользоваться всеобщей склонностью к любви: к любви эмоциональной, как это сделал в своем шедевре "Суровая зима" Реймон Кено; к любви деятельной, как в романе Эрскина Колдуэлла "Божья делянка" — заметьте, я беру для примера и кое-кого из современников.

В самом деле, чувства и ощущения, в основе которых лежит любовь, — будь то примитивная форма вожделения или изысканное интеллектуальное кокетство со всякого рода литературными ссылками и философскими рассуждениями, — без сомнения, являются для человечества самыми сильными и яркими, почти столь же пронзительными, как и близкие к ним переживания, связанные со смертью.

Многие из вас найдут, что возразить. Пытаясь смотреть беспристрастно на своих сограждан, они наверняка заметили, что одним из самых распространенных пороков нашего времени является тяга к дурману: благородному ли (опиум, гашиш), плебейскому ли (алкоголь, табак); не будем останавливаться отдельно на химических или подкожных средствах типа кокаина и морфия — все равно они раз и навсегда запрещены.

На это отвечу, что если бы было так же просто найти себе женщину, как выпить стакан вина или купить пачку сигарет; если бы можно было так же неспешно смаковать ее, как джин или сигару, у всех на виду, не прячась по грязным закоулкам, то алкоголизм и токсикомания исчезли бы сами собой, ну, в крайнем случае, свелись бы к минимуму. Занятный тут вырисовывается парадокс: государство всеми средствами поощряет употребление коньяка и курение смердящих трав, но в то же время ограничивает свободу сластолюбцев, которые пытаются делать вещи абсолютно нормальные, хотя и трудно осуществимые из-за всевозможных предрассудков и про-

чих условностей. Это даже не парадокс, это злостный заговор! Ведь с физической точки зрения нет ничего естественней, чем совместно с избранницей, всеми мыслимыми способами, предаваться *тайной усладе*, как говаривали наши предки, вместо того чтобы зарабатывать себе цирроз печени непомерными возлияниями.

Таково обоснование любви как литературной темы и эротики как ее конкретного проявления. Государство явно недооценивает этот своеобразный вид спорта, который я считаю куда более полезным, чем дзюдо, и приносящим больше удовлетворения, нежели бег и упражнения на брусьях; со всеми этими видами спортивной деятельности любовь имеет много общего и в конечном счете является их продолжением. А коль скоро любовь — я не устану это повторять — сильнее всего занимает большинство здоровых людей, а государство всячески препятствует ей и затрудняет ее проявления, то неудивительно, что революционное движение приняло в наши дни форму эротической литературы.

Не будем тешить себя иллюзиями. Коммунизм — это, конечно, здорово, но он превратился в своего рода националистический конформизм. Социализм же так сдобрил вином свою безвредную водичку, что обернулся изобилием... Всего же остального я вообще не хочу касаться, так как понятия не имею, что такое политика, и питаю к ней не больше интереса, чем к курению табака... Истинные пропагандисты нового строя, истинные апостолы грядущей диалектической революции — это так называемые непристойные авторы, что́ не нуждается в доказательствах. Читать, пропагандировать, писать эротические книги означает готовить новый мир, мир завтрашнего дня. Это означает расчищать дорогу для подлинной революции.

* * *

Собственно говоря, можно так много сказать в оправдание эротической литературы, что я едва ли стану останавливаться на этом подробно. Война — величайшее зло, с этим все согласны. Никто не станет возражать, что негоже убивать своего ближнего. А разве гоже тоннами сыпать ему на голову атомные бомбы? Или выковыривать его из укрытия лучом радара, а то и чихательным порошком? Все детство нам твердили, что дурно мучить и убивать насекомых, а уж миллионы людей — подавно. А потом невесть откуда берется пара каких-нибудь кретинов, которые решают, что торговля пушками и ураном что-то совсем зачахла — и вот вам уже воскресла военная литература... Потому что, представьте себе, существует военная, я бы даже сказал воинственная литература, формально признанная и выпускаемая издательствами Берже Левро и Шарля Лавозеля. Она учит, как чистить винтовку, как разбирать пулемет. Эта литература официально разрешена и даже получает поддержку. А если какой-нибудь несчастный решит живописать во всех подробностях крутые бедра своей возлюблен-

ной или кое-какие соблазнительные детали ее интимной анатомии — караул! Его немедленно оха́ют, на него спустят всех собак, затеют судебное разбирательство и арестуют все его книги.

Когда речь идет о войне — все против нее; однако все обожают военные мемуары и почитают героем того, кто порешил сотни тысяч человек... Возьмем алкоголизм: опять все против; но можно преспокойно грести миллионы, торгуя спиртным, и слыть при этом великим социалистом. Возьмем теперь любовь — тут все, разумеется, за: множьте ее, творите ее!.. Но стоит совратить малолетку — и ты влип: все немедленно заголосят о нравственности.

Впрочем, я слишком увлекся. Истинный революционер не должен терять самообладания, пока не настанет время Ч. Так давайте бороться всеми доступными нам способами, проявляя изворотливость и коварство, дабы посеять смятение в стане наших врагов. <...>

Кристиан Либенс

Поэтика секса, или Вот что я об этом знаю, дорогой Борис

Перевод Марии Аннинской

Лекция Бориса Виана об эротической литературе подобна импровизированному соло на трубе в первые послевоенные годы в одном из подвальчиков Сен-Жермен-де-Пре... Тремоло. Как давно все это было, друзья мои!

Блистательная "История стыдливости", написанная моим соотечественником и собратом по перу Жан-Клодом Болонем[1], наглядно продемонстрировала: стыдливость — вещь относительная и переменчивая, как понятия добра и красоты или эротические переживания. Относительность и переменчивость пяти последних десятилетий истекшего века равноценны пяти столетиям, и эпоха Бориса Виана давно позади.

Что же касается эротических переживаний... В "золотые шестидесятые" они начинались уже тогда, когда школьник погружался в курс истории: сколько полуприкрытой, а то и вовсе откровенной наготы... голые груди критских красавиц минойской цивилизации... высеченные на помпейских тротуарах вздыбленные фаллосы, указывающие дорогу в соответствующие заведения... прозрачные туники стройных гречанок... средневековые публичные бани... глубокие, как ущелья, декольте жеманных маркиз, а вслед за ними и "мервейёз" — щеголих эпохи Революции... Со временем тканей и запретов становится все меньше, тело все смелее подставляет себя взорам и вожделению; и вот уже все не просто мелькает, а лезет в глаза, все — на расстоянии протянутой руки, все доступно и на "ты". О всесильная диалектика!

Хотя, разумеется, никуда не делось и не денется викториански-воинственное неприятие "костюма Евы". Вот два частных примера.

За всю свою жизнь некий француз по имени Мишель ни разу не видел обнаженным тело своей супруги Франсуазы, что не помешало им, однако, наплодить многочисленное потомство... (уточним, что этот Мишель больше известен миру под именем Монтень и что свидетельство относится к XVI веку). Конечно, мне могут возразить, что автор "Эссе" был но-

© Christian Libens, 2012
© Мария Аннинская. Перевод, 2012

1. Жан-Клод Болонь (р. 1956) — бельгийский поэт, прозаик, журналист и преподаватель; член Бельгийской королевской академии французского языка и литературы. (*Здесь и далее – прим. перев.*)

таблем, то есть человеком благородным и почтенным, что же до простого люда...

Тогда вот вам второй пример: в семидесятые годы XX столетия швейцарская бабушка моей невесты с гордостью говорила, что за всю свою жизнь ни разу (ни разу!) не предстала перед своим законным супругом "совершенно голой". O tempora! O mores![1]

Что же происходит теперь, в начале третьего тысячелетия, в эпоху, которую считают раскрепощенной? В чем проявляется ее всепроникающая свобода нравов? В том, что можно бесплатно лицезреть, щелкнув пару раз мышкой, в пространстве, именуемом интернетом, альковные сцены на потребу каждому. Но в то же время (и, возможно, в том же месте) молодая женщина быстрым стыдливым движением прикроет волосы покрывалом, чтобы предстать перед своим богом или своим возлюбленным в пристойном виде (хотя порой это делается по религиозному или семейному принуждению, но это уже другой разговор).

Итак, с одной стороны — огромное и вседоступное, широко разверстое женское лоно, приглашающее к fist-fucking или к gang-bang[2]. С другой — едва приоткрытая мочка уха. Два образа, два полюса и — полярные эмоции. Судя по всему, эпохе необходимо и то и другое. Впрочем, со времен сотворения человека Эрос и Танатос связаны теснейшими узами, и мы можем вслед за Блезом Паскалем повторить: "Кто хочет уподобиться ангелу, становится зверем"[1].

Впрочем, оставим французского философа-янсениста в покое и вернемся к писателю-джазисту... Главный вопрос, который он себе задает, краток и одновременно чреват недоразумениями: что же считать эротической литературой? Автор статьи "О пользе эротической литературы" упивается каламбурами, щеголяет остротами, сыплет цитатами и бросает громкие гедонистские лозунги: в общем, как обычно, дурачится и тянет время, насмешничает и водит читателя за нос. А все потому, что трудно определить литературный жанр, который, собственно, и не существует вовсе!

Обратим внимание, Борис Виан читает свою лекцию в Париже, когда Четвертая республика уже дышит на ладан и, несмотря на джазовые (и не только) оргии, грохочущие в темных подвалах модного района, длина женских юбок остается макси и не поднимается выше колен, в то время как мужские стрижки, наоборот, стойко придерживаются моды мини...

Я думаю, что некоторые утверждения Виана и в наши дни вызвали бы недоумение и раздражение завзятых интеллектуалов. Например, его неприязнь к знаменитому маркизу: "Невозможно расценивать произведения Сада как эротическую литературу, поскольку их нельзя причислить к разряду литературы вообще..."

Более того, некоторые реалии в наши дни кардинально изменились, и другая фраза Виана

1. О времена! Он нравы! (*лат.*)
2. Fist-fucking — мануальный секс; gang-bang — групповой секс (*англ.*).

1. Блез Паскаль. Мысли.

звучит из прошлого как феминистский призыв: "Как же так получается, что до сих пор не нашлось писателя женского пола, то бишь писательницы, которая захотела бы расквитаться с мужчинами за своих сестер, с которыми эротические авторы мужеского пола так порою жестоко обходились?" Сказать, что это воззвание Виана было услышано, значит, ничего не сказать!

Автор знаменитого "Дезертира" сохраняет все тот же воинственный тон, чтобы разоблачать лицемерие цензоров, которые предпочитают разжигать войну (направляя тем самым мужскую энергию на уничтожение жизни), а не сеять мир (которому предаются тела после акта любви).

А что же государство? Вместо того чтобы всячески поощрять эту благую эволюцию, оно "запрещает и преследует лучшие образцы эротического жанра". Поэтому, вслед за Вианом, надо поддерживать издание в дешевых и общедоступных сериях таких книг, как "Женщины" (подпольные стихотворения Верлена) или "Подвиги юного Дон Жуана" Аполлинера. И вот настали времена, когда мы можем с радостью воскликнуть: "Ваши указания выполнены, господин Сердцедер!"

"Эротика — это поэтика секса" — так определил эротический жанр Волински[1], знаменитый газетный карикатурист эпохи, начавшейся вслед за маем 68-го года, и в силу этого факта едва ли не самый тонкий социолог 70–80-х годов. Его рисованные истории без лицемерия иллюстрируют интимную жизнь его соотечественников, и уж он-то знает, что говорит. Более того, в одном из своих интервью он без колебаний признался, что положительно относится к порнографии.

Вот мы и произнесли запретное слово! Лицемерная граница проведена. Хорошенькое дельце! Что касается меня, то я лично готов примкнуть к мудрому высказыванию, которое гласит: "Когда дело касается меня — это эротика, когда других — порнография". А может быть, части высказывания взаимозаменяемы? На ум снова приходят две самые известные *сексуальные* книги Аполлинера. Я уважаю его как человека и чту как поэта, поэтому в свое время даже посвятил ему книжку. И все же... Почему мой горячо любимый Mal-Aimé покорил меня своими "Подвигами молодого Дон Жуана" и прискучил "Одиннадцатью тысячами палок"? Сам не знаю, вот ведь незадача! Лексические споры меня мало интересуют, но если бы я не побоялся громких слов, то написал бы (но только чтобы потом это можно было стереть) приблизительно следующее: "Если существует разница между эротикой и порнографией, то она — в стремлении последней... обезобразить". В остальном — вопрос вкуса и цвета, нравов разных эпох!

1. Жорж Волински (р. 1934) — французский газетный карикатурист, прославившийся в мае 1968 г. карикатурами для газеты "Аксьон".

Надин Бисмют
Секс в жизни писателя

Перевод Людмилы Пружанской

Надин Бисмют [Nadine Bismuth] – родилась в Монреале в 1975 году, получила магистерскую степень в области французской литературы в университете Макгилла, с успехом представляет молодое поколение писателей Канады. Сборники ее рассказов "Без измены нет интриги" ["Les gens fidèles ne font pas les nouvelles", 1999] и "Вы замужем за психопатом?" ["Êtes-vous mariée à un psychopathe?", 2009], а также роман "Scrapbook" ["Scrapbook", 2004] сразу были замечены критикой и заслужили ряд литературных премий Квебека и Канады. Ее книги публикуются в разных странах, в том числе и в России.

Молодую канадскую писательницу занимает не столько эротика, сколько отношения мужчины и женщины в целом: этой теме посвящены все ее книги. Называть ли некоторые интимные вещи своими именами? На этот вопрос она отвечает отрицательно; "намек и подтекст, - считает она, – зачастую обладают большей силой, чем слова". Надин Бисмют исследует психологию тех, кто об эротике пишет.

Публикуемая статья взята из журнала "L'Inconvénient" [Montréal, Canada, le numéro 5, mai 2001].

Быть писателем — это в лучшем случае быть одиноким.

Эрнест Хемингуэй

Недавно нам попалась одна брошюра. Называлась она "Секс в жизни Иммануила Канта". Описав в мельчайших подробностях быт великого философа, ее автор, некий Жан-Батист Ботюль, приходит к выводу, что, хотя Кант и не пренебрегал светскими радостями, все же главным для себя считал "познание, познание и еще раз познание". К тому же до конца своих дней он был убежденным холостяком. Женщины не оставили в его жизни ни малейшего следа.

Заметим сразу, что факт мужского воздержания уникален сам по себе. Но применительно к Канту он выглядит еще более невероятным. Разве не противоречит он первой кантовой заповеди: "Действуй в соответствии правилами, определенными всеобщим законом?" Поскольку человечество обязано размножаться, воздержание, признает Ботюль, не может служить ему руководством к действию.

© Nadine Bismuth, 2001
© Людмила Пружанская. Перевод, 2012

Впрочем, философы — это особая категория. Для продления рода, а также, чтобы предупредить перерождение людей в "мерзкое и тупое стадо", философы избрали любовь... в обратном направлении. Как она выглядит? Если обычный мужчина "вступает" (в женскую плоть), то философы "отступают". Это отступление зовется "меланхолией". Но что такое меланхолия? "Болезнь одиночества, — объясняет Ботюль, — когда все внешние раздражители устранены, жизнь превращается в чудо созерцания". Это воздержание Канта, никак не противореча его нравственным принципам, стало необходимым условием его философского познания. Оно также пошло на пользу всему человечеству.

Дочитав брошюру до конца, мы задумались: "А вдруг и писатель, вслед за философом, также совершает коитус в обратном направлении?" Объятый тоской, не "отступает" ли он от окружающих — в угоду своему творчеству? Не бежит ли от жизни, вместо того чтобы в нее "вступить"?

* * *

Для того чтобы осмыслить весьма деликатный тезис о "вступлении" и "отступлении", зададимся вопросом о взаимоотношении писателя с тем (или той), кто разделяет его жизнь. Этот сущностный вопрос позволяет нам увидеть развдоенность писательской судьбы. В своей автобиографии "Горечь и очарование" Габриэль Руа так описывает данный феномен: "Работа над книгами, — пишет она, — отняла у меня много времени, в результате чего я теряла друзей, отказывалась от любви и в каких-то случаях пренебрегала своими обязанностями. Но также и друзья, и возлюбленные, и выполнение моих обязанностей отняли у меня много времени, которое, однако, я могла бы посвятить книгам. Каков итог? Мною недовольны и мои книги, и моя жизнь". Нужно уметь читать между строк, чтобы понять смысл признания Габриэль Руа. А не связана ли основная причина ей раздвоенности с понятием времени, которое требуется и для того, и для другого? Время — удобное оправдание, на него легко сослаться, в том числе и писателю (например: "А не махнуть ли нам сегодня за город?" — "Не выйдет! Мне нужно дописать главу"). Но оставим в стороне банальный распорядок дня! Задумаемся лучше, а может ли вообще писатель отдать себя другому человеку? И так ли на самом деле нуждается писатель в Другом? В той же автобиографии Габриэль Руа, отвечая на этот вопрос, признается в своей ранней догадке: в жизни ей предстоит предпочесть любви нечто другое, "что требует еще больших усилий, чем любовь". А может быть, полная самоотдача есть обязательное условие творчества? "Чем вернее человек служит искусству, тем меньше он способен возбудиться", — замечает Бодлер, и этим дает нам некую подсказку.

"Ты отдаешься работе, а я — жизни", — говорит Ларри своему приятелю, писателю-невротику Гарри, роль которого играет Вуди Аллен в сво-

ем фильме "Разрушитель Гарри". Так вот что главное для писателя! Отдаться своим книгам, вместо того чтобы сосредоточиться на собственном бытии! "Все мои соки уходят в эту проклятую книгу", — признавался в одном из своих писем Хемингуэй в 1945 году. Но бывает ли иначе? Если по правде, не может ли вся энергия (то есть "все соки", творческие порывы, усилия и старания), которую обычный человек посвящает жизни и любви, в том же объеме и качестве быть направлена писателем на его творчество? "Все, что я отдавал жене, я в той же мере забирал у своей работы", — заявляет герой романа Альберто Моравиа "Супружеская жизнь", писатель Сильвио. Вирджиния Вулф, работая над романом "На маяк" предчувствует то же самое и отмечает в своем "Дневнике" в 1926 году: "Во время нашей с Леонардом прогулки по парку я не произношу ни слова. Я понимаю, что так нельзя. Но, может быть, от этого выиграет моя книга?" А вдруг эта невозможность рассредоточить свою энергию и вызывает глубокое раздвоение в писательской душе и в конечном счете объясняет, почему писатель не может быть полностью от мира сего? То же касается и его здоровья "Моя усталость, — отмечает Вирджиния Вулф в 1933 году, — происходит от того, что я живу одновременно в двух мирах: реальном и творческом. Однако оба эти мира сродни двум планетам, которые движутся по разным орбитам. Так что если хочешь заступить на каждую из них, то либо голова закружится, либо того хуже — разнесет тебя в щепы".

Но почему писателю так необходимо полностью отдаваться творчеству? Почему он так им поглощен? "Я стесняюсь своей плодовитости", — говорит писатель Бернар из романа "Волны" Вирджинии Вулф. И действительно, есть из-за чего переживать, поскольку писатель, подобно роженице на сносях, должен постоянно прислушиваться к схваткам своего воображения. "Творчество не терпит ожидания: дескать, потом допишу, есть более насущные дела: например, на письмо нужно ответить. Вдохновение рождается в определенный момент, и, если вы к нему не готовы, надежд на то, что оно к вам потом вернется, скорее всего, немного. А потом жди! В любом случае оно утратит свое таинство". Эта всегдашняя готовность писателя взяться за перо, выражается, как вы уже догадались, в том, что эмоционально он уже занят. "Великие поэты, — отмечает Дидро в 'Парадоксе об актере', — <...> одни из самых бесчувственных. Они слишком поглощены созерцанием, наблюдением и подражанием, чтобы их взволновало нечто иное". И опять мы возвращаемся к "Супружеской жизни". "Ничто меня так не занимало, как моя работа, даже любовь к родной жене. <...> Все остальное было менее важным", — говорит Сильвио. Это особое отношение писателя к своему творению, конечно, не может не огорчать того или ту, кто вправе ждать от своего спут-

ника полной отдачи. Вот почему тот или та выработает по отношению к писателю чувство, сходное с "комплексом Лайя", который испытывает отец, наблюдающий за особыми отношениями между матерью и ребенком. Осознавая свою вторичность, тот или та может лишь мечтать, как бы занять свое место во взаимоотношениях автора и его книги. Однако — увы! — очень скоро приходит осознание невозможности, которое сменится горечью (если, конечно, он или она сами не связаны с книжной деятельностью). А вначале они осторожно поинтересуются: "Тебе не кажется, что ты слишком много работаешь? — А затем заявят: — Нельзя же все время просиживать за письменным столом!")

И здесь пора уведомить всех заинтересованных лиц. Жить с писателем — это обречь себя на разочарование. Как объясняет Франческо Альберони в своем замечательном эссе "Любовный шок", наличие писателя в семейной жизни "требует дисциплины, усилий, постоянного поиска финала, результата, совершенства. Публика не видит этой тягостной работы, а возлюбленный(ая), рассчитывающий на успех, и не задумывается над тем, что без этой рутины не обойтись и как нужно научиться соучаствовать в ней, забыв о себе самом. Увы! Разочарование в этом случае неизбежно!" Процитируем по этому поводу свидетельство Консуэло де Сент-Экзюпери, которая признается в своих мемуарах:"Быть женой летчика — это отдельный труд. Быть женой писателя — служение всевышнему". Но в этом служении нет даже очарования неспешности. Сошлемся при этом на слова Хемингуэя "[When I am working on a novel], I am just about as pleasant to have around as a bear with sore toenails..."[1]

Иными словами, не надо смешивать готовность писателя в любую минуту склониться над своим романом с бесчувственностью к окружающим. Это заблуждение, потому что истиный творческий акт не имеет ничего общего с нарциссимзом. Ведь писатель не то, чтобы бесчувствен к другим, он индифферентен прежде всего к себе самому. "Нужно отказаться от себя, — пишет Вирджиния Вулф в 1922-м, — и максимально сосредоточиться на главном, не отвлекаясь на частности".

И действительно, писатель забывает о себе. Он забывается. Иными словами, он стремится к исчезновению, к растворению своего Я в окружающем мире. А раз так (и это происходит сплошь и рядом), может ли он по-настоящему любить другого, притом что тот ощущает неполноту его чувства? "Дай слово, что ты не влюбишься в меня", — просит юную Фэй во время их первой встречи Гарри (он же alter ego Вуди Аллена). Верность Гарри себе и во всем не может не вызывать восхищения; писатель, который должен неустанно ра-

1. "[Когда я работаю над романом], со мной так же приятно иметь дело, как с медведем, который занозил лапу" (*англ.*). (*Здесь и далее — прим. перев.*)

ботать над уничтожением своего Я, не может требовать любви, поскольку эта любовь будет обязательно направлена на то же Я, от которого он-то стремится освободиться! Подобно блудному сыну ("Мне с трудом верится, — пишет Рильке в 'Мальтийских тетрадях', — что история блудного сына — это притча о человеке, желавшем быть любимым"), писатель бежит от тех (а этим кончится всегда), кто его любит. Так и Кэтрин Мэнсфилд признается в своем дневнике 1919 года: "Мне легче с теми, кто не лезет ко мне со своими страстями". Таким образом, писатель не просто не способен на обычную любовь, но ему и не надо, чтобы его слишком любили. Ему нужно, чтобы ценили им написанное, а вот его самого любить не обязательно. Поэтому не всегда он внушает симпатию, притом что сам живет в страхе, как бы не ущемили его свободу. В связи с этим, вспоминая свою европейскую идиллию с неким Стивеном, который, по ее признанию, был ее единственной настоящей любовью, Габриэль Руа признается, что, еще не став писательницей, а только собираясь ею стать, она уже беспокоилась, что эта связь, продлись она долго, захватит ее полностью.

Этот отказ от всеохватывающего любовного чувства является неотъемлемой частью личной жизни писателя. И тут мы зададимся еще одним вопросом: если писатель не способен отдаться двум вещам одновременно и не в состоянии полностью посвятить себя другому, даже когда любит и любим, — может быть одиночество для него наилучшее состояние? Ответ на этот вопрос не прост. Ведь даже если признать, что писатель "отступает" от жизни, это вовсе не значит, что у него не возникает порой желания в нее "вступить".

Герой "Разрушителя Гарри" как будто бы не страдает одиночеством. Более того, у него куча жен и любовниц. Его друзья, семья и бывшие сожительницы (то есть все, кроме его психоаналитика) дружно ругают его за беспорядочный образ жизни. Гарри вынужден признать, что он не создан для брака. Но и примириться с этим он также не может. Почему? "Но тогда, я останусь один..." — говорит он. Неспособный к совместной жизни, он вместе с тем не может перенести и полного одиночества. Также и Вирджиния Вулф говорит о том, что ей нужна отдельная комната, но вовсе не отдельный дом. Писателю было бы крайне неуютно, если бы за стеной его кабинета простирались огромные и пустые залы. Жизнь превратилась бы в сущую скуку, если бы была отдана лишь сочинительству. Хеминуэй соглашается с этим в одном из своих писем, написанных в 1945 году. "Been writing everyday and going good. Makes a hell of a dull life too"[1].

Но именно на скуку был бы обречен писатель, если бы предпочел вместо отдельной

1. "Каждый день пишу и отлично себя чувствую. Что может быть скучнее, черт возьми!" (*англ.*)

комнаты отдельный дом. Иными словами, романтическая идея Хемингуэя, согласно которой "быть писателем — это в лучшем случае обречь себя на одиночество" означает следующее "быть писателем — это в лучшем случае обречь себя на скуку".

* * *

Если писателю и необходим "другой" ("другая"), это потому, что его или ее присутствие помогает писателю преодолеть тоску, а также экзистенциальную пустоту (Хемингуэй называет ее вакуумом), которая наваливается на него, когда он перестает писать. Выйдя из своей комнаты, писатель жаждет контакта с реальностью, ему хочется, чтобы им занялись, чтобы кто-то его развлек. "Мне кажется, — пишет Габриэль Руа, — что меня очень утешало чувство, что, как бы одинок ни был мой путь, возможно, время от времени в моей жизни будет появляться человек, который готов был бы со мной пройти некий отрезок". Впрочем, даже отрезок пути требует немалого соучастия. Ведь если писателю и необходима поддержка и отвлечение, то они должны происходить незаметно, без видимого усилия. "Когда я полностью погружена в сочинительство, — отмечает Вирджиния Вулф в 1933 году, — мне хочется лишь совершать прогулки с Леонардом, предаваясь незатейливой жизни и всему тому, что мне так хорошо известно". Вот она, детская незатейливая жизнь, иначе говоря легкая и без забот! (Например, выйдя из комнаты, писатель может воскликнуть: "Я закончил главу! Едем на пляж! Или в ресторан! Или в кино!" — или еще что-то в этом духе.)

* * *

Присутствие Другого за стеной писательского кабинета абсолютно необходимо тому, кто видит в сочинительстве спасение от монотонного и нереального существования. Писателю необходимо знать, что это присутствие отдано именно ему, даже если он, писатель, отдав всего себя книгам, не способен на взаимное чувство. В связи с этим как ни вспомнить странное посвящение, о котором вспоминает повествователь в "Супружеской жизни", где сформулирован его собственный творческий акт: "Посвящается моей жене, без отсутствия которой эта книга не увидела бы свет"? Впрочем, благодаря этой уникальной логике выходит, что секс в жизни писателя никогда не может полностью соответствовать сексу в жизни философа, как его определил Ботюль. Помните? "Философы не вступают, они отступают". Писателю же необходимо внедряться в жизнь. Однако поскольку это внедрение не полное, способ размножения писателя столь же парадоксален, сколь и воздержание философа. Действительно, если бы писатель был способен испытать сексуальное удовольствие до того, как он отступит, зачем бы он был нужен людям? Вот почему прерванное сношение оказывается самым правильным определением сексуальной жизни писателя,

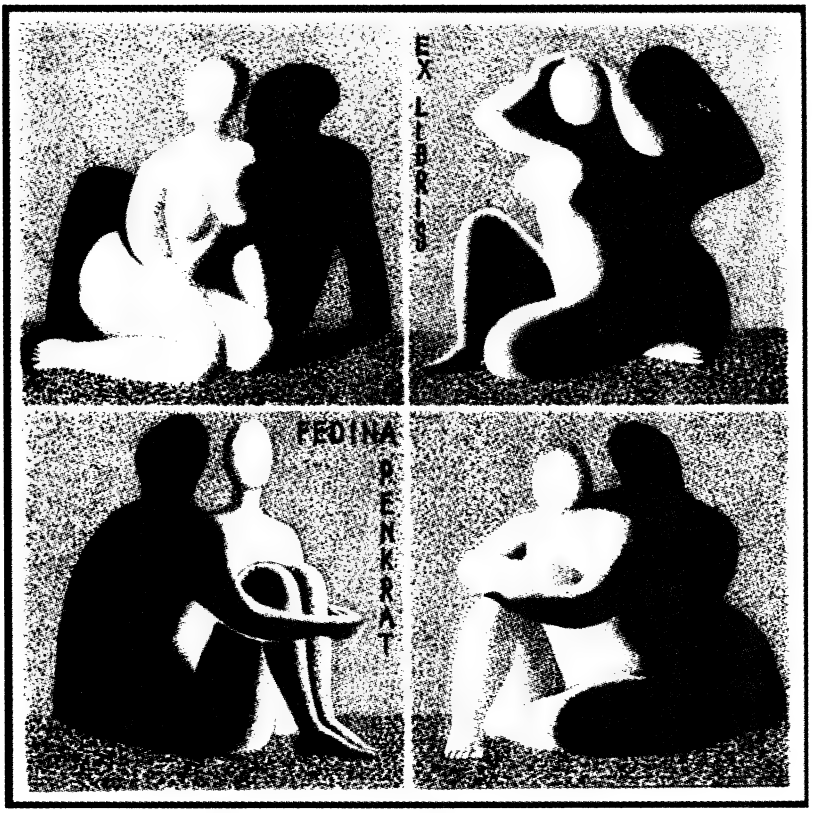
для которого это — не способ предохранения, а самая удобная техника размножения.

И вот теперь мы подходим к описанию идеального спутника жизни писателя. Поскольку, судя по всему, прерванное сношение доставляет не слишком большое удовольствие партнеру, если он к тому же не осознает его целесообразности. В ином случае, идеальным партнером может стать лишь тот, кого не смущает подобная практика. Для того чтобы "отступление", объектом которого он будет служить, происходило без лишних драм, спутник жизни писателя должен быть внутренне к нему готов. Поэтому наилучшими кандидатами в спутники жизни могут быть неутомимый путешественник или трудоголик. Впрочем, и этого может оказаться недостаточно: так как в вопросе вступления тот же самый партнер должен обладать большим запасом терпения. Ведь ему нельзя быстро возбуждаться. Поскольку за закрытой дверью ему предстоит занимать воображение писателя и ждать момента, когда тот соблаговолит ее открыть, хорошо бы, чтобы партнер увлекался разгадыванием кроссвордов, карточной игрой в одиночку или еще чем-то вроде того.

Это что касается идеального партнера. Но что делать писателю, если идеала в природе нет? Как быть, если не найти неутомимых путешественников, до смерти любящих кроссворды и игру в карты с самим собой? Неужели каждый раз, когда возникает потребность во "вступлении", заводить себе нового (случайного) партнера? Неужто такова его участь? "Постойте! — прервет нас читатель, который, конечно, хочет счастливой развязки. — Но почему идеальным партнером писателя не может стать другой писатель?" Представим себе и это. А может, и вправду, это идеальное сочетание? Два спеца по "отступлению", испытывающие потребность в регулируемом "вступлении". В таком союзе есть очевидные плюсы. Например, вы никогда не услышите: "Странный ты человек! Не понимаю я тебя!" И действительно, писателю трудно будет сердиться на того, кто ведет себя точно так же: то есть один день присутствует в общей жизни, потом три дня сидит взаперти в своей комнате, затем два дня отдается любви. Следующие четыре ему нужно быть одному — и так без всякого графика. Конечно, подобная парочка будет понимать друг друга без слов, что является идеалом для всех, а особенно для писателей, потому что им-то сложнее говорить, чем писать. Но как быть, если страстное желание вступления и возникает в тот момент, когда другому хочется "отступить"? Первый, может, и не упрекнет в этом второго, но разве от этого его желание войти в реальность не станет слабее? "Поехали на пляж! Я закончил главу!" — "Хорошо тебе! — ответит второй. — А мне еще писать и писать". А как быть с соперничеством, которое может отравить отношения? Представим себе, что у одного меньше таланта, чем у другого, и после многолетнего труда он не добьется того же успеха? Не разовьется ли

зависть? Не захочет ли он тогда в отместку продолжить "вступление"? А вдруг вообще не захочет "отступить"? Не страшно ли от всего этого? Да и вообще, могут ли два медведя со страшными когтями, по словам Хемингуэя, жить бок о бок и в конце концов друг друга не убить?

Так значит, идеальный партнер писателя — другой писатель? Мы не уверены в ответе. По правде сказать, мы думаем, что нет смысла искать варианты, которые бы облегчили интимную жизнь писателя, избавив ее от многих парадоксов. Это, конечно, неутешительный вывод. А ведь опечаленный читатель ждал жизнеутверждающей концовки! Впрочем, по причинам, которые мы не считаем нужным здесь излагать, он все же не так печален, как мы.



Владимир Станиславович Елистратов
[р. 1965]. Поэт, прозаик, лексикограф, переводчик. Доктор культурологии, профессор. Лауреат премии имени И. Шувалова I степени.

Автор словарей, поэтических сборников, в том числе *Духи мест* [2007], и сборника юмористических рассказов. В его переводе вышли стихи Т. Манна, Ф. Гарсиа Лорки, Р. Л. Стивенсона, Ю. О'Нила, Ли Бо. В *ИЛ* публикуется впервые.

Наталья Дмитриевна Шаховская
Переводчик с французского. Лауреат премии *ИЛ* [1993].

В ее переводе публиковались стихи Ж. Расина, В. Гюго, Л. Лабэ, Клода ле Пти, стихи и проза Ж. Кокто и др. В *ИЛ* в ее переводе напечатаны рассказ Колетт *Больной ребенок* [1993, № 10], роман *Французское завещание* А. Макина [в соавторстве с Ю. Я. Яхниной, 1996, № 12], стихи М. Уэльбека [2005, № 3] и современных бельгийских поэтов [2011, № 11].

Михаил Давидович Яснов
[р. 1946]. Поэт, переводчик классической и современной французской поэзии. Обладатель многих литературных премий, в том числе премии имени Ваксмахера [2002] и *Мастер* [2008], Почетного диплома Международного совета по детской и юношеской книге [2002].

Автор шести книг лирики, сборников стихов для детей, а также статей о русской и французской поэзии. Составитель и комментатор сборников произведений Сирано де Бержерака, П. Верлена, Г. Аполлинера, П. Валери, Ж. Превера, Ж. Кокто, Э. Ионеско, А. Рембо, книги *Проклятые поэты: Тристан Корбьер, Шарль Кро, Жермен Нуво, Жюль Лафорг* и др. В *ИЛ* в его переводах печатались стихи Ж. Шарпантро [1994, № 12], Г. Аполлинера [1998, № 4], Ж. Рубо [1999, № 8], М. Уэльбека [2003, № 3], С. П. Тибодо [2008, № 11], Э. Дорион [2008, № 11], Ж.-Э. Риопеля [2008, № 11], Ю. Киискинена [2009, № 9], Й. Инкалы [2009, № 9], стихи французских сюрреалистов [2002, № 5], поэма В. Равалека *Апельсин на автостоянке* [2006, № 9], *Поэтические тексты* П. Пикассо [2007, № 10] Ж. Роденбаха [2011, № 11] и др.

Татьяна Владимировна Чугунова
Переводчик с французского и итальянского языков.

В ее переводе издавались статьи М. Пруста *Против Сент-Бёва*, романы Р. Радиге *Бес в крови*, А. Маафула *Самарканд* и *Лев Африканский*, Юлии Кристевой *Смерть в Византии* и др. В *ИЛ* в ее переводе опубликован роман С. Карьера *Давний спор* [2007, № 4], рассказы Л. Годе [2010, № 4] и пьеса Р. Витрака *Виктор, или Дети у власти* [2010, № 8].

Елена Вячеславовна Морозова
Переводчик с французского.

Автор четырех романизированных биографий из серии ЖЗЛ, статей по французской литературе и истории. В ее переводе выходили новеллы маркиза де Сада *Преступления любви*, его романы *Изабелла Баварская* и *Маркиза де Ганж*, романы

С. Бромли *Террор в будуаре*, М. Магра *Сокровище альбигойцев*, *Кровь Тулузы*, О. де Бальзака *Столетний старец* и др., исторические работы Ж. Ле Гоффа *Средневековый мир воображаемого*, М. Левера *Сад* и др. В *ИЛ* в ее переводе опубликованы новеллы де Сада *Флорвиль и Курваль* и *Эжени де Франваль* [1992, № 1], а также повесть М. Турнье *Жиль и Жанна* [1993, №10].

Екатерина Евгеньевна Дмитриева
Переводчик с французского и немецкого языков, доктор филологических наук, старший научный сотрудник Отдела русской классической литературы ИМЛИ РАН, доцент кафедры сравнительной истории литератур Института филологии и истории РГГУ, специалист в области сравнительного изучения литератур.

В ее переводе выходили романы *Замок Арголь* Жюльена Грака, *Малые ангелы* Антуана Володина, а также сборник пьес Валер Новарина *Сад признания* и др. В *ИЛ* публикуется впервые.

Наталья Самойловна Мавлевич
Переводчик с французского. Лауреат премии *Иноли́ттл* [1999] и премии имени Мориса Ваксмахера [2001].

В ее переводах издавались произведения М. Эме, Б. Виана, М. Юрсенар, Э. Ионеско, Лотреамона, Л. Арагона, М. Жакоба, М. Шагала, Б. Шагал, А. Жарри, Э. Чорана, Э. Ажара и др. В *ИЛ* печатались *Песни Мальдодора* Лотреамона [1993, № 1], романы А. Сарразен *Перелом* [1993, № 10, 11], Э. Ажара *Голубчик* [1995, № 7], А. Нотомб *Антихриста* [2004, № 10], Дай Сы-цзе *Комплекс Ди* [2005, № 8], миниатюры Ф. Делерма [2002, № 7], пьеса Э.-Э. Шмитта *Гость* [2004, № 6], фрагменты книги П. Брюкнера *Вечная эйфория* [2006, № 3], мини-рассказы Ф. Делерма [2006, № 9], фрагменты романа Р. де Са Морейры *Книжник* [2007, № 11] и др., главы из книги Я. Карского *Мое свидетельство миру. История подпольного государства* [2012, № 5] и др.

Вера Аркадьевна Мильчина
Переводчик с французского, литературовед, кандидат филологических наук, историк русско-французских литературных и культурных связей первой половины XIX века. Лауреат премий имени А. Леруа-

В ее переводе изданы книги О. Де Бальзака, Ж. Де Сталь, Ш. Нодье, М. Блока, Б. Констана, Жорж Санд др. Соавтор перевода книг *Замогильные записки* Ф. Де Шатобриана и *Россия в 1839 году* А. Де Кюстина. В *ИЛ* в ее переводе напечатаны *Записки Жирафы* [1999, № 8] и *Рассказы здравомыслящего насмешника* Ш. Нодье [2003, № 4], *Амелия и Жирмена* Б. Констана [2002, № 4] и др.

Больё [1995, в составе редакционного коллектива журнала *Новое литературное обозрение*, 1997] и имени Мориса Ваксмахера [2000]. Награждена медалью Французской академии и французским орденом Академической пальмовой ветви.

Ася Петрова
Детский писатель, переводчик с французского. Обладатель международной премии *Кенгуру* [2011].

В ее переводе опубликованы произведения Г. Аполлинера, Н. Фарга, Э.-Э. Шмитта, квебекских поэтов. В *ИЛ* публикуется впервые.

Марина Яковлевна Бородицкая
Поэт, переводчик с английского и французского языков. Лауреат премии *Единорог* и *Лев* [2006], *Инолиттл* [2007].

Автор стихотворных сборников *Я раздеваю солдата* [1994], *Одиночное плавание* [1999], *Год лошади* [2002], *Оказывается, можно* [2005], а также многочисленных книг для детей. Переводила У. Шекспира, стихотворения и поэмы Дж. Чосера, Дж. Донна, английских поэтов-кавалеров XVII века, Дж. Китса, Р. Киплинга, Г. Лонгфелло, Р. Бёрнса, П. Ронсара, П. Верлена, А. А. Милна, Э. Фарджен и др. В *ИЛ* опубликовано ее эссе *Горсть мелочи* [2007, № 12], а также в ее переводах напечатаны стихи Д. Паркер, Г. К. Честертона, В. Набокова, Р. Фэйнлайт, Р. Браунинга, Р. Крили, Р. Геррика, Г. Шнакенберг и др.

Мария Львовна Аннинская
Переводчик с французского и итальянского языков.

В ее переводе выходили произведения Б. Виана, Ж. Кокто, С. де Бовуар, Р. Гари, Т. Ландольфи, П. Виллемса, А. Жида, Алена [Эмиля Шартье], С. Греджио, Ф. Джиана. В *ИЛ* в ее переводе печатались избранные новеллы Д. Буццати [1994, № 12], романы Б. Виана *Осень в Пекине* [1995, № 3] и П. Мишона *Император запада* [2012, № 3], фрагменты из *Мемуаров* А. Моруа [1998, № 6], главы из книги О. Тодда *Жизнь Камю* [2000, № 4], пьеса Н. Саррот *Иссм* [2006, № 9], поэтическая проза Э. Мартеля [2006, № 11], новелла К. Пьерсанти *Взрослая любовь* [2008, № 10], главы из романа В. Делекруа *Башмак на крыше* [2011, № 7] и др.

Марк Иехиельевич Фрейдкин
[р. 1953]. Поэт, прозаик, переводчик с английского и французского языков.

Автор книг *Главы из книги жизни* [1990], *Опыты* [1994], *Каша из топора* [2009] и др. Пишет песни на свои и чужие стихи. Переводил Б. Джонсона, Р. Бёрнса, Ч. Лема, Х. Беллока, Т. Харди, Э. Паунда, Р. Дала, Э. Лира, С. Малларме, А. Жарри, Ж. Брассенса и др.

Елена Головина
Переводчик, редактор, журналист.

В ее переводе с французского опубликовано около 30 книг, в том числе *Французский роман* Ф. Бегбедера, *Труп моего врага* Ф. Марсо, *Госпожа де...* Л. де Вильморен, *Я была для тебя* К. Паскаль, *По ту сторону лета* О. Дивон, *Сенека, или Смерть империи* П. Грималя, *Философский словарь* А. Конт-Спонвиля.

Нина Осиповна Хотинская
Переводчик с французского.

В ее переводе выходили романы П. Брюкнера *Похитители красоты*, П. Модиано *Дора Брюдер*, М. Дюрас *Летний вечер, половина одиннадцатого*, П. Констан *Банановый парадиз* и *Откровенность за откровенность*, М. Вяземски *Горстка людей*, Ф. Аррабаля *Красная мадонна и Необычайный крестовый поход влюбленного кастрата*, рассказы М. Эме, Ф. Саган и др. В *ИЛ* в ее переводе опубликована повесть М. Дюрас *Любовник* [1990, № 6], романы Н. Бисмют *Scrapbook* [совместно с Е. Клоковой; 2006, № 11, 12] и Т. Гунцига *Куру* [2008, № 4], пьеса К. Фрешетт *Кожа Элизы* [2008, № 11]. Составитель и переводчик специального номера *ИЛ Бельгия: слова и образы* [2011, № 11].

Ирина Яковлевна Волевич
Переводчик с французского, лауреат премии *Инолит* [1997].

В ее переводе изданы новеллы писателей эпохи Возрождения, произведения Ж.-Ж. Руссо, Д. Дидро, Ж. Верна, А. Камю, М. Турнье, Р. Кено, Веркора, А. Кристоф, Ф. Бегбедера, Ж.-Л. Утерса и др. Неоднократно публиковались в *ИЛ*.

Александра Николаевна Василькова
Переводчик с французского и литовского языков, искусствовед. Член Союза писателей Москвы, Союза переводчиков России.

В ее переводе выходили романы *Дама в синем* и *Последний урок* Н. Шатле, *Маленький трактат о дурном поведении* К. Барош, *Пьющий время* Ф. Делерма и его сборник рассказов *Загубленная сиеста*, а также сборник рассказов *Огонь под пеплом* А. Пьейра де Мандьярга и др. В *ИЛ* публикуется впервые.

Сергей Борисович Райский
[р. 1952]. Переводчик с французского.

В его переводе напечатаны статьи М. Турнье из сборника *Полет вампира. Заметки о прочитанном* [2004]. Участник проекта *Транссибирский экспресс "Блез Сандрар"*. В *ИЛ* публикуется впервые.

Людмила Генриховна Пружанская
Преподаватель, журналист, переводчик с французского, кандидат филологических наук. Живет в Монреале.

Автор многих публикаций об общественной и культурной жизни Квебека, вышедших в канадской, французской и российской прессе. В ее переводе издан роман Л. Годбу *Привет Галарно!* В *ИЛ* опубликованы роман Л. Годбу *Консьержка Пантеона* [2008, № 11], фрагменты книг А. Мажора *Улыбка Антона, или Прощание с романом* и *Переменчивое сознание* [2008, № 11], интервью Ноама Хомского [2010, № 8] и др.

В оформлении обложки использован фрагмент картины бельгийского художника Поля Дельво [1897–1994] *Мужчина на улице* [1940].
В номере также использованы рисунки из книги *Запретный плод* [М.: Ломоносов, 2010], рисунки Олега Эстиса из его книги *Пародоксальная графика* [М.: ООО "Редакция журнала 'Новое время'", 2000] и виньетки Марии Аннинской.

Адрес редакции: 119017, Москва, Пятницкая ул., 41 (м. "Третьяковская", "Новокузнецкая");
телефон 953-51-47; факс 953-50-61.
e-mail inolit@rinet.ru

Подписаться на журнал можно во всех отделениях связи.
Индекс 72261 — на год, 70394 — полугодие.
Льготная подписка оформляется в редакции (понедельник, вторник, среда, четверг с 12.00 до 17.30).

Купить журнал можно:
в редакции;
в киоске "Новой газеты" (Страстной бульвар, д. 4);

Журнал выходит один раз в месяц.

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции.

Регистрационное свидетельство № 066632 выдано 23.08.1999 г. ГК РФ по печати

До конца 2012 года в "ИЛ" будут напечатаны:

Роман иранского писателя МУХАММАДА-КАЗЕМА МАЗИНАНИ **"Последний падишах"**, в котором рассказывается история жизни Мохаммада Резы Пехлеви, последнего шаха Ирана, и описывается ситуация в стране, предшествовавшая революции 1979 года.

В рубрике "Переперевод" — отрывки из **"Комедии ошибок"** УИЛЬЯМА ШЕКСПИРА (с параллельным английским текстом) в переводе МАРИНЫ БОРОДИЦКОЙ.

"Я пришел из иной страны..." — рассказы американских и европейских писателей, объединенные общей темой: жизнь в неродной стране.

Переписка ИНГЕБОРГ БАХМАН и ПАУЛЯ ЦЕЛАНА — драматический диалог двух крупнейших послевоенных немецкоязычных поэтов; вступает в диалог и Макс Фриш, швейцарский драматург и романист.

Эссе СЬЮЗЕН СОНТАГ **"Платонова пещера"** из ее знаменитой книги "О фотографии".

Специальный номер **"Французская литература сегодня: взгляд из Франции"**.

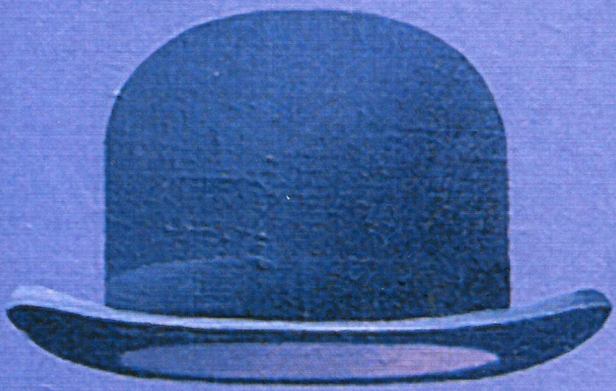
Специальный номер **"Вудхауз, Джордж Оруэлл, Ивлин Во, Стопард et cetera"**.

---

[8] 2012

РОМАН МИА КОУТУ "БОЖЬИ ЯДЫ И ЧЕРТОВЫ СНАДОБЬЯ" / РАССКАЗЫ ДЖИМА ШЕПАРДА / "ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ": "СКАЗКА СКАЗОК" ДЖАМБАТТИСТА БАЗИЛЕ / ПОЭМА "СФИНКС" ОСКАРА УАЙЛЬДА В РУБРИКЕ "ПЕРЕПЕРЕВОД" / "ПИСЬМА ИЗ-ЗА РУБЕЖА": "ЕСТЬ ОСТРОВ НА ТОМ ОКЕАНЕ..." СЕРГЕЯ ГАНДЛЕВСКОГО / НОВАЯ РУБРИКА — "В УСТЬЕ ГУДЗОНА С АЛЕКСЕЕМ ЦВЕТКОВЫМ"

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА



Узнай завтрашних классиков!

Подписка во всех отделениях связи России,
подписной индекс 70394

Адрес редакции журнала "Иностранная литература" :
г. Москва, ул. Пятницкая, д. 41

ISSN 0130-6545 12007
9 770130 654770

ИНДЕКС 70394
ISSN 0130-6545 "ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА", 2012, №7, 1-288